Биографии, автобиографии, мемуары

Ирина РАКОБОЛЬСКАЯ
Наталья КРАВЦОВА

Нас называли ночными ведьмами

Нас называли ночными ведьмами

Наталья Федоровна Кравцова, Ирина Вячеславовна Ракобольская

Аннотация
Ирина Ракобольская, Наталья Кравцова. Нас называли ночными ведьмами
От авторов
Часть I. И. Ракобольская. Другого такого полка не было…
Часть II. Н. Кравцова. Три года под зенитным огнем. На горящем самолете
  Три года под зенитным огнем
  На горящем самолете
Приложения
  Литература

Аннотация

Эта книга посвящена легендарному 46-му гвардейскому Таманскому, дважды орденоносному полку ночных бомбардировщиков, который бвтл создан в октябре 1941 года. В истории Великой Отечественной войны этот полк известен как «ночные ведьмы»: в нем служили только женщины – от командира полка до техника. В основном это были совсем молодые девушки, вчерашние школьницы и студентки. За годы войны девушки сделали 24 тысячи боевых вылетов: бомбили немцев на Дону, в Ставрополье, на Кавказе, на Кубани, в Белоруссии, Польше, Восточной Пруссии. 25 летчиц и штурманов получили звание Героя. Об их подвигах рассказывают Ирина Ракобольская, начальник штаба полка, и Герой Советского Союза Наталья Кравцова (Меклин), командир звена, сбросившего на врага 147 тонн бомб.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Ирина Ракобольская, Наталья Кравцова
Нас называли ночными ведьмами

© И. В. Ракобольская (наследники), 2024
© Н. Ф. Кравцова (наследники), 2024
© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство КоЛибри®

От авторов

В годы Великой Отечественной войны был такой необыкновенный полк — 46-й гвардейский Таманский, дважды орденоносный полк ночных бомбардировщиков, летавший на самолетах По-2.

В этом полку мужчин не было. От техника до командира полка — все только женщины. В основном девочки от 17 до 22 лет.

Я не знаю, был ли во всей нашей авиации другой полк, летавший на По-2, который за три года боев сумел бы сделать 24 тысячи боевых вылетов…

Полк, в котором 25 летчикам и штурманам было присвоено звание Героя Советского Союза и Героя России.

Полк, в котором одновременно с боевыми действиями непрерывно обучали и вводили в строй новых летчиков и штурманов, и в результате его состав удвоился, несмотря на потери.

Мне кажется, что такого полка больше не было.

А уж женского — не было точно!

Летчики, которые в него пришли, были яркими личностями, с высоким мастерством пилотирования. Ведь чтобы женщина окончила летную школу или аэроклуб, она должна была обладать подлинной влюбленностью в небо, страстью к полетам.

А штурманами стали в основном студентки вузов — математики, физики, историки, уже проявившие способность к науке и пожертвовавшие ею, чтобы помочь Родине. Они быстро освоили новую специальность и внесли в полк особую атмосферу: в краткие перерывы между боями проводились философские и тактические конференции, выпускались литературные журналы, писались стихи…

Штурманом полка и штурманами трех эскадрилий стали студентки мехмата МГУ, начальник штаба и начальник оперативного отдела — тоже студентки Московского университета. И всех нас объединяло стремление доказать, что девушки могут быть в бою не хуже мужчин…

Немецкие солдаты говорили, что летчиц на По-2 трудно сбить, потому что они «ночные ведьмы». Зато пехотинцы называли этот самолет старшиной фронта, а девушек, летавших на нем, — небесными созданиями.

Летчики других авиаполков ласково говорили «сестренки».

Полк прошел с боями от Донбасса, через Сальские степи и предгорья Кавказа, через Кубань и Крым с наступающими фронтами, Белоруссию и Польшу, дошел до Восточной Пруссии, Германии и окончил войну севернее Берлина.

В этой книге рассказывается о боевом пути полка, о наших боевых подругах, о ночных полетах, о том, как погибали, как горели над целью живыми… И о том, как побеждали, как из юных девочек вырастали Герои нашей страны. О том, как все это было…

В этом полку прошли всю войну десять студенток Московского государственного университета. Двое погибли. Пяти было присвоено звание Героя Советского Союза…

Первая часть книги написана начальником штаба полка, профессором МГУ Ириной Ракобольской, вторая — Героем Советского Союза, летчиком Натальей Кравцовой (Меклин), членом Союза писателей России.

Авторы не ставили своей целью последовательно изложить всю историю полка и рассказать обо всех друзьях-однополчанах. Здесь приводятся лишь воспоминания о наиболее памятных нам

событиях тех лет.

И. Ракобольская

Часть I
И. Ракобольская
Другого такого полка не было…

Пусть это тихие и скромные
У-2.
Не из металла грудь и не из стали крылья.
Но сложатся легенды, и в словах
Переплетется сказочное с былью…

Н. Меклин

В октябре 1941 года немцы подходили к Москве. Москва словно замерла, с маскировочными рисунками на площадях, с противовоздушными «сосисками» в небе. В университете работали различные курсы: медицинских сестер и лыжников, пулеметчиков и радистов…

Казалось невозможным в такое время учить историю, физику или математику. Нужно было быть в окопах на передовой…

В это время в правительстве страны скопилось

большое количество писем от девушек — летчиц аэроклубов, летных школ, транспортной авиации. Все они настойчиво просили направить их на фронт, чтобы воевать наравне с мужчинами.

В первые же дни войны попросилась на фронт и известный штурман, Герой Советского Союза Марина Михайловна Раскова. Ей категорически отказали. Тогда Раскова высказала «дерзкую» мысль: «надо приступить к формированию специальных женских полков». Ее выслушали, обещали подумать. Однако у «дерзкой» мысли нашлись противники — подобных формирований практика мировой авиации еще не знала… А письма шли и шли. Не сидела сложа руки и Марина Михайловна. Решение в конце концов было принято, и 8 октября 1941 года И. В. Сталиным был подписан совершенно секретный приказ о формировании женских авиационных полков ВВС Красной армии…

Вся организационная работа поручалась Марине Расковой. Но для того, чтобы создать боевой полк, нужны были еще и штурманы, и техники, и вооруженцы. И тогда ЦК комсомола объявил по Москве призыв девушек, желающих добровольно пойти на фронт… Немецкие войска подходили к столице.

Позднее, когда стало ясно, что людей на три полка недостает, такой же комсомольский призыв был объявлен в Саратове, близ которого проходило формирование полков.

Сотни девушек, от 16 до 20 лет, никогда в жизни не прикасавшихся к плоскости самолета, не державших в руках оружия, пришли в армию по этому призыву. Среди них были студентки и ткачихи, воспитательницы детских садов и школьницы…

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР № 0099

8 октября 1941 года г. Москва

Содержание: О формировании женских авиационных полков ВВС Красной армии

В целях использования женских летно-технических кадров ПРИКАЗЫВАЮ с 1 декабря 1941 г. сформировать и подготовить к боевой работе:

1. 586 истребительный авиационный полк на самолетах Як-1 по штату № 015/174, дислокация – г. Энгельс.

2. 587 авиационный полк ближних бомбардировщиков на самолетах Су-2 при

ЗАПе (Каменка).

3. 588 ночной авиационный полк на самолетах У-2 по штату № 015/186, дислокация – г. Энгельс.

4. Командующим ВВС Красной армии укомплектовать формируемые авиаполки самолетами и летно-техническим составом из числа женщин кадра ВВС КА ГВФ и Осоавиахима.

5. Переподготовку летного состава на новой матчасти организовать и проводить:

– летного состава – в пунктах формирования полков;

– технического состава – при пункте сбора ЛТС г. Москва;

– штурманского и командиров штабов – при 2-й Ивановской высшей штурманской школе ВВС КА.

6. Главному интенданту Красной армии и начальникам центральных управлений НКО СССР обеспечить формируемые авиаполки всеми видами положенного довольствия.

Народный Комиссар Обороны Союза ССР —

И. СТАЛИН

Телефонограмму ЦК ВЛКСМ я приняла 9 октября, когда дежурила в комитете комсомола МГУ. Она была адресована в Краснопресненский райком, но секретарь райкома Аракса Захарьян в это время в соседней комнате отбирала мальчиков в лыжный батальон. От всего района призывалось 12 девушек: две пулеметчицы, две парашютистки, две санитарки, две с хорошим почерком и две просто физически здоровые. Какие еще две — не помню, кажется, хорошие стрелки.

Отборочная комиссия в ЦК должна была состояться 10-го днем. Аракса разрешила мне весь призыв провести по университету. Я обзвонила факультеты… В вузкоме нас было три девушки, я — студентка 4-го курса физфака, студентка исторического факультета Валя Ендакова и аспирантка географического Саша Макунина. Мы все трое тут же записали себя в список. Девушки с факультетов стали приходить в вузком. Запомнилось, как я отговаривала Аню Еленину, студентку химфака. Но она была настойчива и потом всю войну прослужила начальником оперативного отдела штаба полка, была первым моим помощником и близким другом…

Только на следующий день в ЦК мы узнали, что идем в авиацию, в авиагруппу 122, к Марине Расковой. Беседу проводил Г. Розанцев. В приемной все страшно волновались, я была более спокойна: один раз прыгала с парашютом, окончила школу пулеметчиков и… очень уж хотела…

Из университета после отбора попало 17 человек (очевидно, призыв был продолжен): студентки и аспирантки с математического, физического, химического, географического и исторического факультетов.

На следующий день те, кто прошел комиссию, собрались у здания ЦК ВЛКСМ, но уже с рюкзаками, простившись с родными и университетом. Нас проводили в школу формирования, которая находилась в одном из зданий Военно-воздушной академии им. Жуковского. Сопровождавший нас красноармеец подсмеивался: «И куда вы, девушки? Наденут на вас шинели и сапоги, с вами же ни один парень в кино не пойдет»…

Мои боевые подруги. Какими они были? Мечтательницами и фантазерками на тоненьких каблучках. С легкомысленными локонами и строгими русскими косами. Серьезные и хохотушки. Нежные и суровые. Девочки, только что оторвавшиеся от маминого тепла, и уже опаленные

войной летчицы. Жены, проводившие на фронт любимых. Матери, оставившие детей бабушкам. Такие разные в личном и такие одинаковые в главном — желании воевать. Умение приходило с опытом, в боях рождалась слава. Когда невысокая светловолосая девушка с серо-голубыми глазами появилась с спецшколе, я сразу узнала Женю Рудневу. Мы встречались с ней на общих лекциях по физике (хотя она училась на математическом факультете, на отделении астрономии, а я на физическом), потом на заседаниях комитета комсомола, а в последнее время вместе занимались воскресниками.

Чтобы не волновать родных, Женя не сказала им, в какую часть ее направляют. «Я иду обучать ополченцев пулеметному делу», — объяснила она отцу и матери. Своему дяде — учителю я тоже сказала, что иду преподавать физику в военное училище. Он изумился: «Что же, никого поопытнее не нашлось?» А мамы в Москве не было.

Ни в первые месяцы пребывания в армии, ни потом, в полку, никогда не пожалела Женя о том, что прервала учебу, променяла занятие любимым делом на трудную, полную лишений и опасности жизнь солдата на фронте. «Я чувствую, что я иду единственно правильным путем, что

здесь я делаю то, что должна делать», — писала она родным. Это было наше общее чувство…

Нам выдали военное обмундирование. Но как мы неловко чувствовали себя в форме, когда надели ее в первый раз! Большие гимнастерки и брюки, длинные мешковатые шинели и — самое мучительное — сапоги от 40 до 43 размера. Мы звали их котики — от кота в сапогах.

Комиссар части Е. Я. Рачкевич учила нас заворачивать ноги в портянки. Ох и ловко она это делала… Нам выдали на портянки белую пушистую бумазею, и девочки говорили: «Вот пеленки мировые».

Нарочно нельзя было придумать одежды, так сильно лишающей девушек привлекательности! (Если учесть еще фляги и противогазы на боку.)

За годы войны мы научились перешивать гимнастерки по себе, резать шинели, появились более аккуратные сапоги (особенно если сравнивать их с унтами в галошах, то сапоги — это просто тапочки), и мы приобретали ладный, подтянутый вид.

В Москве Марина Раскова начала создавать из нас учебные группы: летчиков, техников, штурманов и вооруженцев. Прошла медицинская комиссия…

К нашему огромному разочарованию, 16 октября 1941 года, в самые тяжелые для Москвы дни, вместо того чтобы отправить в окопы, нас погрузили в товарные вагоны и повезли на восток, в Энгельсскую военную авиационную школу пилотов (ЭВАШП) близ Саратова.

Первый приказ, который мы выслушали, стоя в строю ранним утром на перроне вокзала в Энгельсе, был приказ по авиагруппе 122 о всеобщей стрижке «под мальчика» и «волосы спереди до пол-уха». Косы можно было оставить только с личного разрешения Расковой. Но разве могли мы, девчушки, обращаться к известной солидной женщине с такими пустяками, как косы! И в тот же день наши волосы легли пестрым ковром на пол гарнизонной парикмахерской.

Студентки из разных вузов Москвы были зачислены в штурманскую группу. И началось упорное учение: классные занятия по 11 часов в день, включая морзянку и строевую подготовку, а по вечерам надо было готовиться к следующему дню. Дисциплина в части была очень жесткая. Старостой штурманской группы была назначена Галя Докутович, студентка МАИ. Пришла она в полк со своей задушевной подругой, историком Полиной Гельман. Еще в Гомеле Галя начала

заниматься в аэроклубе, летала на самолете, на планере, а Полину не взяли — она не доставала ногами до педалей самолета, очень уж была маленькая. Когда нам выдали комбинезоны на меху, небольшая Полина никак не могла быстро его надеть, и вот Докутович дала ей наряд: каждый вечер перед сном пять раз надевать и снимать комбинезон, пока наконец она не стала укладываться в положенное время. Мы улыбались — и это лучшая подруга! — но… староста.

Мужчины, обучающиеся в ЭВАШП, смотрели на нас с усмешкой и состраданием и называли батальоном смерти… А Вера Ломако, известная летчица, говорила нам: «Девушки, да вы смотрите на них свысока».

В столовую ходили мы только строем под дружную песню. Катя Буданова[1] запевала чистым низким голосом:

Где в облаках, верша полет,
Снаряды рвутся с диким воем…

Впереди бежал черный бобик и облаивал встречных мужчин. Однажды, когда девочки с

---

[1] Примечания: 1

Екатерина Буданова стала летать на истребителях и до своей гибели успела сбить десять фашистских самолетов. Только в 1993 г. ей посмертно было присвоено звание Героя Российской Федерации.

мехмата встретили своих однокурсников и шли с ними после обеда не в строю, мы, «университетчики», собрались и сказали им, что они позорят университет, что мы напишем об этом в вузком комсомола… Девушки плакали и обещали больше никогда с мужчинами не разговаривать…

Начались тренировочные полеты. Для многих штурманов они оказались тяжелым испытанием, возникала физическая слабость, тошнота, головокружение… Но мы сжимали кулаки, не поддавались, и постепенно все проходило. Раскова спрашивала: «Ну как? Будешь летать?» — «Буду», — отвечали будущие штурманы.

* * *

Женя Руднева писала в своем дневнике:

«5 января я первый раз в жизни 10 минут была в воздухе. Это такое чувство, которое я не берусь описывать, так как все равно не сумею. Мне казалось потом на земле, что я вновь родилась в этот день. Но 7-го было еще лучше: самолет сделал штопор и выполнил один переворот. Я была привязана ремнем. Земля качалась, качалась и вдруг встала у меня над головой. Подо мною было голубое небо, вдали облака. И я подумала в это мгновение, что жидкость при вращении стакана

из него не выливается…

После первого полета я как бы заново родилась, стала на мир смотреть другими глазами… и мне иногда даже страшно становится, что я ведь могла прожить жизнь и ни разу не летать…»

Кто-то сказал нам, что все штурманское снаряжение должно быть привязано, чтобы не унес ветер. На следующий день Женя пришла вся увешанная предметами штурманского обихода, которые были аккуратно привязаны веревочками к пуговицам обмундирования. Какой большой путь предстояло ей пройти от наивной девочки с веревочками до штурмана боевого гвардейского полка!

6 февраля 1942 года из группы формирования был выделен наш 588-й ночной авиаполк на самолетах У-2 (позднее переименованных в По-2)[2].

Е. Д. Бершанская вспоминает, что в конце января Марина Раскова, улетая в Москву, шепнула ей на ухо: «Жди меня, привезу тебе подарок». Подарком этим оказался приказ НКО о назначении Бершанской командиром 588-го ночного бомбардировочного полка и присвоении ей звания — капитан. Евдокия Бершанская была кадровым

[2] Примечания: 2

У-2 — учебный; *По-2* — по фамилии Поликарпова, конструктора самолета.

летчиком с большим опытом организационной и летной работы. Она летала и ночью, и в слепом полете и командовала женским отрядом пилотов, который был создан в Батайской летной школе. Была она награждена орденом «Знак Почета». Комиссаром полка была назначена батальонный комиссар Евдокия Яковлевна Рачкевич, адъюнкт Военно-политической академии, а начальником штаба назначили меня, Ирину Вячеславовну Ракобольскую, присвоив первое воинское звание — лейтенант. Кадровых штабных работников в части не было, я заканчивала штурманскую группу, была комсоргом группы, и, наверное, назначили меня потому, что проявляла я излишнюю активность в своей общественной работе, не принятую в армии. Приказ подписали без разговора со мной, а когда я сказала Расковой, что хочу летать, то услышала в ответ: «Я гражданских разговоров не люблю». Надо было рапорт подать, наверное? Не догадалась[3].

Весь штаб был сформирован из вновь подготовленных штурманов, и моим заместителем по

---

[3] Примечания: 3

В воспоминаниях начальника штаба авиагруппы 122 Милицы Казариновой я прочитала, что в начальники штабов они подбирали людей, которые были способны соображать после двух-трех суток, проведенных без сна…

оперативной работе стала Аня Еленина. Для нас началось особое обучение штабной работе, хотя и с полетов нас не снимали, но как-то мы опоздали на тренировочные полеты, и нас отстранили: «раз вы в штабе»… Мы шли домой, обливаясь слезами: так было обидно, так хотелось летать… Об этом сказали Бершанской, мне было очень стыдно, что она узнала, как я плачу. Но нам разрешили полеты, и мы закончили полный курс.

Кроме нашего, были сформированы еще два женских полка: истребительный на самолетах Як и пикирующих бомбардировщиков на Пе-2. Так сложилось, что командирами обоих этих полков стали мужчины: полком истребителей стал командовать Л. В. Гриднев, после того как Тамара Казаринова была отстранена от должности и направлена для работы в штаб ПВО страны. А командир полка на Пе-2 Марина Раскова погибла в полете, врезавшись в землю в районе Саратова во время сильного снегопада при вылете на фронтовой аэродром. Ее заменил В. В. Марков.

Много было мужчин и среди инженерно-технического состава: слишком сложная техника, нельзя было быстро обучить девушек. Позже, взамен погибших летчиц, в полки зачислялись и мужчины.

Оба полка с честью прошли войну, полк Пе-2 заслужил гвардейское звание. Наши «сестренки» проявляли чудеса храбрости и летного мастерства, среди них есть Герои Советского Союза, но это материал уже для другой книги…

У нас весь состав полка был женский. Летчики уже имели опыт работы, инженеры, старшие техники и большинство механиков также, а штурманы и вооруженцы были из вновь обученных девушек, пришедших по призыву комсомола. Были созданы две авиаэскадрильи (АЭ). Всего полк состоял из 112 человек.

Наш учебный самолет создавался не для военных действий. Деревянный биплан с двумя открытыми кабинами, расположенными одна за другой, и двойным управлением — для летчика и штурмана. (До войны на этих машинах летчики проходили обучение.) Без радиосвязи и бронеспинок, способных защитить экипаж от пуль, с маломощным мотором, который мог развивать максимальную скорость 120 км/час. На самолете не было бомбового отсека, бомбы привешивались в бомбодержатели прямо под плоскости самолета. Не было прицелов, мы создали их сами и назвали ППР (проще пареной репы). Количество бомбового груза менялось от 100 до 300 кг. В

среднем мы брали 150–200 кг.

Однако с первых дней Отечественной войны По-2 начал приносить армии огромную пользу. На нем вывозили раненых, он служил для связи с партизанами в тылу противника, для разведки. Устойчивый в полете, легкий в управлении, наш По-2 не нуждался в специальных аэродромах и мог сесть на деревенской улице или на опушке леса.

Особенно успешным оказалось ночное бомбометание с этих маленьких машин по переднему краю противника. Конечно, днем воевать на нем было невозможно: он представлял собой отличную мишень, а вот ночью малая скорость позволяла поражать цели в ближнем тылу противника с точностью, недоступной для других самолетов того времени. С наступлением темноты и до рассвета По-2 непрерывно висели над целью, сменяя друг друга, методично, через каждые 2–3 минуты, сбрасывая бомбы на врага.

Однако — всегда есть свое «однако» — ночью без радио, без защиты и прикрытия, при полной маскировке на земле надо было точно выйти на цель и поразить ее; без приводных прожекторов найти свой аэродром, где посадочная полоса обозначалась чаще всего фонарями, открытыми

лишь с одной стороны. Летчики говорили: «Надо сесть по папироске командира полка».

Все эти трудности ночного самолетовождения, да еще в плохую погоду, мы почувствовали в марте, когда уже готовились к вылету на фронт.

* * *

Евдокия Бершанская так описывает ту трагическую ночь:

«С вечера 8 марта погода была вполне благоприятной для полетов. Экипажи ушли по маршруту и на полигон для бомбометания. Вскоре усилился ветер, пошел снег, видимость по горизонту исчезла, видимость контрольных сигналов пропала, не видны были и световые сигналы на аэродроме. В это время я с Бурзаевой совершала полет по треугольному маршруту. Непогода застала нас на втором этапе. Мы летели как в молоке, ничего не видно было, кроме приборов в кабине.

Только опыт и знание маршрута привели нас на свой аэродром.

Из полета не вернулись четыре экипажа — два с маршрутного полета и два с бомбометания»…

* * *

На рассвете вернулся самолет Нины Распоповой со штурманом Лелей Радчиковой, они сели на вынужденную в поле. А три машины были разбиты: Ани Малаховой и Маши Виноградовой при полете по маршруту — девушки погибли; Лили Тормосиной и Нади Комогорцевой при бомбометании — девушки погибли; Иры Себровой и Руфины Гашевой при бомбометании — самолет разбит, а девушки живы и не получили никаких повреждений…

Выяснилось, что экипажи Тормосиной и Себровой, придя на полигон и попав в сложную метеообстановку, потеряли пространственную ориентацию и врезались в землю. Вела звено командир звена Попова со штурманом Рябовой. Они вернулись благополучно… Но помочь ничем не могли…

Надежда Комогорцева и Руфина Гашева — две неразлучные подружки с мехмата. Надя — яркая, стройная блондинка, хорошая спортсменка, восторженно начала летать. У нее было еще две сестры, которые тоже ушли на фронт… Надя любила покомандовать и звала Руфу «Гашонок». Руфа — тихая, спокойная девушка. Она в нашем

полку перенесла больше всех: дважды попадала в аварию, дважды ее сбивали, и это ничуть не меняло ее облик. Она говорила про себя: «У меня чувство страха запаздывает».

Потеря четырех подруг была для всех нас большим горем…

Полк задержали в Энгельсе для дополнительной тренировки, и только через два с половиной месяца, 23 мая 1942 года, был получен приказ о вылете на фронт. Радости нашей не было предела… Начальник школы пожелал нам отличных успехов и «воевать без потерь»…

Свой личный самолет У-2 с летчицей Ольгой Шолоховой Раскова передала мне, и мы вылетели раньше всех, чтобы организовывать прием полка на промежуточных аэродромах.

Лидировали перелет полка Марина Раскова с Бершанской. Они привели нас на Южный фронт, недалеко от Ворошиловграда. Там только что была создана 4-я Воздушная армия (ВА). Командовал армией генерал-майор К. А. Вершинин. Он принял Раскову и Бершанскую очень приветливо. Живо интересовался качеством индивидуальной подготовки летного состава. Особенно его волновали три вопроса: летали ли мы в лучах прожекторов, умеем ли возить во второй кабине

самолета по два человека и могут ли летчики производить посадку по сигнальным фонарям без подсвечивания посадочных прожекторов? Только на третий вопрос был дан положительный ответ…

Вершинин сказал, что полк войдет в состав 218-й дивизии, командовал которой полковник Д. Д. Попов. В шутку он сказал, что Попов такой «купец», который «покупает» самолеты всех типов. В дивизию входят полки на бомбардировщиках СБ, Р-5, а теперь и на По-2 — это наш полк.

На следующий день Попов приехал в полк познакомиться с личным составом и самолетами. Все шло хорошо, но командир был невесел, молчалив. Раскова спросила его, вспомнив шутку командующего: «Ну что же, товарищ полковник, покупаете?» Попов помолчал немного и ответил: «Да, покупаю»… Комиссар дивизии потом рассказывал, что Попов, узнав, что на пополнение дивизии прибыл полк на фанерных самолетах По-2, да еще женский, сказал: «В чем мы провинились? Почему нам прислали такое пополнение?» В сентябре 1942 года Попов «купил» еще один полк на самолетах По-2 — 889-й полк под командованием К. Д. Бочарова. Весь дальнейший путь прошли мы рядом. Это были наши «братцы».

Мы чувствовали, что и дивизия, и армия принимали наш необстрелянный, неопытный полк неохотно, боялись слез и женских капризов, удивлялись тому, что в тылу нас не тренировали, как выходить из прожекторов и зенитного обстрела. Летчики из соседних мужских полков смотрели на девушек с откровенной иронией и называли нас «бабий» или «Дунькин» полк (не иначе как по имени командира).

Конечно, многого мы тогда не умели, но такой, как у нас, энтузиазм в работе, такой сплоченный коллектив можно было встретить не во всяком мужском полку. Неудивительно: мы не обязаны были воевать, мы пришли на фронт не по долгу, а по велению души…

Раскова трогательно прощалась с нами, пожелала нам получать ордена и стать гвардейцами (как это казалось нам далеко!). Говорила, что мы должны доказать, что женщины могут воевать не хуже мужчин, и тогда в нашей стране женщин тоже будут брать в армию. Она была удивительно красива и женственна, и в то же время для нее не было слова «невозможно»… Какая-то особая сила и уверенность исходили от Марины Расковой.

Все мы были понемножку в нее влюблены. Константин Симонов сказал о ней в 1942 году:

«Марина Раскова поразила меня своей спокойной и нежной русской красотой. Я не видел ее раньше и не думал, что она такая молодая и у нее такое прекрасное лицо».

А я до старости лет, уже при организации своей научной работы, часто измеряла свои поступки меркой Марины Расковой по формуле: «Мы все можем!»

…Это были трудные дни отступления частей Южного фронта от Ворошиловграда и Ростова. Поэтому армии некогда было особенно нас учить и постепенно вводить в строй, и в ночь на 9 июня полк начал воевать. Первой вылетела на задание командир полка. Мы сразу включились в активную боевую работу в обстановке непрерывного отступления.

В первую неделю на фронте казалось, что нам дают не настоящие цели: не стреляли зенитки, не ловили прожектора. А то, что с первого же вылета не вернулся экипаж командира эскадрильи Любы Ольховской со штурманом Верой Тарасовой, приняли за случайность, за потерю ориентировки, за сбой в машине. И когда Ирина Дрягина прилетела с дыркой в плоскости, все бегали к самолету, трогали эту дырку и радовались — «наконец-таки воюем по-настоящему!»

…Уже после войны в газету «Правда» пришло письмо от жителей небольшого поселка в Донбассе. Они писали, что в июне 1942 года над их поселком был сбит самолет По-2. Он упал недалеко. Утром они нашли сбитый самолет, в кабинах сидели две женщины. Они были мертвы. В письме описывали их внешность. Тайком их похоронили, но не знали их имен. Через двадцать лет после Победы написали в газету с просьбой найти родных этих девушек: «Сообщите их родным, пусть приедут к нам. Если живы их матери, они будут и нашими матерями, братья будут и нашими братьями…» Письмо редакция переслала к нам в Совет полка. Мы поплакали сначала, было ясно, что речь идет о Любе и Вере. Рачкевич поехала туда, могилу вскрыли, и по всем признакам опознали наших летчиц. Их перехоронили в г. Снежном. Первые боевые потери полка!..

…А тогда, в 1942 году, вместо Ольховской и Тарасовой назначили командиром эскадрильи Дину Никулину, а штурманом Женю Рудневу, нашего «звездочета», как ласково называли ее девочки.

Дина Никулина — яркий человек, можно сказать, «лихой» летчик… Женя Руднева — скромная, мягкая девушка, мечтательница, влюбленная в далекие сверкающие звезды. Еще в 1939 году

Женя писала в своем дневнике: «Я очень хорошо знаю, настанет час, я смогу умереть за дело моего народа… Я хочу посвятить свою жизнь науке, и я это сделаю, но, если потребуется, я надолго забуду астрономию и сделаюсь бойцом…»

Командиром другой эскадрильи была Сима Амосова, летчик гражданской авиации, впоследствии замкомандира полка по летной части, штурман — Лора Розанова. Штурманом полка была Соня Бурзаева.

…Первые недели на фронте… Не все было гладко, была горечь и боль первых потерь, и аварии по неопытности, и трудности с воинской дисциплиной. Была неловкость за свою армейскую неподготовленность, которая, как мы ни старались, то тут, то там вылезала наружу. Иногда немецкие танки почти вплотную подходили к нашему аэродрому, надо было срочно перелетать куда-то на восток, где никто не готовил для нас площадок, а самолеты находились в воздухе, и радиосвязи с ними не было. Бершанская дожидалась последнего экипажа, чтобы сообщить ему данные о направлении полета, а перед этим один из наиболее опытных летчиков в темноте находил подходящую площадку и разжигал на ней костер.

Бывали случаи, когда наземному техническому составу приходилось идти пешком на эту новую точку: не хватало машин для перевозки. Не было точных данных о том, где находятся наши, а где немецкие части, и наших летчиков днем посылали на разведку. В воздухе господствовала немецкая авиация, и днем на По-2 летать было очень опасно. Помню, как Дуся Носаль уходила от истребителя по балочкам и оврагам, как подожгли машину Нади Поповой, а ей удалось выбраться и вернуться в полк.

По дорогам брела неорганизованная пехота… где-то впереди немцы выбросят десант из десяти человек, и все, намеченный нами пункт занят…

Мы стояли в одном месте — все селение сплошной абрикосовый сад, все угощали абрикосами — и только что сорванными с деревьев, и сушеными, и пирогами с медом и абрикосами. Когда мы отступали из этого села, нам в машину насыпали абрикосов и в тазы, и просто так, женщины бежали за нами, а мы плакали и долго после этого не могли есть абрикосы…

…Мы летали каждую ночь. Бомбили по подходящим немецким колоннам, по железнодорожным станциям и переправам. Лишь только наступали сумерки, вылетал первый экипаж, через 3–5

минут — второй, затем третий. Когда на вылете стоял последний, мы уже слышали тарахтенье возвращающегося первого. Он садился; пока летчик докладывал о выполнении задания и наземной обстановке, на самолет подвешивали бомбы, поднимая их с земли под плоскости руками, помогая коленками (ах, как тяжелы бывали «сотки»), заправляли машину бензином, и экипаж снова летел на цель. За ним второй… и так до рассвета, и так каждую ночь…

Мы отступали почти до Владикавказа, остановились в чеченской станице Ассиновской, откуда летали до нового, 1943 года. Полк участвовал в обороне Владикавказа, уничтожал скопления войск и техники противника в районах Моздока, Прохладной, Дигоры, а с января 1943 года — в действиях нашей армии по прорыву обороны противника на реке Терек и в наступательной операции в районе Ставрополя и долины реки Кубань.

Чтобы уменьшить время в полете и благодаря этому успеть за ночь сделать больше вылетов, организовывали так называемый «аэродром подскока», поближе к линии фронта, перелетали на него поздно вечером, а утром возвращались на основную площадку, где и маскировали свои

машины в саду, между деревенскими домиками. Оставаться днем на «подскоке» было слишком опасно.

Сначала наши молодые штурманы не умели точно выйти на цель, вывести самолет из прожекторов и из-под обстрела. Поэтому в первые боевые ночи более опытные летчики начали тренировать своих штурманов, учить их неписаным законам летного мастерства. Не всегда это делалось достаточно деликатно. Женя Руднева, например, не очень быстро влезала в кабину, и Дина Никулина заставляла ее по нескольку раз подряд, в унтах и комбинезоне, влезать и вылезать из самолета. Некоторым штурманам это казалось почти издевательством. Женя же воспринимала это как необходимую учебу, она никогда не обижалась.

* * *

Через полгода Женя записывает в своем дневнике:

«Все-таки с Диной я больше всего люблю летать. Потому что теперь я знаю, что летать могу, что со мной можно летать спокойно. Никто, кроме Дины, не говорит мне о моих ошибках. Каждый полет с ней меня чему-то учит — в полетах с дру-

гими я всегда это учитываю. Это первое, а второе — она мастер своего дела, в ней даже осторожности не всегда хватает, а трусости ни капли нет».

* * *

Дина Никулина — профессиональный летчик с отличной техникой пилотирования. Характер у нее жизнерадостный, веселый. Летала она бесстрашно. А на вечерах самодеятельности азартно отбивала чечетку, до тех пор пока ее не ранили в ногу. После этого мы узнали, что она отлично поет…

С самого начала полку пришлось вести работу в исключительно тяжелых условиях. Армия отступала за Моздок, в гористую местность. Малейший просчет штурмана или летчика — и катастрофа неминуема, так как горы превышали высоту полета. Часто туманы закрывали аэродром, внезапные снегопады и дожди преграждали нам путь, могучие воздушные потоки швыряли наши легкие машины на сотни метров вверх или вниз. Горела нефть Грозного, черные облака не давали ни дышать, ни летать, какая уж там цель…

Никогда раньше, в мирное время, не летали летчики на таких самолетах в подобной обстановке. Такая цель, как Моздок, имела в обороне

все виды зенитного огня, десятки прожекторов и к тому же была защищена целой огневой полосой со стороны Кизляра. Нам приходилось маневрировать: один экипаж вызывал на себя прожектор или огонь зенитной артиллерии, а другой в это время заходил и бомбил по этим точкам. Это уже называлось «новой тактикой боевой работы». Враг терялся и стрелял беспорядочно.

С не менее трудными условиями столкнулись мы при прорыве «Голубой линии»[4], на Тамани, при полетах на Новороссийск и Керчь, при освобождении Севастополя. Все эти направления имели важное тактическое значение и поэтому были прикрыты плотным огнем зенитных батарей, в воздухе патрулировали ночные немецкие истребители, лес прожекторов стоял над целью.

А много ли нужно, чтобы сбить наш тихоходный самолет, состоящий из фанеры и перкаля? Одна зажигательная пуля могла превратить его в пылающий факел!

* * *

Ну и трудно мне было в первый год. Мало я

[4] Примечания: 4

«Голубая линия» была построена немцами вдоль рек от Черного до Азовского моря и считалась ими неприступной.

понимала в самолетах, в бензине, бомбах, оперативных сводках, слабо знала военный устав и многое другое, что должна была знать, ведь начальник штаба — первый заместитель командира полка. Бершанская — опытный летчик, хороший организатор, но тоже человек, в общем-то, не военный, не строевой — помочь мне не могла.

Девчонки меня не очень слушались, спорили, когда я назначала кого-нибудь на дежурство. Да представьте только: я, задушевная подружка своих штурманов, вхожу в комнату — и все должны встать! В штабе начали работать и другие девушки: в оперативном отделе, в строевом отделе, шифровальщик, начсвязи, начхим, машинистка.

Назначенная на должность начальника оперативного отдела бывшая студентка химического факультета Аня Еленина говорила мне с отчаянием в голосе: «Ты, Ирина, по крайней мере, умеешь быть серьезной, а я ведь даже этого не умею…»

И мы учились своему делу все вместе. Однако ложное самолюбие иногда мешало нам признать, как мало мы знаем и умеем. Кадровыми военными в полку были только инженеры полка и комиссар Евдокия Рачкевич. Они-то дисциплину понимали и смотрели на нас с внутренней

усмешкой.

Первые оперативные сводки, я думаю, доставили много веселых минут штабным работникам дивизии. Мы, например, писали: «Ветер на разных высотах разный», «летчик Чечнева встретила три самолета — один впереди и два по бокам»…

Мне очень страшно было первый раз идти в дивизию, в ее штаб. Однако шутливый тон полковника Лучкина, его добрые слова подбодрили меня. Ему, конечно же, смешно было смотреть на девчонку — начштаба. Он дал нам несколько уроков штабной работы и порядка. Иногда и так: я сижу перед ним, мы только что обсудили прошедшую ночную работу. По радио передают Шумана, слушаем молча, расслабились, потом я встаю и хочу уходить, поворачиваюсь. И вдруг слышу: «Как, вы уходите, товарищ лейтенант?» Я спохватываюсь, жар кидается в лицо. Руку к голове: «Разрешите идти, товарищ полковник?» — «Идите». Кругом поворот, иду…

Знание и умение приходили постепенно. Появилось в полку много новых людей, для них я уже была не подружка, а начальник штаба, все по уставу… Зато мои старые друзья и я вместе с ними научились соблюдать воинские отношения на службе, а в свободное время снова быть

подружками, говорить о любимых, о письмах, обмениваться нитками для вышивания…

А что такое штаб? Это похоже на деканат факультета. Оперативная, строевая, хозяйственная работа. От получения боевого задания на ночь до наградных листов и заказов на обмундирование, заказов на переезды на новые площадки. И, кроме того, дежурство на старте во время полетов: журнал вылета, прием докладов от экипажей, связь с оперативным пунктом дивизии, да много еще чего… Вся жизнь полка шла через штаб. В него входило 6 человек, да еще адъютанты эскадрилий и дежурные по части. Надо было только четко все организовать. Аня Еленина проработала со мной в штабе до конца войны, в мое отсутствие полностью меня заменяла.

Иногда удавалось и слетать в качестве штурмана на боевое задание, посмотреть на взаимодействие с наземными войсками. Но, ах как редко…

Бершанская вспоминает, как однажды к нам в полк прибыл начальник штаба дивизии полковник Лучкин и сказал: «А что же вы, товарищ командир, не представляете своих людей к правительственным наградам? Некоторые летчики и техники вполне этого заслуживают». «Хорошо помню, — пишет Евдокия Давидовна, — как мы

с начальником штаба И. Ракобольской переглянулись и неуверенно произнесли: „А разве уже можно? Ведь мы ничего особенного еще не сделали“. Началось оформление наградного материала. И какая была радость, когда 27 октября генерал К. Вершинин вручил ордена сорока летчикам, штурманам и техникам».

13 августа 1942 года полк перелетел в станицу Ассиновская. Это большая казачья станица по дороге на Владикавказ, на берегу белой от известняка речки Ассы. Мы долго простояли в ней — почти всю зиму 1942/1943 года, пять месяцев. Здесь началось становление нашего полка. В станице — арыки и сады. Под яблонями — самолеты. Летчики рулили по мосткам через арык. Прекрасная маскировка. Стояли сильные туманы. Девушки сидели в самолетах, ждали погоды, чтобы не терять ни минуты, когда туман рассеется. Часто так и спали, на постели потом уснуть не могли, жаловались: «Не чувствую борта самолета под локтем…»

Здесь особенно ярко проявились качества нашего командира Е. Бершанской. Она была исключительно требовательна к выполнению боевых заданий. Можно было в плохую погоду оставить летный состав в станице, на старте

держать один дежурный самолет — разведчик погоды, а если прояснится — вызвать все остальные экипажи. Но поднять по тревоге полк, привести его на аэродром — значит потерять 30–40 минут, следовательно, потерять один боевой вылет полка. Если же все летчики будут дремать на старте — эти полчаса будут выиграны и сделан лишний десяток боевых вылетов…

Пожалуй, уже с этого времени мы начали выигрывать негласное соревнование с мужскими полками.

Когда мы перелетели из Эльхотово в Ассиновскую, я обнаружила, что не взяла в БАО — батальоне аэродромного обслуживания — продовольственный и вещевой аттестаты полка. Новый БАО покормил нас, но требовал аттестат. Бершанская была сердита и сказала — «лети». Верочка Тихомирова, тогда летчик связи, завела мотор, и мы полетели через горы. После ночной работы безумно хотелось спать, вставало солнце, могли уже ходить самолеты противника, а я периодически стукалась головой о козырек кабины, на мгновение засыпая, когда вглядывалась в окружающее нас небо…

В Эльхотово стоял 288-й истребительный полк. Мы нашли домик командира полка и постучали

в окошко. Выглянул молодой мужчина в белой нижней рубахе. Я доложила: «Начальник штаба 588-го полка лейтенант Ракобольская». Гляжу, он как-то побелел и глаза испуганные. Но когда я рассказала о цели нашего прилета, он радостно заулыбался, помог мне найти БАО и признался под конец: «А у меня выбыл начштаба полка по болезни, я и подумал, что мне вас прислали вместо него, даже испугался». Номера полков похожи: 288 и 588. Немудрено ему было побелеть, увидев девчонку под своим окном…

По идее на каждом стационарном аэродроме должен стоять свой БАО, а полки могли прилетать и улетать, давая заявки БАО на все необходимое: бензозаправщики, машины с бомбами, другое техническое обслуживание. Полк представлял БАО свой аттестат, где значилось, сколько человек и по какой норме надо кормить, когда и кому надо выдавать новое обмундирование и т. д. Ежедневно штаб давал заявки на необходимые бомбы, бензин. В БАО работал метеоролог, строились бани, столовые, оборудовалось жилье.

Стройная система: аэродром — БАО, во время войны, естественно, ломалась. Мы не стояли на оборудованных аэродромах, где нас ожидал БАО. При отступлении и наступлении часто БАО пере-

езжал вместе с летным полком, иногда выделяя команды для нескольких полков, если хватало мощности.

Обычно в БАО служили немолодые уже мужчины, это ведь была не боевая часть, они трогательно и даже нежно относились к нашим девушкам, как к своим дочкам. И мы им были благодарны…

* * *

Вооруженцы Логачева и Вишнева поспорили — взорвется ли взрыватель, если не вынимать чеку. Они поставили взрыватель на пригорок, и кто-то из них метнул камень. Раздался взрыв… Логачеву положили в медсанчасть с ранением на лице. Обеим дали мы взыскания приказом по полку. Потом оказалось, что делать этого мы не имели права…

В Ассиновской я потеряла печать полка. Тонкий резиновый кружочек давно отклеился от деревяшки, и я хранила его в кармане гимнастерки. Потерять печать — это могло означать только трибунал…

Поэтому я проверила свой пистолет ТТ и на коленях долго ползала по грязному полу штаба. Произошло чудо, где-то у стенки, под пожелтевшим плакатом «Берегите детей от летних

поносов», я нашла свою печать. Стреляться уже было не нужно…

У одного из экипажей осталась неиспользованной светящаяся авиабомба (САБ) — горящий факел, который на парашюте спускался над целью и освещал местность. Обычно штурман держал его на коленях. Двое вооруженцев вскрыли оставшуюся после полетов бомбу, вынули парашют и сшили себе трусики и лифчики (мы тогда получали только мужское белье). Не знаю, как об этом узнали и кто передал дело в трибунал. Но только их судили и дали по 10 лет. Мы получили разрешение, чтобы они отбывали наказание в полку и боевой работой оправдались. Обе переучились на штурманов. Одна сгорела над «Голубой линией», другая осталась жива. Ордена они получали по заслугам…

* * *

Как-то девушки постирали в арыке свое немудреное бельишко и повесили сушить его под крылья самолетов — прямо на расчалки. В этот день в полк приезжал Вершинин и долго потом не мог простить нам такую инициативу: «Вы только подумайте, белье — на боевые машины».

Но зато, выступая на одном из партсобраний

полка, сказал: «Вы самые красивые женщины в мире, потому что настоящая красота заключается не в накрашенных бровях и губах, а в том великом душевном порыве, с которым вы воюете за свободу нашей Родины». Еще он говорил о том, что не может без волнения смотреть, как тоненькие хрупкие девочки поднимают тяжелые деревья, маскируя машины, как вешают руками бомбы и ведут на цель самолеты.

Да, действительно, откуда только брались силы… Я помню, как во время полетов над нами проходили немецкие самолеты. Машина Марины Чечневой стояла на старте с подвешенными бомбами. Марина — невысокая щуплая девушка чуть моложе 20 лет, одна (!) утащила самолет на край площадки. Где взяла силы? Или Галя Докутович, вернувшаяся в полк после перелома позвоночника… Мог ли на все это спокойно смотреть сорокалетний генерал?

* * *

В Ольгинской вернулась в полк Ольга Санфирова. Долгая и тяжелая была история. В Энгельсе во время тренировочных полетов по маршруту замкомандира эскадрильи Санфирова «вывозила» летчика Зою Парфенову. В каком-то месте они

пролетели подлинней высоковольтных проводов, задели за них и разбили машину. Трибунал в Энгельсе признал виновной Ольгу, поскольку она отвечала за полет, и дал ей десять лет лишения свободы. Полк на фронт вылетел без нее. Командование полка написало начальнику ЭВАШП, просило помочь Санфировой вернуться в полк и в боях искупить свою вину.

И вот она прилетела в полк. Надо было дать ей штурмана, и мы решили перевести к ней Руфину Гашеву, а к Ире Себровой назначить другого штурмана. Захотела летать с Себровой Наташа Меклин. Себровой с Гашевой не везло: во время учебного бомбометания в Энгельсе они разбились в числе еще трех экипажей, но остались живы. Потом, уже на фронте, возвращаясь с задания, при посадке столкнулись с прожектором (зашли на посадку с противоположной стороны) — опять авария…

В таких случаях у экипажа часто появляется чувство неуверенности в себе, и надо его разъединять.

Так Гашева стала летать с Санфировой, и их экипаж стал одним из лучших в полку. Постепенно их повышали в должностях, пока Ольга не стала командиром, а Руфа штурманом эскадрильи. Не

помню, когда сняли с Ольги судимость, была она неоднократно награждена, и уже посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

В ночь на 1 мая 1943 года на третьем боевом вылете их сбили в районе Крымской. Ольге удалось посадить машину, но на вражеской территории. Двое суток пробирались они через линию фронта. Спасло их то, что недалеко были плавни: болото и камыши, в них они прятались от немцев. Нашли они эти плавни по кваканью лягушек. В день рождения Санфировой, 2 мая, Руфа подарила ей четыре семечка подсолнуха, которые завалялись в кармане…

Ночью шли, видели, как летают По-2, а днем наблюдали воздушные бои и радовались за наших летчиков. На рассвете 3 мая вышли на наши передовые артпозиции. Их тепло встретили, покормили и помогли добраться до полка… В ночь на 4-е они снова летали на задание…

Руфа пишет в литературном журнале 2-й эскадрильи: «Только и теперь я не могу равнодушно переносить кваканье лягушек. Невольно наворачиваются слезы умиления и благодарности. Кому как, конечно, а мне лягушачья песня дороже соловьиной трели…»

Потом их машину подожгли уже при полетах

в Польше, в районе Населска. Они выпрыгнули с парашютом (с 44-го года полк летал уже с парашютами), попали на нейтральную полосу. Ольга Санфирова подорвалась на противопехотной мине, а Руфу вынес на руках наш боец. Руфа потом стала летать с новым командиром эскадрильи — Надей Поповой.

Мне казалось, что она не сможет летать после всего пережитого. Но Руфина Гашева была необыкновенным человеком, с такой силой духа…

И Санфирова, и Гашева, и Себрова, и Меклин — все они стали Героями Советского Союза.

Ира Себрова сделала в полку больше всех вылетов — 1004, даже произнести страшно. Я думаю, что во всем мире не найти летчика с таким количеством боевых вылетов. А была она тихой, скромной, вроде бы и не яркой девушкой.

После войны рассказал мне муж Себровой — Саша Хоменко, как перегнал он Ирину машину из ремонта в полк. Саша служил тогда инженером в ремонтной мастерской (ПАРМ). Туда мы отправляли самолеты, когда был выработан моторесурс или машина требовала ремонта после обстрела. Самолет восстанавливали и возвращали на фронт.

Прилетел Саша на аэродром в Ивановской, и Ира стала опробовать машину. Саша сел во вторую кабину. Договорились, что петлю она делать не будет, поэтому он не привязался. И вдруг он видит, что она начала делать петлю, забыла, что он не привязан. «Я вцепился в борта кабины, когда был вниз головой, — чуть не выпал».

Очевидно, Ира вспомнила о нем, быстро снизилась, села на площадку, выскочила из кабины и пошла на КПП… «Я зарулил машину на стоянку, — продолжал рассказывать Саша, — пошел тоже на командный пункт. Вижу, Ира сидит на скамейке, руками за голову держится и говорит мне: „Если бы ты выпал, что бы я сказала командиру полка!“…»

Осень 1943 года. Шли бои под Сталинградом. Наш фронт проходил среди гор и рек. Отступать было некуда.

Наступило 7 ноября. Было объявлено общее построение полка в длинном коридоре одноэтажной школы. В моих руках пачка с поздравительными приказами по дивизии, 4-й Воздушной армии, ВВС фронта. Я начала их читать. Вдруг к школе подъезжает сразу много легковых машин, выходит группа генералов, среди них знакомый — только Вершинин. Я судорожно нахожу стар-

шего, с максимальным количеством звездочек, и докладываю: «Полк, смирно! Товарищ генерал-полковник, 588-й авиаполк для чтения приказов построен! Начальник штаба лейтенант Ракобольская». Он здоровается. В это время вбегает вызванная дежурным Бершанская, тоже считает звездочки: «Товарищ генерал-полковник». Это же повторяется с командиром дивизии полковником Д. Д. Поповым.

— Да что же вы все меня в звании снижаете! — усмехнулся командующий фронтом генерал армии Тюленев… (а это мы привыкли, что, кроме звезд, на петлицах есть еще авиационная птичка, и недосчитывали одну звезду).

Повернулся Тюленев к генералам: «Это вы писали поздравительные приказы, поздравьте лично, быстрее будет и лучше».

А последним выступил сам, рассказал про первые победы под Сталинградом, а потом о нашем фронте, что перешли мы в наступление и взяли Гизель. Полк взорвался криками «ура» и аплодисментами (это в строю-то).

После построения все командование собралось в нашем штабе, мы доложили командующему о своей работе и своих проблемах, в том числе о громадных кирзовых сапогах… Брюками нашими

он тоже остался не очень доволен. И вот через какое-то время сняли со всех мерки и прислали нам коричневые гимнастерки с синими юбками и красные хромовые сапожки — американские. Только воду они пропускали, как промокашка.

Долго после этого считалась у нас форма с юбками «тюленевской», и надевали мы ее по приказу полка: «Форма одежды парадная». Например, когда получали гвардейское знамя. Летать же в юбках, или бомбы подвешивать, или мотор чистить, конечно, было неудобно…

* * *

Вскоре после посещения полка Тюленевым пришло письмо от Вершинина.

Письмо К. А. Вершинина Е. Д. Бершанской:

Т. Бершанская!

И все твои бесстрашные орлицы, славные дочери нашей Родины, храбрые летчицы, механики, вооруженцы, политработники!

Приветствую и крепко жму руку.

1. Посылаю некоторое количество хотя и не предусмотренных «по табелю», но практически необходимых принадлежностей туалета. Кое-что имеется в готовом виде, а часть в виде материала, т. е. необходима индивидуальная пошивка. Я

думаю, с последним справитесь.

Распределение сделайте своим распоряжением.

Получение прошу подтвердить.

2. Материал на присвоение полку звания гвардейского — на подписи. Заслуги полка у всех вызывают единодушное одобрение. Заботу о всех вас проявляет лично т. Тюленев.

3. Приказы по индивидуальным правительственным наградам подписаны в отношении вашего полка — без изменений.

Искренне поздравляю награжденных и желаю всем вам боевых успехов.

4. В отношении двух девушек, допустивших ошибку, — не нарушайте товарищеской обстановки. Дайте им возможность спокойно работать, а через некоторое время возбудите ходатайство о снятии с них судимости. Я уверен, что в конце концов они, так же как и все остальные, будут достойны правительственной награды[5].

5. При возможности прошу сообщить, какие у вас есть нужды и просьбы. Будьте здоровы!

Желаю успеха в боевых делах!

Командующий ВВС фронта

---

[5] Примечания: 5

Вершинин пишет о тех девушках, которые вскрыли САБ (см. выше).

К. А. Вершинин

* * *

До 1944 года летали мы без парашютов. Да и кто раньше брал парашют на самолет По-2? Логика была простая: «Если собьют над вражеской территорией, то лучше погибнуть, чем попасть в руки к фашистам, а если над нашей, то как-нибудь сядем, наша машина прекрасно парашютирует»… Так и случалось. У Веры Тихомировой заглох мотор на высоте 1000 м, и она, планируя, посадила самолет. Дина Никулина села прямо на автодорогу, хотя была ранена. Да и кабины тесные, а штурман обычно брал себе на колени САБ и мелкие бомбы (например, «лягушки» — они прыгали, прежде чем взорваться), а потом сбрасывал их прямо через борт над целью. Да и вес был лишний…

Скоро мы встали вровень с мужскими полками, а в чем-то и обогнали их. Резко изменилось и отношение к нам. Летчики братских мужских частей ласково называли нас «сестренками» и, приветствуя нас, делали круги над нашим аэродромом. Пехотинцы писали нам теплые письма и говорили, что мы «небесные создания». Вершинин стал гордиться нашим полком и говорить, что мы самые красивые женщины в мире.

И даже то, что немцы прозвали нас «ночными ведьмами», даже это стало признанием нашего мастерства. Кстати, это наши бомбы попали в штаб генерала фон Клейста под Моздоком. Кажется, по времени это бомбила Н. Худякова.

* * *

Е. Бершанская вспоминает:

«8 февраля, когда полк стоял в станице Челбаская, к нам прибыли замкомандующего 4-й ВА генерал Чумаков и командир дивизии полковник Попов. Приказано было полеты прекратить и построить весь личный состав. Никто не мог предугадать, что будет дальше… Генерал Чумаков перед строем зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении нашему полку звания гвардейского. 588-й ночной бомбардировочный полк был переименован в 46-й гвардейский авиаполк. Радости нашей не было конца! Прошло всего восемь месяцев, как мы прибыли на фронт».

* * *

Конечно, девчонки оставались девчонками: возили в самолетах котят, танцевали в нелет-

ную погоду на аэродроме, прямо в комбинезонах и унтах, вышивали на портянках незабудки, распуская для этого голубые трикотажные кальсоны, и горько плакали, если их отстраняли от полетов.

Мы сочинили 12 заповедей женского полка, и первая была: «Гордись, ты женщина!»

* * *

Женя Руднева писала в своем дневнике:

«Ночью я летала с Ирой Себровой. Сделали шесть полетов.....16-го, кажется, был „выдающийся“ полет: до Терского хребта мы с Диной Никулиной набрали 950 метров, а над самым хребтом облачность прижала до 700, над Тереком — до 600 метров. Я ориентировалась по луже за рекой. Впереди было худо, но сзади еще хуже: прожектора я в полете туда ни разу не видела; куда нас сносило до Терека, решить было нельзя.

За хребтом пошел дождь, потом снег, подбалтывало. Я боялась обледенения. Запасной целью была Терская. Мы чуть-чуть уклонились от маршрута вправо, но довернули и пересекли Стародеревский изгиб точно по линии пути... Бомбили с 400 метров. Из 14 экипажей 10 вернулись с бомбами...

20 декабря главное событие: вчера приехала Галя Докутович. Как дорог каждой наш полк! Какое счастье быть в нем!»

* * *

…Галя Докутович, девушка из Гомеля, в начале войны училась в Московском авиационном институте, кончала аэроклуб и, так же как все мы, пришла в полк по призыву ЦК комсомола. Она была зачислена в штурманскую группу, да еще назначена старостой.

Высокая, стройная девушка с открытым ясным лицом и большими черными глазами. Безумно любила полеты, делала все строго и точно. Когда формировали полк, Галю назначили адъютантом эскадрильи. Было это для нее ударом, так как адъютанты могли летать на боевые задания не каждую ночь, у нее не было «своего» летчика и самолета, она делила их с начальником связи. Адъютант — это как начальник штаба эскадрильи…

В одну из первых ночей на фронте, в Сальских степях, когда она летала с Ириной Дрягиной, их самолет был обстрелян, и, пока механики ставили заплатки на плоскости, Галя прилегла в мягкой траве на краю аэродрома и заснула. В

темноте ее переехал бензозаправщик… Рядом стояла какая-то медсанчасть, откуда вызвали санитарную машину.

Я помню Галю, лежащую на носилках, бескровное ее лицо со сжатыми губами. Перед тем как ее увезли, она попросила меня: «Ира, обещай мне, когда я вернусь в полк, вы больше не назначите меня адъютантом, я буду штурманом, у меня будут свой самолет и летчик». В этот момент я могла пообещать ей все, что угодно! Мы отступали, почти бежали, и не было никакой надежды, что Галя останется жива, не говоря уже о возвращении в полк…

Ее эвакуировали в далекий госпиталь за Каспийским морем, там она встала на ноги, научилась снова ходить и прилетела в полк. Ни один врач не мог допустить ее к летной работе, у нее болел позвоночник, она пила обезболивающие и плакала на жестких нарах после полетов… Да, это правда, мы не отправили ее в тыл, она не вернулась в свой МАИ, справку медицинскую скрыла. Хотели мы назначить ее опять адъютантом, к этому времени они у нас совсем не летали. Но Галя напомнила мне и Бершанской данное мною слово, да еще показала, как она может делать стойку на руках. И вот она штурман звена, летает

каждую ночь, у нее свой летчик и своя машина.

До гибели Галя успела сделать около 120 вылетов и получить свой первый орден…

…Каждую ночь боевые экипажи вылетают на цель. Вспыхивают лучи прожекторов, они шарят по небу, сближаются, и вот самолет пойман. Штурмана и летчика ослепляет нестерпимый свет… Бьют зенитки. Хочется уйти вверх, вниз, но… перегруженный бомбами самолет идет с мизерной скоростью 60–100 км/час, в зависимости от скорости встречного ветра. Томительно тянется время. Иногда в течение 10 минут не удается уйти от прожектора. И это на высоте порядка 1000 м. Выше мы обычно не летали, так как наши цели чаще всего очень близки от передовой, и от нас требовалась особая точность бомбометания.

Около часа длится полет, а на земле ждут механики и вооруженцы. Осматривать, заправлять самолет, подвешивать бомбы они умели за три-пять минут. Трудно поверить, что молодые тоненькие девочки в течение ночи своими руками и коленками, без всяких приспособлений подвешивали каждая до трех тонн бомб. Эти скромные помощники летчиков показывали подлинные чудеса выносливости и мастерства. А механики? Целые ночи работали на старте, а

днем — ремонт машин, подготовка к следующей ночи. Были случаи, когда механик не успевал отскочить от винта при запуске мотора, и ему перебивало руку.

Необходимо было постоянно повышать напряженность боевой работы. Но как? При существующей системе обслуживания каждый механик сам выпускал свой самолет на задание ночью, он же готовил его к полетам днем. Времени на сон почти не оставалось.

Слишком многолюдно было на старте и мало четкости в работе. Один тянул бензозаправщик или машину с бомбами в свою сторону, другой настаивал, чтобы в первую очередь был приведен в готовность его самолет…

И тогда мы ввели новую систему обслуживания — дежурными сменными бригадами. За каждым механиком закреплялась определенная операция на всех самолетах: встреча, заправка или выпуск… Вооруженцы тройками дежурили у машин с бомбами. Руководил один из старших техников АЭ.

Боевые ночи стали напоминать работу отлаженного заводского конвейера. Вернувшийся с задания самолет уже через пять минут был готов к новому вылету. Это позволяло летчикам в

некоторые зимние ночи делать по 10–12 боевых вылетов.

А Нина Худякова, делая круг перед посадкой, уже сверху кричала: «Вооруженцы, бомбы!» И тут уже не зевай… Благодаря такой организации полетов мы стали совершать за ночь больше вылетов, чем «братцы».

Воодушевленная достигнутыми результатами, я уговорила нашего инженера Софью Озеркову обобщить для дивизии «опыт обслуживания ночных боевых вылетов на самолетах По-2», что та и сделала. В результате Озерковой объявили выговор за нарушение наставления по технической эксплуатации…

Соня долго не могла простить мне моего штабного рвения, советовала никогда не спешить с подобными донесениями начальству. Несмотря на «разнос» (да простят нам это за давностью лет все боги уставов и наставлений), мы продолжали работать бригадами, но уже никогда не пытались обратить на это внимание вышестоящего штаба.

* * *

Из людей, которые много сил положили при формировании полка, учебе и воспитании технического состава, нельзя не отметить инженера

Соню Озеркову. Она была кадровая военная. Военная до мозга костей. Вначале она нам казалась сухой, но потом мы оценили и полюбили Соню. Оказалось, что Устав Красной армии не мешает ей, а даже помогает быть прекрасным работником, организовать техников, заботиться о них и любить.

Я уважала Соню за силу ее характера, благодаря которой она не сломалась, когда была приговорена трибуналом наземной армии к расстрелу после выхода из окружения. Она отказалась подавать на кассацию. Спас ее, очевидно, комиссар дивизии Горбунов. Он писал мне уже после войны, что ему шофер сказал во время поездки: «А у женщин инженера полка к расстрелу приговорили…» Горбунов не знал об этом, срочно дал шифровку в штаб ВВС фронта. Оттуда приостановили выполнение приговора, дело пересмотрели, и Соню оправдали.

Она вернулась в полк остриженная наголо, без улыбки на лице…

Мы приняли ее, как будто ничего и не было. И она сумела справиться с пережитым ужасом. Я никогда не говорила с ней об этом…

* * *

Для сокращения времени стоянки на земле летчики не вылезали из кабин даже для доклада дежурному работнику штаба. Доклады принимались тут же, у самолета. И вот через несколько минут после посадки машина снова поднимается в воздух. И так до рассвета, и так каждую ночь.

Иногда нам объявляли «максимум», то есть мы получали задание сделать максимально возможное количество вылетов. Такое напряжение бывало при прикрытии десантов, прорыве оборонительных рубежей, освобождении наших городов — в общем, когда «надо». В ночи «максимумов» экипажи успевали сделать по 8–10 боевых вылетов, а однажды зимней ночью под Варшавой это число возросло до 14–17. Летчики и штурманы проводили в воздухе по 10 часов и более; 10 часов крайнего нервного напряжения, напряжения всех душевных и физических сил.

Иногда в результате перенапряжения наступала апатия, летчик или штурман засыпал в полете или, наоборот, не мог уснуть по нескольку дней: «Прожекторы снятся».

* * *

Женя Руднева писала:

«Я поздравила Юшину: теперь и ты стала старой летчицей — спишь в полете». Писала и про себя: «В один из полетов летим домой, я веду, но мысли сонные, сонные и где-то бродят… Посмотрела на курс… Как будто домой идем. Разбудила Раю: „Мы домой идем?“ — „Да“. — „А бомбы я сбросила?“ — „Конечно“… А на земле вспомнила все».

Бывало и так, что на глазах летчика гибли боевые подруги. Их самолеты, сбитые зенитным огнем или ночным истребителем, загорались в воздухе и огненным факелом падали на землю… Но живые возвращались за новым бомбовым грузом и летели снова на ту же цель, в тот же ад…

Да, настоящий героизм на войне заключается не в сиюминутном движении души, а в непрерывном преодолении страха и усталости, помноженном на мастерство, в непрерывном тяжелом труде…

Кто-то сказал — война это подвиг самоотречения, когда воин совершает то, что кажется немыслимым и невозможным… Но как бы ни было тяжело, девушки всегда рвались в бой, дра-

лись за право вылетать первыми, чтобы успеть сделать больше вылетов.

В туманные непогожие ночи на старте, когда в ожидании погоды и полетов экипажи сидели под плоскостями своих По-2, Женя Руднева любила рассказывать нам сказки. Тихим высоким голоском читала она баллады Жуковского, красивые истории о подвигах рыцарей, об их прекрасных дамах, рассказывала легенды о созвездиях — Волосы Вероники, Андромеда. Знала она их удивительно много… Надя Попова запевала нашу любимую:

Летят утки, летят утки и два гуся.

Ох, кого люблю, кого люблю, не дождуся.

И тогда забывались и дождь, и туман, и холод. И жизнь становилась такой красивой… Отыскивая на небе свою любимую Капеллу, Женя говорила мне: «Когда я гляжу на звезды, я думаю о том, как вернусь в Московский университет…»

* * *

Письмо Е. Рудневой профессору С. Н. Блажко:
19 октября 1942 г. Действующая армия
Уважаемый Сергей Николаевич!

Пишет Вам Ваша бывшая студентка Женя Руднева — из той астрономической группы, в которой учились Пикельнер, Зигель, Мамзон. Эти имена, возможно, Вам более знакомы, а вообще группа у нас была маленькая, всего десять человек, и были мы на один год моложе Затейщикова, Бронштейна, Верменко.

Простите, пожалуйста, что я к Вам обращаюсь, но сегодняшнее утро меня очень взволновало. Я держала в руках сверток, и мне бросилось в глаза название газетной статьи — «На Пулковских высотах». Я, конечно, и раньше знала, что немцы разрушили Пулково, но я никогда не могла подумать, что варварство может дойти до такой степени, чтобы не оставить камня на камне от этого храма науки, от нашего Пулкова! В январе 41-го года мы ездили туда на экскурсию. На войне люди черствеют, и я уже давно не плакала, Сергей Николаевич, но у меня невольно выступили слезы, когда прочла о разрушенных павильонах и установках, о погибшей Пулковской библиотеке, о башне 30-дюймового рефрактора. А новая солнечная установка? Я не знаю, что оттуда удалось вывезти, но вряд ли многое, кроме объективов.

Я вспомнила о нашем ГАИШе. Ведь я ничего не знаю, цело ли хотя бы здание. После того как Вы

оттуда уехали, мы еще месяц занимались (я была на четвертом курсе). По вечерам мы охраняли свой институт, я была старшиной пожарной команды из студентов. В ночь на 12 октября я также была на дежурстве. Утром я, еще ничего не зная, приехала в университет, оттуда меня направили в ЦК ВЛКСМ — там по рекомендациям комитетов комсомола отбирали девушек-добровольцев. И вот 13 октября был год, как я в рядах Красной армии. Зиму я училась, а теперь уже пять месяцев, как я на фронте. Летаю штурманом на самолете, сбрасываю на немцев бомбы разного калибра — и чем крупнее, тем больше удовлетворения получаю, особенно если хороший взрыв или пожар получится в результате. Свою первую бомбу я обещала им за университет, за мой милый University, ведь бомба попала в здание мехмата прошлой зимой. Как они смели!!! Но мой первый боевой вылет ничем особенным не отличался, — может быть, бомбы и удачно попали, но в темноте не было видно. Зато после я им не один пожар зажгла, взрывала склады боеприпасов и горючего, уничтожала машины на дорогах, полностью разрушила одну и повредила несколько переправ через реки…

Мой счет еще не окончен. На сегодня у меня 225

боевых вылетов. И я не хвалиться хочу, а просто сообщаю, что честь университета я поддерживаю, — меня наградили орденом Красной Звезды. В ответ на такую награду я стараюсь бомбить еще точнее, мы не даем врагу на нашем участке фронта ни минуты покоя — спать фрицам, во всяком случае, не приходится. А с сегодняшнего дня я буду бомбить и за Пулково — за поруганную науку.

Простите, Сергей Николаевич, послание вышло слишком длинным, но я должна была обратиться именно к Вам. Вы поймете мое чувство ненависти к этим варварам, мое желание скорее покончить с ними, чтобы вернуться к науке. Пользоваться астроориентировкой мне не приходится: на большие расстояния мы не летаем. Изредка, когда выдается свободная минутка (это бывает в хорошую погоду при возвращении от цели), я показываю летчику Бетельгейзе или Сириус и рассказываю о них или еще о чем-нибудь, таком родном мне и таком далеком теперь. Из трудов ГАИШа мы пользуемся таблицами восхода и захода Луны.

Сергей Николаевич, передайте мой фронтовой привет Н. Ф. Рейн и проф. Моисееву. Ему скажите, что он ошибался: девушек тоже в штурманы берут.

Как Ваше здоровье, Сергей Николаевич? Если Вам будет не трудно (мне очень стыдно затруднять Вас и вместе с тем очень хочется знать!), напишите мне о работе ГАИШа, о том, что осталось в Москве, что удалось вывезти из Пулкова.

Я очень скучаю по астрономии, но не жалею, что пошла в армию: вот разобьем немцев, тогда возьмемся за восстановление астрономии. Без свободной Родины не может быть свободной науки!

Глубоко уважающая Вас

Руднева Е.

Профессор Блажко ответил Жене, и еще много раз они писали друг другу.

* * *

Из дневника Жени Рудневой:

«2 декабря

Вчерашний день нам кажется случайным,

А счастье принесет совсем другой…

Недавно я об этом подумала. И глупая мысль, совсем парадокс, пришла мне в голову: ведь сейчас война, кругом столько ужаса и крови, а у меня, наверное, сейчас самое счастливое вре-

мя. Во всяком случае, жизнь в полку будет для меня самым светлым воспоминанием, так мне кажется. И вот у меня двойная жизнь: в мыслях о будущем мне все рисуется туманно, но очень светло. Ведь главное — кончится война. А между тем я чувствую, кроме мрачной, замечательную сторону настоящей жизни…[6]

17-го было вручение орденов. Этот день я надолго запомню… Вместе с нами вручали ордена и братцам… Перед обедом подали водку. Никак нельзя было не выпить. И вот я отлила половину стакана сидящему рядом со мной штурману-братику, и мы с ним выпили — за процветание штурманского дела. Вчера мне летчик, который сидел у меня слева на том обеде, сказал, что этот штурман погиб. Так что процветание штурманского дела не состоялось…»

* * *

А водку нам выдавали каждое утро после полетов. Когда усталые летчики, промерзшие за долгие, особенно зимние ночи, после обстрела и

---

[6] Примечания: 6

Многие вспоминают наши военные годы как счастливые, вернее, наиболее значимые в нашей жизни. Я думаю, это потому, что мы тогда нашли единственно правильное свое место в строю, самое главное… *(И. Р.)*

прожекторов, едва волоча ноги, приходили в столовую на завтрак, полагались им «наркомовские 100 грамм». Надо было снять напряжение, помочь расслабиться. Первые дни войны на фронте женскому полку давали вино, потом его не стало, пошли в ход водка, различные самогонки из винограда: чача, рака, карамурзянка (по фамилии начальника тыла фронта).

Некоторые девушки не могли заснуть после тяжелых полетов, тогда сливали для них водку из нескольких стаканов…

Я водку не пила. Во-первых, мою даже самую тяжелую работу никак нельзя было сравнить с тем, что испытывали экипажи: «каждый полет, как на расстрел». У меня такого стресса не было. А во-вторых, дала себе зарок после одного случая.

В самые первые дни войны на фронте я заболела малярией с высокой температурой. Полк улетел на новое место, а я осталась в медсанчасти. Штаб Воздушной армии прислал за мной связной самолет со штурманом армии Суворовым. Сели с ним вдвоем во вторую кабину, по дороге где-то была посадка, дали нам обед и «по 100 грамм». Суворов уговаривает меня: «Выпей, это самое лучшее лекарство от малярии, сразу будет хорошо». А я ее сроду не пила, в нашей семье мужчин не

было, водки — тоже, а если оставалась от гостей, то я ею лицо протирала, очень полезно…

Ну, я взяла стакан и хлебнула из него, как воду… Что со мной было: я поперхнулась, из глаз потекли слезы, начался кашель… Как же хохотали мои мужчины, уж так были довольны… А я сказала себе: никогда во всю войну не выпью больше водки, никогда. И не выпила.

Об этом знала Бершанская и всегда помогала мне уйти от уговоров каких-либо гостей. Одно было нарушение: в декабре 1944 года, в мой день рождения, Дуся Бершанская, поздравляя меня, сказала, что у нее нет ничего другого и уж глоточек выпить можно, скоро победа, возьмет она грех на себя…

* * *

Из письма Жени родителям:

«Если бы вы знали, как нас принимают местные жители и на нашей территории, и на освобожденной теперь Красной армией. Придешь, согреют воды умыться, кровать постелют — отдохнуть, все сделают, что хочешь. И каждая говорит: „Может, и мой сынок где-нибудь по чужим людям ходит“… Характерно: хозяйка специально отвела кровать для ночующих военных. На полу у нее

спал сегодня один из КПП в Ищерской».

Из дневника Жени:

«СМЕЛОСТЬ — это отличное знание своего дела плюс разумная голова на плечах и все это умноженное на жгучую ненависть к врагу».

* * *

В одном из полетов Никулиной и Рудневой у них зависла бомба, заел бомбодержатель. Она могла сорваться в любое время. Посадка в таких случаях очень опасна, бомба может упасть при посадке и взорваться на аэродроме. Когда самолет возвращался с бомбами, штурман давал красную ракету, предупреждающую руководителя полетов… Однако сели они благополучно, отрулили с посадочной полосы и увидели, что бомбы нет… Ее искали по всему старту всю ночь. Полеты были остановлены. И нашли утром… в колодце на окраине станицы. С тех пор о точности бомбометания Рудневой ходили легенды…

В дни затишья на фронте, чаще всего при подготовке новой операции, у нас случались перерывы в боевой работе. Тогда мы проводили конференции по философии или по тактике бомбометания, разрабатывали методику полетов парами, чтобы выручать друг друга, устраивали вечера самоде-

ятельности, выпускали литературный журнал со статьями, стихами, заметками о нашей жизни. Всю войну выпускалась также стенная юмористическая газета «Крокодил», которую в основном оформляли Руфина Гашева, Таня Сумарокова и Надя Тропаревская. Некоторые из журналов и газет сохранились до наших дней.

В 1942–1943 годах постепенно наш полк из комсомольского превращался в партийный. Уходя на боевое задание, летчики писали заявления «хочу идти в бой коммунистом». Нужно помнить, что те, кто вступал в партию в годы войны, на фронте, приобретали только две привилегии: быть первыми в бою и обрести страшную смерть, если доведется попасть в плен. Поэтому такой выбор заслуживает уважения, как бы ни оценивать деятельность партии с позиций сегодняшних представлений.

Летом 1943 года выбыла из строя штурман полка Соня Бурзаева. Я помню, что назначали мы на эту должность Женю Рудневу с опаской. Безусловно, в это время она была лучшим штурманом в полку. Отлично зная теорию самолетовождения, умело применяла ее в боевой работе. В воздухе вела себя удивительно спокойно и уверенно. Но нас смущал ее мягкий характер, была она ка-

кая-то вся «не строевая», боялись, что не сможет быть настоящим требовательным командиром. Да и сама она очень не хотела уходить от своего любимого летчика — Дины Никулиной.

Однако Женя стала замечательным штурманом полка. Штурманы признавали ее авторитет, уважали, любили и выполняли все указания безоговорочно. Как штурману полка, ей не полагалось много летать, она должна была на старте контролировать работу летно-штурманского состава. Ссылаясь на то, что она должна знать каждого летчика в полку, его индивидуальные качества, она часто высаживала из кабины штурмана и летела сама. Это было единственное, за что на нее обижались, так как отстранение от вылетов являлось самой большой обидой.

Почти все молодые летчики свой первый боевой вылет совершили с Женей Рудневой: и Герой Советского Союза Магуба Сыртланова, и прекрасный летчик Рая Юшина, и переучившаяся из штурманов Герой Советского Союза Наташа Меклин, и многие другие.

* * *

Из дневников Жени Рудневой:

«10 февраля я сделала с Мартой[7] четыре вылета. Это были ее первые боевые вылеты. Замерзли до костей и даже глубже…

19 мая. Вчера сделала с Натой[8] ее первые три боевых вылета. Летает хорошо. В первый же полет были в прожекторах, выводит плавно, спокойно…»

Еще в 1942 году в полку была создана для обучения новая штурманская группа. В тылу пополнение для женского полка никто не готовил, и мы вынуждены были делать это сами. В гвардейском полку полагалось иметь три эскадрильи, а у нас было две. Кроме того, люди погибали и надо было их замещать. Чтобы формально иметь в полку «школу», была создана еще одна, четвертая, эскадрилья, так называемая «учебная», которая довольно быстро стала такой же боевой. Командиром была назначена Марина Чечнева. Итак, летный состав удваивался. Соответственно должен был удвоиться и технический состав.

Иногда приезжали опытные летчики, которые раньше не знали о нашем полку, или молодые, только что окончившие аэроклубы, школы моло-

---

[7] Примечания: 7
Сыртлановой.

[8] Примечания: 8
Меклин.

дых специалистов… Кроме того, мы переучивали на летчиков своих штурманов. Тренировкой летчиков в основном занималась Серафима Амосова, назначенная к этому времени заместителем командира полка по летной части. Сима Амосова — кадровый летчик с сильным волевым характером и блестящим летным мастерством. Она учила, тренировала молодых пилотов, проверяла летные качества вновь прибывающих в полк, помогали ей командиры эскадрилий. Несмотря на большую работу днем, много летала на задания. Сделала более 500 боевых вылетов. Я с ней летала на боевые задания. На обратном пути отдает управление в твои руки, а сама поет в переговорную трубку какие-нибудь песенки… Пела она довольно хорошо. Задушевной ее подругой была Дина Никулина.

Стали летчиками штурманы Женя Жигуленко, Рая Аронова, Наташа Меклин, Нина Ульяненко и механик Никитина Маша.

Штурманов же готовили из вооруженцев и механиков. Руководила штурманской группой, создавала для нее программу, вела основные курсы Женя Руднева, помогали ей штурманы эскадрилий. Не один десяток новых штурманов ввели они в строй…

Среди них Ира Каширина, которая потом привела самолет с погибшей Дусей Носаль, Саша Акимова, ставшая штурманом эскадрильи, Героем России, Олечка Яковлева — нежная маленькая девочка с твердым характером, Ольга Голубева — наша «артистка». Оля пришла в полк с актерского факультета Института кинематографии, сначала была мастером по спецоборудованию, потом окончила штурманскую группу и летала непрерывно и успешно. На ее счету 600 боевых вылетов. Выступала на всех концертах самодеятельности. Я больше всего запомнила ее монолог Липочки из пьесы Островского. Была она всегда весела, остроумна, чуть кокетлива и насмешлива. Хорошие книги написала после войны о своих полетах. Вот вам и артистка…

А вот вооруженцев набирали из девушек, приезжающих в Воздушную армию по мобилизации, женщин в это время уже в армию брали. Их распределяли по всем полкам на подсобные работы. Командование помогало нам набрать хорошее пополнение. Штаб армии однажды запросил списки отличниц боевой службы для благодарности, а потом большинство из них перевели в наш полк. У нас все они чувствовали себя лучше: они были равными среди всех. Всего во время войны,

уже на фронте, мы приняли и подготовили 150 новых девушек. Это больше, чем один ночной авиаполк…

Обычно авиаполки после боев с большими потерями отводили в тыл, там доформировывали, давали новую матчасть, тренировали. Наш полк ни разу в тыл не уходил…

* * *

Когда в 1943 году полк вернулся на землю Ставрополья, мы вновь остановились в станице Солдато-Александровской, где нам пришлось базироваться в период отступления. Мы вернулись с победой! Встречали нас всем селом. Особенно рады были те, у кого раньше жили наши девушки, они принимали их со слезами…

Наступила весна, а с ней и бездорожье. Мы пели на известный мотив «Давай закурим»:

Теплый ветер веет, развезло дороги,
И на нашем фронте все трудней летать…

Станица Новоджерелиевская, куда мы перелетели, утопала в грязи. Машины БАО с бензином, боеприпасами, продовольствием застряли в пути. Рядом был хороший аэродром, но вырулить

на него по грязи было очень трудно. И тогда командиры наших полков Бершанская и Бочаров решили посылать по очереди самолеты в Кропоткин за бензином и продуктами. Немцы оставили на аэродроме много бомб, и мы их освоили. Из продуктов у населения можно было достать только кукурузные початки. Мы ели кукурузу, спали на кукурузных стеблях, сами назывались кукурузники. Дуся Пасько острила: «Кукуруза из вещи в себе стала вещью для нас». И все-таки мы летали…

В апреле 1943 года мы стояли в станице Пашковской, на окраине Краснодара, откуда летали в течение двух месяцев. Там в ночь на 1 апреля произошла трагедия…

Как всегда, аэродром был не освещен, самолеты, возвращаясь с боевого задания, подходили в полной темноте и с погашенными огнями АНО (аэронавигационные огни — три лампочки: на правой, левой плоскости и на хвосте — красный, белый и зеленый). На четвертом развороте самолет Юли Пашковой и Кати Доспановой столкнулся с самолетом командира эскадрильи Полины Макогон и Лиды Свистуновой. На старте услышали только треск и грохот от падения машин. Они были полностью разбиты. Макогон и

Свистунова погибли сразу. Юлю пытались спасти, но 4 апреля она тоже умерла.

Н. Меклин

ЮЛЕ

Ты стоишь, обласканная ветром,
С раскрасневшимся смеющимся лицом.
Как живая, смотришь на портрете
С черным трауром обведенным кольцом.

Слышно было каждую минутку
Голос чистый, звонкий, молодой,
«Ты успокой меня, скажи, что это шутка»...
Но ты ушла, и смолкнул голос твой.

Не споешь, не улыбнешься славно,
Не станцуешь весело в кругу, —
С нами ты была совсем недавно,
Я забыть тебя живую не могу.

Как березка свежая и стройная,
Вся – веселье, юность, солнца свет.
Ты навек уснула сном спокойным,

На земле прожив лишь двадцать лет.

* * *

У Кати Доспановой были сломаны обе ноги. Она буквально воскресала из мертвых. Всю закованную в гипс, ее привезли в Ессентуки. Через некоторое время рентген показал, что сращение костей идет неправильно. Ломали гипс, правили кости… На долю маленькой Катюши выпало столько страданий.

Однако воля к жизни победила. Месяца через три Катя Доспанова вернулась в полк и вскоре стала опять летать на боевые задания, превозмогая сильные боли. Поэтому нам все же пришлось потом перевести ее на штабную работу.

Катюша Доспанова (Хиваз — по-казахски) — студентка медицинского института, единственная казашка в нашем полку, и скорее всего — единственная девушка из Казахстана, летавшая в качестве штурмана на боевые задания… Так хорошо, высоким чистым голоском пела она национальные песни.

Кто-то был виноват в этой катастрофе, отвлекся, не разглядел силуэт идущей впереди машины. И мы заплатили за это тремя жизнями…

А вскоре произошла еще одна трагедия.

* * *

Женя Руднева писала в своем дневнике:

«**24 апреля**

Вчера утром прихожу к штурманам, собирающимся бомбить, поругала их за отсутствие ветрочетов и спрашиваю Нину Ульяненко: „Да, Нина, ты была на полетах, как там, все в порядке?“ Нина странно взглянула на меня и каким-то чересчур спокойным голосом спрашивает: „Что — все в порядке?“

— Ну, все благополучно?

— Дусю Носаль убили. „Мессершмитт“. У Новороссийска…

Я только спросила, кто штурман. „Каширина. Привела самолет и посадила“. Да, у нас всякий раз что-то новенькое. И обычно всякие происшествия на старте бывают без меня. Дуся, Дуся… Рана в висок и затылок, лежит как живая… А ее Грицко в Чкалове…

А Иринка молодец — ведь Дуся навалилась на ручку в первой кабине, Ира привставала, оттягивала ее за воротник и с большим трудом вела самолет. Все еще надеялась, что она в обмороке…

Что бы я вчера ни делала, все время думала о Дусе. Но не так, как это было год назад. Теперь

мне стало гораздо тяжелее, Дусю я знала близко, но сама я, как и все, стала другой: суше, черствее. Ни слезинки. Война. Только позавчера летала я на эту цель с Люсей Клопковой… Утром мы с ней со смехом выпили за то, что нас не подбили: мы слышали под плоскостями разрывы зениток, но они нас не достали…»

* * *

Дусю Носаль война застала в родильном доме. При бомбежке был убит ее маленький сын… Она приехала к нам, летала блестяще, а на приборной доске ее самолета всегда был прикреплен портрет ее мужа, тоже летчика — Грицко, так с ним и летала. Дусю первой мы представили к званию Героя Советского Союза…

А Иру Каширину наградили орденом Красного Знамени. Погибла она позже, в ночь на 1 августа, когда мы летали на «Голубую линию».

* * *

После Пашковской полк перелетел в большую кубанскую станицу Ивановскую и довольно долго — с мая до сентября 1943 года — летал из нее. Жили в центре села — в школе, спали на нарах.

Часть состава — в ближайших домиках у хозяек. Самолеты стояли вдоль широкой улицы, ведущей к взлетной площадке, хвосты машин прятались под густыми деревьями палисадников. В этой же станице стоял и полк Бочарова, «братский» полк на самолетах По-2. Обслуживал нас один БАО. Мы принимали участие в наступательных операциях по прорыву оборонительной линии противника — «Голубой линии» — на Таманском полуострове и в боевых действиях по освобождению Новороссийска.

В Ивановской у нас был большой праздник — 10 июня нам вручали гвардейское знамя. Приехали Вершинин и член Военного Совета фронта Фоминых. Бершанская прочла гвардейскую клятву, потом поцеловала знамя. Строй полка повторял за ней «Клянусь!»: «пока видят наши глаза, пока бьются наши сердца и действуют наши руки, беспощадно истреблять фашистских захватчиков». Кричали «Ура!».

Знаменосцем полка мы назначили Наташу Меклин, помощниками — штурмана Иру Каширину и механика Катю Титову. Был торжественный обед. Мы чувствовали, что это наш праздник, только наш день!

Наташа написала гимн полка, и мы пели:

На фронте встать в ряды передовые
Была для нас задача не легка.
Боритесь, девушки, подруги боевые,
За славу женского гвардейского полка.
Вперед лети
С огнем в груди.
Пусть знамя гвардии алеет впереди.
Врага найди,
В цель попади,
Фашистам от расплаты не уйти…

С тех пор, когда намечалась ночь «максимум», когда цели были определяющими, мы выносили знамя полка на старт, около него стоял часовой… К этому знамени потом были прикреплены два ордена: Красного Знамени и Суворова III степени. Сейчас оно хранится в Музее Советской армии.

Наташа Меклин — красивая невысокая девушка с обаятельной улыбкой. Знаменосцем полка она оставалась до последних дней войны. Хорошо писала стихи: про бравого штурмана, молитву летчика, Юле, Гвардейский гимн полка. Мы выписывали их в свои тетрадочки из литературных журналов эскадрилий.

Наташа, мягкая и выдержанная, в 1942 году

пришла ко мне с просьбой назначить ее штурманом к Ире Себровой, «когда увидела ее одну, печальную и одинокую». Неуверенность в себе появилась у Иры после двух тяжелых аварий. Наташа сумела вернуть Ире веру в себя, их экипаж стал одним из лучших в полку. Около года летали они вместе, а дружили потом всю жизнь…

Оставив штурманскую должность, Наташа села в первую кабину летчика. Штурманы любили с ней летать, в ней не чувствовалось страха, она была спокойна и внимательна, умело выходила из прожекторов и обстрела. И если у Себровой к концу войны было 1004 боевых вылета, то Наташа имела 980. Это тоже было больше, чем у других…

В Ивановской же произошло с нами чрезвычайное происшествие. Во время боев на Таманском полуострове Отдельной Приморской армией командовал легендарный генерал Иван Ефимович Петров, герой обороны Одессы и Севастополя. Он не смог приехать к нам, когда полку вручали Гвардейское знамя, был занят. Встреча наша произошла несколько позже…

В тот июньский день после ночных полетов летный состав отдыхал, механики сидели на моторах: чистили, смазывали, чинили, были все в бензине и масле. В землянке командного пунк-

та находились только двое дежурных: от полка Бочарова и от нас.

Случайно (потом говорили, что водитель заблудился) машина с командующим выскочила на наш аэродром, подъехала к КП (опять-таки злые языки рассказывали, что какая-то девушка из БАО не поприветствовала генерала и на его замечание ответила, что она первая с незнакомыми мужчинами не здоровается)…

Генерал Петров вышел и объявил боевую тревогу… Принял ее дежурный от Бочарова, передал в свой штаб, и братцы начали собираться.

А наши кукурузники, на хвостах которых уже был изображен гвардейский значок, и не шевелились. Петров выразил удивление, и только после этого наша дежурная срочно передала сигнал тревоги к нам в штаб. Никогда, ни после этого события, ни до него, днем нам не объявляли тревогу — поднять в воздух полки По-2 в то время, когда ходили немецкие самолеты, казалось невозможным. Поэтому мы к боевой тревоге были не готовы. БАО не смог быстро подать машины к общежитию, чтобы привезти летный состав на аэродром. Кто-то прибежал сам, кого-то привезли. Бершанская распределяла зоны, куда взлетать…

Полк вылетел, потом по сигналу ракеты сел.

Петров стоял на старте, велел привезти мишени, и вылезавшие из самолетов экипажи стреляли по ним. Я видела, как у девушек дрожали руки… Генерал выстрелил сам, все пули в центре: «Вот как надо стрелять». Потом было построение частей. Отдельно — БАО, полк Бочарова, наш полк.

Перед строем БАО Петров снял его командира, объявил выговор Бочарову перед строем его полка! Потом подошел к нам.

Конечно, я понимаю, что строевое впечатление мы производили так себе, ниже среднего: механики в серых грязных комбинезонах, летчики — кто в строевой форме, кто в комбинезоне… У кого-то Петров проверил, как затянут ремень, — ему не понравилось, и он показал, как надо: «Вот такой должна быть заправка», а потом произнес гневную речь…

Он говорил о том, что на нас навешали ордена за красивые глаза, что никогда не получить бы нам гвардейского звания, если б он видел нас раньше. Он был контужен, голова его дрожала…

Петров велел нам вырыть себе землянки и жить на аэродроме, приказал заниматься строевой подготовкой и стрельбой, объявил Бершанской выговор и уехал… Кажется, поехал прямо к Вершинину.

Летчики стали заруливать самолеты «по хатам», а командование село на травку в саду и стало обсуждать, что же нам делать дальше.

У меня вдруг до боли стали чесаться коленки, не было сил терпеть, майор дала свою машину, и повезли меня в санчасть. Оказался резкий приступ крапивницы на нервной почве, красные пятна слились в единую багровую нашлепку. Сделали внутривенное вливание и уложили…

По рассказу Петрова был издан приказ Вершинина. В нем было написано, как долго полки собирались по тревоге, какая плохая у нас строевая подготовка, объявлено по выговору командирам полков… И была там одна фраза: «Грязные уши и шеи»… Приказ по всему фронту, где ни появись: «Так вы из того полка, где грязные уши и шеи?..»

Землянок на аэродроме для нас не построили, но прислали капитана, который занимался с нами строевой подготовкой…

Вот тогда и написала Наташа Меклин «Молитву летчика»:

Господи, избавь нас от строевой,
Дай нам цель на передовой,
Пошли нам боевую задачу
И лунную ночь в придачу…

Галя Докутович записала в дневнике: «Какой стыд для нашего полка! А в основном хорошо. Хватит гладить нас по головке и называть самыми красивыми. Разбаловали!»

Женя Руднева была еще решительнее: «Наконец нам сказали правду в глаза». Женя! Она была такая… не от мира сего.

Забегая вперед, надо сказать, что мы потом неоднократно встречались с Петровым и стали его лучшими друзьями. Он улыбался нашим девушкам, когда встречал их на рекогносцировке на передовой… Запомнил фамилии: «Ну как, Смирнова, все козлишь?»

Дважды приезжал Петров к нам в Пересыпь. Первый раз неожиданно: мы с Бершанской примеряли новые брюки на вещевом складе в соседней станице, когда нам сообщили об этом. Не помню, как мы вылезли из брюк, сели в машину и примчались в Пересыпь. Командующий ходил по аэродрому — один! Сказал Бершанской: «Тревоги не объявлял, а они все вылетели!» Полк по ракете посадили… Построили… Петров проверил заправку, постреляли… Командующий предложил объявить конкурс по стрельбе среди летных полков: «Вы все мужские полки победите».

Незадолго перед этим мы судили судом чести[9] одного нашего штурмана: она отказывалась стоять часовой у знамени. Приговорили ее к лишению офицерского звания. На вопрос Петрова о происшествиях в полку Бершанская рассказала про это. Он вызвал виновницу из строя и снял с ее плеч погоны. Как она не умерла… Кстати, это разжалование не было оформлено приказом по фронту, и пришлось нам самим через месяц «возвращать» ей звание за «успешную боевую работу». Кажется, она так и не узнала, что на самом деле, формально, никогда звания не лишалась. Но из полка потом ушла…

В тот раз Петров остался полком доволен и долго стыдил нашего повара из БАО за то, что девчонки летают, а он, мужик, мясо держит не там, где положено…

И еще раз приехал Петров в наш полк 7 ноября 1943 года. Собрал в помещении нашего штаба генералитет фронта и ВВС, наш полк и устроил нам праздник. Я не была на нем, так как получила на две недели отпуск и улетела в Москву, к маме…

Когда назначили генерала Петрова командующим Западным фронтом, то он просил, чтобы

---

[9] Примечания: 9

Всю войну работал в полку суд чести, я уже писала, что мы были очень требовательны к себе.

наш полк после освобождения Крыма тоже перевели к нему. Нас перевели на запад, когда закончились бои в Севастополе, но командование Западным фронтом принял генерал Захаров, потом фронт стал 2-м Белорусским. Командовал им К. К. Рокоссовский.

Больше мы Петрова не видели, но запомнили навсегда…

* * *

Бесстрашный, смелый летчик, командир эскадрильи Маша Смирнова, впоследствии Герой Советского Союза, 22 сентября 1943 года первая сделала свой 500-й вылет. Мы и попраздновали по этому поводу… Внешне Маша походила на мальчика-подростка. Небольшого роста, затянутая в талии так, что, казалось, вот-вот переломится, краснощекая, круглолицая, с голубыми открытыми глазами, всегда аккуратная до мелочей. Маша летала в нашем полку со дня его формирования и до конца войны. В эскадрилье ее уважали и побаивались. Она была требовательна и справедлива.

Я всегда удивлялась, почему не бледнеют ее щеки от долгих бессонных ночей. Ведь каждую ночь — полеты, каждое утро — тренировка молодых

летчиков. Звание Героя она получила в первой пятерке: Носаль, Никулина, Руднева, Смирнова, Пасько.

На ее груди красовался орден Александра Невского. Редкий в нашем полку.

Когда Машу увидели иностранные корреспонденты, они, глядя на ее юное лицо, не поверили, что она боевой летчик. Один из них, полагая, что его не поймут, сказал своим коллегам; «Навешали на девочку орденов и думают, что мы поверим!» Это было на 4-м антифашистском митинге в Москве в августе 1944 года. На нем выступала Бершанская…

Да и сегодня не верят в Англии и Америке, что был такой полк, что были такие девушки, что все это не агитка, а чистая правда, мне приходилось с этим сталкиваться, как и с вдруг возникшим огромным интересом к нам…

Самой страшной из наших боевых ночей была ночь на 1 августа 1943 года. Мы летали на «Голубую линию», которую немцы считали неприступной…

В первый вылет ушло 12 экипажей. Цель недалеко, видны прожектора, ловившие наши машины. Вдруг видим: вспыхнул самолет, медленно, огненным шаром падает. Смотрю по

журналу вылетов, кто горит сейчас над целью… Возвращается первая машина, экипаж докладывает, что видели, как горел самолет в 22.18, возвращается другой экипаж, видели, как горела машина в 23.00, а зенитки не стреляли. Почему? И так четыре пожара в разное время. Вернулись из 12 только 8.

Поняли еще над целью, что немцы выпустили против нас ночных истребителей, потому и не стреляли зенитки, чтобы не сбить своих. Наша маленькая машина, пойманная лучами прожекторов, является такой прекрасной мишенью для истребителя, достаточно одного выстрела…

Девочки, выходя из прожекторов, стали резко терять высоту, уходить почти на бреющем, чего не могли истребители при их скоростях. Тем и спаслись, кто понял и успел. А восемь человек погибло — сгорело. Среди них Галя Докутович, летавшая с постоянной болью в позвоночнике, Ира Каширина, Соня Рогова, у которой оставалась двухлетняя дочь в тылу… Да все они, такие единственные и дорогие…

* * *

Женя Руднева так писала об этой ночи в своем дневнике:

«ДНЕВНИК ПЕЧАЛЬНЫХ ДНЕЙ. РУДНЕВА Е. 1943 г.

1 августа

До меня, видимо, еще не все дошло, и могу писать. Подходит ко мне вчера Аня Высоцкая и жалуется, что ее опять назначили с Лошмановой, что ей нужно дать более опытного штурмана. Кого? Во второй эскадрилье назначить некого, потому что Гашева летала с Никитиной. Может быть, взять штурмана из другой эскадры? Стоим с Таней Макаровой в столовой и размышляем. И тут мне в голову пришла роковая мысль: послать Натку с ее бывшим штурманом, а Аню с Докутович. Наташа сразу согласилась, Галя с колебаниями. Встречаю Катю Рябову через несколько минут. „Ты за Галку не боишься?“ — „Что ты! Я сама сделала с Высоцкой 6 полетов и полетела бы сегодня, но мне уж очень хочется с Рыжковой полететь. И, кроме того, ты ведь знаешь, как я люблю Галю, и на опасность я ее не послала бы“. Ну, полетели. На моих глазах сожгли Женю Крутову с Леной Садиковой. Женя, Женя… Когда-то мы загадывали, что, может быть, придется вместе смотреть в глаза смерти. Я видела, как смерть подкрадывалась к Жене, но что я могла сделать?! Мы были уже над своей целью, но я направила

Клаву на ближайший прожектор, один из семи, державших ее самолет. Сначала она маневрировала, потом загорелась плоскость, и я увидела только вспышку в воздухе от взрыва на земле.

На территории противника, недалеко от Киевской… Успели ли выбраться? И было ли кому выбираться? Мы с Клавой решили, что это Нина Ульяненко с Катей Тимченко. Женя, Женя… У меня дрожали руки и ноги, первый раз на моих глазах сгорел самолет… Машина у меня ходила по курсу как пьяная, но мне было не до нее.

Потом прилетела Дудина и доложила, что в 23.00 еще один самолет сгорел (Женя — в 22.18). Кто? По порядку вылета — Высоцкая или Рогова. Сердце у меня похолодело. Я подбегала к каждому садящемуся самолету, но там Гали не было… Моя Галя не вернулась! Гады! Изверги! Кроме того, не вернулись Рогова — Сухорукова и Полунина — Каширина. У Роговой рвались ракеты во второй кабине, она беспорядочно падала. Полунину сбили зенитки. Первых трех — истребитель. О первых трех не сообщили наземники. Пустота, пустота в сердце… Кончено…

15 августа

Теперь, когда Гали нет и она никогда не вернется… ой, как это жутко звучит, жизнерадостная

моя Галочка! Это слишком жестоко. Я ношу ее фотографию в партбилете, я не могу переложить ее в маленький белый конвертик, куда я уже положила Женю, — с такой болью в душе я похоронила и этого своего друга. А с Галкой я никак не решусь расстаться. Но ведь Галя была у тебя только одна, да и ту ты сама послала на смерть, товарищ штурман полка…»

* * *

Девушки нашего полка вместе с мужчинами-летчиками участвовали в освобождении Новороссийска. Когда началось наше решительное наступление на Новороссийск, то в помощь наземным войскам и десанту морской пехоты направлялась авиация, в том числе 8 экипажей из нашего полка. Руководила группой Серафима Амосова — замкомандира полка. Стояли наши летчики на той площадке, что и морская авиационная часть. Они уступили девушкам две свои землянки и с большим интересом наблюдали, как они работают, как бомбы вешают, как ночью непрерывно уходят на цель. Надо сказать, цель сложную. Маршрут проходил или над морем, или над горами и ущельями. Были очень сильные воздушные потоки. Каждый экипаж успевал за

ночь сделать 6–10 боевых вылетов. Аэродром находился близко от передовой, в зоне, достижимой для корабельной артиллерии противника.

Наступила последняя ночь перед штурмом Новороссийска, ночь с 15 на 16 сентября. Получив боевую задачу, летчики вырулили на старт. На командном пункте аэродрома присутствовало командование воздушной и наземной армий. Все находились в напряженном ожидании, нетерпеливо посматривали на часы. И вдруг вокруг вспыхнули тысячи огней, все загремело, загрохотало. Несколько минут продолжалась артиллерийская подготовка. Казалось, горы тоже гудели, земля дрожала.

Это была незабываемая, страшная и вместе с тем захватывающая картина. По окончании артподготовки полк получил приказ на вылет. Всю ночь самолеты подавляли очаги сопротивления противника, и на рассвете поступил приказ: разбомбить штаб фашистских войск, расположенный в центре Новороссийска, у городской площади, и экипажи полетели вновь. Штаб был уничтожен.

Когда вернулись, прочли радиограмму, полученную с передовой, от моряков, сражавшихся на земле: «Благодарим братишек-ночников за

поддержку с воздуха». Они и не знали, что вместе с «братишками» летали и «сестренки»…

Опыт боев за освобождение Новороссийска, опыт совместной работы наземных войск и ночных бомбардировщиков очень пригодился при форсировании Керченского пролива, при создании плацдарма уже на крымском берегу, а потом и на Одере, а потом и на Висле.

* * *

Не было мужчин в нашем полку. Но однажды на Кубани армия прикомандировала к нам радиотехника. Была острая необходимость установить радиосвязь хотя бы с одним самолетом — разведчиком погоды, чтобы летчик мог сообщить в полк о метеообстановке над целью, о возможности начать полеты. Иначе надо было ждать его возвращения и упускать возможное время работы. Ведь все годы — одна основная цель: сделать больше вылетов. Фамилия техника была Куршин, не то женская, не то мужская, как у нашего техника — Корсун. Невысокий скромный парень. Очень стеснялся наших активных девочек. В столовую ходил всегда один, после того как все 200 человек уже поели. И все бы ничего, да вот выдали ему на продскладе БАО женское белье (а

тогда уже выдавали нам не только кальсоны)…

И тут Куршин не стерпел. Заявил командиру, что все равно радиосвязь установить он не сможет, слишком трудно на нашем самолете, поэтому просит откомандировать его обратно! Так и сделали…

Со станицей Ивановской у меня связано еще одно переживание. 10 сентября вызвали меня утром в штаб дивизии, которая находилась в станице Старотаторовской. Я взяла дежурный самолет с летчиком. Полетели. Не очень приятно на Кубани днем лететь, ходят немецкие истребители. Ну и шли мы бреющим, низко-низко над землей, мне даже было не очень приятно и как-то напряженно. Впереди показался какой-то поселок, а перед ним невысокий курган и речушка. Летчик мой поднялась повыше, я расслабилась, и тут вдруг удар мотором о какое-то препятствие. Летчик развернула машину вправо, чтобы не шлепнуться на дома. Самолет пошел над кукурузным полем, скапотировал, и мы вывалились из кабин вверх ногами. Скорее всего, были не привязаны. Стукнулись головами о землю… Когда опомнились, летчик высказала мне, что она думает обо мне: что сидела я в кабине как пешка… И я пошла в дивизию — километров десять от места аварии.

Когда дошла, узнала, что нас уже ищут. Машина была полностью разбита, и в кукурузе ее не было видно.

Взял меня полковник, заместитель командира дивизии по летной части, в легковой автомобиль, поехали. День жаркий, дышать нечем. Пилот ждет у самолета. Говорит: «Я ходила на курган, там стоит здоровый белый столб, мы его не разглядели и врезались в него». А мне мигает одним глазом. «А рядом большая бахча с дынями, меня сторож угостил…»

Полковнику было жарко лезть на высотку, и мы поехали на бахчу, а потом в полк…

Так в акте и фигурировал белый столб. Только потом мне летчик рассказала, что врезались мы в землю, так мотором ее и пропахали. Но если бы это было установлено, оргвыводы могли быть другими, а так — столб белый, можно и не заметить. Дали нам все-таки по выговору за «неосмотрительность».

У меня еще долго болела голова, и наш полковой врач Ольга Жуковская поила меня какими-то таблетками…

* * *

Из дневников Жени Рудневой:

«…Сделали два полета на машине капитана Амосовой. Только я настроилась идти на 400-й вылет, как вдруг капитан объявляет, что у Жигуленко испортился мотор, надо отдать ей машину. Я доложила Елениной, а потом легла на подножку нашей „кибитки“, и у меня нечаянно пошли слезы, а уж раз пошли, то остановить их — трудное дело…

…Объявили „максимум“. Мне предложили лететь с Рыжковой, но полетела Рая Аронова. Я решила лететь с Надей Поповой во второй полет. Дина с Лелей летели первыми. С земли мы видели шквальный пулеметный огонь. Первой села Надя, а Дины и Наташи не было. Наташа пришла пятой, отходила от цели, набирала высоту. Мне было очень тревожно. В пути я спрашивала: „Надя, как ты думаешь, что с ними?“ — „У меня хорошие предчувствия, они будут дома“.

Бомбить нужно было по живой силе в двух километрах от совхоза Н. Греческого… Вдруг включились прожектора. Много, слепят. 4 минуты держали нас прожектора, а показалось — 4 часа, не стреляли, но в воздухе ходил фриц

и давал ракеты. Опять подкрались, взяли курс, но прожектора схватили моментально. Но мы все-таки решили идти, чуть маневрируя. Через минуту я сбросила бомбы. А всего в этот заход прожектора держали нас 8 минут.

Стали на курс, и я повела самолет. Надя развлекала меня — вылезла из самолета, свесила ноги и смеется…

А прилетели, Катя говорит: „Никулиной нет, и Белкиной тоже“. Разве опишешь все это? Как будто все оборвалось…

…22-го утром я с майором поехала к Дине в Краснодар… Дина доложила о выполнении задания, а я даже подойти к ней не могла — полились слезы. У Дины — рана в голень навылет, у Лели — осколок в мякоти бедра, она потеряла много крови. Сели они прямо к полевому госпиталю на дорогу. Динка — просто герой — так хладнокровно посадить машину! Предварительно она сбила пламя, но мог загореться мотор, потому что тек бензин. У Лели было шоковое состояние…

…Положили мы девушек в санитарный самолет, он взлетел. Пока у него мотор не запускался, я пробралась к окошку Дининой кабинки…

…Мы были разведчиками, ходили парой на дорогу, в самое пекло, ну и разведали: в Молда-

ванском одну фару, а северо-западнее Русского — две, только попытались после бомбометания в Русском пойти туда, тут нас и схватили. Стояла сплошная стена огня, из прожекторов мы ни на минуту не выходили. Ходить вправо или влево было бесполезно. Ира маневрировала скоростью и высотой — терять ее можно было, потому что шли домой с попутным ветром. Когда она один раз „пикнула“, у Натки с Полинкой создалось впечатление, что мы падаем. Они, бедняжки, всю дорогу переживали.

Я только тогда все по-настоящему осознала, когда мы зарулили, я еще не успела вылезти из кабины, а Ира — выключить мотор, как подбегает Полинка и отчаянным голосом спрашивает: „Кто прилетел?“ — а Натка уже стояла около Иры. Я поцеловала сначала Иру, потом Полинку, и все пошли докладывать… На второй вылет генерал Федоров разведку отменил…»

* * *

Надежда Попова — Надя — красивая, яркая девушка с веселым, смеющимся лицом, летавшая азартно и смело. Могла, например, во время полета вылезти из кабины и сидеть, свесив ноги, отвлекая Женю от страха за Никулину… Летала

она с самого начала с Катей Рябовой — круглолицей, жизнерадостной студенткой с мехмата МГУ. Экипаж был безотказный, смелый, не боялся сложных метеоусловий и жесткой обстановки над целью. Начинала войну Надя командиром звена, была замкомандира эскадрильи, потом стала командиром 2-й авиаэскадрильи.

* * *

Немцы скапливались на Таманском полуострове. Наши войска лишали их возможности удирать. В период наступления мне особенно запомнился один пункт юго-восточнее Темрюка. На аэродроме и вокруг него все было заминировано, даже виноградники. Там оказалось около 3 тысяч мин. Жить было негде, спали мы все под плоскостями самолетов. Площадка была расположена на берегу лимана. Ветер поднимал пыль, от которой все задыхались. В песчаном тумане иногда было трудно узнать товарища.

9 октября Тамань была полностью очищена от немецких оккупантов. За активное участие в боях за Тамань наш полк по приказу Сталина получил благодарность и наименование Таманского. Это было для нас большим торжеством. (Поскольку последнее прибежище немцев была

коса Чушка, то мы над собой подшучивали: «А вот присвоят нам, девушки, наименование Чушкинского полка».)

Торжество после боевой ночи было назначено на утро. Чествовали нас прямо на аэродроме. Выкатили бочку виноградного вина, из соседнего полка прислали винограду, но ветер дул такой сильный, что все угощение оказалось в песке. А в конце концов ветер так разбушевался, что пришлось придерживать самолеты за хвосты…

Когда ушли немцы с Тамани, они оставили на ней не только мины и горящие виноградники, но и полчища мышей, которые двинулись с горящей земли вслед за немцами, а дальше им идти было некуда — море. Наши домики были переполнены мышами. Во время дневного сна я не раз сгоняла с себя бегавших мышей, а как-то они обкусали мне два пальца на руке, долго не заживало… Ребята из БАО наделали мышеловок, и за ночь попадалось 20–25 мышей. А Полина Гельман рассказывала, что утром нашла у себя на груди семейство маленьких мышат, они удобно устроились…

Осенью 1943 года наши войска повели наступление на Керченский полуостров. В конце октября мы перебазировались на аэродром около маленького рыбацкого поселка Пересыпь на

берегу Азовского моря и простояли там около 6 месяцев. Камень, море и ветер… Аэродром был на узкой полоске земли между морем и высоковольтной линией проводов, тянущихся вдоль дороги, параллельной берегу. Они соединяли косу Чушку и Темрюк. Провода служили прекрасной маскировкой. Кто бы мог подумать, что на таком кусочке земли расположен аэродром?

Все, что можно было собрать в метеорологии неблагоприятного для полетов, было собрано в этом месте: туманы, штормовые ветры и дожди. Мы с вечера выходили на аэродром и ждали погоды. Кое-кто засыпал под шум моря, Женя Руднева рассказывала сказки… А иногда и танцевали под звуки чьей-то губной гармошки. Неуклюжие, в унтах и меховых комбинезонах…

Только начинали летать — дул боковой ветер такой силы, что наши легкие машины почти опрокидывались, — полеты прекращали. Стихнет ветер — взлетаем снова. Порой приходилось очень трудно. Незаметно с моря подползал туман и закрывал аэродром, когда экипажи были еще в воздухе. Тогда летчики шли на вынужденную посадку на берег Крыма или на Таманский полуостров.

Однажды на разведку погоды взяли с собой ме-

теоролога, он был оптимистом, всегда уверял, что погода летная… После того как он до утра промерз на вынужденной, его отношение к прогнозам несколько изменилось…

Если экипажам удавалось благополучно посадить машину и потом можно было взлететь, утром они по одному возвращались домой. Продрогшие, замерзшие девушки заруливали на стоянки. А мы считали: все ли?

Обстановка на фронте была настолько напряженной, необходимость в наших полетах настолько велика, что приказывали летать и в плохую погоду.

С конца октября начались наши полеты на Керчь, когда мы прикрывали высадку десантов на побережье пролива.

По самому краю полуострова шла линия немецкой обороны. Десантные войска подплывали ночью на катерах или танкерах. С берега их обстреливала артиллерия, ловили лучами морские прожектора. Мы летали со специальной целью — бить по этим прожекторам и артиллерийским точкам.

Когда над целью появлялся самолет, немцы выключали прожектора. А наши машины появлялись над целью через каждые две-три минуты…

Это давало возможность катерам подойти к берегу. Иногда пехотинцы просили: «Хоть не бомбите, если облачность низкая[10], хоть мотором шумите». За шумом мотора не было слышно шума винта подходящего катера.

В определенный момент, когда десант подходил к берегу, по сигналу ракеты мы переносили свой удар вглубь обороны противника и подавляли его артиллерию. (Подобным образом мы действовали и потом, при десанте через Вислу и Одер…)

Так мы прикрывали десант на пункт Эльтиген, южнее Керчи, где была высажена знаменитая сибирская дивизия Гладкова. Слава о ней шла по всей Кубани. Но нашим войскам не удалось соединиться с керченским десантом, они оказались в окружении немецких войск (с моря их тоже блокировали) на пятачке земли, без снабжения и помощи. Ночные авиаполки летали к ним и сбрасывали боеприпасы, продукты, медикаменты.

В центре Эльтигена стояла школа — единственный крупный ориентир. Надо было сбрасывать груз с южной стороны школы — с северной были немцы. Подсветить нам не могли: цель мала и

[10] Примечания: 10

А мы не могли бомбить с малой высоты: самолет не успевал улететь от осколков собственных бомб.

простреливалась. Приходилось снижаться до 150–100 метров, чего ночью раньше никогда не делали. Часто работали двумя экипажами: первый бомбил огневые точки, второй сбрасывал продукты.

Когда бойцы этой дивизии все-таки прорвались к Керчи и потом проходили по Таманскому полуострову, они заходили к нам, благодарили за помощь, иногда жалели, что картошку сбрасывали им сырую, печь ее они не могли, по кострам враг сейчас же открывал огонь… Мы удивлялись, откуда они знали, что наш полк летал к ним, туда ведь летали и другие полки нашей дивизии.

Оказывается, только наши девушки, убирая газ, кричали сверху: «Полундра, лови мины» или «Морячки, куда картошку?». С малой высоты голоса так хорошо слышны.

Гладков писал впоследствии, что девичьи голоса в темном ночном небе помогали бойцам больше, чем мины и картошка…

Иногда ставили перед полком и другую задачу: освещать САБом подходящие к берегу катера противника, не бомбить их, потому что практически попасть в катер ночью с большой высоты невозможно, а освещать, представляя ясную мишень для нашей артиллерии.

Однажды редакция армейской газеты получила письмо от солдата пехоты, оно было не очень грамотно, но интересно.

«Некоторые говорят, что такое женщины? Как часто к ним плохо относятся. А у нас здесь летают женщины на самолетах. Мы называем их „наши Маруси“. Мы этим Марусям очень благодарны. Как только они появляются ночью над немецкими частями, немцы сразу перестают стрелять, и мы можем спокойно отдыхать, даже спать… Мы просим наше письмо напечатать в газете, чтобы все знали, какие они — наши Маруси и как они нам хорошо помогают…»

Это письмо мне показал редактор нашей газеты…

Когда мы летали через пролив, нам выдали морские куртки с особым порошком. При попадании в воду эта куртка надувалась, и человек в ней не тонул. Но для нас это была ненужная вещь. Летали ночью; если самолет упадет в море, ты сумеешь выбраться из кабины, куртка надуется, продержишься в ледяной воде полчаса, ну час, кто тебя подберет? Катер сторожевой? Так он ночью разве найдет тебя?

* * *

Боевые ночи… Сколько их было. Многие неизгладимо врезались в память…

Ночи темные и длинные. Полеты начинаются с заходом солнца, а заканчиваются с рассветом.

На аэродроме нет ни землянок, ни специального помещения для летчиков. Да они им и не нужны. Девушки всю ночь не вылезают из кабин самолетов, разве только выпить стаканчик горячего чая тут же, стоя около машин. БАО привозит чай в термосах по нашему заказу, и полуторка с ним стоит на краю площадки. У механиков и вооруженцев тоже нет передышек, они непрерывно снабжают бензином и бомбами машины и отправляют их в очередной полет.

У посадочной полосы установлен прожектор, но включаем его в исключительных случаях (чтобы не демаскировать аэродром) по красной ракете штурмана или в сплошной туман. Внутри прожекторной машины есть телефон, карты и журнал боевых действий. Это своеобразный передвижной штаб полка.

…Еще светло, а в штабе в поселке уже трещит телефон. Из дивизии передают задачу на ночь: цели — Булганак и Катерлез; бомбить живую

силу, склады с боеприпасами и артиллерийские батареи противника. Напряжение — максимальное, сколько сможем…

Уточняем линию фронта, список здоровых экипажей, вызываем метеоролога. Бершанская ставит задачу командирам эскадрилий. Последние указания штурмана полка. Я заканчиваю график полетов. Ни в коем случае нельзя перепутать, какая эскадрилья вылетает сегодня первой, иначе шума не оберешься. Ведь первые до рассвета успеют сделать на один вылет больше[11].

Первый самолет уходит в воздух, ровно через три минуты второй, за ним третий, четвертый… Взлетает последний, и на какое-то время становится непривычно тихо. Докладываю в дивизию и уже слышу, как от моря нарастает жужжание — возвращается первый экипаж.

Горят керосиновые фонари «летучая мышь», свет которых видно только с одной стороны. По ним и садятся самолеты. Вернувшийся экипаж докладывает Бершанской о выполнении задания, об обороне противника, о погоде. Наношу все на карту. Сегодня особенно сильно стреляли

---

[11] Примечания: 11

А за вылеты все буквально дрались. Приходит ко мне летчик и заявляет настойчиво: «Я не могу дежурить по части, я хромаю, я могу только летать». Летать она может, потому что она больная и хромая!

зенитки, штурман видел, как долго держали прожекторы чей-то самолет. Смотрим по расчету времени, кто это был, ясно: Дудина — Гламаздина.

В это время садится следующий самолет, за ним — другой. А первый уже выруливает на старт и снова поднимается в воздух. Ночь-«максимум».

Вокруг машин копошатся механики и вооруженцы. Пока все идет хорошо, и непрерывной цепочкой садятся и уходят в ночь самолеты, туда, к линии фронта, где разгорается пламя пожаров. Вернулись и улетели и Дудина с Гламаздиной. «Немного коленки подрожали после светового плена», — говорит Аня Дудина.

Звонит телефон, начальник штаба дивизии, поддразнивая меня, говорит, что «лошади майора Бочарова успели сделать больше выездов», чем мы. Не верится что-то. Некстати вспоминается, как недавно от неудачно выпущенной ракеты сгорел хвост самолета. А у Бочарова подбили машину, и пришла телеграмма: «Лошадь погибла, хвост подходит Озерковой…» Таков шифр.

Иду посмотреть, как обстоят дела на старте. Свет фонаря выхватывает из темноты сосредоточенные, перепачканные лица вооруженцев. Шутка сказать — на каждую из них уже при-

ходится около двух тонн подвешенных бомб, подвешенных нежными женскими ручками…

На крыле бензозаправщика притулилась фигурка механика — это Тоня Рудакова, или Пончик, как прозвали ее подруги за красные круглые щеки. Сейчас они серые.

Теперь мы принимаем доклады прямо у кабин экипажа, я влезаю на крыло (только после первого вылета экипаж приходит к нам в прожектор). Они докладывают совсем устало… Уже по девять вылетов сделала каждая из них. По тому как закуривает папироску Женя Жигуленко, я понимаю, что над целью сегодня очень нелегко. Как-то сейчас там другие?

Пробиваются рассветные лучи. Садятся последние самолеты. Сегодня все закончилось спокойно. Все вернулись. Полеты были эффективными. До утра горели и взрывались склады с боеприпасами. Девчонки идут на завтрак и спать…

А я уже думаю о заботах следующего дня…

* * *

В марте 1944 года к нам в Пересыпь прилетел писатель Борис Ласкин. Получил разрешение командования. Вообще-то, к нам в полк не очень пускали журналистов и писателей, особенно

после того, как один из них, некий Купер, увез дневники Жени за 41-й год и мои. Ласкин писал пьесу о женщинах на войне. Ну и хотел повидать все своими глазами.

Хочу привести некоторые его записки, которые были опубликованы его женой после смерти писателя. Нам кажется, что этот взгляд со стороны тоже представляет интерес. Он говорил мне потом, что первое впечатление от полка было такое, как будто он попал в пионерлагерь и идет «военная игра». Почему-то его очень потрясло, что я проверила у него документы, — «как будто все всерьез»… Пьесу он написал, она шла какое-то время в Театре Советской армии. Как видно из его записок, он изменил свое мнение о «пионерлагере»…

* * *

Б. Ласкин

Лечу в женский авиаполк. Интересно, какие они, эти женщины? Наверное, суровые, громогласные и уж совсем не женственные.

* * *

Отпустил усы. Пусть сразу поймут — прилетел

мужчина.

* * *

Прилетел. С аэродрома провели в штаб. Начальник штаба полка Ирина Ракобольская. Коротко острижена. Карие лукавые глаза. Проверила документы. Вежливо посмотрела на мои усы, улыбнулась: «Хотите быть похожим на Хемингуэя?» Кругом сдержанно засмеялись. Утром сбрил усы.

* * *

Командир полка — мягкая, необычайно женственная. Ставит боевую задачу. Офицеры-девушки записывают. Совсем как в институте на первом курсе.

* * *

Здесь очень любят цветы. Больше всех их любит Женя Жигуленко — высокая, синеглазая, красивая девушка с двумя орденами, — ложась спать, кладет на подушку цветы. Берет цветы и в самолет. Улетает бомбить врага с пучком подснежников. Она мастер составлять букеты,

она же озорна, любит разыгрывать. А вид у нее кроткий, застенчивый…

* * *

Марина Чечнева. Командир эскадрильи. Ужасно ей хочется походить на мужчину. Ухватки былого солдата. А присмотришься — милая девушка, ласковая. Обожает стихи.

* * *

С утра после завтрака пошел с капитаном Ракобольской на занятия в одну из эскадрилий. По пути выясняю планы послеармейской жизни капитана: закончить МГУ. Ее лекцию «Авиационное наступление» слушали хорошо. Во время перерыва летчица — лейтенант, совсем молоденькая, с двумя орденами — сидела, держа на руках кошку. Кошка мурлыкала и безответственно тыкалась мордой в орден Красного Знамени. Фамилия девушки Гашева. Ей 21 год. Она получила письмо от матери. Письмо в стихах. Его читала вся эскадрилья.

* * *

Полк работает ночью. Это ночные бомбардировщики. Днем зашел в одну из эскадрилий. Разговаривают две девушки, обе офицеры. Меня не заметили. «Ты понимаешь, — говорит первая — на холсте вышит поросенок, на поросенке фартук с карманчиками». — «Аппликация?» — спрашивает вторая. «Да, в карманчике платок. Хочешь синий, хочешь зеленый». — «Прелесть». Я кашлянул, обе оглянулись и сразу, без перехода: «Экипажи все отбомбились», — сказала первая. «Вернулись без потерь», — добавила вторая. Я вышел. Мне не хотелось мешать их беседе на военные темы.

* * *

Когда начальник штаба полка еще училась в школе, она играла донну Анну. Пришла Мухина — знаменитый скульптор — и сказала: «Этой девочке надо идти на сцену».

* * *

Фашистские зенитчики подбили наш самолет.

Он совершил вынужденную посадку на ничьей земле. Летчик и штурман — Руфина Гашева и Ольга Санфирова решили пробираться к своим. Идут — одна чуть впереди, другая сзади. На двух подруг один пистолет. Идущая впереди говорит подруге, у которой в руке пистолет: «Если наткнешься на врагов — первым выстрелом убей меня, вторым себя». Идут. Потом первая оборачивается, говорит подруге: «А ведь ты меня не убьешь». Вторая тут же отвечает: «Я тебя больше всего на свете люблю. Я тебя обязательно убью!»

* * *

Вчера в полк привезли погоны. Началась массовая примерка. Я на мгновение почувствовал себя в ателье мод.

* * *

Штурман полка Женя Руднева, держа в руке список штурманов, ласково говорит: «Это все мои штурманята».

* * *

Мужчины, приезжающие в полк, держатся

весьма осторожно.

* * *

Кажется, что под ногами у них не поле аэродрома, а минное поле.

* * *

В рабочее время: «Товарищ капитан! Разрешите обратиться?» В нерабочее время: «Ира, у тебя есть белые нитки? Толя письмо прислал — умрешь со смеху».

* * *

Маша Смирнова до войны была учительницей и дошкольным воспитателем. Представьте себе ее в белом халате и косынке. Она сидит на пеньке и читает ребятишкам сказочку. Проходит время, и эта самая воспитательница совершает свой 705-й (!!) боевой вылет на бомбежку врага. Это уже не сказочка. Это чистая правда…

Я смотрю на Машу и думаю. Пройдут года. У Маши будет внучка. И внучка скажет своей подружке: «А моя бабушка кавалер ордена Александра Невского».

* * *

На теоретической конференции штурман Таня Сумарокова делает содоклад об уничтожении живой силы противника. Говорит с уверенностью генштабиста. На днях она в полете обморозила себе щеки. Утром сообщила, что собирается защищать диссертацию на тему «Выведение веснушек методом обмораживания».

Московские хорошие девушки, смотрите на Руфину Гашеву. У этой девушки есть чему поучиться. Когда я услышу о силе человеческого духа, я обязательно вспомню об этой московской девушке, прямо из аудитории университета ушедшей на фронт. Сама она говорит, что страшно бывает редко. Больше всегда азарта. Попадешь в луч прожектора и думаешь, как бы влепить бомбу в самый прожектор. Интересно как-то. Всегда у нее, как она говорит, чувство страха запаздывает.

Попробуйте себе представить Джульетту в комбинезоне. Пусть она наденет унты, шлем, перчатки. Пусть подпоясется ремнем с кобурой. Произойдет чудо — возникнет военный летчик, но при этом не исчезнет Джульетта. Это не парадоксальное сравнение. Это именно так. Тихая,

очень поэтичная, ясноглазая — вот какова эта девушка с именем Руфина.

* * *

В одной из эскадрилий висит юмористическая стенная газета. Там напечатаны «Заповеди женского полка». Вот некоторые из них:

«Гордись, ты женщина. Смотри на мужчин свысока!

Не отбивай жениха от ближней!

Не завидуй другу (особенно если он в наряде)!

Не стригись. Храни женственность!

Не топчи сапоги. Новых не дадут!

Люби строевую!

Не выливай раку, отдай товарищу!

Не сквернословь!

Не теряйся!»

* * *

День. Мы сидим в землянке. Над нами с оглушительным ревом проходит штурмовик. Все оборачиваются и многозначительно смотрят на девушку в погонах лейтенанта. Она слегка краснеет и пожимает плечами: «Ну что же я могу с ним сделать!» Дело в том, что в девушку-лейтенанта

страстно влюблен парень — летчик-штурмовик из соседнего полка.

* * *

Руфина Гашева летела с Санфировой. Везли бомбы и кассеты с зажигательной смесью. Над целью заел замок. Гашева сказала: «Леля! Я сейчас вылезу». И она вылезла на плоскость и столкнула кассету вниз на врага. Самолет шел со скоростью 100 км в час и на большой высоте.

* * *

Из литературного журнала 1-й эскадрильи: «Мы пришли отовсюду — из Осоавиахима, из ГВФ, из вузов, из техникумов, с заводов и учреждений. Пришли такие молодые, как семнадцатилетняя Вера Маменко, и „пожилые“ — в основном двадцатидвухлетние. Было тут много москвичек… Были из Киева, из Керчи, из Иркутска и Калинина. Все собрались, чтобы потом под Моздоком участвовать в борьбе за Сталинград… а на Таманском полуострове драться за Керчь…»

* * *

Однажды ночью, когда наши части стояли в обороне на р. Миус, над линией фронта пролетел низко-низко самолет По-2. Над самыми окопами самолет убрал газ, и оттуда послышался гневный женский голос: «Что же вы сидите, черт вас возьми! Мы бомбы возим, бомбим фрицев, а вы не наступаете!» В эту же ночь подразделение пехоты перешло в атаку, захватило несколько блиндажей и дотов противника. Командующий наземными войсками приказал найти девушку, которая ругалась в эту ночь над линией фронта, и вынести ей благодарность…

* * *

Она — летчик, офицер, награждена четырьмя орденами, а муж работает в тылу. Прилетела домой на сутки. Утром открыла глаза, видит — муж стоит перед зеркалом в ее гимнастерке с орденами. Стоит и молча качает головой. Она закрыла глаза.

* * *

Девушки условливаются о месте и времени встречи в Москве после войны… Говорят об этом с улыбкой, а думают и надеются всерьез.

* * *

«После Победы мы обязательно должны встретиться все. Я думаю о смерти с презрением и никогда не задумываюсь, чтобы помериться с ней силами. Мне кажется, что все должны остаться такими, какими расстаемся сейчас». Это записала в тетрадь Амосовой Галя Джунковская из полка Пе-2, совсем молоденькая, с круглым, чуточку мальчишеским лицом…

Б. Ласкин. Поселок Пересыпь, 44 г.

* * *

В конце 1943 года Женю Рудневу отпустили в Москву, выпросилась она домой вместо санатория, куда ей уже оформили путевку. Одиннадцать дней провела дома, побывала и в родной обсерватории. Случилось так, что среди своих спутников по дороге в Москву Женя встретила того, кто мог

бы стать спутником всей ее жизни…

Первая и последняя любовь, чистая, светлая и глубокая, как все, что было в ее жизни, пришла к ней неожиданно. И как хорошо, как просто пишет Женя об этом в своем дневнике: «Зачем мне целый мир? Мне нужен целый человек, но чтобы он был „самый мой“. Тогда и мир будет наш». Один раз сумел инженер-танкист Слава приехать к нам в полк, а потом его командировали в Иран… Тысячи километров разделяли их, но теплые слова любви и дружбы доходили из Ирана до Тамани…

* * *

Из писем Славы в Пересыпь:

«…Милая моя Женечка! Отныне моя дальнейшая жизнь приобретает новую окраску! Все, что я буду делать, я буду делать как можно лучше, чтя в сердце моем твой прелестный образ. Прошу тебя только об одном — меньше рискуй понапрасну в работе и помни, что ты мне очень дорога. Все-все напоминает мне тебя. Со мной еще так не было! Тоскую по тебе. А сколько раз вынимал я из планшетки твою фотографию. С некоторых пор ты, моя дорогая, для меня вторая жизнь. Ни о ком я не беспокоился до этого, а теперь буду думать

все время о тебе, и, наверное, никакая работа и опасность не смогут отвлечь меня от этого. Жить буду только тобой…

…Да, я не знал до тебя такой нежной, развитой, волевой и обаятельной девушки. И прости меня, если я как-нибудь отважусь еще поцеловать тебя.

…Милая девушка моя, мне так хочется тебя чаще видеть, поцеловать, нежно обнять тебя и долго-долго смотреть в твои глубокие глаза. Но только тогда, когда они не темнеют…

…Ты пойдешь совершенствовать знания в академию, а я вернусь к своему инженерному труду. Наш с тобой союз укрепится появлением Женечки или Славки, которые будут напоминать нам то тяжкое время, когда в урагане войны рождалась и крепла наша дружба…

…Тебя я сегодня поцеловал, ты ответила желанным поцелуем, и теперь я твой полный раб.

…Ты называешь меня „мой маленький славный Славик“. Сколько нежности в этих словах.

…А в отношении того, что ты обыкновенная девушка, уж тут ты меня не убедишь. Обыкновенные девушки работают на заводах, учатся в институтах в глубоком тылу. Дорогую цену жизни они не знают, дыхание смерти они не

ощущали, а главное, не уничтожали фашистов, самую страшную угрозу для нашей Родины.

…Мне что-то грустно и не по себе. Я вспоминаю тебя и знаю, что далеко-далеко есть моя дорогая, горячо любимая девушка…»

Ее уже не было, а письма шли и шли…

* * *

Последние записи в дневнике Жени Рудневой:

«…Я очень высоко ставлю звание командира Красной армии, офицера… ко многому обязывает это звание. Даже при условии, если после войны я не буду военной, — как много даст мне в жизни эта школа офицерского коллектива, если взять от нее все возможное… Очень часто живем старым богатством, а оно улетучивается. Вот пришлось послать Лёне такой запрос „Вышли формулу Муавро“. А сегодня поспорили с Полинкой Гельман о том, в 1572 или в 1672 г. была Варфоломеевская ночь. Хочу письма от Славика!

5 марта 44 г.

620-й вылет с Лорой, чтобы выздороветь от гриппа (повлияло!), шесть с Диной и два на контроль… Контролем я осталась довольна. Хотела бы я, чтобы кто-нибудь из начальства поболтался под облаками и посмотрел, как честно кладут

У-двешки бомбы в цель!

15 марта. Я „на той стороне“. Впервые вчера вступила на крымскую землю, а до сих пор я все лишь бомбила ее, а она отвечала мне лучами прожекторов и снарядами зениток. Вчера Женя Жигуленко высадила меня в Жуковке. Над проливом летели бреющим. Как крепко уцепились наши войска за этот клочок крымского побережья! Отсюда будем бить противника…

…Ходили смотреть, как идет перестрелка на передовой. Вот она какая стабильная линия фронта! Бьют наши батареи — немцы засекают и принимаются бить. Наши молчат и засекают их батареи. Наши начинают, они молчат. И так все время. Проносило низкую облачность, но показывалось солнышко, и ветер был чисто весенний. Как не хотелось думать о войне. Но линия фронта отсюда в 3 км, и в бинокль отчетливо виден совершенно разрушенный Аджи-Мушкай, а кругом хлопают разрывы и слышен шум летящих снарядов, в последний момент перед взрывом переходящий в свист. Майор Уваров принес мне букет подснежников. Как я обрадовалась этим скромным цветочкам — первым вестникам весны!

17 марта. Была в 40 м от немцев — на самой передовой… Передовая… Если не нагнуться в

траншее, тут же свистят пули снайперов.

19 марта. Наши По-2 работали всю ночь, а с утра поднялся ветер, и за мной не могут прислать самолет… В эту ночь летчицы полка сделали рекордное число вылетов — сто семьдесят один!

27 марта. У нас в полку тяжелые дни. Завтра будем хоронить Володину и Бондареву. Разбитый в щепки самолет и их трупы один крестьянин обнаружил в плавнях у Черноерковской. Их выкопали и привезли сюда на санитарном самолете. В бытность мою штурманом полка это единственная блудежка, и та привела к катастрофе. Мне кажется, я недоучила Бондареву. Иначе, будучи штурманом звена, имея 200 вылетов, как могла она растеряться и потерять ориентировку в таком богатом ориентирами районе? Тягостное чувство.

29 марта. Вчера была похоронная погода: дожди целый день и ветер порывами до 25 м/с. Девушек похоронили под звуки оркестра и салют из 20 винтовок. Вечером писатель Борис Савельевич Ласкин читал нам свои произведения. А сейчас сижу в Старотитаровской — ну и грязная станица. Собрание штурманов полков. Я доклад уже сделала. Перерыв на обед с 16 до 18 часов».

9 апреля Жени Рудневой не стало…

* * *

В апреле 1944 года полк летал непрерывно, каждую ночь. Готовилось большое наступление наших войск в Крыму. У всех было бодрое, радостное настроение.

Полина Гельман вспоминает, как в солнечный апрельский день, накануне гибели Жени Рудневой, они ходили с ней по улице Пересыпи. Женя сказала: «Как хорошо все-таки жить — можно творить, думать, бороться, любить, читать. А что может быть лучше всего этого!»

Штурман Оля Яковлева писала мне: «В последний раз я говорила с Женей на старте в ночь ее гибели. Перед вылетом она вскочила на плоскость самолета, спросила, хорошо ли я знаю цель, проверила бортжурнал и, улыбнувшись своей задумчивой и немного грустноватой улыбкой, махнула рукой и побежала к самолету Панны Прокопьевой, с которой вылетала на свое последнее задание…»

В ночь на 9 апреля над Керчью ярко светила луна, а на высоте 500–600 метров небо закрывал тонкий слой облаков, освещенных луной. На фоне облаков отчетливо, как на экране, видно было, как по небу медленно ползет самолет. В эту

ночь Женя Руднева совершала свой 645-й вылет с летчиком Панной Прокопьевой. Летчиком, в общем, она была опытным, но в полк прилетела недавно и боевых вылетов имела не больше десяти. Следуя своему правилу, Женя проверяла молодых…

Над целью их самолет был обстрелян из автоматических зенитных пушек «эрликон» и загорелся. Через несколько секунд внизу взорвались бомбы — штурман успел сбросить их на цель. Некоторое время горящий самолет продолжал лететь на запад, потом повернул на восток, и тут экипажи других машин увидели, как из первой кабины стали вылетать ракеты.

Сначала медленно, спиралью, а потом все быстрее самолет начал падать на землю, казалось, что летчик пытается сбить пламя.

Потом из самолета фейерверком стали разлетаться ракеты: красные, белые, зеленые. Это уже горели кабины… а может быть, Женя прощалась с нами. Самолет упал за линией фронта. Видно было, как он ярко вспыхнул последний раз и стал угасать…

Я дежурила в эту ночь, прилетавшие экипажи докладывали, что видели горящий падающий самолет. По расчету времени мне стало ясно,

что это были Прокопьева с Рудневой… До утра вооруженцы писали на бомбах «За Женю»…

Когда через два дня началось наступление, мы перелетели в Крым. Я с командиром эскадрильи Ольгой Санфировой летала к месту гибели Панны и Жени: мы хотели найти хотя бы обломки самолета, а может быть, увидеть и их тела…

Сколько видела я после этого линий фронта и разрушенных городов, но никогда не встречала такой израненной земли, как в Керчи и ее окрестностях. Огромное пространство было изрыто воронками от бомб и снарядов. Всюду лежали поломанные и сожженные машины, остатки сбитых тяжелых самолетов. В городе торчали темные печные трубы в окаймлении фундаментов. Целых домов не было вообще…

Следов нашего маленького По-2 мы не нашли… И долго еще в душе теплилась надежда, что Прокопьева и Руднева живы, хотя мы и знали, что так быть не могло. А Женина мама надеялась, что дочь ее жива…

Все наши родители перезнакомились в Москве, ездили друг к другу, звонили, рассказывали новости. Когда погибла Женя, я написала своей маме, так что она знала, а Анна Михайловна — Женина мать — еще нет.

Дуся Пасько — она тоже была с мехмата — рассказала мне, что после войны Женины родители ежегодно собирали ее друзей в Женин день рождения и всегда говорили о ней как о живой.

Тяжело переживали мы гибель Жени Рудневой, нашего звездочета и сказочника, милой, нежной, любимой подруги. И только после войны мы узнали, что оставшиеся под Керчью жители подобрали останки наших девушек. Прокопьеву приняли за мужчину и похоронили в общей могиле, а Женю — отдельно и написали, что здесь лежит неизвестная летчица.

Давно уже они перезахоронены, и им поставлен памятник на военном кладбище города Керчи. Я была там со студентами университета, когда отдыхала в лагере МГУ под Анапой. Была и в Пересыпи, показала студентам наш бывший аэродром и большой памятник, который поставили рыбаки нашему полку… Звание Героя Советского Союза было присвоено Жене посмертно среди первых пяти…

И как писала Ольга Голубева: «Говорят, столетья должны пройти, чтобы земля заровняла окоп в метр — шрам на лице планеты. А шрамы, оставленные войной на человеческом сердце, что их изгладит? Мы не хотим верить в смерть подруг.

У человека можно отнять здоровье, любовь, его можно лишить счастья. Только одного нельзя отобрать — надежды!»

После смерти Жени штурманом полка стала Лора Розанова, бывшая сначала штурманом эскадрильи, затем летчиком, командиром звена и снова штурманом, но уже полка.

* * *

Из воспоминаний Е. Бершанской:

«В ночь на 11 апреля войска Отдельной Приморской армии перешли в наступление с плацдарма на Керченском полуострове. Противник начал отходить в направлении Севастополя. В эту знаменательную ночь наши полки получили весьма необычную задачу: максимально осветить пути отхода противника и тем самым облегчить развитие наступления наших войск. В течение ночи нашим полком было сброшено более 650 светящихся бомб. Только с полным рассветом мы закончили боевые вылеты, и летный состав, обрадованный успехами наших войск, ушел на отдых».

* * *

С 15 апреля полк базировался в Крыму, в селе Карловка. Это было партизанское село, встречали нас жители восторженно. Поскольку БАО не смог привезти продукты — сложно было с переправой через пролив, — население и покормило нас, вскрыв какие-то тайные запасы. Стояла Пасхальная неделя…

Мальчишки из дома, где расположился штаб, побежали смотреть «летчиков» и вернулись разочарованные: «Разве это летчики, сами бабы…»

Наши машины стояли ничем не замаскированные. В эйфории наступления и праздника мы и не успели об этом подумать. Да и земля вокруг была голая. Возвращавшийся с задания фашистский летчик сначала обстрелял нас — загорелся один самолет, был ранен механик. А потом он вернулся уже с несколькими машинами, и началась штурмовка. Никогда днем нас не штурмовали. И только теперь мы поняли, что чувствует пехота, когда над ними с ревом проносятся самолеты и они видят лица улыбающихся летчиков и бомбы, которые летят на них… Я лежала в какой-то канаве на краю поля. Нет, я не вспоминала свою жизнь и не прощалась с мамой: были две четкие

мысли: «Почему я такая большая?» и «Только бы сразу»...

Но больше штурмовики не возвращались: поднялись наши истребители, завязался бой, и фашисты ушли.

Так началась война в Крыму. Когда с Перекопа двинулся 4-й Украинский фронт, немцы побежали так, что мы на своих самолетах не поспевали за ними. Каждое утро нам приходилось менять аэродромы, нам не успевали подвозить боеприпасы и питание. Работали таким образом: прилетали, выбирали площадку, располагались. Подвесим бомбы, пообедаем, тут уже и темнеет — начинаем летать. Кончаем полеты в 5 утра. Командир полка или кто-то из командиров эскадрилий летит вперед на поиски нового аэродрома, а я лечу в штаб армии за указаниями, где работать на следующую ночь. Часов в двенадцать перелетаем на новую площадку. И так почти ежедневно. Спали под плоскостями самолетов, над нами пели жаворонки и пригревало весеннее солнышко...

За бои по овладению Феодосией наш полк был награжден орденом Красного Знамени. Помню, когда по телефону нам сообщили о награде, в штабе полка находились я и парторг полка Мария

Рунт. Мы пошли на старт сообщить эту радостную новость. Идем по аэродрому, встречаем девушку. Я ее останавливаю. Она вытягивается перед нами как положено.

— Поздравляю вас!

— С чем?

— Наш полк награжден орденом Красного Знамени!

Девушка забывает обо всем, всплескивает руками, бросается нас целовать и с криком бежит дальше…

На старте мы сообщали о награде каждому прилетающему экипажу. Из одного самолета раздался непонятный шум, — оказывается, они по переговорной трубке устроили митинг…

Впоследствии орден прикрепили к нашему знамени. Конечно, это награждение было не за одну Феодосию, а в основном за Керчь.

Во время боев в Крыму полк входил в другую, 8-ю Воздушную армию, пришедшую в Крым через Перекоп, и в прославленную 2-ю Гвардейскую Сталинградскую дивизию, состоявшую из одних полков на самолетах По-2.

Это был третий раз, когда мы переходили в новую дивизию, командовал ею генерал-майор Кузнецов. Бершанская вспоминает, как коман-

дир 132-й авиадивизии генерал-майор Федоров сказал Кузнецову, что он понимает его настроение: он тоже принимал наш полк с недоверием, а теперь жалеет, что его надо отдавать…

Но и мы входили в новую дивизию не без опасений. Об их работе у Сталинграда рассказывали легенды, полки тоже были все гвардейскими.

Командование новой дивизии было к нам очень внимательно, часто кто-то присутствовал на полетах. Их экипажи возили по 300 кг бомб, а мы не более 200 кг. Стали и наши летчики брать увеличенный бомбовый груз, некоторые экипажи — Поповой, Чечневой, Никулиной — увеличили нагрузку до 370 кг. Оказалось, что это можно, только быстро изнашиваются моторы.

Весной 1944 года, с 27 апреля по 13 мая, мы стояли в совхозе Чеботарском и начали летать в район Севастополя. Город был очень сильно прикрыт зенитной артиллерией и прожекторами. Мы насчитывали иногда до 50 прожекторов. Поэтому экипажи были вынуждены подходить на большой высоте — до 1800 м, убирать газ и планировать на цель.

Бомбили главным образом аэродромы. Это было очень важно. Противник стремился вывезти из Севастополя все, что возможно, иногда и све-

жие силы перебрасывали сюда, но наша авиация буквально блокировала аэродромы.

Ночные полки и дневные бомбардировщики сменяли друг друга.

* * *

Из воспоминаний Е. Бершанской:

«Полк получил боевую задачу до наступления темноты взлет произвести в составе полка, к сумеркам быть над целью, бомбить аэродром на мысе Херсонес, не дать возможности производить посадку самолетам противника.

Я подняла полк в полном составе поэскадрильно. Взлет произвела засветло, с набором высоты ушла в море. Мы лидировали полк со штурманом Розановой; мы увидели на фоне морской воды силуэты самолетов противника, которые шли к мысу Херсонес. Мы с воздуха все время следили за ними. Подлетая к берегу, они все включили бортовые огни, а мы в это время уже развернулись с выходом на боевой курс. Следом за нами, только на разных высотах, шли все остальные полки нашей дивизии.

Мы с Розановой сбросили бомбы на аэродром по только что включившемуся старту. Вслед за разрывами наших бомб посыпался нескончае-

мый поток бомбового груза. Уходя от цели, мы наблюдали мощные разрывы бомб, вспышки огней в границах аэродрома. Стартовые огни были выключены, значит машины противника не могут сесть на этом аэродроме, а больше садиться им было некуда. Противник включил лес прожекторов, но наши летчики, маневрируя между ними, с левым разворотом, через бухту Северная уходили домой. Пройдя линию фронта, все экипажи включили бортовые огни, чтобы не столкнуться с кем-нибудь в воздухе — так было густо…

Не успели наши легкомоторные самолеты уйти от цели, как уже прилетала авиация дальнего действия, а ее опять сменяем мы, и так до утра. Еще не успел улететь последний ночной самолет, как уже прилетела дневная авиация, чередуясь эшелон за эшелоном весь день до самой ночи, до следующего прилета ночников.

В эту ночь, не имея возможности сесть на своем аэродроме, немецкие самолеты разбрелись в поисках места для посадки, так как горючее у них было на исходе.

По прибытии на свой аэродром я начала принимать возвращающиеся самолеты. Вдруг слышу, приближается самолет противника, а наши эки-

пажи от цели шли с зажженными бортовыми огнями. Он пристроился к ним и стал заходить на посадку. Я включила посадочные огни, он ушел на второй круг, а в это время на соседнем аэродроме, километрах в трех от нас, садился самолет, „немец“ встал за ним и тоже сел».

* * *

Рассказывали «братцы», что летчик вышел из кабины и кричит: «Севастополь?» Наши быстро под колеса грузовую машину подогнали, говорят: «Севастополь, сдавайтесь…» Кажется, немного постреляли. Короче, взяли самолет с экипажем в плен, представить трудно — такой трофей!..

Так как мы брали увеличенный груз и работали так интенсивно, что нам не успевали подвозить бомбы, то пришлось воровать их у «братиков». Как-то сел рядом Ил на вынужденную, мы и у него увели бомбы.

Наш аэродром в это время был объявлен запретной зоной. Дневные полки напряженно летали на освобождение Севастополя. Пути штурмовиков и истребителей проходили почти над нами. И «братики» считали нужным немного отклониться, чтобы поделать разные виражи над женским полком. «Бочки», «имельманы», стрельба из

пулеметов и ракетниц — так они приветствовали нас... А мы спали после ночных полетов. Пришлось командованию армии умерить такое проявление чувств и «закрыть» аэродром.

Надя Попова говорила впоследствии: «Кто не летал на Севастополь, тот не представляет себе, каким может быть заградительный огонь». Дуся Пасько вспоминала, что ничего страшнее полетов на Севастополь не было. Тем замечательнее, что мы в этих полетах не имели потерь. После освобождения города еще пару дней летали на мыс Херсонес, тоже на аэродромы врага, там их было три. А потом видели, как фашисты на лодках, верхом на бревнах и досках пытались отплыть от крымского берега. Куда? Может быть, рассчитывали на свои корабли? Или так, от отчаяния? Видели и других немцев, которые вместе с нашими солдатами убирали разбитую технику на берегу.

В полку царили радость и воодушевление. Мы никогда не видели такой впечатляющей картины разгрома фашистской армии. Казалось, что вот он, конец войны!

Во время боев в Крыму мы входили в другую, 8-ю Воздушную армию. Ее путь лежал, кажется, в Румынию. А наша, 4-я ВА, была переведена на

Западный фронт.

Встал вопрос: а куда дальше мы? Хотелось поближе к Москве, на западное направление, в Белоруссию, хотелось вернуться в свою, ставшую близкой, 4-ю. К. А. Вершинин и Петров тоже просили вернуть наш полк в их подчинение… Еще до ухода 4-й армии из Крыма вызвал меня Вершинин и командировал в Москву, в ЦК комсомола. Это была такая нелегальная командировка. ЦК нас призывал и мог помочь. Я прилетела, секретарь ЦК комсомола выслушал мой рапорт, звонил кому-то в Верховное главнокомандование, но, кажется, вопрос уже был решен положительно… Я вернулась в Крым 4 мая, когда полк уже работал на Севастополь. Нам не дали и дня отдыха, после окончания боев в Крыму мы тут же вылетели на Западный фронт. Кстати, командир Сталинградской дивизии даже рапорт подал, чтобы полк оставили в его дивизии, но поздно, приказ получен!

И вот летом 1944 года мы уже в Белоруссии, на аэродроме Сеща. Смоленск был освобожден, бои шли где-то в районе Могилева. После просторов юга, больших станиц, гор, рек и морей мы начали привыкать к лесу, маленьким деревенькам и трудностям ориентировки. Летом мы почти

все время жили в лесу, где нас поедали комары. Мы выбирали полянку, пригодную для взлета и посадки. Палаток не ставили. Летчики спали под самолетами, остальные — под деревьями. Если было время, для штаба строили шалаш. Но чаще мы располагались под березой, делая указатели: КП — сюда, к березе приколачивали дощечку с надписью: «Штаб».

Но как ни примитивно было наше жилье, оно у нас всегда было уютным. Девушка, даже если спит на земле, обязательно постелит простыню. А Амосова и Никулина еще на Кавказе купили красную скатерть и всюду возили ее с собой. Когда сделают в лесу шалаш, тотчас же одну сторону его завесят этой скатертью, чемодан прикроют салфеткой, да еще флакон одеколона поставят сверху…

Мы вернулись в 4-ю ВА и вошли в дивизию полковника Покоевого, которая состояла из одних полков По-2, ранее летавших на Севере. Гвардейских частей среди них не было. Встретили нас настороженно, как обычно бывало сначала, долго присматривались к нашей работе, посылая на старт своих представителей. Начальник штаба дивизии полковник Стрелков, как мне казалось, придирался к нашему штабу, и я старалась по-

меньше к нему обращаться. Но вскоре все это прошло, своей боевой работой мы заслужили уважение штаба дивизии, и полковник Стрелков стал нашим другом. С этой дивизией и прошли мы оставшуюся часть боевого пути. Сначала Минск, затем Польша, Восточная Пруссия, Германия — Штеттин, Нойбранденбург…

Когда шли бои на минском направлении, мы едва успевали за наземными войсками. Проезжая со штабом на полуторке по центральному шоссе, видели по обочинам брошенную и разбитую технику, трупы лошадей и людей. Наша армия шла вперед, освобождая пункт за пунктом, а разбитые немецкие части оставались в лесах и полях вдоль шоссе, иногда с техникой, в тылах наших войск…

Нам представлялось, что если наш фронт окружил минскую группировку, то это означает, что немецкие части находятся внутри кольца советских войск. Постепенно кольцо сжимается, одни сдаются в плен, другие погибают.

Все оказалось не так. Рокоссовский прошел со своим фронтом вперед, «окруженные» немцы остались в тылу, скрываясь по лесам, болотам, занимая некоторые села иногда довольно крупными соединениями. Получилось, что по дороге

идут наши войска, а вокруг сидят немцы. И так как авиация всегда находилась немного позади передовых частей, мы эту «кашу» почувствовали. Мы едем по дороге, вдруг выясняется, что дальше пути нет: немцы прорвались через дорогу, стоят в деревне за десятки километров от передовой…

Мы только разместились на аэродроме, вдруг по нему началась артиллерийская стрельба, и мы вынуждены уходить. Часто бойцы БАО, обслуживавшего нас, вступали в бой с вооруженными немецкими частями. В основном, конечно, они стремились взять немцев в плен, часто это удавалось.

Иногда мы сами чувствовали себя окруженными. Мы стоим, а вокруг немецкие части. Какое у нас оружие, какая охрана… Так, оборудуя взлетную полосу у опушки небольшой рощи, мы узнали, что с другой стороны стоят немцы с орудиями. Днем эскадрильи перелетели на новую площадку, а штаб и часть техников остались до утра ждать машин. Было очень напряженно, рядом постреливали. Я сняла знамя полка с древка, обернула его вокруг себя под гимнастеркой и потуже затянулась ремнем… Так прошла ночь…

Утром подъехали машины, мы погрузились на трясущуюся полуторку, которую старик-шофер

почему-то называл «Маруся» и останавливал у каждой лужи, чтобы подлить холодной водички в радиатор, откуда все время шел пар.

А я вспоминала Южный фронт, отступление в Сальских степях в 1942 году, отсутствие линии фронта и наших солдат, уныло бредущих вдоль дорог, бегущих за ними женщин и курицу, вдруг выпорхнувшую из-под полы одного солдата…

Иногда наши машины обстреливались при дневных перелетах, появились у нас раненые летчики, но чаще группы немцев выходили туда, где были наши части. Так, однажды осталась техник Пилипенко с подбитым самолетом, с ней находились два-три бойца БАО. И одна винтовка на всех.

Вдруг немецкая колонна, вышедшая из леса, направила к ним своего парламентера с белым флагом. Оказалось, что это остаток штаба генерала Фалькнерса во главе с самим генералом — идут сдаваться в плен… Пленных приняли и в сопровождении одной девушки с винтовкой отправили в ближайшую стрелковою часть.

Мы стояли в одной деревне на берегу Немана. Деревня была широкая, дома стояли в один ряд и растянулись далеко, так что аэродром находился прямо на улице. На той стороне Немана в лесу

стояла немецкая часть. Ночью летали немецкие самолеты, бросали туда груз, очевидно продукты и боеприпасы. Немцы с того берега переплывали в деревню, воровали у хозяев поросят, различные продукты. Это было в Западной Белоруссии. Население относилось настороженно и к нам, и к немцам. Но кто-то оставлял продукты для немцев на дороге. Каждую ночь была тревога и выстрелы.

Наши бойцы из БАО решили поехать и взять немцев в плен, были сами окружены, один боец выполз, прибежал и сказал, что наши погибнут, если их не выручить…

Командир дивизии быстро выслал свой связной самолет. Выстрелом из пулемета оперативный работник штаба был тяжело ранен. И тогда нам разрешили вылететь и бомбить эту группировку. А ведь днем наш самолет можно сбить из ружья. Впервые за всю войну Таня Макарова и Вера Белик бомбили немцев днем и видели, куда падают бомбы…

В результате нашей операции немцы сдались…

После освобождения Белоруссии работник нашего штаба Зина Горман съездила в деревню, где ее отец работал в колхозе. Туда она на лето отпра-

вила своего маленького сына в июне 1941 года. Вернулась почерневшая от горя. Всех евреев уничтожили. Кого-то расстреляли, а большинство закопали в землю живыми… Когда она смогла говорить, слушать ее было невозможно.

Зинин муж Саша воевал в наземных частях где-то недалеко от нас. После войны они взяли на воспитание двухлетнего малыша… «Он так похож на Сашу», — говорила она. Сама она детей иметь не могла.

* * *

В Белоруссии мы начали активно «болеть» вышивкой, и продолжалось это до конца войны. Началось с незабудок. Ах, какие красивые незабудки получались, если распустить голубые трикотажные кальсончики и вышить цветочки на летних тонких портянках. Из этого можно сделать и салфеточку, и на наволочку пойдет. Эта болезнь, как ветрянка, захватила весь полк…

Прихожу днем в землянку к вооруженцам. Дождь ее промочил насквозь, льет изо всех щелей, на полу лужи. Посередине стоит девушка на стуле и вышивает какой-то цветочек. Только вот ниток нет цветных. И я писала сестре в Москву: «У меня к тебе очень важная просьба: пришли

мне цветных ниток, а если бы могла сделать подарок нашим женщинам и прислать побольше. Наши девочки за каждую ниточку душой болеют, каждую тряпочку используют для вышивки. Сделаешь большое дело, и все будут очень благодарны». Из этого же письма: «А сегодня после обеда у нас образовалась компания: я сижу за вышивкой незабудок, Бершанская — роз, крестом, Анька вышивает маки, а Ольга читает нам вслух. Погоды не было…»

Это была немножко смешная болезнь, но переболели ею все. Поскольку рисунков для вышивок было мало, то все вышивали одно и то же, например попугая. У одной он получался круглый, толстый, у другой какой-то, скорбный, с вытянутой головой…

Теперь-то я понимаю, что это была разрядка от напряженного ужаса войны, успокоение души… После войны я больше никогда не вышивала…

Штурман Оля Яковлева вспоминает, как поздним летом 1944 года уже в Белоруссии на наши легкие самолеты были поставлены пулеметы ШКАС (Шпитального). Всех обучали ими пользоваться, но эффективность их была не очевидна. Зато машины наши приобрели грозный боевой вид. ШКАСы монтировали на подвижных турелях

сзади штурмана. Пулемет мог опускаться вниз и поворачиваться направо-налево. Ставилась задача: отбомбившись по цели, уменьшить высоту полета и обстреливать из пулемета передовые позиции немцев. Это можно было делать с высоты 200–300 м.

Надо было быстро, но очень осторожно поворачиваться в кабине, чтобы не мешать летчику управлять самолетом. Естественно, это было легче делать маленьким, худеньким штурманам. Мы честно обстреливали передовые, но об эффективности такого обстрела что-либо сказать было трудно. Не то что сбросишь бомбы — и видишь пожары или взрывы на земле. Пулеметы стояли на машинах до конца войны, вооруженцы научились с ними управляться. Но я не могу сказать, что летчики считали это нововведение таким уж необходимым…

А в начале 1945 года на самолет отличного пилота Екатерины Олейник, где штурманом была Ольга Яковлева, был поставлен фотоаппарат для того, чтобы фотографировать результаты бомбометания экипажей в конце летной ночи. Пришла в полк и мастер по фотоаппаратам — Р. Орлова. Большое осложнение вносила необходимость сначала сбросить ФОТАБ — специальную

бомбу, подвешенную под плоскость самолета, и в момент ее вспышки у земли произвести снимок. Требовалась хорошая видимость над целью. Бомбы эти легко воспламенялись, а если оставались несброшенными, садиться с ними было опасно.

Первое фотографирование было сделано 16 января. Летчик строго выдержала скоростью курс, не отклоняясь ни на метр, несмотря на обстрел с земли. Затем пленки отправлялись на проявку и расшифровку в дивизию. На них хорошо были видны воронки от бомб на дорогах и дым от пожаров. Мы не знали, как в дивизии оценивали результаты бомбометания нашего полка…

* * *

Пройдя с боями всю Белоруссию, наши части вступили в Польшу. Недалеко было и до Германии. Таня Макарова и Вера Белик вытащили карты, на которых Вера еще на Кубани отложила маршрут до Восточной Пруссии. «Сколько километров?» — спросила Таня. «Если по прямой, то свыше двух тысяч», — ответила Вера. «Да, немало, — вздохнула Таня, — но ничего, придет время, долетим и туда…»

Из нашего полка их экипаж первым полетел бомбить цели в Германии.

В боях под Замбровом самолет Макаровой — Белик был сбит. Татьяна Макарова была командиром звена. Летала легко, азартно. Была всегда очень весела, остроумна, с подружками ласкова и открыта. До войны Таня окончила кулинарный техникум, одновременно обучаясь в аэроклубе, ее назначили кондитером на фабрику «Большевик». Но небо тянуло ее, и, когда появилась возможность, она ушла в аэроклуб уже инструктором, стала сама обучать летчиков! Про себя говорила: «Я вся из палок и шарниров». Как-то летала я с ней в дивизию; возвращаясь, пошла она бреющим прямо вдоль улицы станицы Ивановской. В узком месте поставила самолет на крыло и благополучно села на аэродроме. Я помню, бежит запыхавшаяся Рачкевич — и на Таню: «Ты зачем отдала управление Ракобольской, она чуть машину не разбила…»

Вера Белик до войны училась на физико-математическом факультете пединститута в Москве, а родилась и школу окончила в Керчи. Вера была умная, скромная девушка с большими газельими глазами, занималась спортом, хорошо бегала. Начали они летать с Таней с самого начала и так летали до самой смерти. Такие противоположные по своим характерам и такие неразлучные

в бою…

При каких-то перестановках в 1943 году мы назначили Макарову командиром эскадрильи. Их экипаж уже тогда был из лучших в полку. Но командовать эскадрильей Таня не сумела. Слишком весела, добра была, строевого в ней было мало, не как у Смирновой. Да и не хотелось ей быть начальником. Пришлось отпустить ее и назначить командиром звена. А Белик была отличным штурманом эскадрильи, но не захотела разлучаться с Таней, просила ее понизить до штурмана звена. Просьбу ее удовлетворили…

В ту ночь под Замбровом Никулина собиралась разъединить их экипаж, чтобы они обе полетели с молодыми… Девочки вопреки указанию командира эскадрильи вылетели на цель вместе…

Их самолет был обстрелян на небольшой высоте вражеским самолетом уже над нашей территорией, когда возвращался с боевого задания. Машина загорелась, сбить пламя не удалось, Таня и Вера погибли в огне. Сообщили нам об этом наземные части. Утром мы подобрали их обгоревшие тела, впервые увидели, что делает огонь с летчиками и в какие железки превращаются боевые ордена. Они были на Таниной гимнастерке. После гибели летчика ордена́ Отечественной войны надо было

посылать родным. Страшно представить, как увидит Танина мать обгоревший орден. Похоронили их недалеко от польского городка Остроленка. Звание Героев они получили посмертно…

Фатальная убежденность, что если собьют над нашей территорией, то «уж как-нибудь сядем», не сработала…

Командование 4-й ВА приказало срочно переоборудовать все самолеты, надо было опустить сиденья, выдать парашюты, провести учебные прыжки. Приказ есть приказ — все так и сделали, хотя многие были не очень довольны: в кабине тесно, скованы все движения, штурман не может взять бомбу на колени…

Менее года летали мы с парашютами, и зимой 1945 года парашют спас жизнь Руфе Гашевой. Была она в это время штурманом эскадрильи и летала с командиром эскадрильи Ольгой Санфировой.

В Польше мы никогда не жили в домах у населения и не стояли в деревнях. Если поселить людей по два-три человека вдоль всего села, то быстро собрать полк по тревоге было бы очень сложно, а быстрый сбор был одним из важных факторов успеха. Летом преимущественно жили в лесу, а когда наступили холода, останавливались в так

называемых господских дворах, которые чаще всего принадлежали не полякам, а немцам. Это обычно было большое двух-трехэтажное здание со светлыми чистыми комнатами. Около дома пруд или небольшое озеро, парк и несколько небольших грязных домов для прислуги.

Когда мы перебазировались и командир дивизии давал задание найти аэродром, то говорил, чтобы для женского полка искали с прудом… Как только мы приезжали, начиналась стирка белья и мытье голов. Без воды жизнь была немыслима. Командиры БАО ворчали: «Ни с каким другим полком нет такой возни…»

Зиму 1944/45 года в течение четырех месяцев полк стоял в бывшей усадьбе бежавшего помещика — Далеке. Я писала домой: «Здесь значительно спокойнее, чем было северо-восточнее Минска, когда добивали, уничтожали окруженную группировку фашистов, а они бегали по лесам, по ржи, выползали неожиданно из кустов с поднятыми руками или с наведенными автоматами, обозленные, страшные…»

Летали мы очень много, преимущественно в район Варшавы, за что и награждены медалями «За освобождение Варшавы». Мы бомбили немецкую оборону в Модлине, Пултуске, находившиеся

на марше крупные воинские соединения, подрывали мосты, пути сообщения. Враг сопротивлялся еще яростно, упорно. В ночь на 22 декабря полк сделал 324 вылета. Это был рекорд. Некоторые экипажи успели сделать по 16 вылетов за ночь — примерно двенадцать часов «чистого воздуха»… Мы сбросили 60 тонн бомб, а у нас работало всего 15 вооруженцев. Знамя полка всю ночь простояло на старте!

Шла высадка наших десантов за реку Нарев в район укрепленного немецкого плацдарма. Мы прикрывали с воздуха эти операции…

Самолет Санфировой был подбит над целью севернее Варшавы, с горящей плоскостью возвращался домой. Сбить огонь не удалось, и Леля приказала прыгать. Они приземлились на нейтральной полосе. Леля подорвалась на противопехотной мине, а Руфе повезло, на ее участке были противотанковые…

Похоронили мы Санфирову в Гродно, звание Героя ей присвоили посмертно, а Гашева получила его при жизни… Летала она потом с Н. Поповой.

И мы вспоминали наших погибших, сгоревших: если бы они имели парашюты, может быть, кто-то остался в живых. Может, и Галя Докутович, Женя Руднева и другие. Но у них парашюта

не было.

В Далеке мы встречали Новый, 1945 год — год Победы. Помню, что там было очень много елок, и пошло увлечение елочными украшениями. Их делали сами, где-то даже покупали безделушки, доставали цветную бумагу, клей, таскали друг у друга фотографии и клеили шуточные игрушки. Во всех комнатах стояли зеленые елки, украшенные самым причудливым образом… Когда после нас туда вошли артиллеристы, они рассказывали о своем впечатлении: в комнатах с веселыми елками и детскими игрушками воинской частью и не пахло…

Наши войска продолжали свое победное наступление. Мы миновали Варшаву и продвинулись к Восточной Пруссии. Зимой замело снегом все дороги, и грузовые машины не могли подвозить снаряды к передовой. Мы получили задание возить боеприпасы на По-2 — единственном самолете, который в таких условиях мог летать и сбрасывать грузы. Вспоминается, как Зоя Парфенова, направляясь к нашим артиллеристам, увидела, что немцы заходят в тыл нашей части, самолет обстреляли и ее ранили в ногу. Но она все же подлетела к нашим, сделала посадку около орудий, доложила командиру о немцах и сдала

боеприпасы. После того как ей перевязали ногу, она взлетела, вернулась на аэродром и только тогда отправилась в госпиталь. В конце войны Зоя Парфенова стала Героем Советского Союза.

В феврале 1945 года фронт подошел к Восточной Пруссии. Мы вступали на землю врага…

На деревьях у границы висели плакаты: «Мы идем как мстители!» К мести призывали нас на митингах и собраниях. Солдаты несли в карманах адреса немцев, которые были в их домах во время оккупации… Города горели, вдоль дорог валялись детские коляски, перинный пух покрывал деревья. Людей мы не видели, казалось, что все успели убежать. Запах горящего человеческого жилья был невыносим, он долго преследовал нас.

И мы вспоминали, как при отступлении на Тамани немцы поджигали поля и виноградники, как в Краснодаре мы впервые увидели оборудованные врагом машины-душегубки, в которых выхлопным газом убивали перевозимых людей. Столько лет прошло, но забыть этого нельзя!

Восточная Пруссия поразила нас благоустроенностью жилья, хуторами, где в домах стояла полированная мебель и никогда невиданные нами холодильники. Как правило, над двуспальной кроватью висела стандартная литография

Богоматери с Младенцем…

Стада черно-белых недоенных коров умирали на холмах, а около дворца Геринга все еще стоял вооруженный караул… А внутри — ковры, хрусталь и зеркала. На некоторых вещах я сама видела этикетки: «Сделано в СССР»… После белорусских и польских деревень, когда в хату надо было проходить через овечий или коровий хлев, все, что мы видели в Пруссии, потрясало нас.

С мирными жителями Германии мы встретились только в районе Данцига. В наших душах уже не было ненависти. Мы подкармливали голодных людей и не боялись выстрелов из-за угла.

Весной столкнулись еще с одной проблемой. От нас требовали полетов, наземникам нужна была активная поддержка, а мы не могли взлететь: почву развезло от дождей, колеса самолетов увязали в грязи, машины с бензином и бомбами не могли подойти к взлетной полосе… И тогда Бершанская предложила БАО построить деревянную полосу. Были разобраны сараи и заборы и положен первый деревянный настил метров 30 шириной и порядка 200 метров длиной. А впоследствии строили площадки и длиннее. Полеты проводились так: стоит в грязи самолет, потом

слышна команда «раз-два, взяли» — и машину вытаскивают на доски. Потом идут девушки с ведрами и заливают в баки бензин, тащат на руках бомбы, подвешивают. Потом, перекрестясь, техники держат самолет за плоскости, чтобы мотор набрал больше оборотов на месте и меньше был взлетный пробег, затем команда «отпускай», техники разбегаются — и машина «как ведьма на помеле» взмывает в воздух. У всех отлегло от сердца… После посадки она снова скатывалась на поле, ее вытаскивали на полосу, и начиналось все сначала. Адская была работа!

Правда, молодых летчиков мы не пускали, и в основном летали все наши сильные, старые кадровые экипажи.

С таких деревянных полос полк совершил более трех с половиной тысяч вылетов. Первую полосу построили около Грауденца в Восточной Пруссии, строили их и дальше, вплоть до Данцига. Всю весну. В мирное время в это трудно поверить.

После Восточной Пруссии к нам в полк впервые приехал командующий фронтом маршал К. К. Рокоссовский. В феврале еще девяти нашим девушкам было присвоено звание Героев Советского Союза. И вот 8 марта, в женский день, Рокоссовский приехал, чтобы вручить звезды

Героев и другие ордена. Ну и наверное, интересно было ему посмотреть на такое необычное явление, как авиаполк девчонок.

Я помню, как была потрясена, когда вошла в комнату, где находилось не менее десяти генералов (командующий приехал со своими заместителями и, конечно, с Вершининым), чтобы доложить Бершанской, что в зале все готово. Я вошла — Рокоссовский встал, и за ним встали все остальные командиры. «Товарищ маршал, разрешите обратиться к командиру полка», — доложила, стою, и все стоят… Рокоссовский предлагает мне сесть, и все садятся тоже… До меня не сразу дошло — ведь это он встал передо мной как перед женщиной!

То же повторилось, когда прибежала дежурная по части, кажется, это была Жигуленко. Так мы еще женщины! И мужчины, даже если это маршал и генералы, встают, когда мы входим! Со мной такое случилось впервые за годы войны, мы так привыкли вытягиваться в струнку перед высшим командованием. Может быть, читателям не очень понятно мое изумление, но, наверное, его хорошо поймут те, кто служил в армии, особенно в годы войны.

Выступая перед полком, Рокоссовский сказал:

«Слыхал я легенды о вашем полку, еще когда командовал Первым Белорусским фронтом. Мне это казалось сказкой. Теперь вижу, что это быль. Я вижу женский авиационный полк. Говорят, что вы не хотите принимать к себе в полк мужчин. Это хорошо, вы и сами дойдете до Берлина…» Да, мы дошли до Берлина, вернее, до Нойбранденбурга, расположенного немного севернее. Впереди было еще два месяца боев…[12]

В Данциге и Гдыне снова максимальный зенитный огонь — сильный обстрел и трудные полеты. Большая сложность была еще и потому, что нас снова часто накрывало туманами, как на Тамани. Опять мы стояли близко от моря, туманы закрывали аэродром, причем внезапно, и закрывали цели. Приходилось иногда садиться на вражескую территорию. Были случаи, когда самолеты падали на лес, были переломы рук и ног. Наиболее трагичный случай был с экипажем Серебряковой — Павловой. Попав в густой снегопад, они решили садиться на видимой еще площадке вблизи небольшого немецкого городка.

---

[12] Примечания: 12

В своих воспоминаниях К. К. Рокоссовский писал: «Наш фронт законно гордился крылатыми героинями, доставлявшими врагу немало бед своими лихими ночными полетами» (*Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1968. С. 358).

При посадке столкнулись с проводами, самолет был разбит. Под его обломками Серебрякова и Павлова пролежали до утра. Утром к машине подошли две немки с детьми. Они и вытащили девушек. Обе были без сознания. Я не знаю, как их передали нашим частям… Клава Серебрякова пострадала очень сильно — у нее были переломы рук и ног. В госпитале она пролежала больше года. Нашла в себе силы, отбросив костыли, встать на искалеченные ноги, окончила пединститут и преподавала историю в школе далекого башкирского городка. Было у нее около 550 боевых вылетов.

После Польского коридора мы перебазировались сразу под Штеттин, работали на прорыв линии фронта на Одере, то есть начали боевую деятельность собственно в Германии. Жили все в ожидании Победы, окончания войны.

После Штеттина полк очень быстро шел вперед, едва поспевая за отступавшими немецкими частями, переходя с одного аэродрома на другой. Была весна, тепло и легко летать…

Я писала маме: «Верим, что этот последний и решающий удар скоро вернет нас к себе домой. Вы не придумали еще для меня специальности? Мне хочется знать Ваше мнение, а то вдруг сразу

„Идите, куда хотите“, и растеряешься». (Но мне так не сказали, меня демобилизовали и направили в распоряжение академика Д. В. Скобельцина. «Об исполнении доложить». Собирали всех физиков из армии, нужно было срочно готовить ядерщиков.)

Последнее наше место было севернее Нойбранденбурга.

Недалеко был колоссальный лагерь с военнопленными всех национальностей. Там были и поляки, и французы, и итальянцы, много украинцев. Едет обоз с бывшими пленными, и прямо на телеге флаг — красный с белым, на другой — черный с желтым. Какое-то торжественное шествие разных народов. Худые, изможденные, но обязательно с флагом прямо на возу. И как они радостно улыбались нам, кричали: «Русские, это хорошо!»

Мы видели колонны, идущие из концлагерей, и раньше. В полосатых тюремных пижамах. Но тогда это были в основном русские. И мы, и они плакали, встречаясь. А здесь настоящий интернационал…

Мы стояли в маленьком местечке Брунн и в первые майские дни 1945 года летали на Свинемюнде — так называлось место, где немцы

готовили ракеты, то новое, совершенно секретное оружие, при помощи которого Гитлер собирался поставить союзников на колени. Этим планам не суждено было сбыться…

Еще 5 мая полк дежурил с подвешенными бомбами. А в ночь на 9-е я проснулась от выстрелов, криков, взрывов ракет. В небе полыхали красные, зеленые, белые огни… Выскочив на улицу, я увидела полуголых девочек, стрелявших в воздух изо всех видов оружия и ракетниц. «Что такое?» — «Конец войны!» У стартеха Р. Прудниковой был радиоприемник, и она узнала об этом раньше всех.

Ну и праздник устроил нам БАО, прямо на улице. И братцы приезжали целыми машинами, чтобы поплясать вместе с нами…

Между прочим, мне как раз 9 мая присвоили звание майора. Я очень расстроилась, боялась, что теперь меня не демобилизуют. Война окончилась, у всех такая радость, а у меня горе. Вдруг я останусь в армии, не буду учиться…

После того как окончились боевые действия, встал вопрос: что же делать дальше, куда идти? У нас в полку всегда было много переживаний и настроений, отвлеченных от полетов, разговоров о том, что ожидает в будущем.

Когда мы были в Энгельсе, нам казалось, что существует только война, ничего, кроме нее, нет, и по-настоящему мы начнем жить только после войны, а она должна скоро кончиться — это явление временное.

Прошел год, пошел другой, и мы поняли, что это и есть настоящая жизнь, что, может быть, после она никогда не будет так наполнена. Да, мы лишены кусочка личного счастья, лишены семьи и уюта, зато сполна имеем опасности и ужаса. И все это еще надолго…

Постепенно изменялось наше отношение к окружающему и к самим себе: стали делать маникюр и прически, украшать свое общежитие, появились коврики над кроватями, подушечки, голубые подшлемники, разрешали приказом по полку на праздники надевать штатское платье, и влюблялись девушки, и командование полка принимало это серьезно, по-человечески. К внутренней чистоте нашего полка мы всегда относились очень строго.

Появились и другие мысли: вот кончается война, а как на нас посмотрят в Москве? Кто-то рассказал, что в Большой театр теперь пускают только в длинных платьях со шлейфами… Но у нас-то их нет, и как же мы будем?

Иногда лежим в землянке и разговариваем:

— Катя, расскажи, как ты будешь праздновать свое рождение? В каком будешь платье, какая прическа, что на столе?

Типичные женские разговоры.

Конечно, полк наш был особый. Если в мужском полку что-нибудь случалось, на это смотрели просто, а если у нас — об этом все знали и говорили.

Авария в женском полку — это авария именно в женском полку. И поэтому у нас все острее переживалось, после неудач все вешали голову. А когда был успех — снова воскресали.

С окончанием войны должна была измениться вся наша жизнь. Я расскажу о себе. Вначале, когда я стала начальником штаба, мне все удавалось плохо, я многого не знала, и ложное самолюбие не позволяло в этом признаться. Я вспоминаю, как я плакала и говорила, что хочу к маме… Было чувство какой-то безысходности. Потом появились опыт и умение. Обстановка, товарищи, все изменилось, и мне казалось, что с московскими друзьями мне уже не о чем будет говорить, у них свои интересы, а я стала совсем другая, и мы друг друга не поймем.

Зимой 1943 года я была в отпуске в Москве и увидела, что все осталось по-прежнему. Мы так-

же разговаривали с моей подружкой Леночкой о музыке и книгах. И я осталась той же, и она. Я побывала на факультете, меня встречали с пониманием и любовью. Снова все перевернулось. Опять возникло чувство, что в полку хорошо, но мы здесь временно, а старая жизнь остается прежней…

После Победы командующий дал нам отпуск, нас отвезли в местечко Альт-Резе, где раньше немцы готовили женщин-разведчиц. Прекрасные условия: дома, спортивные площадки, парк, озеро, лодки, велосипеды. Место, о котором можно только мечтать. Эскадрильи отдыхали, девочки играли в волейбол — очередное наше безумное увлечение.

Мой строгий и насмешливый начальник штаба дивизии полковник Стрелков учил меня делать сибирские пельмени, а его жена — историк — брала первые интервью для Института истории АН.

Штаб писал последние оперативные отчеты, последние наградные листы. Уже близко был дом, и непонятная гражданская жизнь, надо было начинать все сначала…

Опять все перевернулось. У меня иногда была такая тоска, что хотелось, чтобы меня выругали, как дома, что я калоши не надела во время до-

ждя… Думала о том, как мы приедем домой без денег, без образования, как будем жить. Хорошо, я была в высшем учебном заведении, а ведь многие девушки окончили только десятилетку, а то и того меньше, им надо было начинать учиться. За эти годы отцы и матери их постарели, не смогут их содержать, и значит, надо работать, а у них нет гражданской специальности…

Страшно было расставаться с полком. Не будет больше полка, любимых подруг. Как жить без них?

* * *

В конце мая к нам снова приехал К. К. Рокоссовский со своими главными штабными командирами и командованием 4-й ВА. Он решил устроить для нас праздник Победы. Это совпало с трехлетием нашего пребывания на фронте. Привез с собой даже фронтовой оркестр. Мы ликовали — все кончилось, прошло тысяча сто ночей, не будут больше гореть наши самолеты! Мы танцевали, пели, пили чудесное вино… И снова маршал удивил меня. Во время танцев по прямой линии ему позвонил Сталин. Музыка мешала, Рокоссовский плохо разбирал слова, но не остановил оркестр, невпопад сказал Сталину

«так точно». Речь шла о том, что необходимо предотвратить столкновения с польской армией, которая собиралась пройти через наши части к англичанам…

Поздно вечером с командованием полка долго обсуждали наше будущее. Рокоссовский приказал представить к награде за последнюю операцию всех, кто заслужил. «И не скупись», — сказал он Вершинину.

У нас были готовы наградные для представления к званию Героев на 11 человек, совершивших 700–800 боевых вылетов. Удовлетворили его для 9 женщин, а двух отложили. В пятидесятилетнюю годовщину Победы подняли наши старые представления и двум присвоили звание Героев России. Много женщин получили летом 45-го и свои последние ордена…

Маршал рассказал нам про ужин Победы в Кремле, Сталин посадил его рядом с собой, потом взял его бокал и поставил на пол. Рокоссовский замер… Поставил Сталин на пол и свой бокал. Потом взял его, Константин Константинович сделал то же, чокнулись. И тогда Сталин сказал: «Уважаю тебя, как мать Землю»…

Утром генеральская команда играла в волейбол против команды 2-й авиаэскадрильи. Рокоссов-

ский сказал мне, что он умеет хорошо гасить. Однако генералы проиграли нашим девушкам с совершенно разгромным счетом.

* * *

В Альт-Резе произошло одно из последних чрезвычайных происшествий в полку. Молодая летчица, прибывшая в полк после окончания аэроклуба где-то в глухом сибирском местечке примерно за пять-шесть месяцев до конца войны, вдруг неожиданно родила в конце мая 1945 года. Мы знали, что у нее был муж из этого же клуба, что он погиб, но никто не предполагал, что она ждала ребенка. Она всегда рвалась летать на задания, а когда окончилась война, стремилась как можно чаще быть дежурным летчиком. Кажется, на ее счету было больше сотни боевых вылетов.

Когда она начала полнеть, а это только в Альт-Резе стало особенно заметно, подружки заставляли ее заниматься физкультурой, не давали много есть, не подозревая, что ей вот-вот родить… Ночью она пришла к врачу, и ее отправили в авиационный военный госпиталь, там и появился на свет белоголовый мальчик. Раненые летчики ходили его смотреть. Это было ЧП! Первая реакция — возмущение! Это в нашем-то

полку!

Когда мы с Бершанской приехали к Вершинину, страшно расстроенные, он долго смеялся, а потом произнес речь, смысл которой можно передать так: «Дуры вы, дуры, она же герой, она с ребенком летала на боевые, война окончилась, ее награждать надо, не возмущаться. Надо подумать, как ей помочь».

Мы уже были в Швейднице, когда приехала к нам Аня с малышом. Что тут делалось: шили пеленки, рубашечки. Даже братцы привезли какие-то детские принадлежности.

Ведь и правда! Война окончилась, и началась новая жизнь. Может быть, это было и символично — первый мужчина в нашем строгом полку!

4-я ВА уходила на земли, переданные Польше, и с ней наш полк. Последним местом базирования полка был городок Швейдниц. Оттуда летный состав полка улетел в Москву, чтобы участвовать в Параде Победы, а я осталась с наземным эшелоном. Зато Вершинин позволил мне привезти маму. Моя мать — учительница русского языка, впервые летела на самолете, на транспортном «Дугласе». Она была в восторге. Съездили мы с ней в Берлин, обе были потрясены увиденным, но она, конечно, больше…

Постепенно в армии началась демобилизация женщин, сначала сержантского состава, потом офицерского. Некоторые однополчане побывали дома, посмотрели, как идет жизнь, волнения улеглись, и месяца через два-три после окончания войны почти весь состав полка был демобилизован. А полк не расформировывали, так как гвардейскую часть мог расформировать только главнокомандующий.

Поэтому не демобилизовали Бершанскую, меня, Рачкевич и еще человек десять, которые пока не определились.

В Швейднице был устроен прощальный вечер. Вершинин вручал нам последние ордена, желал успеха в мирной жизни. Мне он пожелал иметь семерых детей. Шутил и с другими. Было трогательно, и торжественно, и немного грустно. И не было чувства расставания. У всех уже были свои заботы, мысли были далеко, у себя дома. Тогда мы не представляли, что будем вспоминать полк так, как вспоминали после. Хотелось домой. Бершанская пожелала счастливого пути…

Но мы еще оставались. Я готовила документы к сдаче в архив, а знамя — в Музей Советской армии. И только 15.10.45 года директивой начальника штаба Красной армии № ОРГ/10–14080

46-й гвардейский Таманский Краснознаменный ордена Суворова III степени ночной бомбардировочный авиационный полк был расформирован. Личный состав демобилизован…

В разные концы нашей огромной страны разъехались боевые мои подруги. На последнем собрании мы договорились ежегодно 2 мая в 12 часов встречаться в Москве, в сквере около Большого театра. Мы с Аней Елениной наметили эту дату и время встречи, еще когда воевали на Тереке… И встречаемся уже больше пятидесяти лет, а иногда по торжественным датам собираем однополчан со всей страны. У нас действует Совет полка. Сначала его председателем была Бершанская, затем Амосова, потом Акимова, а последние несколько лет — Надя Попова.

Жизнь однополчан сложилась по-разному: кто-то вернулся к прежней работе или в прежние вузы, кто-то уже не смог продолжить старое дело по состоянию здоровья или по иным причинам, но это уже другие истории.

Война сильно изменила меня. Научила никого не бояться, верить в то, что ты в жизни все можешь, научила ценить время и умело распределять свои силы, научила ценить доброту и дружбу, верить людям, всегда стараться помочь

другому и никогда не забывать то зло и жертвы, которые несет война…

А пока жить по первой заповеди нашего полка: «Гордись — ты женщина!»

Спустя много лет после окончания войны нас все еще преследовали сны о войне. Наташа Меклин говорила, что сны были цветные: лучи прожекторов шарили по лицу, а внизу костры от горящих самолетов… А мне снились перебазировки. Снова война, где-то близко немецкие войска… надо собирать летчиков, надо срочно переезжать, нет машин… и самое главное: у меня два маленьких сына и я не знаю, что с ними делать… Я просыпалась с трясущимися руками.

* * *

Три года наш полк воевал на разных фронтах Второй мировой войны. В 1943 году ему было присвоено Гвардейское звание, за освобождение Тамани — наименование Таманского, за освобождение Феодосии полк был награжден орденом Красного Знамени, за бои в Белоруссии — орденом Суворова III степени. Полк получил 22 благодарности Верховного главнокомандования, и 8 раз Москва салютовала частям, среди которых называлась часть подполковника Бершанской…

В поселке Пересыпь рыбаки поставили памятник нашему полку.

За три года боев полком совершено 24 тысячи боевых ночных вылетов, более 3 тысяч тонн бомб сброшено на врага. 23 девушкам присвоено звание Героя Советского Союза (пяти из них посмертно), двум присвоено звание Героя России. Вот их фамилии:

Себрова Ирина командир звена 1004 боевых вылета

Меклин Наталья летчик (сначала штурман) 980

Жигуленка Евгения летчик (сначала штурман) 968

Аронова Раиса летчик (сначала штурман) 960

Смирнова Мария командир эскадрильи 950

Худякова Нина замкомандира АЭ 926

Ульяненко Нина летчик (сначала штурман) 915

Рябова Екатерина штурман эскадрильи 890

Гельман Полина штурман звена 857

Попова Надежда командир эскадрильи 852

Гашева Руфина штурман эскадрильи 848

Белик Вера штурман звена 813 (посмертно)

Чечнева Марина командир эскадрильи 810

Распопова Нина командир звена 805

Розанова Лариса летчик, штурман полка 793
Пасько Евдокия штурман эскадрильи 790
Сыртланова Магуба замкомандира АЭ 780
Никулина Евдокия командир эскадрильи 760
Парфенова Зоя замкомандира АЭ 680
Руднева Евгения штурман полка 645 (посмертно)
Санфирова Ольга командир эскадрильи 630 (посмертно)
Макарова Татьяна командир звена 628 (посмертно)
Носаль Евдокия командир звена 354 (посмертно)
Герои России
Сумарокова Татьяна штурман эскадрильи 725
Акимова Александра штурман эскадрильи 680

Сейчас мы понимаем, что слишком требовательными и жесткими были к себе. Формально, по положению о наградах, к званию Героя Советского Союза можно представить летчика или штурмана, сделавшего на самолете По-2 более 500 успешных ночных боевых вылетов. Сколько таких было в полку? Более 30, а может быть, 40 человек. Однако мы представляли только тех, у которых счет вылетов был в районе 800. Учитывалось при этом и личное мужество, и

эффективность бомбовых ударов, и дисциплина.

20 экипажей вылетели на фронт из Энгельса — 40 летчиков и штурманов, из них 23 стали Героями, восемь погибли, не успев много повоевать, некоторые меньше летали из-за ранения. Из пополнения лишь Магуба Сыртланова и Саша Акимова сумели догнать «старичков».

Семь человек сделали более чем по 900 боевых вылетов, семь — более 800, пять — больше 700. Из Героев только у Носаль было 354, погибшие, конечно, имели меньше вылетов, чем оставшиеся в живых. Сейчас точные цифры уже не имеют значения, потому что по существу все девушки были героями войны.

Разве не герой молодой летчик Соня Рогова, сгоревшая над «Голубой линией»? Какое мужество надо было иметь, чтобы добровольно оставить двухлетнюю дочку бабушке и уйти на передовую! А Галя Докутович, освобожденная врачами от воинской службы после ранения, скрывшая от нас это освобождение и летавшая с непрерывной болью. А Сима Амосова? Она сделала 500 вылетов, хотя последние два года была заместителем командира полка по летной части и не должна была столько летать. А десятки наших механиков и вооруженцев, которым мало было их

ежедневного тяжкого труда и они переучивались на штурманов, чтобы летать и бомбить…

И конечно, к героям войны надо причислить нашего командира полка Е. Д. Бершанскую, сформировавшую наш коллектив, воспитавшую его. Особенная честность, требовательность по отношению к себе и другим — вот качества Бершанской, которым мы обязаны тем, что наш полк провоевал так, как он провоевал. Почти все ночи она была на старте, в погоду и непогоду, и ее руководство полетами, умение максимально использовать темное ночное время, ее идея строительства деревянных аэродромов, переход на бригадный метод обслуживания полетов и многое другое позволили сделать нам так много боевых вылетов. Спокойная и выдержанная, открытая к печалям своих подчиненных, всегда помогавшая им…

Бершанская была награждена двумя полководческими орденами: орденом Суворова III степени и орденом Александра Невского. Не единственная ли женщина в стране? Кроме того, она имела два ордена Красного Знамени, Отечественной войны II степени и «Знак Почета»…

В Краснодаре и Керчи есть улицы имени Бершанской. Она является почетным гражданином

г. Краснодара…

И все-таки это было несправедливо — не представить ее к званию Героя. Она мало летала сама, только по разрешению командира дивизии при очень сложной обстановке над целью, ведь ее личный вылет не имел значения: радио на машинах не было, вести за собой ночью полк она не могла. Важнее всего было ее личное руководство полетами на старте, оперативное управление боевой работой.

А разве другие командиры не награждались за подвиги их частей? После войны мы неоднократно, но безрезультатно писали об этом в правительство. Зато похоронили Бершанскую на Новодевичьем кладбище. Помогла Валентина Терешкова, к которой я обратилась…

32 девушки погибли в нашем полку. Среди них и те, кто заживо сгорел в самолете, был сбит над целью, и те, кто погиб в авиакатастрофе или умер от болезни. Но это все наши военные потери.

Для авиационного полка такие потери невелики. Это объяснялось в первую очередь мастерством наших летчиков, а также особенностями наших замечательных самолетов, которые одновременно и легко и трудно было сбить. Но для нас каждая утрата была невосполнима, каждая

девушка была неповторимой личностью. Мы любили друг друга, и боль потерь живет в наших сердцах до сих пор. Вспомним их:

Малахова Анна и *Виноградова Маша* — Энгельс, 9 марта 1942 г.

Тормосина Лилия и *Комогорцева Надя* — Энгельс, 9 марта 1942 г.

Ольховская Люба и *Тарасова Вера* — Донбасс, сбиты в июне 1942 г.

Ефимова Тоня — умерла от болезни, декабрь 1942 г.

Ступина Валя — умерла от болезни весной 1943 г.

Макогон Полина и *Свистунова Лида* — разбились при посадке 1 апреля 1943 г., Пашковская.

Пашкова Юля — умерла 4 апреля 1943 г. после аварии в Пашковской.

Носаль Дуся — убита в самолете 23 апреля 1943 г.

Высоцкая Аня и *Докутович Галя* — сгорели над «Голубой линией» 1 августа 1943 г.

Рогова Соня и *Сухорукова Женя* — —«—

Полунина Валя и *Каширина Ира* — — «—

Крутова Женя и *Саликова Лена* — — «—

Белкина Паша и *Фролова Тамара* — сбиты в 1943 г., Кубань

Масленникова Люда — погибла при бомбежке, 1943 г.

Володина Таисия и *Бондарева Аня* — потеряли ориентировку, Тамань, март 1944 г.

Прокопьева Панна и *Руднева Женя* — сгорели над Керчью 9 апреля 1944 г.

Варакина Люба — погибла на аэродроме в другом полку в 1944 г.

Макарова Таня и *Белик Вера* — сгорели в Польше 29 августа 1944 г.

Санфирова Леля — подорвалась на мине после прыжка с горящего самолета 13 декабря 1944 г., Польша.

Колокольникова Аня — разбилась на мотоцикле, 1945 г., Германия.

После войны майор Рачкевич объездила все места, над которыми горели наши самолеты, нашла могилы всех погибших. В нашем полку нет «без вести пропавших». Трудно представить себе это, но вблизи передовой линии люди вытаскивали из-под обломков тела погибших и хоронили их…

Я уже писала, что до 1944 года летали мы без парашютов, да кто же и когда летал с парашютами на таких самолетах? Если сбивали над нашей территорией, то летчик, часто даже раненный, ухитрялся сесть на вынужденную, а если на той

стороне, то лучше смерть, чем плен…

Сейчас нам кажется, что это было ошибкой командования и нашей тоже. Людей обрекали на смерть, не оставляя им надежды избежать плена, сесть на парашюте на нейтральной полосе, даже на вражеской территории, выйти к нам, остаться в живых, а не гореть вместе со своим самолетом. Вышли же Санфирова с Гашевой с вражеской стороны на Тамани… С другой стороны, сгорели Таня Макарова и Вера Белик над нашей территорией…

Когда мы прибыли на фронт, нас было 115, четырех похоронили в Энгельсе, 9 человек ушли из полка по разным причинам: ликвидировали должности комиссаров эскадрилий, перевели на партийную работу, по состоянию здоровья.

А когда окончили войну, в полку было 230 человек, в два раза больше; летного состава стало 80 человек вместо 40.

Если произвести несложные подсчеты, то можно видеть, что во время войны, уже на фронте, мы приняли в полк 150 женщин, обучили их и ввели в строй целый новый полк! Не прерывая боевой работы.

Обычно авиаполки уходили на переформирование в тыл, там получали пополнение, самолеты,

учились и вылетали на фронт. Истребители-штурмовики через месяц-два боев оставались снова почти без машин и экипажей.

Мы ни разу не уходили в тыл. Летчикам давали отдохнуть пару недель в прифронтовых санаториях, там и подлечивали раны.

Иногда из-за погоды или при подготовке сложной наземной операции полк мог неделю не летать, это было активное «академическое» время. Время теоретических, тактических конференций, тренировок, самодеятельности, литературных журналов. Мы не любили эти дни… Полк становился каким-то неуправляемым, не таким дружным, многие болели…

Кончилась война. Евдокия Бершанская вышла замуж за Бочарова, тем самым символически объединив наши полки. Три однополчанки защитили докторские диссертации, около десяти — кандидатские. Появились среди нас врачи и педагоги, редакторы и общественные деятели, немногие продолжили свой путь в авиации. Марина Чечнева летала на спортивных самолетах, стала мастером спорта, была награждена орденом. Установила мировой рекорд. Затем окончила Высшую партийную школу, защитила диссертацию, выпустила несколько книг о

полке.

Дина Никулина все время жила в Ростове, занималась административной работой. А недавно наша бесстрашная летчица погибла от руки бандита, «современного фашиста», как пишет П. Гельман. Он пришел в дом героини, назвался другом фронтового товарища, напал на хозяйку, избил ее и трехлетнюю внучку, забрал боевые награды и исчез. Вскоре Дина скончалась…

Надя Попова много лет работает в Комитете ветеранов войны России.

Наташа Меклин (Кравцова) — член Союза писателей, выпустила много книг, в том числе писала о наших девушках…

Хочу рассказать об удивительной судьбе близкого мне человека — Саши Хорошиловой. В полк она пришла в Москве, после второго курса педагогического института, где училась на историческом факультете.

В штурманскую группу не попала, была зачислена вооруженцем и при формировании полка назначена старшим техником эскадрильи по вооружению. Отличалась тем, что ввертывала взрыватели в бомбы голыми руками, и зимой руки ее не примерзали к металлу. Делала все как-то особенно быстро.

Была она мала ростом, круглолица, курноса, с улыбчивым приветливым лицом. Хрипловатым голосом пела рязанские частушки и активно участвовала в комсомольской работе. Через какое-то время выбрали Сашку комсоргом полка…

Потом пришло указание — все политработники в авиации должны освоить какую-либо летную специальность, чтобы они могли лично показывать пример боевой работы. Саша выучилась на штурмана и стала азартно летать. У нее не было своего летчика, она оставалась комсоргом и летала, заменяя кого-то из штурманов в экипаже. Насколько я помню, Саша успела сделать около 300 боевых вылетов. Мы дружили с ней, она была веселым товарищем. Когда летчики доложили, что над Керчью горит самолет, я рассчитала по времени вылета, что это экипаж с Рудневой или Хорошиловой. Сгорела Женя Руднева…

После войны Саша вышла замуж за артиллериста Сережу, буквально за пару месяцев сдала все экзамены в институте и уехала с ним в сибирскую деревню, к его родителям. Он пошел служить в милицию, а Сашу стали обучать, как ухаживать за овцами. Она была в отчаянии: «Как жить, что делать?» Нашлась — уехала в город, поступила работать в институт, защитила кандидатскую

диссертацию по экономике, родила троих детей. Сережу тоже уговорила учиться на вечернем отделении, а сама стала работать над докторской…

Когда Саша приезжала в Москву, я удивлялась, как она справляется? Трое детей, муж работает и учится, помощи по дому никакой — нет ни мамы, ни няни.

«Что ты, Ирина, у меня за каждым из детей закреплена какая-то функция: один моет всем калоши, другая убирает кухню, ходит в магазин. Главное, что это они делают не для себя, а для всех, надо только четко поставить задачу».

Я помню, что «калоши» меня совсем сразили, и я быстро переняла опыт, назначая своих сыновей дежурными по обеду, ужину, магазинам — «для всех».

Последние годы Саша заведовала кафедрой экономики в одном из институтов в Одессе. Сергей стал кандидатом наук.

Меня всегда поражало это стремительное превращение деревенской девочки в комсорга полка, потом штурмана, а затем в доктора наук, профессора, преподавателя вуза. Восхищало ее умение поднимать всех вокруг себя…

* * *

Осталось нас уже не очень много — меньше половины.

Из университета в нашем полку воевало десять девочек. Две погибли. В университет вернулись три: Катя Рябова, Дуся Пасько и я. Девочки окончили механико-математический факультет, аспирантуру и ушли преподавать в другие вузы. Я осталась на физическом факультете, где и работаю профессором на кафедре космических лучей. Уже в университете награждена орденом, получила звание заслуженного деятеля науки РФ…

Руфа Гашева и Полина Гельман окончили Военный институт иностранных языков, Руфа стала переводчиком, а Полина защитила диссертацию и преподавала в Институте общественных наук. Аня Еленина работала над диафильмами. Из нашего полка пять бывших студенток университета стали Героями Советского Союза.

Женя Руднева живет в памяти своего любимого ГАИШа; не только сотрудники, но и студенты знают ее имя и гордятся им.

В 1976 году по представлению Института теоретической астрономии АН СССР Центр по малым планетам (обсерватория Цинциннати, США)

утвердил название вновь открытой советскими астрономами малой планеты № 1907 в честь Евгении Максимовны Рудневой. Отныне она называется «Малая планета (1907) Руднева».

И как хорошо сказал поэт:

Когда вы песни на земле поете,
Тихонечко вам небо подпоет.
Погибшие за Родину в полете,
Мы вечно продолжаем свой полет.

Е. Евтушенко. Песня из фильма «В небе ночные ведьмы», поставленного Евгенией Жигуленко

Да, я знаю, женщина может все! Но и сейчас, когда ночами во сне мы снова видим огненный столб от догорающего самолета, нас особенно остро пронизывает чувство: этого не должно больше быть! Мы хотим, чтобы наши дети и внуки никогда не видели, как горят их друзья в самолетах и танках, никогда не задыхались в горящих городах, чтобы земля для них оставалась зеленой, прекрасной, мирной… Но для этого нельзя забывать о том, что было!

Часть II
Н. Кравцова
Три года под зенитным огнем
На горящем самолете

Три года под зенитным огнем

Пустынными улицами Москвы мы идем колонной к Казанскому вокзалу. Серое октябрьское утро. Бьет в лицо колючий снежок. Зима 1941-го наступила рано.

Нас много, девушек в больших не по росту шинелях и огромных кирзовых сапогах. В такт шагу позвякивают котелки, привязанные к рюкзакам. Сбоку у каждой — пустая кобура для пистолета, фляга и еще какие-то ненужные вещи, которые почему-то непременно должны входить в комплект «снаряжения».

Москва военная провожает нас. Из скверов торчат стволы зениток, стоят трамваи, брошенные, полузанесенные снегом. Метро не работает. На станциях и в тоннелях люди прячутся от бомбежки.

Но мы не унываем. Потому что мы уже солдаты: на нас новенькая военная форма со скрипучим кожаным ремнем. Теперь всё позади: и отборочная комиссия во главе с Мариной Расковой, и медицинская комиссия, и две шумные недели в здании академии Жуковского, где находился сборный пункт. Сюда съезжались из разных го-

родов девушки — пилоты и техники, здесь мы постигали азы военной дисциплины и сущность субординации.

…Подковки сапог стучат по булыжнику. Мы идем на войну. Правда, сначала предстоит учеба в летной школе, в городе Энгельсе на Волге, где мы будем изучать теорию и практику летного дела.

Идем по утреннему городу, поем бодрые песни. Редкие прохожие останавливаются, глядя на нас, а пожилые женщины подходят к самому краю тротуара, молча стоят и крестят нас, провожая колонну грустным взглядом.

На вокзале грузим в теплушки матрацы, мешки, продовольствие. Только к вечеру эшелон трогается. В потемневшем небе первые вспышки разрывов. Воздушная тревога: гудят паровозы, заводы, грохочут зенитки. Двери в теплушках раздвинуты, тихо звучит песня:

Прощай, прощай, Москва моя родная,
На бой с врагами уезжаю я…

Мы смотрим в московское небо. Многие — в последний раз.

* * *

Семь месяцев мы провели в летной школе в городе Энгельсе под Саратовом. Здесь собралось много женщин-авиаторов, приехавших по приглашению известного штурмана, Героя Советского Союза Марины Расковой, которая активно взялась за формирование трех женских авиационных полков.

Сначала всех разделили по группам: летчики, штурманы и техники. Каждая группа изучала необходимые для данной профессии предметы. Раскова привлекала к преподавательской работе известных специалистов и сама преподавала штурманские дисциплины.

Когда теоретический курс был завершен, из всего личного состава были сформированы три отдельных авиаполка: 586-й истребительный полк на самолетах Як-1, 587-й полк пикирующих бомбардировщиков на самолетах Пе-2 и 588-й полк ночных легких бомбардировщиков на самолетах По-2. Начались практические занятия, тренировочные полеты, стрельбы, воздушный бой, бомбометание…

Все три полка участвовали в боевых действиях до последнего дня войны. Но чисто женским (ни

одного мужчины) оставался только наш полк ночных бомбардировщиков.

* * *

Один из первых приказов: всем — короткая стрижка. Никаких кос, никаких локонов.

…Пожилой парикмахер, последний раз щелкнув ножницами, отступил от зеркала, и я увидела коротковолосого мальчишку, который смотрел прямо на меня. Неужели это я? Ну да, это мой вздернутый нос, мои глаза, брови… И все же — нет, не я. Кто-то совсем другой, ухватившись за ручки кресла, испуганно и удивленно таращил на меня глаза…

У мальчишки на самой макушке смешно торчал хохолок. Я попробовала пригладить прямые, как иголки, волосы, но они не поддавались. Растерянно я оглянулась на мастера, и он скороговоркой сказал:

— Ничего-ничего, это с непривычки. Потом улягутся. Следующий!

Женя Руднева спокойно улыбнулась мне и села. Тонкая шея в широком вырезе гимнастерки. Строгий взгляд серо-голубых глаз. Тугая светлая коса. Глядя на себя в зеркало, Женя стала неторопливо расплетать косу. Наконец она тряхнула

головой, и по плечам ее рассыпались золотистые волосы. Все кругом застыли: неужели они сейчас упадут на пол, эти чудные волосы?..

Поглядывая на Женю, мастер стал молча выдвигать и задвигать ящики, ворошил там что-то, перекладывал щетки, гребенки… Потом тяжело вздохнул:

— Стричь? — спросил негромко.

Женя удивленно подняла глаза и утвердительно кивнула. И он сразу нахмурился, сердито проворчал, обернувшись к нам:

— Тут и так тесно, а вы все столпились… Работать мешаете!

И снова защелкали ножницы, неумолимо, решительно. Даже слишком решительно.

Повернувшись, я пошла к выходу. Справа и слева от меня неслышно, как снег, падали кольца и пряди, светлые и темные. И мягко ступали сапоги по этому ковру из девичьих волос.

* * *

…Долго девушки не могли привыкнуть к тому, чтобы обращаться к подруге, с которой спала рядом, которую называла «Ира» или «Ириша», официально: «товарищ начальник штаба» или «товарищ лейтенант». Строгости воинской дис-

циплины казались ненужными.

Вот как об этом вспоминает авиатехник Мария Щелканова:

«С первых же дней организации полка к нам прибыла инженер старший лейтенант Озеркова — строгая, по-военному подтянутая, физически закаленная. Прибыла она из иркутского военного училища, где вела педагогическую работу.

Весь коллектив механиков и техников невзлюбил ее. За что? За то, что она начала с муштры, выправки, строгого соблюдения уставных правил. Требовала, чтобы мы дословно повторяли ее приказания, докладывали об исполнении, подходили и отходили по форме. А мы, люди, пришедшие с гражданской службы, считали соблюдение внешней дисциплины ненужной формальностью. Мы были убеждены, что и без следования букве устава честно и самоотверженно выполняем свой долг.

А Озеркова была неумолима и не шла ни на какие уступки. В любое время — и днем и ночью, в мороз и в бурю — она поднимала нас „по тревоге“ и с часами в руках следила за точным выполнением своих приказаний.

Только позже, на фронте, мы изменили свое отношение к Озерковой. Мы поняли, что своей

требовательностью и строгостью она закаляла нас, готовила к преодолению трудностей, с которыми мы встретились в боевой обстановке. Только на фронте мы поняли свою ошибку: Озеркова не сухой бездушный формалист, за которого мы ее принимали, а живой, прямой, отзывчивый человек. Мы полюбили Соню Озеркову, оценили ее как талантливого руководителя, старшего товарища и друга».

* * *

Из дневника штурмана Гали Докутович (летная школа, Энгельс):

«6.1.1942…Утром не пошли на зарядку, сидели дома, изучали карту. После завтрака пришли сдавать район старшему лейтенанту. Почти половину группы она отправила на аэродром. Первый раз в жизни поднялись в воздух Надя Комогорцева, Катя Рябова и другие. Катя отморозила щеку, но все вернулись радостные, возбужденные, рассказывали друг другу о своих первых ощущениях в воздухе.

8.1.1942…В воздух как штурман я поднялась впервые. Теперь я понимаю, как может захватить штурманское дело! Немного полетаешь и ходишь как зачарованная, скорей хочется опять в воз-

дух… Группа сейчас на занятиях… В классе сидят девять человек. Остальные на аэродроме, летают. А небо такое зовущее, голубое, солнечное…

5.2.1942…Теперь летаем на восстановление ориентировки. Очень интересно… Чудны́е какие мы вчера в столовую пришли после ночных полетов! Лица красные, волосы лохматые, глаза воспаленные. Пришли в час ночи прямо в комбинезонах, унтах. Сидим едим, а Женя Жигуленко клонит и клонит голову Вере Белик на плечо, глаза совсем закрываются. Мороз не особенно сильный –24 градуса, у нас это считается тепло…

31.1.1942…По сигналу тревоги мы оделись и вышли на аэродром. Погода была ужасная: ураганный ветер поднимал в воздух сугробы снега, залепляя глаза, нос; снег на лице таял, лицо становилось мокрым, от ветра сразу покрывалось коркой льда. Ресницы сразу превращались в ледяные сосульки, в пяти шагах уже ничего не было видно. И мы шли по аэродрому, навстречу ветру, спешили на поле держать самолеты. Шли по компасу через снежные сугробы, ураган буквально валил с ног. Но вышли точно на самолеты. Часов пять стояли у машин, оберегая их от урагана. Потом ветер немного утих… А сегодня опять ярко светит солнце… Вчера в ангаре дверь погнуло и

сорвало…»

* * *

Как ослепительно блестит на солнце снег! Я иду по белому полю, под ногами легкий хруст, надо мной голубеет небо. Мороз приятно холодит лицо. Сегодня мы летаем по неизвестному маршруту. Вдали стоит тяжелый четырехмоторный бомбардировщик ТБ-3. Фигурки людей под его большими крыльями кажутся крошечными…

Вот и самолет. По высокой лесенке мы забираемся в кабину. Дружок остается внизу, преданными глазами смотрит в открытую дверцу, готовый по первому зову прыгнуть в нее.

В кабине почти все уже в сборе. Сидят, слушают Раскову. Марина Михайловна рассказывает, как, вынужденно прыгнув с парашютом, она встретилась в тайге с медведем.

— Я притворилась спящей. Он подошел, стал обнюхивать мое лицо и вдруг лизнул в нос. Язык шершавый, мне захотелось чихнуть.

В это время в кабину заглядывает летчик, вопросительно смотрит на Раскову.

— Запускайте моторы! — командует она, все еще улыбаясь.

— Есть запускать моторы!

— Ну, теперь за работу, — говорит она уже серьезно. — Сегодня летим по новому маршруту. Следите по своим картам, делайте расчеты. Я в любой момент могу спросить о местонахождении самолета.

Мы вынимаем из планшетов карты, готовим навигационные линейки, ветрочеты. Самолет, тяжело разбегаясь, взлетает. Под рифленым крылом медленно проплывают ангары, здания, Волга…

* * *

Контрольный полет прошел хорошо. Женя Руднева медленно пошла от самолета, увязая в снегу меховыми унтами. Комбинезон был ей велик, сидел на ней мешковато. На комбинезоне болтались веревочки с привязанными к ним предметами штурманского снаряжения. Ветрочет, навигационную линейку, карандаш и резинку Женя специально привязывала, чтобы не растерять в полете и всегда иметь их под рукой.

Женя была не очень расторопна. Раньше она мало занималась спортом, и теперь, в армии, это мешало ей. В университете она изучала астрономию, увлекалась математикой, философией, литературой. Уже на третьем курсе она писала

научные статьи по астрономии, и ей предсказывали будущее ученого. Но Женя ушла воевать…

На занятиях Женя всегда задавала вопросы. Человеку, не знавшему ее, могло показаться, что она не понимает самых простых вещей. На самом деле все было не так.

…Идут занятия по аэродинамике. В аудитории тишина. Преподаватель чертит на доске схемы, пишет формулы. Мы записываем. Все кажется простым и понятным. Но вот он кончил, отряхнул от мела руки и повернулся:

— Все ясно?

Кто-то поднял руку. Ну конечно, это Женя. Раздается ее нежный голосок:

— Разрешите? А почему вы написали эту формулу? Как она выводится?

Преподаватель задумывается: в самом деле, как ее вывести?

Женя смотрит на него серьезно и выжидающе. И он начинает объяснять, углубляясь в высшую математику.

— Больше вопросов нет?

Не проходит и дня, чтобы Женя не спросила: «А почему?» Ей хочется знать все. Знать глубоко. Ее интересуют и причины явлений, и следствия. Так она привыкла учиться в университете.

* * *

Командир нашего 588-го полка ночных бомбардировщиков Евдокия Бершанская имела большой летный опыт. Окончив Батайскую летную школу, она в течение десяти лет работала пилотом гражданского воздушного флота. За отличную работу в авиации была награждена орденом «Знак Почета».

Суровая на вид, с острым взглядом зеленоватых глаз, она не сразу стала нам близка и понятна. Но вся ее суровость моментально исчезала, стоило ей улыбнуться. Такая мягкая смущенно-застенчивая улыбка бывает только у хороших людей.

Приняв наш полк, Бершанская сразу же приступила к работе. Подготовка к фронту шла интенсивно, несмотря на холодную зиму. Наши легкокрылые самолеты По-2 с двумя открытыми кабинами летали в любую погоду. Мы основательно замерзали, продуваемые морозными ветрами, хотя одевались тепло. Наши лица от постоянных колючих ветров стали коричневыми.

Весну ждали с нетерпением: она обещала тепло и скорую отправку на фронт. Бершанская нас успокаивала:

— Теперь уже скоро. Вся программа выполнена.

Имейте выдержку.

И вдруг случилось несчастье: разбились три наших самолета. Погибли четыре девушки: Лиля Тормосина, Надя Комогорцева, Аня Малахова и Маша Виноградова. Темной безлунной ночью во время тренировочного полета. Пошел густой снег, видимости никакой, а высота полета небольшая. Отлет на фронт был отодвинут. И снова полеты по незнакомому маршруту, на бомбометание, в прожекторах…

Наконец в мае 1942 года, совершив на своих новеньких По-2 большой перелет из Энгельса в Донбасс, мы прибыли на Южный фронт. Лидировала строй По-2 наш командир Бершанская, а штурманом у нее была Марина Раскова.

* * *

Из письма Марины Расковой от 25 мая 1942 года в Энгельс М. Казариновой, начштаба полка Пе-2:

«…Долетели мы сюда благополучно, все в полном составе. Девчатам досталось крепко, но они молодцы — сдали экзамен. На отрезке Энгельс — Кумысолечебница пришлось проходить холодный фронт. Строй провели сквозь узкий коридор между двумя грозовыми башнями. Около 30 минут шли в дожде. Но все девчата справились… В

Кумысолечебнице аэродрома никакого нет. Просто поле. Привезли на всех всего 500 кг бензина. Горючее пришлось поровну делить ведрами. Еле удалось так, чтобы у всех было по 50 кг. С этим горючим нужно было „топать“ в Сталинград. Ночью нам приказали входить в Сталинград через входные ворота[13], а это еще удлиняло путь. Поэтому этот отрезок переживали мы с Дусей Бершанской крепко… Горючего хватило, но в баках осталось по 4–6 кг, а у Себровой над аэродромом остановился винт, но села она благополучно.

…Из Сталинграда вылетели под прикрытием „чаек“. Они нас провожали долго, так как Яки в это время играли с „мессерами“ за облаками. Пришлось всех тащить бреющим. При этом был встречный ветер и жуткая болтанка. Досталось народу крепко. Даже Амосовой пришлось натереть мозоли. Перед Морозовской нас снова встретили „чайки“ и прикрывали нашу посадку. Здесь мы уже на территории фронта. Народ так утомился, что не пошли ужинать, спали как убитые. Вообще девчат не узнать. Все вдруг стали военными, чего нельзя было сказать о них в Энгельсе. Такие стали быстрые, серьезные, друж-

---

[13] Примечания: 13
Авиационный термин.

ные. Хороший народ. Провожу их до самого места и тогда полечу в Москву…»

Через восемь месяцев Герой Советского Союза Марина Михайловна Раскова, командир полка пикирующих бомбардировщиков Пе-2, разбилась при перелете на фронтовой аэродром, попав в сильный снегопад.

* * *

…Нет, совсем не так я представляла себе фронт. Небольшой донбасский поселок Труд Горняка под Краснодоном. Мирные белые хатки. Густая трава по пояс, а в траве ромашки и клевер. Легкомысленно щебечут птицы в кустах, прыгая с ветки на ветку. Разве это похоже на войну?

Правда, линия фронта отсюда километрах в тридцати, по реке Миус. Но ведь и там, наверное, солнце, трава, цветы… Не верится.

Временами тишину разрывает неровный гул груженных бомбами самолетов. Немцы методично бомбят узловую станцию Лихая. Взрывы сотрясают землю. Отбомбившись, самолеты возвращаются. Летят они низко и гудят нагло, вызывающе. Мы видим черные кресты на крыльях. Где же наши истребители?! Их нет… Их слишком мало. Но где-то в тылу работают заводы, где-то

испытывают самолеты. Их ждут здесь, на фронте. Так ждут…

Впрочем, не раз мы наблюдали, как наши одинокие «ишачки» дерзко вступали в неравный бой, вклиниваясь в строй самолетов врага. И как часто, сдерживая слезы, приходилось провожать взглядом до самой земли дымящийся самолет бесстрашного истребителя.

Первые дни мы привыкали к обстановке, изучали район боевых действий. Побывали в Краснодоне, куда нас возили в городскую баню. Жители с интересом рассматривали нас, летчиц, одетых в гимнастерки и брюки, вооруженных пистолетами. И может быть, среди толпы молодежи, стоявшей у машины, были Уля Громова и Люба Шевцова… Только тогда еще никто не мог знать, что всего какой-нибудь месяц спустя немцы прорвут нашу оборону, займут Краснодон и Ростов, другие города и продвинутся вплоть до Кавказских гор и к Сталинграду. Никто даже подумать об этом не мог: ведь линия фронта долгое время была стабильной. И ходили себе по Краснодону обыкновенные девочки Уля и Люба, а будущее уже готовило им тяжкие испытания…

* * *

Наше прибытие на фронт никого из начальства не обрадовало. К полку отнеслись с недоверием и в дивизии, куда мы вошли, и в Воздушной армии. Даже растерялись: как быть? Случай из ряда вон выходящий! Полк из девчонок! И хотят воевать! Да ведь они испугаются и заплачут…

К нам стали приезжать комиссии, инспекторы, проверяли, изучали, присматривались. И в конце концов вынуждены были признать, что мы хорошо подготовлены к ночным полетам и умеем бомбить.

Первые боевые полеты не произвели на нас сильного впечатления. Над целью было сравнительно спокойно, только по маршруту изредка постреливал зенитный пулемет. Мы возвращались разочарованные: все происходило как в обычном тренировочном полете на бомбометание. Вскоре мы узнали, что первые несколько дней нам давали слабо укрепленные цели, чтобы ввести полк в боевую обстановку постепенно.

Освоившись, мы уже по-настоящему, под обстрелом и в прожекторах, бомбили немцев на реке Миус. А в это время, в разгар лета 1942 года, немцы прорвали оборону советских войск и на-

чали большое наступление, устремившись двумя лавинами: к Сталинграду и на Кавказ, к южным нефтяным районам.

Наши По-2 бомбили переправы на Дону, наступающие немецкие части на дорогах. Ночью — боевая работа, днем — перелет на новую площадку. Все дальше на юг…

В Донбассе в первую боевую ночь мы потеряли один экипаж: с задания не вернулись командир эскадрильи Люба Ольховская и штурман эскадрильи Вера Тарасова.

* * *

Из воспоминаний Героя Советского Союза Раисы Ароновой:

«…Поднимается в воздух самолет командира полка. Потом с интервалом в пять минут взлетают комэски: Амосова со штурманом Розановой и Ольховская с Тарасовой. Больше часа проходит в томительном ожидании. Наконец приземляется Бершанская, докладывает командиру дивизии:

— Товарищ полковник, задание выполнено!

Попов улыбается, двумя руками энергично трясет руку Бершанской:

— Поздравляю с первым боевым вылетом!

Некоторое время спустя пришел самолет Амо-

совой. Третьего самолета не было. Прошли все сроки, когда по самым оптимистическим расчетам горючее в самолете Ольховской должно было кончиться. Мы поняли, что случилась беда. Первая боевая потеря…

Что же случилось с Любой Ольховской и Верой Тарасовой? Почти двадцать три года мы ничего не знали. В начале 1965 года до командира полка дошло письмо, в котором жители поселка Софьино-Бродского обратились в редакцию газеты „Правда“. В письме сообщалось, что примерно в середине июня 1942 года ночью в стороне города Снежного они слышали разрывы бомб, а потом видели стрельбу по самолету. Утром около поселка нашли сбитый самолет По-2. В передней кабине сидела, склонив голову на борт, красивая темно-русая девушка в летном комбинезоне. Во второй кабине находилась другая девушка — лицо круглое, чуть вздернутый нос. Обе были мертвы. Жители поселка тайком похоронили летчиц. Теперь, когда страна готовилась отметить 20-летие победы над фашистской Германией, жители решили выяснить имена погибших.

Не было никакого сомнения, что речь шла о Любе Ольховской и Вере Тарасовой. Комиссар полка Евдокия Яковлевна Рачкевич стала соби-

раться в дорогу… 8 мая 1965 года при огромном стечении народа состоялись похороны. Прах погибших летчиц перенесли из безымянной могилы на городскую площадь Снежного. Среди множества венков на новой могиле были венки от однополчан…»

* * *

Раскатистые взрывы сотрясают воздух. Дрожит земля. Весь день бомбят Ростов. Отсюда, из станицы Ольгинской, хорошо видно, как заходят на город немецкие самолеты, как летят вниз бомбы.

Скоро город будет оставлен. Наши войска уйдут. И полк наш улетит. А пока мы ходим по станице, будто все идет как надо, никто не говорит об отступлении.

Местные жители сидят у своих домов, смотрят в сторону Ростова. Деды тихо переговариваются, медленно набивают трубки, дымят, думают. Бабки охают, всплескивая руками, строят разные предположения, но продолжают продавать семечки. Пока мы в станице, они на что-то надеются.

А в окнах горит закат. Такой же закат, как и вчера. И солнце заходит точно так же, как и обычно. И по заросшей травой улице важно расхаживают

петухи, потрясая красными гребнями, увлекая за собой глупых кур. И сытый кот жмурится на подоконнике, только кончик хвоста подрагивает при очередном взрыве.

И пока еще ничего не произошло. Вот только Ростов бомбят…

…Рано утром мы покидали станицу. Жители вышли из хат, стояли в воротах, смотрели, как рулят наши По-2, как вереницей ползут они, покачиваясь, к зеленому полю за околицей. Никто ничего не говорил. Просто смотрели. Бабки — пригорюнившись, в белых платочках. Деды — забыв о трубках, зажатых в кулаке.

Самолеты двигались медленно: улицы были узкие. А нам было не по себе. Так хотелось побыстрее дорулить до зеленого поля, чтоб не видеть белых платочков и понурых дедовских усов.

* * *

Наши войска отступают. Все дальше и дальше на юг. Ночью мы бомбим наступающих немцев, днем перебазируемся на новое место. Почти не спим.

Как-то ночью пришел приказ срочно улетать: к хутору подходили немецкие танки. Боевая работа была прервана. Улетали поспешно, не было

даже карт нового района. Штурман полка так и сказала:

— Площадка, куда мы должны лететь, находится за обрезом карты…

Собиралась гроза, все ближе гремел гром. Сверкали молнии. На новое место прилетели с рассветом. Утром, голодные, стали опустошать бахчи. Со зверским аппетитом ели незрелые арбузы, даже умывались арбузным соком: степь, воды не было. Самолеты прятали в хуторе, ставили их поближе к домам, к деревьям. Рулили прямо по улице, густая пыль оседала на лицах.

Внезапно — сбор. Быстро строимся. Начальник штаба полка Ирина Ракобольская читает приказ народного комиссара обороны Сталина. Войска Южного фронта оставили Дон… Позорно, панически бегут… Тяжелая обстановка на юге страны… Ни шагу назад!..

Мы слушаем ужасные вещи. Страшные слова. Мы понимаем: в этих южных степях негде укрепиться, не за что зацепиться. Кто виноват?..

Ракобольская кончила читать. В полном молчании мы стоим усталые, голодные и плачем. Ведь мы — тоже «войска Южного фронта»…

* * *

…Вспомнилось первое военное лето: такое же тягостное чувство я испытывала и тогда, в августе 1941 года. Мы, студенты Московского авиационного института, работали на строительстве оборонных рубежей под Брянском и Орлом. Нас было много, целая армия московских студентов. Работали как заправские землекопы, выбрасывая вверх на три с половиной метра землю, глину, песок. Эти глубокие рвы должны были задержать продвижение немецких танков.

Часто приходилось делать большие переходы по тридцать и сорок километров. Спали где попало: в стогу, в пустой школе, в сарае. Иногда над трассой рва снижались «мессеры» и строчили из пулеметов. А ночами летели на Москву тяжелые бомбардировщики. Мы яростно копали, а фронт приближался…

Как-то после очередного перехода заночевали в деревне. Я устроилась спать прямо на крыльце какого-то дома, под навесом. На рассвете меня разбудил стук колес по мостовой. Я подбежала к забору: то громыхала пушка, которую катили по булыжнику. По дороге унылой серой массой двигались наши войска. На восток. Солдаты,

худые, небритые, с воспаленными глазами, шли, тяжело передвигая ноги, не глядя по сторонам. Утреннюю тишину нарушал топот ног да стук колес: то пушку прокатят, то пулемет.

Ухватившись за колья забора, я молча смотрела на отступавших. Я не понимала, почему они отступают, и от этого становилось жутко. Хотелось плакать… Долго еще мне казалось: я слышу топот и стук колес по булыжнику… Вероятно, именно тогда я решила, что пойду воевать во что бы то ни стало.

* * *

В соседнем полку погиб летчик. Истребитель. Он дрался под Ростовом. Один против трех «мессершмиттов». Раненный, он привел дымящийся самолет на свой аэродром и посадил его. А когда к самолету подбежали, чтобы вытащить летчика, оказалось, что он мертв…

Вечером его хоронили. Нельзя было ждать: войска спешно отступали.

Никто из нас не знал этого летчика.

Парторг полка Мария Ивановна Рунт пришла и сказала нам:

— Пойдемте хоронить его. У них в полку почти никого не осталось.

Мы уже укладывались спать в большом и неуютном сарае, где раньше была конюшня, а теперь — наша гостиница «Крылатая Лошадь», как мы ее назвали. Погода была нелетная. Собиралась гроза.

Одевшись, вышли и направились к окраине станицы, где на телеге уже стоял гроб. Полил дождь. Небо раскололось первым громовым раскатом. Причудливыми зигзагами вспыхивали молнии. В темноте мы шли за телегой по скользкой глинистой дороге. Хлюпала вода. Хлюпала под колесами, хлюпала в сапогах. Все промокли до нитки.

Медленно шли мы мимо аэродрома, мимо гостиницы «Крылатая Лошадь», в поле… Под проливным дождем. И молнии озаряли шествие.

Уныло брела тощая лошадка, покорно кивая. Телега раскачивалась на ухабах, и хлюпала под колесами вода.

Мы хоронили летчика. Под проливным дождем. Никто из нас не знал его в лицо. И никто не запомнил его имени…

* * *

Остался позади Дон. Мы отступаем. Степи, степи… Изредка — пустые конезаводы, небольшие

хутора. Стоит сухая, палящая жара.

Ночью летаем бомбить врага. Днем перебазируемся на новое место. Спим мало. В одном из хуторов мы задержались на три дня. После ночных полетов спали прямо в саду, в тени деревьев. В полдень, проснувшись от жары, я услышала какой-то странный шум. Это было ржание лошадей, громыханье повозок, топот и непрерывный гул.

Я вышла за ворота и увидела, что вся дорога, огибавшая хутор, запружена войсками. Они двигались на юг… В группе женщин, стоящих поодаль, я заметила соседку Фоминичну, которая угощала нас по утрам парным молоком. Она подошла ко мне. С ней дочка, худенькая большеглазая девочка лет семи. Ухватившись за юбку матери, она испуганно смотрела на ржавших лошадей. Иногда взглядывала на мать вопросительно и как будто с надеждой, улыбаясь беглой, вымученной улыбкой. Казалось, она хотела убедить себя в том, что все хорошо и взрослые напрасно волнуются: ничего страшного нет и не будет…

— Отступают, — кивнула Фоминична в сторону дороги.

— Отступают… — повторила я за ней, как эхо.

— А вы как же?

— Мы? Мы тоже…

За месяц я почти привыкла к тому, что мы отступаем. Но все чаще приходила мысль: до каких же пор? Сердце сжималось тоскливо и тягуче: до каких же пор?..

Фоминична качнула головой и тихо сказала:

— Ох, не видеть бы этого, не видеть…

Безвольно бросив руки, она горько качала головой, глядя на дорогу. Потом стала раскачиваться всем корпусом, приговаривая:

— Ох, не видеть бы…

— Мам, мам, — дернула ее девочка за юбку. Некоторое время она испуганно поглядывала то на мать, то на дорогу. Потом громко спросила: — А куда же они, мам? Они вернутся?

Никто ей не ответил.

* * *

Второй день Надя Попова летала на разведку в светлое время: нужно было хоть приблизительно определить линию фронта здесь, в Сальских степях. В условиях быстро меняющейся обстановки, когда наши войска отступали, а немецкие танки прорывались вперед и свободно двигались на восток, это было нелегко сделать. Надя, снижаясь, летала над дорогами, следила за передвижением войск, садилась на пригодные для По-2 площад-

ки, беседовала с местными жителями, делала пометки на карте.

Задача была трудная, но только такой тихоходный самолет, как По-2, был способен ее выполнить. Правда, никто не мог ручаться за благополучный исход…

Возле селения Надя увидела удобную площадку, рядом тянулась дорога, по которой шли войска. Сделав круг над площадкой, она зашла на посадку. И вдруг услышала дробь ударов по самолету. Оглянулась — «мессершмитт»!.. Прекратив посадку, стала уходить от него, меняя курс, низко прижимаясь к земле. Но истребитель не отставал — снова дал очередь, и, к своему ужасу, Надя увидела на самолете огонь… С каждой секундой он разрастался… Теперь — быстрее сесть и бежать.

Посадив горящий самолет, выскочила из кабины и побежала к ближайшему оврагу, где спряталась в кустарнике. Сердце бешено колотилось, дыхание перехватило — неужели зайдет еще раз? Но «мессер», убедившись, что По-2 горит, улетел. Самолет сгорел, и Надя, отдышавшись, побрела к дороге.

Немного постояла, наблюдая, как уныло шли уставшие бойцы, тяжело передвигая ноги в обмотках… Картина эта удручала. Наконец,

вернувшись к действительности, Надя стала высматривать на дороге какую-нибудь машину или повозку, чтобы добраться в полк побыстрее: в планшете на карте отмечены все данные, которые ей удалось собрать в этот день для штаба Воздушной армии. Даже артиллерийские позиции и место сосредоточения вражеских танков, где ее обстреляли…

И вдруг ей повезло несказанно: рядом остановился небольшой автобус с красным крестом. Оттуда вышла девушка в белом халате — медсестра. Спросила Надю:

— Вы не ранены?

— Нет. Только перепугана… Мой самолет сгорел.

— Мы видели. У нас в машине раненый летчик. Вас подвезти?

Надя не раздумывала. В машине сидел летчик с перебинтованной головой. Привстав, он поздоровался и подвинулся, освобождая место для Нади и не сводя с нее черных, как угольки, глаз. Темные волосы на голове резко контрастировали с белоснежными бинтами.

— Разве можно летать на таком самолете? — спросил он, словно упрекал ее.

— Летаем… А вы — истребитель? Где ваша

машина?

— Подбили. Посадил на брюхо… Семен меня зовут. Харламов.

Надя, сняв шлем, тряхнула светлыми волнистыми волосами. Семен восхищенно смотрел на нее.

— А я — Надя, — с улыбкой она взглянула на него. Парень ей нравился.

— Надя… — тихо повторил Семен, и они вместе засмеялись, радуясь неожиданному знакомству.

Пока доехали до станицы Слепцовской, где их дороги расходились, узнали многое друг о друге. Больше говорила Надя, парень был неразговорчив, только не отрываясь смотрел в ее голубые глаза. На прощанье она сказала:

— Приезжайте к нам в гости. У нас в полку много хороших девушек.

— Я уже выбрал одну, — ответил Семен.

Они расстались, не подозревая, что эта встреча была началом их любви и долгой совместной жизни, которая продолжалась почти пятьдесят лет… Так совпало, что и Наде Поповой, и Семену Харламову звание Героя Советского Союза было присвоено одним указом — 23 февраля 1945 года.

* * *

Полк по тревоге снялся с места — к хутору подходили немецкие танки. На аэродроме остались два самолета — один с неисправным мотором, с другим задержались две летчицы, ожидая, когда будет окончен ремонт. Инженер полка Соня Озеркова и техник Ира Каширина безуспешно пытались оживить мотор — нужны были запчасти и основательный ремонт в мастерских. Придя к такому выводу, Соня решила отпустить ожидавший их самолет: втроем в заднюю кабину никак не втиснуться, и обе решили оставаться вместе…

Нужно было избавиться от непригодного уже для полетов По-2. Соня не стала медлить — и вот он запылал, жалобно потрескивая, бедный самолет. Отойдя от него подальше, обе замерли, не в силах оторвать глаза от яркого торжествующего огня, которому дали полную волю — гуляй!

Дорога была запружена отступающими войсками: люди, машины, лошади, повозки… Соня и Ира медленно двигались вперед. Ночевали в поле, в стогу. Утром Соня открыла глаза, чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд. У стога стояла женщина:

— Вы, бабоньки, военные? И чего ж вы не ски-

нете ту форму?

Она сказала, что немцев в хуторе нет, танки проехали дальше. Повела их к себе, дала простую деревенскую одежду.

Однажды они столкнулись с двумя мотоциклистами. Один чинил мотоцикл, другой, увидев девушек, стал показывать пальцем на узелки, где была еда. Он настойчиво тыкал в узелок, и Ира растерялась: на дне лежал пистолет… Очень медленно стала она развязывать концы платка, а в это время Соня быстро вынула свой пистолет и выстрелила в немца. Подбежав к другому, сделала еще два выстрела в упор. Обе бросились в кустарник и долго бежали что было сил от этого места…

Всё дальше шли они под палящим солнцем, босиком, в светлых платочках и длинных юбках, невысокая крепкая Соня впереди, за ней, все время отставая, тоненькая Ира. К концу третьей недели у Моздока увидели наконец красноармейцев. В городе царила суматоха — шла эвакуация… Соня нашла коменданта, сдала в госпиталь заболевшую Иру. Оказалось — тиф… В полк добралась на попутной машине. Издали увидела огоньки садящихся По-2. Это было похоже на чудо… Она спрыгнула с машины и побежала туда, к самоле-

там, спотыкаясь, падая, вставая…

* * *

Соня Озеркова вернулась в полк, все были ей рады, особенно техники, которые успели полюбить своего начальника: несмотря на внешнюю строгость, даже суровость, она была человеком добрым и справедливым. Соня была готова с ходу приступить к своим обязанностям, как вдруг ей это запретили. Больше того, стали вызывать ее в особые отделы, где подробно расспрашивали о том, как она выбиралась из вражеского «окружения». А главное, чем интересовались, — почему у нее не оказалось партийного билета: куда он девался?..

До войны Соня несколько лет преподавала в авиационном училище, помнила годы репрессий и была достаточно опытным человеком, чтобы теперь понять безвыходность своего положения: нельзя ни врать, ни говорить правду — и то и другое плохо. Боясь попасть в лапы к немцам, она уничтожила партбилет собственными руками. И теперь сама не знала, правильно ли поступила, поэтому безропотно ждала своей участи.

Это было время, когда партбилет ценился дороже человеческой жизни… И вот — трибунал!

Соня была поражена, когда военный трибунал приговорил ее к расстрелу… С нее сняли погоны, разжаловали, остригли наголо. Она сидела взаперти, у входа стоял солдат с винтовкой.

Правда, ей предложили написать просьбу о помиловании. Она отказалась… И только вмешательство командования фронта спасло Соню Озеркову. Дело было пересмотрено, обвинение снято, ее восстановили в должности и звании, вернули в полк, и она честно, как и раньше, работала инженером полка до конца войны.

Однако неприятный осадок на душе остался навсегда. Уже после Победы она призналась однажды: «Иду по улице, и кто-нибудь внимательно посмотрит на меня — я вздрагиваю, и сердце начинает тревожно колотиться…»

* * *

Из дневника командира эскадрильи Героя Советского Союза Марины Чечневой:

«15 августа 1942 г. Мы с Ольгой Клюевой бомбили мотоколонну на дороге по направлению к Константиновской. После бомбометания Ольга наблюдала сильные взрывы и повторяющиеся вспышки огня. Мы были очень довольны полетами в этот день — день моего рождения. Ольга,

возвращаясь с задания, кричала в переговорный рупор „ура“ и поздравляла меня *с* днем рождения и удачным боевым вылетом.

17 августа 1942 г. При выполнении боевого задания в лесу обнаружили огни. Это было, видимо, движение машин. Когда Ольга сбросила бомбы, наблюдались взрывы и сильные вспышки. Экипажи, летевшие за нами, подтвердили, что это был склад с боеприпасами. Боеприпасы долго взрывались.

30 августа 1942 г. Третий боевой вылет в эту ночь. Бомбили северо-восточнее станицы Константиновской. После этого наблюдали чередующиеся взрывы с густым дымом, которые длились в течение трех минут. Предполагалось, что взорвано было горючее.

В ночь с 8 на 9 декабря 1942 г. вместе с Олей Клюевой мы бомбили скопление мотомеханизированных частей и живую силу противника в пункте Кривоносово и ст. Луговской. В результате возникло три сильных взрыва и два очага пожара, которые сопровождались вспышками и клубами дыма. Экипаж Нины Худяковой и Кати Тимченко подтвердил успех нашего бомбометания после прилета на аэродром».

* * *

Отступая, мы дошли до предгорий Кавказа. Дальше отступать было некуда: на юге и западе — высокие горные хребты с Казбеком и Эльбрусом, на востоке — Каспийское море.

Базируемся в станице Ассиновской. Самолеты прячем в большом яблоневом саду; порулишь среди деревьев — и полно яблок в кабинах. Живем в местной школе и у хозяек. Станица недалеко от Грозного, в той же Сунженской долине. Так что когда немецкие самолеты поджигают грозненскую нефть, то дымом, как густым туманом, заволакивает все небо и долину. Полеты на время прекращаются.

На боевые задания летаем с «подскока» — площадки, которая расположена ближе к фронту, у самого подножия Сунженского хребта. Вечером перегоняем самолеты туда, а утром после боевой работы возвращаемся на основную точку, в Ассиновскую. Это позволяет нам сделать больше вылетов. Ведь у нас почти всегда стоит задача добиться за ночь максимального количества бомбовых ударов.

Бомбим немцев, укрепившихся на реке Терек. Наши цели: Дигора, Прохладный, Малгобек,

Ищерская… Больше всего нам достается в районе Моздока, где сосредоточено много зенитных средств. Немцы не сомневаются, что прорвутся через оборону, которую держат наши войска, и стягивают к Тереку свои силы.

Мы часто возвращаемся с задания с поврежденными самолетами. Наши техники быстро, на ходу латают дырки, и По-2 снова летит бомбить.

* * *

На Тереке мы научились летать ночью в сложных условиях горной местности и в непогоду. Осенью и зимой, когда погода особенно неустойчива, частые туманы и низкая облачность внезапно закрывали и аэродром, и горный хребет, и Терек. По-2, прилетая с задания, с трудом отыскивали свой аэродром.

Первым экипажем, который попал почти в безвыходное положение, были летчик Надя Попова и штурман Катя Рябова. Точным попаданием повредив переправу через Терек, девушки возвращались домой в приподнятом настроении. Вдруг Катя встревоженно сказала:

— Надя, впереди все закрыто. Низкая облачность.

— Посмотрим, может быть, аэродром открыт.

Но не видно было даже Сунженского хребта, у подножия которого находилась летная площадка.

— Держи точно обратный курс. Будем рассчитывать по времени.

Долго ходили они над толщей облаков, пока не заметили чуть в стороне от маршрута какие-то светлые пятна, слабо просвечивающие сквозь облака. Пятна то появлялись, то исчезали.

— Это дают ракеты на старте, — обрадовалась Надя.

Ориентируясь по этим пятнам, стали пробивать облака.

— Как бы не врезаться в горы, — предупредила Катя. — Зайдем лучше с юга, со стороны долины.

Снижаясь, Надя вошла в облака. Постепенно пятна становились все ярче, и скоро стали просматриваться посадочные огни на земле. Вышли из облачности совсем низко, на высоте 30 метров.

Обе облегченно вздохнули: дома.

* * *

Наконец-то у меня есть «свой» летчик — Ирина Себрова. Славная девушка, скромная, искренняя и отличный летчик. Характер у нее мягкий, дели-

катный. Мы с ней подружились.

…Бомбим вражеские позиции под Малгобеком. Горный район сразу за хребтом. Небо в звездах, погода хорошая.

Над целью я бросаю вниз САБ — светящуюся авиабомбу, прямо из кабины. Она, как фонарь, повисает в воздухе. Становится светло, я внимательно разглядываю землю. Увидев цистерны, расположенные параллельными рядами, я заволновалась:

— Иринка, вижу склад с горючим!

Ира высовывается из кабины, смотрит вниз.

— Вон, справа! Подверни правее, еще… Довольно.

Я спешу, я так хорошо вижу эти цистерны! Нажимаю рычаг — и бомбы несутся к земле. Четыре огненных снопа вспыхивают и тут же исчезают, рассыпавшись искрами. Мимо! Досадно… Остались четыре дымка на земле — а цистерны стоят целехонькие…

В следующем полете я не тороплюсь. Изо всех сил стараюсь прицелиться получше. Ставили же мне пятерки по бомбометанию! Ира выдерживает прямую, которая называется «боевой курс». Я чуть-чуть подправляю его… Цель отличная, самолет летит как по ниточке. Нет, я должна попасть

во что бы то ни стало!

Снизу застрочил зенитный пулемет. Прошлый раз он молчал, они там еще спали, наверное. А я промахнулась! Огненные трассы приближаются к нам слева, вот-вот полоснут по самолету. Но сворачивать нельзя.

Пулемет крупнокалиберный, спаренный — пули летят широким пучком. Ира нервничает, вертится в кабине, но курс держит. Поглядывая на трассы, я прицеливаюсь, бросаю бомбы. Сразу же она пикирует, успевая нырнуть под длинную трассу пуль. На земле — сильные взрывы, вспыхивает пламя: пожар. Мы летим домой, а я все оглядываюсь: горит! Черный дым стелется над землей. Склад горит всю ночь.

* * *

…Над Моздоком был подбит наш По-2. Мотор отказал, летчик Нина Распопова и штурман Леля Радчикова, обе раненые, держали курс к линии фронта. Прожекторы долго не отпускали их, мешая ориентировать самолет относительно земли. Закрутившись в лучах, Нина спросила:

— Леля, где Терек?

— Держи 180°. Терек остался позади.

Самолет снижался, планируя, и обе знали, что

вряд ли дотянут до своих, придется где-то сесть у немцев. Но об этом не хотелось думать.

— Скоро земля, — предупредила штурман.

До боли в глазах Нина всматривалась в темноту, надеясь, что впереди нет препятствий. Самолет плавно приземлился и, пробежав немного, остановился. Стало тихо. Слышно было, как тикают часы на приборной доске.

— Быстро! Пошли! — скомандовала Нина.

Где-то рядом взлетела вверх белая ракета, вторая… Трассирующие ленты понеслись навстречу друг другу. Девушки догадались: По-2 сел на нейтральную полосу. Они отошли от самолета шагов десять, когда Леля вдруг сказала:

— Там, в кабине, теплые носки… Мама прислала. Я сейчас!

— Ты с ума сошла! Какие носки!!

Но Леля была уже у самолета…

Наши пехотинцы на машине быстро подбросили девушек в полк. Обе отказались от госпиталя, считая, что ранены легко. А их самолет, из-за которого велась перестрелка, наша пехота сумела захватить и даже отремонтировать.

* * *

Вспоминает штурман Хиваз Доспанова:

«Линия фронта проходила по Тереку. С каждым днем дел у штурманов прибавлялось. Кроме листовок, которыми была заполнена штурманская кабина, мы стали брать с собой на задание термитные авиабомбочки, которые вручную выбрасывали над целью, поджигая объекты врага уже после сброса основного груза — подвешенных под крыльями бомб.

В один из таких полетов я дольше обычного провозилась с САБом, который не сработал. Пришлось снова заходить на цель, мы осветили ее и хорошо отбомбились. Затем одну за другой я стала выбрасывать „термички“, как вдруг последняя выскользнула у меня из рук и закатилась под сиденье. Я перепугалась — ведь это бомба ударного действия. Но, слава богу, она не зажглась. Я стала шарить рукой по полу кабины, но бомбочку не нашла.

А Полина Белкина, моя летчица, уже кричит в переговорную трубку:

— Ты что возишься?! Уходить пора, пока целы!

Решив не расстраивать ее, я ответила, что еще не все листовки сбросила, и принялась выки-

дывать кипы листовок за борт. Бомбу я так и не нашла. Перед тем как идти на снижение, я попросила Полину:

— Посади самолет как можно мягче.

— Ты что, ранена?

— Нет, но прошу тебя, посади мягче.

Едва самолет остановился, я, выбравшись на плоскость, лихорадочно начала искать злополучную бомбу — только ноги торчали из кабины.

— Что случилось? — удивленно спросила Полина.

Нащупав бомбу, закатившуюся в самый дальний угол под сиденье, я рассказала ей о случившемся. Мы посмеялись над моим злоключением, а вечером вооруженцы вторично вручили мне вместе с другими и эту несработавшую „термичку“. Когда мы подошли к цели, я в первую очередь выкинула за борт „опасную бомбу“ и только потом стала бомбить объект…»

* * *

Район Моздока — самый укрепленный на Тереке. Сюда мы чаще всего летаем бомбить вражескую технику, войска, переправы.

Терек… Бурный, непокорный. Поэты говорят, что он шумит, рычит, воет. А сверху он кажется

тихой, смирной рекой. Ночью Терек с его крутыми излучинами и плавными изгибами похож на голубоватую ленту, оброненную на темную землю.

…Светло в кабине, светло кругом. Прямые, как стрелы, лучи, ослепительно-белые, режут небо на куски. На множество кусков. Лучи широкие: в луче самолет может кружиться, делать виражи — и не выйдет за его пределы. С земли бьют фонтаны пулеметных трасс. Из разных мест они устремляются в одну точку — туда, где летит освещенный прожекторами самолет. Кажется, что вот-вот одна из трасс полоснет по самолету. Они проходят близко, совсем рядом…

Бомбы уже сброшены, и теперь Ире Себровой легче маневрировать. Она старается не смотреть на слепящие зеркала прожекторов. Старается, но все же поглядывает на них… Бросает самолет то вниз, то в сторону, уклоняясь от пулеметных трасс… Наконец спрашивает:

— Наташа, дай курс!

— Терек справа, курс 90°.

Нам бы следовало пересечь реку и лететь на юг, но там — стена огня. И мы держим восточный курс, чтобы обойти этот район.

…Летит в темноте под звездами наш По-2. Ро-

кочет мотор, будто ворчит озабоченно. Остаются сзади и Моздок, и зенитки, и Терек.

Поэты утверждают, что Терек — бурная, свирепая река. Я же запомню его таким, каким он кажется сверху: голубоватой лентой, вьющейся по земле. Голубоватой… Интересно, какого цвета в нем вода, когда бьют зенитки и в небе — огонь? Я никогда не успеваю рассмотреть…

* * *

Бомбы сброшены. Самолет медленно удаляется от цели, слабеет огонь зениток, гаснут прожекторы. Мы уходим.

Уходим… Просто непостижимо, как нам это удается на нашем слабеньком маломощном По-2. Фанерный самолетик, тихоходный, беззащитный и такой совсем-совсем мирный со своими лентами-расчалками, открытыми кабинами и приборной доской, где перед летчиком светятся несколько примитивных приборов.

Его называют громким именем «ночной бомбардировщик»! Да, мы возим бомбы, подвешенные прямо под крыльями. По двести-триста килограммов за вылет. Так что, например, за пять полетов получается тонна…

«Бомбардировщик» — это верно. А ночной-то

он не потому, что как-то оборудован для полетов ночью. Никакого специального оборудования на самолете не установлено. Ночной он потому, что за линию фронта он может летать, пожалуй, только в темноте: днем его сразу собьют.

Но мы любим наш ночной бомбардировщик, хотя он слишком прост и непритязателен: всю ночь от зари до зари он без устали работает.

* * *

Вспоминает Марина Чечнева:

«Вот Терек — предстоит уничтожить переправу. Линию фронта пересекаем на высоте 1200 метров.

— Подходим к цели, — говорит в „переговор“ мой штурман Оля Клюева.

Сегодня мы пробуем отработать новый метод бомбометания парой самолетов: мы с Клюевой вызываем огонь на себя, а в это время бомбит Надя Попова с Катей Рябовой, потом, когда прожекторы переключатся на них, спокойно бомбим мы.

…Пора! Дав ручку от себя, прибавляю газ, несемся на цель. Внизу ни огонька и полное молчание. Скорей бы уже начинали! Ведь знаю: подпускают! Сколько раз мне приходилось лететь, схваченной

несколькими лучами сразу, идти рывками, из стороны в сторону, уходить от разрывов и „змейкой“, и „горкой“, обнаруживать новые и новые дыры в самолете, видеть огненные шары прямо перед собой по курсу, каждую секунду ощущать приближающуюся опасность! В такие моменты волнение и страх уходят на задний план, остается упрямое желание сманеврировать еще резче и точней (особенно хорош был прием „скольжение на крыло“), обмануть врага, вырваться из лучей. Привыкаешь ко всему, что таит в себе явную опасность. Но невозможно побороть давящее чувство ожидания опасности. Сколько я ни летала, в какие переплеты ни попадала, для меня всегда было страшнее предчувствие опасности, чем сама опасность.

…Внизу по-прежнему молчат. Но вот не выдержали — включили прожекторы, рявкнули зенитки. Теперь, по крайней мере, знаешь, что делать. От прямого попадания снаряда в плоскость самолет подбрасывает… „Только бы не в мотор, только не в мотор“, — твержу про себя.

— Уходим вниз, — командует штурман.

Теперь фашистов отвлекает Надя Попова, которая уже отбомбилась. Прожекторы переключились на ее самолет, а тем временем мы

неслышно подходим к цели, и все четыре бомбы летят вниз...»

* * *

Возвращаемся из последнего полета, Ира Себрова и я. За ночь сделали шесть боевых вылетов, трижды попадали под зенитный обстрел. До аэродрома остается лететь двадцать минут.

Тихо. Только мягкий рокот мотора. На западе еще сверкают крупные звезды, а на востоке небо уже светлеет. Не первый раз мы встречаем рассвет в полете. Здесь, на юге, рассветает быстро. Солнечные лучи сначала касаются горных вершин, окрашивая их в нежно-розовый цвет. Потом на склонах гор вспыхивают малиново-красные пятна. Они движутся, как живые, опускаясь все ниже и ниже, и наконец солнце освещает скалистые пики и поросшие лесом склоны гор, заливая всю долину.

Еще издали виден аэродром, пчелками кружатся над ним наши двукрылые По-2. Ира садится, заруливает на стоянку. Выходим, разминаемся. Медленно идем, мягко ступая по влажной траве. На сапогах остается роса. Мокрые травинки послушно сгибаются, примятые сапогом, и снова встают во весь рост.

Прозрачный туман, висящий в долине легкой дымкой, вдруг отрывается от земли, пригретой солнцем, приподнимается и тает прямо на глазах. В этот ранний час рождения нового дня так легко дышится! Скоро поле кончается, дальше дорога, и я невольно замедляю шаг, чтобы подольше побыть в этом зеленом и радостном мире…

На ступеньках крайнего в станице дома сидит наш врач Оля Жуковская. Здесь медпункт. Я чувствую, что-то произошло. Подходим.

— Ну?

— Валя в госпитале умерла. На рассвете.

Она должна была умереть, наша Валюша, Валя Ступина. Она долго болела, последние дни совсем была плоха. Расстроенные, мы идем в станицу. Куда же девался наш радостный солнечный мир?.. К мокрым от росы сапогам прилипает пыль. Солнце неприятно слепит глаза. А на перекрестке дорог женщина достает из колодца воду, и пронзительно скрипит и визжит, вращаясь, ворот…

* * *

Вспоминает Марина Чечнева:

«Летать над горами трудно, особенно осенью. Нежданно-негаданно наваливается облачность,

прижимая самолет к земле, вернее к горам, приходится лететь в ущельях или над разновысокими вершинами. Тут каждый незначительный поворот, малейшее снижение грозит катастрофой, к тому же вблизи горных склонов возникают восходящие и нисходящие потоки воздуха, которые властно подхватывают машину. В таких случаях от летчика требуются недюжинные хладнокровие и мастерство, чтобы удержаться на нужной высоте.

В мирное время многие из тех полетов, которые мы выполняли осенними ночами 1942 года, считались невозможными. Но на войне человеческие возможности неизмеримо возрастают. Поэтому мы работали и в дождь, и при низкой облачности, с каждым полетом становясь только опытнее, увереннее.

Это были „ночи-максимум“, когда мы находились в воздухе по восемь-девять часов подряд. После трех-четырех вылетов глаза закрывались сами собой. Пока штурман ходила на КП докладывать о полете, летчица несколько минут спала в кабине, а вооруженцы тем временем подвешивали бомбы, механики заправляли самолет бензином и маслом. Возвращалась штурман, и летчица просыпалась…

„Ночи-максимум“ доставались нам огромным напряжением физических и душевных сил, и, когда занимался рассвет, мы, еле передвигая ноги, шли в столовую, мечтая скорее позавтракать и заснуть. За завтраком нам давали немного вина, которое полагалось летчикам после боевой работы. Но все равно сон был тревожным — снились прожектора и зенитки, у некоторых держалась стойкая бессонница…»

* * *

Летом 1942 года со штурманом Галей Докутович произошел несчастный случай. Вернувшись с боевого задания, пока техники латали пробоины на самолете, она прилегла в траву недалеко от своего По-2. Тяжелый бензозаправщик спешил на старт, и шофер не заметил девушку. У Гали был поврежден позвоночник. Госпиталь… И снова — полеты.

Из дневника Гали:

«6/8 1942 — Я в госпитале. Да еще бог знает где — в Махачкале. Сначала пластом лежала, да и теперь лежу не двигаясь. Но сегодня обняла за шею двух нянь, встала на ноги. Голова закружилась-закружилась, и, когда я легла на койку, мне показалось, что целый день работала и устала

смертельно.

16/8 1942 — Еду на пароходе по морю. Лежу где-то почти в трюме. В открытый иллюминатор вижу серый Каспий. Жарко. Здесь едет сразу сто тридцать раненых… Встала с постели, пробралась на палубу. И на виду у всех осрамилась: упала в обморок первый раз в жизни.

24/8 1942 — Ашхабад почти совсем европейский город. В госпитале лежать еще больше месяца.

20/12 1942 — Я снова у себя в части. Не знаю, принимают ли кого-нибудь лучше, чем встретили меня девчата. Родная семья! Свой шестимесячный отпуск я спрятала в карман. После войны буду отдыхать, поправляться».

* * *

Мы собрались у школы, в самом центре станицы Ассиновской. Пора ехать на аэродром. Поглядываем на серое небо, на темные клочья низких облаков, которые проносятся над головой. Сыро, ветрено и тоскливо. Деревья нелепо взмахивают голыми ветками, словно пытаются удержать равновесие, поскользнувшись на мокрой земле.

Ждем грузовик. Но из-за угла в конце улицы вдруг появляется черная легковая, забрызганная

грязью машина. Из нее выходит девушка. В короткой и тесной, с чужого плеча, шинели, в большой шапке-ушанке. Стоит и молчит. В опущенной руке — полупустой рюкзак. Другая крепко прижата к груди, будто девушка хочет успокоить бешеный стук сердца, прежде чем шагнуть нам навстречу. Кто-то тихо говорит:

— Докутович… — И потом: — Галка!

Она бросается к нам напрямик, не разбирая дороги, с трудом выволакивая сапоги из густой грязи. Галя вернулась из госпиталя, из глубокого тыла… Вернулась в свой полк, чтобы снова воевать.

Мы обнимаем, тормошим ее, а она громко смеется и что-то говорит-говорит… Странно — раньше она никогда так не смеялась… Я замечаю, что вот-вот из глаз ее брызнут слезы…

Все мы рады счастливому возвращению Гали, и никто не знает, что в кармане ее гимнастерки лежит заключение врачей, где сказано, что ей требуется дальнейшее длительное лечение, а главное — ей запрещается не только летать, но даже оставаться в армии. Никто в ближайшее время и не узнает, потому что Галя просто не станет показывать его в полку…

Подъезжает наша машина, мы влезаем в ку-

зов, и она трогается. А Галя остается на дороге, высокая, в смешной короткой шинели, такая одинокая. Смотрит вслед влажными глазами, машет рукой…

Галя Докутович погибла в ночь на 1 августа 1943 года. Ее самолет загорелся в результате обстрела вражеского истребителя…

О Гале Докутович вспоминает штурман звена Герой Советского Союза Полина Гельман, ее лучшая подруга:

«…Оказавшись в одном классе, мы с Галей сели за одну парту и просидели вместе до окончания школы. Что меня всегда поражало в Гале, это ее настойчивость, упорство в достижении цели и счастливая способность ко всему. Ей нравилась литература — и на всех наших литературных вечерах она неизменно занимала призовые места. Она увлеклась спортом — и стала одной из лучших гимнасток Гомеля. Уже в восьмом классе Галя поступила в музыкальную школу и за один год прошла курс четырех классов. Однако, несмотря на такие успехи, Галя оставила музыкальную школу, поддавшись более сильному чувству — увлечению небом.

Мы учились в 9-м классе и вместе пошли поступать в аэроклуб. Меня не приняли из-за малого

роста. Я тогда позавидовала своей подруге — Галя была высокой, статной. В аэроклубе она стала лучшим учлетом и первая в отряде вылетела самостоятельно. Школу она окончила на отлично.

Поступив в Московский авиационный институт, продолжала тренироваться, одновременно занимаясь парашютным спортом.

Летом 1941 года Галя должна была принять участие в групповом прыжке с самолета на воздушном параде в Тушине. И вдруг — война… Одной из первых явилась Галя в ЦК комсомола с просьбой зачислить ее в авиагруппу Расковой.

Потом мы вместе оказались в штурманской группе…»

* * *

Седьмого ноября праздник — 25-летие Октября. В полк приехал командующий фронтом Тюленев, который вручил нам награды. Многие получили свои первые ордена.

В то время у каждой из нас уже было на счету больше сотни боевых вылетов. И много удачных. Мы летали непрерывно. Бомбили то автомашины, то переправы, то огневые точки, то склад, то танки… Наземные части, стоявшие на передовой, часто благодарили нас за хорошую работу, за

точные попадания.

Словом, летали мы каждую ночь. С вечера до утра. Каждый экипаж делал по пять, по шесть, по семь вылетов. Если не было летной погоды, сидели на аэродроме и дремали в ожидании, когда рассеется туман или перестанет дождь. Чтоб слетать хоть разок.

Однажды, сидя в кабине в туманную ночь, я задремала, и сон унес меня куда-то далеко в прошлое. Открыв глаза, я вдруг увидела совсем близко под колесами землю… Еще секунда — и самолет разобьется!.. Не думая, мгновенно я рванула ручку управления на себя… В передней кабине проснулась Ира:

— Что с тобой? Наташа!

— Ох, я решила, что мы сейчас стукнемся о землю…

…Никто не думал о наградах. И вдруг — ордена. Оказалось, все-таки приятно получить орден.

Командующий обратил внимание, что мы в брюках, в полинявших, выцветших гимнастерках, и сказал кому-то из помощников:

— Праздник, а у девушек нечего надеть.

По его приказу нам вскоре сшили парадную форму — коричневые гимнастерки и синие юбки. Эту форму мы надевали по торжественным

случаям несколько лет, до самого конца войны.

* * *

На праздничный вечер к нам в гости приехали ребята из соседнего полка, наши «братцы». Они тоже летают на самолетах По-2. И командир их приехал, подполковник Бочаров. Этот братский полк базируется недалеко от нас, в соседней станице. Мы часто бомбим одни и те же цели, иногда летаем с одного аэродрома.

Совсем неожиданно я встретила Сашу Громова. Сашу, с которым вместе учились в аэроклубе. Тогда, перед войной, я уехала из Киева в Москву, в авиационный институт, а Сашу и других ребят направили в летное училище. Они мечтали стать летчиками-истребителями. Но не успели: началось отступление и всех курсантов разбросали по авиационным полкам. Теперь Саша — штурман в полку По-2.

Саша такой же, как и был, только возмужал немного. Высокий, широкоплечий, с добрым и мужественным лицом. У него темные глаза, такие темные, что даже зрачков не видно, энергичный подбородок и крупные, красиво очерченные губы. Черные вьющиеся волосы падают на лоб.

— Я узнал, что ты здесь, и приехал, — сказал

он.

Мы стали вспоминать аэроклуб, школьные годы, друзей — то время, когда еще не было войны и когда казалось, что впереди все так легко и прекрасно…

…Кончились полеты. Мы, курсанты аэроклуба, едем в город. Мчится по шоссе грузовик. Мелькают пригороды Киева. Ближе к городу — заводы. В кузове тесно. Мы все стоим, держась друг за друга.

Я стою у самой кабинки, облокотившись на крышу. Рядом Саша. Он держит мою руку в своей большой теплой ладони, и я чувствую, какой он сильный и ласковый. Ветер растрепал мои косы, и длинные пряди волос бьются о Сашину щеку. Я стараюсь отодвинуть голову, а Саша наклоняется еще ближе…

Прошло всего два года с тех пор. Но как давно это было!

* * *

…Горный поселок Дигора. Сверху он кажется игрушечным. САБ медленно опускается, освещая крутой склон горы и сам поселок. На окраине — машины, по которым я бросаю бомбы, пока прожекторы ловят самолет. Два полета прошли

удачно. А вот третий…

Мы пролетели больше половины пути по направлению к Дигоре, когда наткнулись на облака, которые двигались двумя ярусами. Некоторое время мы летели между ними, но вскоре самолет окунулся в сплошную облачность. Решили возвращаться с бомбами. Ира взяла обратный курс.

Еще раньше я отметила, что ветер усилился и резко изменил направление, значит нас снесло, но как проверить? Земля совершенно не просматривалась… Казалось, что в облаках мы летим уже очень долго. Наконец Ира спросила:

— Наташа, где мы находимся?

Я ждала, что она это спросит, и нервничала, ведь она так верила мне. Помедлив с ответом, призналась:

— Ира, я не знаю. Понимаешь…

Но объяснять было нечего. А облакам не было конца. Временами мы выходили из облачности, но внизу под нами проплывали облака нижнего яруса. Иногда темнели небольшие просветы. Что там? Хребет или долина? Можно ли снижаться? А если — горы?

У меня пересохло во рту и тягуче-неприятно засосало под ложечкой. Очевидно, закрыло весь наш район и аэродром тоже.

— Ира, я брошу САБ.

Через несколько секунд вокруг стало белым-бело. САБ утонул в облаках, мы летели как в молоке. Когда он догорел, темнота стала еще более густой и зловещей. Нужно было на что-то решиться: лететь дальше или пробивать облака наугад… Вдруг внизу что-то блеснуло, и совершенно ясно я увидела на земле свет фар: машина ехала по извилистой дороге.

— Иринка, жми в этот просвет! Видишь — фары! Там дорога.

Рядом с дорогой вилась речушка, мы привязались к ней и летели вдоль ее русла, пока не прошли узкое ущелье. Шел снег, но теперь мы уже знали, что долетим: на аэродроме непрерывно стреляли ракеты. Нас ждали…

* * *

В комнату ввалилась Жека Жигуленко, или, как мы ее звали «Жигули». Как всегда веселая и шумная.

— У меня день рождения! Пошли пить чачу — все пошли!

У Жеки широкая натура, она любила размах. Все так все.

— Поздравляем! Тебе сколько стукнуло — два-

дцать один?

Мы принялись теребить ее, дергать за уши. Она отбивалась, хохотала, потом сдалась и терпеливо вынесла все мучения. Уши у нее стали пунцовыми, лицо с нежной кожей пылало.

— Теперь двинули!

Мы собрались компанией у Жекиной хозяйки. Пили чачу — виноградную водку. Шумели, пели. Одни девчонки.

У хозяйки нашелся патефон. Старый, с отломанной ручкой. И куча заигранных пластинок. «Если завтра война», «Три танкиста»… Эти нас не интересовали.

Хрипели «Очи черные», отчаянно взвизгивал «Синий платочек». Мы громко чокались гранеными стаканами, закусывали солеными огурцами. Пили за летную погоду, за наступление…

И вдруг среди замусоленных пластинок — Григ! «Песня Сольвейг», печальная и нежная. Наступила тишина. Стало грустно. Моя соседка Нина Ульяненко заплакала. Я принялась утешать ее. Потом, обнявшись, мы стали плакать вместе. О чем? Трудно сказать. Что-то вспомнилось, чему-то не суждено было сбыться. И вообще — действовала чача.

К нам присоединились другие. И даже озорная

Жека сидела, опустив голову, и, покусывая губы, молча плакала. Слезы капали в пустой стакан. Мы плакали тихо, мирно, самозабвенно. Было хорошо.

Выплакавшись, мы пошли получать боевую задачу.

* * *

В предгорьях Кавказа мы летали пять месяцев, пока у немцев была надежда прорваться к нефти. Но успехи советских войск под Сталинградом заставили их спешно отступить с Кавказа, чтобы не оказаться отрезанными от основных войск. И уже в первых числах января 1943 года нам ставили задачу бомбить отступающего врага. Теперь мы еле успевали догонять немцев.

...Перелетаем все ближе к Кубани. Солдато-Александровка. Здесь мы были при отступлении, и, конечно, девушки останавливаются у своих прежних хозяек. Навстречу нам вышла вся станица. Ночью мы не летали — еще не подвезли бомбы.

Был канун старого Нового года. В полночь мы гадали. Жгли бумагу и потом разглядывали тень на стене от оставшегося почерневшего клочка. У Гали Докутович получился гроб — так она сама

определила. Никто не хотел, чтобы — гроб, и мы наперебой изощрялись, придумывая всякую чушь. А спустя полгода Галя сгорела вместе с самолетом.

Кто-то предложил выйти на улицу и спросить имя у первого встречного, чтобы узнать, как будут звать суженого. Накинув на плечи шинели, мы с хохотом выбежали на мороз. Но встречных не оказалось. Только часовой у самолетов, не то казах, не то киргиз, судя по акценту, громко выкликивал:

— Стой! Какой пропуск?

— Как твое имя? — допытывались мы.

Но он только повторял:

— Пропуск «Калуга» знаешь?

— Знаем, знаем…

— Какой?

— «Калуга»!!

* * *

…Наша хозяйка встретила Иру и меня с восторгом. Всплеснув руками, бросилась обнимать.

— Ох, вы мои девочки-голубушки! — приговаривала она. — Да я ж сердцем чуяла, что мы еще свидимся! И сны ж мне такие снились!

Она все хлопотала, крутилась возле нас, шлепа-

ла ребят, чтобы не мешали.

— И как же вы не боялись? Темно ж! А высоко — страху не оберешься.

Она рассказала, как вели себя немцы, где стояли орудия, танки, зенитки. И как прилетали ночью самолеты бомбить немцев, а ей так хотелось подсказать, куда бросать бомбы. Она была убеждена, что прилетали именно мы, девушки. Мы не стали разуверять ее, хотя нам не приходилось бомбить в этом районе.

Муж ее на фронте, ушел в первый день войны. Жив ли — не знает. Ни одной весточки с тех пор. Дома четверо детей.

Хозяйка раздобыла муки, испекла пирог, и мы отпраздновали встречу. Шустрый Ванюшка не отходил от Иры. Время от времени он осторожно трогал орден Красного Знамени и при этом доверчиво заглядывал ей в глаза:

— А вы большие бомбы кидали?

— Большие.

— Вон с того самолета?

— С того. И с других тоже.

Наш По-2 стоял у самой хаты, его можно было видеть в окно. Соскочив с табуретки, Ванюшка подбежал к окну, чтобы еще раз посмотреть на самолет.

На следующий день мы с Ирой прощались с гостеприимной хозяйкой, с ее ребятами. Порылись в рюкзаках, достали для ребят теплые вещи. Вот только Ванюшки почему-то не было, исчез куда-то.

Но когда мы подошли к самолету, то вдруг обнаружили пропавшего мальчишку в штурманской кабине. Он сидел на полу, скорчившись, уткнувшись носом в колени, и молча поглядывал на меня снизу вверх.

— Вот ты где! Что же ты, с нами полетишь?

— С вами! — обрадовался Ванюшка и даже подпрыгнул.

* * *

Из дневника Гали Докутович:

«…Фашисты удирают, а мы их настигаем. Но погода, увы, заодно с ними. Все время туман, низкая облачность, а здесь гористая местность…

Вчера был один из самых забавных дней нашей походной жизни. С утра нас застал туман, никак не могли вылететь. Только к полудню полк поднялся и перелетел на другую площадку. Но оказалось, что наша передовая группа наземников уже поехала дальше.

Мы собрались ночью работать, но опять, как

всегда, к вечеру появилась облачность, погода самая „аэродромная“. Мы мерзли у своих машин. Я собралась уже совсем лететь и вовсю ругала Лиду Свистунову за то, что карту мне дали уже в темноте.

Мы с Ниной Худяковой улеглись спать на крыльях. Холодно, а не встаем! Но все-таки решили встать и пошли греться к лампе. Лампу разожгла Дуся Пасько неподалеку от „блондинки“, так у нас величают самолет № 9 за то, что он выкрашен голубой краской. Оказалось, Дуся варила в котелке фасоль. Мы приняли активное участие, я даже палец себе обожгла.

У Руфы была соль, у меня — самое главное — ложка. А вместо воды здесь же бросали в котелок снег…

Погода была безнадежно плохой. После команды „Отбой!“ нужно было километра два с половиной идти в станицу. Спали на соломе в холодной хате. А сегодня с утра непроходимый туман. Снова на аэродроме. И опять нельзя летать!..»

* * *

Немцы спешно уходили с Кавказа.

В первых числах января полк оставил станицу

Ассиновскую и перелетел через Терек на новую площадку.

…Полетов нет: еще не подвезли бомбы. Наземный эшелон в пути, поэтому летчикам самим приходится дежурить у самолетов. Над площадкой, где рассредоточены наши По-2, висит луна. Поле, покрытое свежим, недавно выпавшим снегом, залито бледно-голубым светом.

Сразу же за нашими самолетами стоят самолеты «братцев», которые тоже прилетели сюда, за Терек. Я медленно хожу вдоль самолетов, мягко ступая унтами по снегу. Вместе со мной движется моя тень. Она совсем короткая: месяц высоко, почти над головой. Я стараюсь наступить на нее, но она ускользает все вперед, вперед…

Саша Громов тоже дежурит сегодня. Мы с ним виделись вечером в столовой. Я знаю — он придет ко мне. И, улыбаясь неизвестно чему, я снова охочусь за собственной тенью… Вскоре он приходит, большой, похожий на медведя, в комбинезоне с широким меховым воротником и в мохнатых унтах.

— Давай дежурить вместе.

Я рада ему. Мы идем рядом: теперь по снегу скользят две тени — одна короче, другая подлиннее. Возле моего самолета останавливаемся.

Тихо. Поблескивает обшивка крыла. Накрытый чехлом мотор и лопасти пропеллера, торчащие в стороны, кажутся огромной птицей, которая приготовилась взлететь. Сегодня тишина особенная. Немцы бегут, и у меня такое ощущение, будто на время раздвинулись тучи войны и стал виден светлый кусочек мира…

Мы стоим, облокотившись на крыло. Говорить не хочется. Я чувствую на спине тяжесть Сашиной руки и даже через меховой комбинезон ощущаю ее тепло. Нам обоим хорошо. И нет никакой войны.

Внезапно воздух сотрясает взрыв. Мы гадаем, что бы это могло быть. Но все опять спокойно, и мы забываем о взрыве. Проходит час, и еще один. Луна за это время опустилась ниже, тени стали длиннее, подморозило. Вдали раздались голоса: это идут нас сменить…

* * *

Вспоминает Марина Чечнева:

«Мы перелетали с места на место, догоняя отступавшего противника. В январе и феврале туманы и снегопады затрудняли нашу работу. Часами мы просиживали на аэродромах в ожидании погоды.

В станице Екатериноградской нас настигла страшная весть: погибла Раскова. Мы помнили ее, всегда ждали, что она как-нибудь однажды прилетит к нам в полк и мы будем рассказывать ей о том, как жили и как воевали, выпестованные ею. Теперь же в газете ее портрет: красивое жизнерадостное лицо в траурной рамке.

8 февраля 1943 года над станицей Челбасской висели черно-серые тучи, ветер метался по аэродрому, парусами надувая чехлы для моторов. Мы ждали прояснения погоды.

Начальник штаба Ракобольская появилась около самолетов незаметно. Увидели ее, когда она необычным, взволнованным голосом объявила общее построение. Мы встревожились, хотя вины за собой не знали. От штаба в нашу сторону шли человек десять офицеров-мужчин, среди них командир дивизии генерал-майор Попов. Когда капитан Ракобольская доложила ему, он вышел вперед. Ветер рвал из его рук лист бумаги. Мы смотрели на этот листок и ждали основательного разноса.

Окинув строй взглядом, генерал громко начал читать. Указом Президиума Верховного Совета СССР нам присваивалось звание гвардейцев, отныне мы становились 46-м гвардейским полком.

Никогда еще мы не кричали „Ура“ с таким восторгом. Еще бы! Ведь мы первые в дивизии, — да и не только в дивизии — первые в 4-й Воздушной армии стали гвардейской частью! Сбылось сказанное нашей незабвенной Мариной Расковой: „Я верю, мои скромные ночники, вы будете гвардейцами“».

* * *

Новое место базирования — станция Расшеватка. Вчера еще здесь были немцы, а сегодня мы. И нашим самолетам уже не хватает радиуса действий, чтобы бомбить врага.

Расшеватка вся в пожарах. Низко над станцией стелется густой дым. На складе горит зерно, и в воздухе запах гари. Дымно, грязно. Всюду следы лошадей, на снегу отпечатки копыт. Здесь прошел, преследуя врага, кавалерийский корпус генерала Кириченко. Здесь были бои. Еще не убраны трупы. Лежат убитые лошади.

На обочине дороги, ведущей к аэродрому, мы с Ирой Себровой наткнулись на труп убитого немца. Он лежал за бугорком, и я чуть не споткнулась о него. Остановились и молча стояли, рассматривая.

Немец был молодой, без мундира, в голубом

нижнем белье. Тело бледное, восковое. Голова запрокинута и повернута набок, прямые русые волосы примерзли к снегу. Казалось, он только что обернулся и в ужасе смотрит на дорогу, чего-то ожидая. Может быть, смерти…

Мы впервые видели мертвого немца так близко. На счету каждой из нас было уже по триста боевых вылетов. Наши бомбы сеяли смерть. Но как она выглядит конкретно, эта смерть, мы представляли себе довольно смутно. Просто не задумывались об этом, а скорее всего, не хотели думать.

«Подавить огневую точку», «разбомбить переправу», «уничтожить живую силу противника» — все это звучало настолько привычно и обыденно, что не вызывало никаких неясностей. Мы знали: чем больший урон мы нанесем врагу, чем больше фашистов убьем, тем быстрее наступит час победы. Убивать фашистов? Казалось, что может быть легче? Для этого мы и пошли воевать.

Так почему же теперь, глядя на убитого врага, на его белое, бескровное лицо, на котором оставался и не таял свежий снег, на откинутую в сторону руку со скрюченными пальцами, я испытывала смешанное чувство подавленности,

отвращения и, как ни странно, жалости… Завтра я снова полечу на бомбежку, и послезавтра, и потом, пока не кончится война или пока меня не убьют. Такие же немцы, как этот…

Почему же тогда — жалость?..

* * *

Село Красное. Сюда мы прилетели днем. А сейчас вечер. На улице слякоть, идет мокрый снег. Мы с Ирой сидим на печке в теплой хате, наслаждаемся. Щелкаем семечки и крутим патефон.

Полетов нет. Хорошо — можно хоть денек отдохнуть. Хрипло поет надтреснутая пластинка:

«Валенки, валенки-и… не подшиты, старень-ки!»

Надрывается Русланова. Растет гора шелухи на печке. Ира нерешительно предлагает:

— А не пора ли на боковую?

Я киваю: пора, завтра с утра опять перелет на новое место. И… продолжаем машинально щелкать семечки. Жареные, вкусные — трудно оторваться.

Внезапно — стук в окно. К стеклу прижимается чье-то лицо. Я вижу смешно приплюснутый нос и руку с растопыренными пальцами.

— Быстро на аэродром! На полеты!

Выглядываю в окно: снег перестал, темное небо в звездах. Как говорится, вызвездило. Молча мы натягиваем на себя комбинезоны, надеваем унты. Не хочется выходить из теплой хаты. А патефон визжит:

«Валенки, валенки…»

Других пластинок нет, это единственная.

Хозяйка стоит у печки, сложив руки на животе. Смотрит на нас жалостно.

— Салют, Ефимовна! — улыбаемся мы ей и выходим в черную ночь.

До утра мы успели сделать два долгих вылета. Немцы оказались далеко: они отступали безостановочно, отходя в направлении Краснодара. Мы бомбили автомашины, которые шли колонной с включенными фарами.

* * *

В станице Джерелиевской нас застала весенняя распутица. Днем аэродром превращался в болото с густой грязью. Только к середине ночи на несколько часов подмораживало, и до утра мы летали.

…Возвращаясь с полетов, я подхожу к дому с опаской. Небольшой дом, где мы с Ирой Себровой поселились, стоит в глубине двора. От калитки до

крыльца каких-нибудь десять шагов, но пройти это расстояние спокойно мне нельзя, потому что у меня есть враг — большой белый гусь с длинной шеей и круглыми бесцветными глазами. В сущности, безобидная домашняя птица. Целый день вместе со своими собратьями он важно расхаживает по двору, что-то выискивает, щиплет прошлогоднюю травку, чистит перья или вполголоса о чем-то рассуждает. Но стоит ему заметить мое приближение, как он мгновенно преображается: воинственно расправляет крылья и с криком бросается мне навстречу. Вытянув шею, шипит и норовит ущипнуть. Я отшвыриваю его ногой, пробивая себе дорогу…

…Днем командир полка собрала летчиков: в полку кончились запасы бензина, а обстановка требовала, чтобы мы летали. Подвоза не было, так как машины застревали на дорогах. Запасы продуктов тоже иссякли: несколько дней мы ели одну кукурузу, да и то без соли и хлеба. Бершанская решила послать в город Кропоткин самолеты за горючим и продовольствием. С большим трудом взлетели По-2 с аэродрома…

Вернувшись, я пошла домой и, как всегда, стала искать глазами моего гуся, но его нигде не было. Я свободно пересекла двор и еще раз оглянулась:

от этой вредной птицы можно было ожидать любого подвоха. Открыв дверь, все поняла: из кухни вкусно пахло жареным… Это он, тот гусь! Сердце защемило — зачем же его так… Но хозяйка думала нас обрадовать:

— А я вам угощение приготовила, гусочку…

Нет, не могла я есть моего гуся. Мне было жаль воинственную птицу. На следующий день я шла с полетов в плохом настроении: теперь никто уже меня не встречал…

* * *

После полетов мы легли спать в девять утра. Никак нам не удается выспаться: ведь отдыхать приходится днем, когда в доме идет обычная жизнь. По комнатам бегают хозяйские дети, глуховатая бабка говорит громко, почти кричит.

Я открываю глаза и зажмуриваюсь, в окна бьет яркий солнечный свет.

— Проснулась? — слышу голос Иры.

Она сидит на кровати, поджав ноги, держит что-то на ладони.

— Что это у тебя?

— Это? Вот — пятый…

— Кто пятый?

— Бекас пятый! Ползают прямо по простыне…

Я вскакиваю и откидываю одеяло. Молча мы истребляем паразитов. Наш дом, как и другие в станице, полон народу. Только одна хозяйская семья состоит из семи человек: старик со старухой да невестка с четырьмя детьми. Заходят солдаты с передовой, на отдыхе, раненые. Просятся переночевать. Не раздеваясь, спят прямо на полу.

В комнату заглядывает бабка:

— Проснулись, мои солдатики? Аль не ложились?

— Просто не спится, бабуся.

— То детвора вас разбудила. Я их сейчас угомоню.

Но спать мы уже не могли. Одевшись, я вышла в другую комнату. Как обычно, дед сидел у окна, набивал трубку. В доме все заботы ложились на бабку, а дед жил своей особой жизнью, не обращая внимания на шум и гам. Любил посидеть, обсудить мировые проблемы. С удовольствием брал наши полетные карты и, надев очки, внимательно рассматривал. Иногда вверх ногами. Важно крякал, покачивая головой:

— Придумают же люди! Вон какая станица, сколько в ней домов, а на бумаге она всего-навсего точка… Н-да-а…

* * *

Юля Пашкова пришла в полк с первым пополнением, когда мы уже несколько месяцев воевали и новенькие ордена сверкали на наших гимнастерках.

Летала она лихо. И ничего не боялась: ни зениток, ни грозы, ни выговора за лихачество. Летного опыта у нее явно недоставало, зато было с излишком бесшабашной смелости. Юля. Юлька. Веселая девчонка с чуть вздернутым носом, веснушками на нежной коже и озорными синими глазами.

Однажды полку была поставлена задача разбомбить немецкий штаб в одной из кубанских станиц. Юлька вдруг разволновалась и попросила поручить это ей.

— Я там выросла. Там моя мама…

Никто не произнес ни слова. Трудно было что-нибудь сказать.

— Я там знаю каждый дом… — настаивала Юлька.

Задание было несколько изменено, и Юльке доверили бомбить штаб. Остальные должны были работать по запасной цели.

Штаб Юлька действительно разбомбила. Прилетела назад довольная, возбужденная. Раз-

махивая шлемом, рассказывала:

— Понимаете, я видела свой дом! Спустилась и низко-низко над ним пролетела!..

Вскоре наши войска освободили Юлькину родную станицу. Но ей самой уже не пришлось там побывать. В одну из черных мартовских ночей на последнем развороте перед посадкой столкнулись два самолета. Юльки не стало…

* * *

Во время обстрела над целью осколком снаряда повредило мотор, и назад Ира летела так осторожно, будто вела машину, груженную динамитом. Мотор давал перебои, но все же она дотянула до аэродрома.

С рассветом все самолеты, кроме нашего, улетели на основную точку. А мы остались ждать, пока техники исправят мотор. Наш По-2 стоял на окраине станицы рядом с траншеей. Тося, техник, сразу же приступила к работе. Ей помогала ее подруга Вера.

— Тут работы не так уж много. Быстро сменим, что надо. Через час-полтора будет готово, — пообещала она. — Идите отдохните.

Нам с Ирой делать было нечего, и мы решили прилечь в пустой хате неподалеку от самолета.

Страшно хотелось спать. Спокойно шли мы по заросшей травой улице. Было тихо. Внезапно послышался гул, и мы увидели истребителей, летевших парой совсем низко. Мы не сразу сообразили, что это фашистские самолеты.

— Иринка, они с крестами!

Только я успела сказать это, как раздались выстрелы. Истребители, пикируя один за другим, стреляли из пушек. Мы забежали в хату. Стоял грохот, от пушечных выстрелов дрожали стены, дребезжали стекла. С испугу я бросилась зачем-то закрывать окна.

Снаряды рвались на дороге, в саду, возле хаты. Пробило дырку в потолке, другую — в глиняной стене. Мне стало страшно: убьют вот так, нелепо… где-то в хате… Хотелось куда-нибудь спрятаться, но, кроме стола и кровати, в комнате ничего не было. Мы залезли под стол и сидели там, пока не кончилась штурмовка. Стол, конечно, не броня, но все-таки… какая ни есть, а крыша над головой.

Когда все стихло, мы побежали к нашему самолету. Техники уже хлопотали возле него. Он был почти цел, наш По-2. Только в фюзеляже зияли две дыры да левое крыло было порядком изорвано. Поджечь его истребители почему-то

не успели.

— Проклятые, добавили нам работы. Не могли позже прилететь…

Рука у Тоси чуть повыше локтя была перевязана лоскутом, на котором краснело пятно. Несмотря на рану, она свободно двигала ею.

— Ерунда, — сказала она и несколько раз согнула и разогнула руку…

* * *

Вспоминает штурман полка Герой Советского Союза Лариса Розанова:

«Кубанская весна 1943 года. Весенняя распутица, непролазная грязь. Дороги развезло, машины застревают. Нет подвоза бомб, бензина, продуктов питания. А летать надо…

Бершанская вызывает летчиков, дает задание вылететь в город Кропоткин, получить там все необходимое для боевой работы. По колено в грязи, буквально на руках девушки вытаскивают самолеты на узенькую, чуть просохшую полоску аэродрома. Вылетаем. До Кропоткина — двести километров. Летим низко, бреющим. Мне пришлось сделать днем три рейса. Тысячу двести километров летела на перегруженном самолете и очень устала. А вечером легкий морозец сковал

землю, и мы летали на задание.

…Ровно, монотонно гудел мотор. Потом звук стал отдаляться, и я почувствовала, что куда-то проваливаюсь… Совершенно невозможно было противиться сну, глаза просто слипались.

— Лора, ты сегодня измоталась, давай я поведу. А ты отдохни.

Я покорно передала управление Вере Белик и тут же заснула. Мне показалось, вздремнула на несколько минут. Вдруг слышу:

— Ну проснись же, наконец, Лорка! Проснись!

Очнувшись, я схватилась за управление. Вдруг из-под левого крыла на меня уставился яркий луч. „Фара! Атакует истребитель!“ — решила я. Рванула самолет вправо. „Фара“ слепила меня уже из-под правого крыла.

И я стала маневрировать, бросая самолет в разные стороны…

— Скорость! Скорость, Лорка! — яростно кричала в трубку Вера.

Наконец я опомнилась. Скорость огромная, в ушах свист, самолет весь дрожит… Высота на приборе — пятьсот метров! Значит, мы падаем уже около тысячи метров!.. Только на высоте двести метров мне удалось выйти в горизонтальный полет. И вдруг у меня задрожали руки и ноги,

зубы стали выстукивать противную дробь. И тут я услышала голос Веры:

— Лорочка, как ты себя чувствуешь?

Услышав ее, я сразу успокоилась.

Этот случай послужил мне наукой: больше я никогда не спала в полете».

* * *

Вспоминает вооруженец Зина Вишнева:

«…Ранняя кубанская весна. Станицы Челбасская, Новоджерелиевская… Дороги раскисли, и подвоз горючего, боеприпасов, продовольствия был крайне затруднен. Экипажи днем летали за бомбами и бензином, а ночью — на боевые задания.

Трудно приходилось авиамеханикам и вооруженцам. Самолеты стояли на размокшем поле, колеса утопали в жирной земле, и девушкам приходилось то и дело вытаскивать машины на руках. А каких сил стоила подвеска бомб, когда их то засасывала грязь, то они обледеневали в морозные ночи! В мороз руки наши примерзали к металлу…

Тяжело нам было поднимать стокилограммовые бомбы. Даже вчетвером тяжело было. Но мы этот вопрос решили быстро. Бомбы прибывали

в особой таре, в ней мы и подтаскивали их к самолету. А потом каждая в темноте выполняла свою операцию, на ощупь, и вот уже слышно: „Готово!“ У нас не было ни одного случая, чтобы бомба не взорвалась по нашей вине или упала бы сама по себе…

Это была ночь-„максимум“ в декабре 1944 года. Вооруженцы работали как никогда. Несмотря на мороз, сбросили шинели, работали в куртках, усталости не чувствовали. „Сотки“ казались в 30 килограммов, незаметно для себя поднимали их быстро, все делали молча, от самолета к самолету не ходили, а бежали, освобождающаяся тройка спешила на помощь другим, и самолеты снаряжались менее чем за одну минуту. В подвеске и снаряжении бомб не было обнаружено ни одного недостатка, все делалось точно и аккуратно. Каждая девушка в эту ночь подвесила не меньше чем по три тонны бомб…»

* * *

Рассказывает Герой Советского Союза Нина Ульяненко:

«Осенью 1942 года меня зачислили штурманом в экипаж к Дусе Носаль. Летать с ней было удовольствием. Многому можно было научиться

у нее. Обычно до цели Дуся сама пилотировала самолет, а после бомбометания передавала управление мне. Так мы меньше уставали, а я приобретала опыт вождения. Моей мечтой было стать летчиком. Дуся знала об этом и всячески помогала мне.

Запомнился полет на разведку погоды. Мы бомбили тогда немцев в районе Краснодара. За несколько минут до цели попали в сплошной снегопад. Дуся ведет самолет по приборам. По времени мы уже над целью, но ничего не видно — куда бросать бомбы? Решили возвращаться домой с бомбами. Помогаю летчику в слепом полете. Зорко смотрю, не появится ли где огонек или звездочка. Слежу за приборами. Внезапно стрелка прибора скорости начинает показывать: девяносто, семьдесят, шестьдесят километров в час…

— Дуся, скорость падает!

Высовываю руку за борт и чувствую — тонкий, едва заметный след льда покрывает фюзеляж, плоскости. Вот почему такая малая скорость на приборе — он отказал. Теперь Дуся ведет машину только по компасу и указателю разворотов. Вести самолет в облаках, не зная его скорости, — искусство высшего класса.

Самолет отяжелел от намерзшего льда, плохо слушался рулей управления. Высота быстро уменьшалась… Сбросить бомбы, облегчить самолет? Но мы уже над своей территорией. А слой изморози все толще. Опасность грохнуться на землю велика. Пятнадцать минут показались нам вечностью. Только умение и мастерство Дуси помогли нам выбраться из этого почти безвыходного положения.

Доложив метеообстановку, идем ужинать. И только тут замечаем, что зуб на зуб не попадает от нервного напряжения…»

Спустя месяц Дуся Носаль была убита над целью в районе Новороссийска. А Нина Ульяненко стала летчиком.

* * *

До войны Дуся Носаль работала летчиком-инструктором в аэроклубе.

Одна из лучших летчиц полка, она первой получила звание Героя Советского Союза еще в 1943 году. Посмертно.

…Светила полная луна. Внизу поблескивала Цемесская бухта. На Малую Землю, наш небольшой плацдарм под Новороссийском, сыпали бомбы немецкие самолеты, наши По-2 бомбили огневые

позиции немцев. Пути наших и вражеских самолетов пересекались.

В эту светлую апрельскую ночь Дуся летела со штурманом Ирой Кашириной. Обе внимательно осматривали небо.

— Справа выше — «Рама», — предупредила Ира, увидев двухфюзеляжный «Фокке-Вульф».

— Вижу. Следи за ней.

— Держи курс, буду бомбить…

Когда бомбы были сброшены и Дуся взяла обратный курс, «Рама» исчезла. Они уже надеялись, что больше не встретят ее, когда внезапно Ира увидела яркую вспышку в передней кабине и над головой с шумом промчалась «Рама». Снаряд! Что с Дусей?

— Дуся! Дуся! — звала она, но ответа не было.

Летчица сидела неподвижно, как-то неестественно склонив голову на борт кабины. Самолет стал крениться, зарываясь носом, теряя высоту. Взяв ручку управления, Ира попыталась выровнять машину, но ручку заклинило: тело Дуси сползало вниз. Тогда она встала и, перегнувшись через козырек, подтянула Дусю кверху, ухватившись за меховой воротник комбинезона. Руки стали липкими… Время от времени подтягивая тело летчицы, она долетела до своего аэродрома.

Дрожащими руками выстрелила красную ракету — сигнал бедствия… Оставалось самое трудное — посадить самолет.

…Свежий холмик вырос на окраине станицы Пашковской. С фанерного памятника смотрела Дуся: темные крылья бровей, внимательный взгляд, упрямый подбородок…

Ира Каширина за этот полет была награждена орденом боевого Красного Знамени. Спустя три месяца она погибла.

* * *

Утром после трагической ночи, когда кончились полеты, Бершанская сказала Ире:

— Себрова, перегоните самолет Носаль на основную точку.

— Есть, — ответила Ира, и мы пошли туда, где отдельно от всех стоял Дусин самолет.

Провожая Иру, я задержалась на крыле, и мне бросилась в глаза забрызганная кровью фотография на приборной доске. На меня смотрел чубатый парень с орлиным носом и решительным ртом. В форме летчика. Это был Грыцько, Дусин муж. Однажды в полете из отверстия на приборной доске вылез мышонок и страшно напугал Дусю. Ей пришла в голову мысль закрыть

отверстие фотографией. Прикрепляя фото своего Грыця, она в шутливом тоне подговаривала:

— Вот. Пусть! Пускай попробует, что такое война. А то сидит себе там, в тылу. А жена должна воевать…

Грыць был инструктором в летной школе на Урале. Он готовил летчиков-истребителей, и его не пускали на фронт. Дуся часто вспоминала его. Они собирались воевать вместе. У них было большое общее горе… Только один раз Дуся рассказала нам о нем.

Первые дни войны застали ее в родильном доме Бреста, у нее родился сын. В то время они с Грыцем жили в пограничном городке в Белоруссии. Немцы бомбили город, рухнуло здание родильного дома, где лежала Дуся. Дуся чудом осталась жива. Но она не могла уйти с того места, где еще недавно стоял большой светлый дом. Там, под обломками, лежал ее сын…

Она скребла ногтями землю, цепляясь за камни, ее оттаскивали силой… Дуся старалась забыть все это. Летала, летала и каждую ночь успевала сделать больше боевых вылетов, чем другие. Она всегда была первой.

…В гробу она лежала строгая, с перебинтованной головой. Трудно было сказать, что белее

— ее лицо или бинт… Прозвучал салют из винтовок. Низко-низко пролетела пара истребителей. Они покачали крыльями, посылая прощальный привет.

* * *

Из воспоминаний Раисы Ароновой, которая вместе с Руфиной Гашевой проехала по местам боев полка в 1965 году:

«…Почти всю дорогу до Пашковской проехали молча. Каждая вспоминала военные годы, воскрешала в памяти образы тех, кто не дошел с нами до счастливого Дня Победы. Там, в братской могиле, на которую мы возложим сейчас цветы, похоронена Дуся Носаль. Она была одной из лучших летчиц полка и моей самой близкой подругой…

…Кладем цветы к подножию обелиска. Читаем: „Вечная слава героям, погибшим в годы Великой Отечественной войны“.

— И это все? А где же имена наших девушек: Носаль, Пашковой, Макогон, Свистуновой? Ведь только они четверо здесь похоронены…

На сердце очень тяжело. Обошли вокруг обелиска, поправили цветы, постояли, опустив головы, и медленно направились к выходу…

…Из приемника зазвучала песня:

Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте…

— У наших девушек и поселок, и высота известны. А на могиле их имен нет, — говорю я. — Почему же они стали безымянными героями?! Ведь Дуся Носаль — первый Герой Советского Союза в нашем авиационном полку. И первая летчица — Герой времен Великой Отечественной войны. Почему же она лежит сейчас в земле безымянным героем?!

Песня разбередила душу, слезы брызнули из глаз. Не в силах больше сдерживать себя, я плачу — не стесняясь, открыто…»

Вскоре после опубликования этого отрывка в газете «Советская Кубань» 20 марта 1965 г. у памятника была возложена мраморная плита с именами погибших.

* * *

В районе Новороссийска, над Малой Землей, висели САБы, освещая желтоватым светом сразу большой участок боевых действий. Командир эскадрильи Маша Смирнова и штурман эскадрильи

Дуся Пасько еще издали увидели эти немецкие «фонари» желтого цвета. Маша сказала:

— Где-то здесь ходит немец. Сегодня они тоже работают ночью.

— Они всегда выбирают лунные ночи, — заметила Дуся. — Смотри, как хорошо он осветил наши траншеи. Кстати, и свои тоже.

В этот момент прямо по нашим позициям высыпал бомбы немецкий самолет — от взрывов взметнулись снопы искр.

— А вот и сам он… Впереди справа, выше нас! Видишь?

— Вижу, — ответила Маша.

Светила полная луна, и на фоне темно-голубого неба был отчетливо виден вражеский самолет, который разворачивался над морем. Девушки, надеясь, что самолет, отбомбившись, уйдет, решили не мешкая заходить на цель, пока «фонари» еще освещали землю.

— Зайдем со стороны моря, — сказала Дуся, — а потом сразу на обратный курс.

Однако немец не уходил. На какое-то время они его потеряли, но потом опять увидели.

— Нас ждет, — осторожно пошутила Дуся. — Увидит сейчас нашу бомбежку — и мы у него на крючке…

Но Маша шутить не любила, поэтому решительно заявила:

— Тянуть нельзя! Надо быстрее бомбить и уходить.

— Давай заходи с курсом 70°. Так… Подверни чуть правее… Стоп!

Серия бомб перекрыла вражескую траншею.

— Молодец! — похвалила своего штурмана Маша, заложив глубокий крен, чтобы увидеть результат бомбежки. И сразу вошла в пике, уходя от цели.

Новороссийск и Малая Земля остались позади. По-2 уже приближался к своему аэродрому, когда Маша вдруг сказала:

— Знаешь, Дуся, это мой 500-й боевой вылет…

— Да ну? Поздравляю! Что ж ты молчала?

— Вот теперь, когда впереди посадочные знаки, можно и сказать об этом.

Днем в полку чествовали Машу Смирнову, которая первая добилась такого результата — 500 вылетов.

* * *

Рассказывает Руфина Гашева:

«Это случилось на Кубани в ночь на первое мая 1943 года. Нам только что вручили гвардейские

значки, а Ольге Санфировой еще и орден Красного Знамени. Настроение было приподнятое, хотелось сделать как можно больше боевых вылетов.

Наша цель — пункт Верхнебаканский, где были сосредоточены немецкие войска и боевая техника. Здесь проходила „Голубая линия“, укрепленная полоса обороны противника. Два вылета прошли нормально, хотя обстрел был сильный. На третьем нам не повезло: осколок зенитного снаряда угодил в мотор, и он заглох. А бомбы еще не сброшены! Планируем на цель. Втайне надеемся, что мотор заработает, — у нас уже так бывало. Вот бомбы летят на цель, и Леля разворачивается, берет обратный курс. Мотор молчит, и мы молчим. Понимаем, что придется садиться на территории, занятой противником. Километров семь не дотянули до линии фронта.

Самолет летел над лесом, Леля подвернула его так, чтобы он сел на прогалину. И вот — толчок! Машина, зацепив за дерево, с треском развернулась и остановилась, накренившись, — вся левая плоскость была искорежена… Прихватив планшеты, мы с Ольгой выпрыгиваем из самолета. Поднялась стрельба, мы прильнули к земле. Потом поползли по-пластунски.

В общем, пробирались и ползли две ночи, днем

отсиживались: первый день в болоте, в плавнях, второй — в лесочке. Леля простудилась, стала кашлять. Это нас чуть не погубило. На рассвете третьего дня перешли линию фронта и вышли к своим передовым частям…»

* * *

Воспоминания комиссара 218-й дивизии генерал-майора Горбунова:

«…Мое личное общение с полком было с июня 1942 года по март 1943-го. Этот период был наиболее важным в истории женского полка, когда приобретался большой опыт, боевая закалка, проверялись в боях силы и возможности… Включение полка в состав нашей дивизии было встречено командованием не очень благожелательно. Мало кто рассматривал этот полк как полноценную боевую единицу. Возникли многие опасения: и то, что полк принесет большие неприятности и увеличение числа летных происшествий, и что наличие в составе дивизии большого количества женщин может иметь отрицательное значение в бытовых делах и т. п.

Но полк быстро преодолел трудности, связанные с втягиванием в боевую работу, и в течение двух-трех месяцев не только завоевал всеобщее

признание как боевая единица, но стал одной из лучших частей дивизии. Особенно ярко проявились высокие боевые качества, героизм и самоотверженность людей женского полка в боях на Тереке. Боевые дела полка уже знали во многих частях фронта. Полк хорошо знала пехота и другие наземные войска, наконец, он стал хорошо „известен“ и немцам.

В боевой истории авиации едва ли есть такой другой пример, когда бы часть, личный состав которой не прошел почти никакой военной подготовки, сумела в такой короткий срок завоевать столь широкую боевую славу…

…Бодрость и жизнерадостность никогда не покидали полк. Вызывает удивление, что суровые лишения и трудности никогда не удручали людей, их как бы не замечали. Но самое главное, чем выделялся женский авиаполк, — это бесстрашие и героизм. Это было настолько массовым явлением, что в полку к этому привыкли как к чему-то само собой разумеющемуся…»

* * *

Вот она, Киевская, один из опорных пунктов «Голубой линии», подумала Рая Аронова. А в переговорный аппарат сказала:

— Катя, набери высоту побольше. Тут нам опять дадут жару.

— Какую высоту! Нижняя кромка облаков всего 700 метров, — ответила летчик Катя Пискарева.

— Ну, сколько можешь…

Не успела она это сказать, как зажглись прожекторы, пошарили в небе и скрестились. Оголтело залаяли зенитки, стреляя по освещенному самолету. Рая заметила на перекрестке дорог машины — хорошая цель.

— Катя, чуть правее. Держи курс.

В этот момент что-то горячее, острое вонзилось в правый бок. От сильного толчка Рая стукнулась очками о приборную доску и охнула. На мгновение потемнело в глазах… И сразу мысль: бомбы! Цель уйдет!..

— Бросаю…

Видно было, как внизу разрывы бомб перекрыли дорогу: одна машина отстала, в ней стали непрерывно вспыхивать мелкие огоньки — рвались боеприпасы. Катя сразу вошла в скольжение, маневрируя. Когда она вышла из зоны обстрела, Рая сказала:

— Я, кажется, ранена…

Впоследствии, уже после госпиталя, Рая рассказывала:

«…Сначала хирург вынул из раны клочья от комбинезона, свитера и брюк и на вытянутой руке поднес эти окровавленные лохмотья к самому моему носу:

— Это отдашь начхозу, когда будешь сдавать обмундирование…

Потом он вытащил из раны осколки зенитного снаряда. Их было много, больших и мелких. Было очень больно, но кричать я не осмеливалась, так как за легкой перегородкой находилась мужская палата, и я скорее бы откусила себе язык, чем позволила кричать от боли…»

* * *

…Когда в палату вошла Таня Алексеева, девушки с любопытством повернули к ней головы. От нее, «ходячей», всегда ждали новостей. И она старалась полностью оправдать возлагаемые на нее надежды: не было случая, чтобы она не принесла «лежачим» какого-нибудь известия или просто маленькой новости госпитального масштаба.

Перекинув через плечо черную косу, Таня подняла худую руку и помолчала, выжидая. Цыганские глаза весело поблескивали.

— Девочки, — она сделала паузу, — «Борода» начал ходить!

— Ур-ра! — закричала Хиваз, моментально придя в восторг. — Таня, Таня, спляши вместо меня! Нет-нет, я сама!

Она тут же с помощью пальцев и кистей рук изобразила какой-то замысловатый танец. Летчик по прозванию Борода долго лежал в гипсе с переломами ног, как и сама Хиваз. Они были друзьями по несчастью, и все, что касалось Бороды, Хиваз принимала близко к сердцу.

— Это — первое. А второе: к нам привезли Тасю Фокину. Только не волнуйтесь — могло быть хуже. У нее сильно повреждена челюсть. Самолет при вынужденной посадке зацепил за дерево…

— А где же она? Где? — волновалась Хиваз.

— Сейчас ее приведут. И еще могу вам сообщить, что послезавтра меня выписывают! Готовьте письма в полк!

— Счастливая!

Таня сияла, с желтухой покончено, и ей не терпелось уехать в полк, чтобы приступить к своим обязанностям техника эскадрильи.

Открылась дверь. В сопровождении медсестры вошла Тася с перебинтованной вдоль и поперек головой, казавшейся неправдоподобно большой.

Начались расспросы. Почти не двигая ртом, Тася промычала все полковые новости. Только о

гибели Дуси Носаль не упомянула — думала, все уже знают. Утомившись, она легла и повернулась лицом к стене.

Таня, на пару минут выходившая в коридор, вошла как-то незаметно и стояла в дверях тихо, опустив голову. Подняв потухшие глаза, обвела всех взглядом:

— Дусю Носаль… убили над целью…

— Не может быть! — воскликнула Рая Ароно-ва. — Я же ей письмо…

На тумбочке еще лежало Дусино письмо. Она подбадривала Раю и Хиваз, обещала прилететь за ними, когда их будут выписывать из госпиталя.

Хиваз ничего не говорила, губы ее подрагивали, наконец она прошептала:

— Лучше бы меня…

* * *

В Ессентуках, в госпитале, Рае Ароновой при-шлось лечиться долго: глубокая рана в боку заживала медленно. Однажды из полка при-шло письмо, из которого она узнала, что три ее подруги, штурманы, начали ускоренную трени-ровочную программу, чтобы официально стать летчиками. Все они, как и Рая, перед войной окончили аэроклубы, но не имели необходимой

летной практики. Теперь, чтобы стать летчиком, командиром экипажа, им требовалось совсем немного: проверочные полеты под контролем опытного инструктора. Это было поручено заместителю командира полка по летной части Серафиме Амосовой.

Рая рвалась из госпиталя, чтобы успеть пройти контрольную программу вместе с подругами. В конце концов так и получилось. С апреля 1943 года Рая Аронова, Женя Жигуленко, Наташа Меклин и Нина Ульяненко были зачислены в летчики.

После присвоения полку гвардейского звания была создана третья эскадрилья, а вскоре и четвертая, учебная. В полк прибывали летчицы из гражданского воздушного флота и аэроклубов. Их надо было ввести в строй, научить летать ночью, ознакомить с боевой обстановкой. А вот новых штурманов негде было взять, их просто нигде не готовили. Поэтому штурман полка Женя Руднева, обожавшая свою военную профессию, охотно взялась за обучение штурманскому делу девушек из техников и вооруженцев. Все они до конца войны успешно воевали штурманами.

В своем дневнике (5 марта 1944 года) Женя Руднева пишет:

«…Только 3 февраля начала заниматься еще

одна штурманская группа. С позавчерашнего дня, то есть ночи, летать будут только на контроль…»

* * *

…Весна 1943-го. Станица Пашковская в белом тумане: цветут яблони, абрикосы. Я иду по тропинке у самого забора, задевая плечом ветви деревьев. Сыплется на землю белый снег лепестков. На темном небе блестит узенький серп месяца. Мы идем втроем: Жека Жигуленко, Нина Ульяненко и я. Сегодня у нас контрольные полеты: мы сдаем экзамен, и Сима Амосова принимает его у нас.

…Внизу под крылом проплывает широкая лента Кубани, станица в светлых клубах цветущих деревьев. Мне кажется, что даже здесь, на высоте трехсот метров, я чувствую запах яблоневого цвета.

— Можно на посадку, — говорит Сима.

Сегодня она долго проверяла меня, заставив проделать почти все, что я умела.

Я делаю разворот и вспоминаю своего инструктора в аэроклубе. Маленького роста, в черной кожанке, одно ухо шлема — кверху, заправлено под резинку очков, другое — книзу. Бывший летчик-истребитель Касаткин, как и большинство

инструкторов, считал своим первейшим долгом ругать курсантов во время полета. Когда я запаздывала делать разворот и внизу уже появлялась окраина Киева, он кричал в трубку, как мне казалось, радостным голосом:

— Ну что ты сидишь, как египетская царица?! Разве не видишь — пора разворот делать?

Меня он ругал не так, как ребят. Для меня, единственной в группе девушки, он выбирал особенные слова. Все-таки он был джентльменом! Но в любом случае он всегда употреблял эпитет «египетский». Видимо, именно в это слово он вкладывал весь свой запал.

— Разве это «коробочка»? Это же самая настоящая египетская пирамида!

Однако на земле, после посадки, он менял тон и, обращаясь ко мне уже на «вы», спокойно говорил:

— Все хорошо. Так и продолжайте.

А в следующем полете снова с увлечением ругал…

…Иду на посадку. Когда самолет останавливается, я оборачиваюсь в ожидании замечаний от контролирующей меня Симы Амосовой. Но она уже на крыле, улыбается, нагнувшись ко мне:

— Поздравляю, товарищ лейтенант! Теперь вы

официально летчик. Разрешаю летать на боевые задания.

* * *

Сегодня я впервые поведу самолет к цели в качестве летчика. Из передней кабины. Буду сама сражаться с прожекторами и зенитками. Правда, у меня уже около трехсот боевых вылетов. Летая штурманом, я постоянно тренировалась: Ира Себрова охотно отдавала мне управление, разрешала производить взлет и посадку.

Я иду к своей «шестерке», и девушки на прощанье желают мне удачи — кто улыбкой, кто кивком головы или приветственным взмахом руки.

— Распадается, распадается благородное штурманское сословие, — говорит штурман полка Женя Руднева. Она сегодня «вывозит» меня.

Я взлетаю. Мы с Женей летим бомбить скопление немецкой боевой техники на окраине населенного пункта. И Женя, как штурман, говорит мне все то, что я всегда говорила своему летчику. И я слушаю ее так, будто все это мне неизвестно.

Вот и «Голубая линия». Впереди — наша цель. Обыкновенная, ничего особенного. Я уже бомбила этот район раньше. И все же сегодня она

выглядит по-другому. Населенный пункт разросся, небольшая речушка со светлым песчаным руслом кажется огромной рекой, а лесок за ней вдруг стал больше и темнее.

Я знаю — сейчас зажгутся прожекторы. И крупнокалиберные пулеметы начнут стрелять. Вот мы уже почти над целью, а они все молчат… Наконец зажглись. Застрочили пулеметы — все так, как и должно быть. Женя спокойно направляет самолет на цель, бомбит, уводит меня от пулеметных трасс. Мы даже выходим из лучей. Сами.

Я оглядываюсь: нет, все-таки речка совсем маленькая, а лесок такой же, как и был…

* * *

Вспоминает Руфина Гашева:

«С Олей Санфировой я сделала около восьмисот боевых вылетов.

Помню полет на бомбардировку живой силы и техники противника на дороге к переправе у станицы Славянской.

Погода была прескверная, шел дождь со снегом, земля, вся в белых и черных пятнах, просматривалась плохо. Пытались разглядеть переправу, но тщетно. Зато на берегу то и дело мелькали фары автомашин. Видимо, их там скопилось немало.

Отбомбились по машинам — вверх взлетел столб пламени. На душе хорошо, слетали не зря. Взяли курс домой, но не тут-то было. Нас сразу схватили прожекторы, и начался обстрел. Леля дает полный газ, маневрирует, пытаясь выйти из-под огня. Слышно, как с треском рвутся снаряды, чувствуется запах пороха. Скольжением резко теряем высоту и вырываемся на свободу.

Вдруг наш старый, маломощный мотор расчихался и вскоре заглох.

Стало ошеломляюще тихо… Леля вся подалась вперед к приборной доске и начала работать шприцем, подкачивая бензин в карбюратор. До своей территории еще очень далеко… Вся надежда на выдержку и умение Лели.

Жалобно всхлипывает шприц. А земля все ближе и ближе… Впереди видна дорога, по ней движется колонна машин. Неужели — конец?.. Но вот мало-помалу мотор оживился и наконец стал работать четко и ровно. Леля победила.

— Леля, что это было?

— Да, наверно, бензин неважный, вода попала, — спокойно говорит Леля.

…Очень сложны были полеты на Новороссийск: то густая дымка, то низкая облачность, да еще восходящие и нисходящие потоки воздуха.

Однажды после удачного бомбометания по вражеским траншеям нас резко потянуло вниз. На мгновение я оторвалась от сиденья и поползла влево. За какие-то доли секунды мы потеряли четыреста метров, а впереди черная стена горного хребта, через который нам нужно перевалить. Разворачиваемся, уходим в море и кружим, кружим, набирая нужную высоту, и опять быстро ее теряем.

Море кажется чугунным. Отчетливо видно, как под нами идет морской бой. Разноцветные шары летят из стороны в сторону, отражаясь в воде. Там идет жестокая схватка, а мы все кружим и кружим.

Я начинаю терять терпение, а Леля меня успокаивает: „Не злись, побереги силы на следующий вылет. Сейчас перетянем“.

Наконец с четвертого захода удалось перебраться через хребет…»

* * *

…Я поднялась в воздух вслед за Ириной Себровой. Мы летели порознь, но все время я знала, что она где-то рядом. В стороне зажглись прожекторы, застрочили пулеметы — это Ира. Наши маршруты пересекались в районе станицы Ки-

евской.

— Подлетаем к Киевской. Здесь много зениток, — сказала Полина Гельман, мой штурман. — Будь осторожна.

Впереди вспыхнули прожекторы. Один, два, пять… Вцепились в самолет, где были Ира и Женя Руднева. Снизу брызнули огненные фонтаны трасс. Скрещиваясь в одной точке, они, казалось, прошивали самолет…

Мы с Полиной спешили к ним на помощь. Бросили бомбу на ближайший прожектор. Луч погас. Потом на зенитный пулемет… Мы были совсем рядом с Ирой, видели, как ее самолет кувыркался в лучах. Внезапно он пошел вниз, вниз… И мы потеряли его: он исчез в черноте ночи…

Назад мы летели молча. Что с Ирой? Почему падал самолет? Я спешила, выжимая из мотора все возможное. Но Иры на земле не было. Время тянулось медленно. Мы с Полиной уже готовы были поверить в самое страшное, но вдруг до нас донесся слабый рокот — летел По-2.

Спустя несколько минут мы уже бежали навстречу рулившему самолету. Я вскочила на крыло:

— Иринка! Женя! Вы прилетели!

— Ну да. А как же иначе! — удивилась Ира.

— Просто я видела ваш самолет в лучах… Совсем близко. А потом потеряла… Над Киевской.

— Да, нас там немножко обстреляли.

Ира была спокойна, она даже не подозревала, что мы так волновались.

— Но теперь все хорошо, все очень хорошо…

Голос у меня задрожал. Я спрыгнула на землю и отошла в сторонку, в темноту. Немного всплакнуть от радости…

* * *

Жаркое кубанское лето 1943 года. Солнечный июньский день. С утра весь полк взбудоражен: сегодня нам вручают гвардейское знамя. Прибежала посыльная, выпалила, запыхавшись:

— Меклин! Наташа! Скорей в штаб — тебя там ждут!

В штабе мне объявили, что приказом меня назначили знаменосцем полка. Я заволновалась: как обращаться со знаменем. Начальник штаба Ракобольская, всегда спокойная, уравновешенная, улыбнулась:

— Да как тебе удобнее, так и держи его.

Наглаживаемся и причесываемся самым тщательным образом. И конечно, надеваем юбки. Правда, туфель ни у кого нет, но не беда — начи-

щаем до блеска сапоги.

Церемония вручения гвардейского знамени происходит на большой поляне возле пруда. Весь личный состав полка стоит в строю, по эскадрильям. Наступает торжественный момент. Командующий 4-й Воздушной армией Вершинин читает Указ Президиума Верховного Совета СССР. Хором мы повторяем клятву гвардейцев.

— Клянемся! — разносится далеко за пределы поляны.

Наш командир Бершанская принимает знамя. Становится на колено и целует край знамени, опушенный золотой бахромой. Затем она передает знамя мне, знаменосцу. Вместе со мной два ассистента: Ира Каширина и Катя Титова. (После гибели Кашириной ее место займет Руфа Гашева.)

Ветер колышет тяжелое полотнище, и меня качает вместе со знаменем, но я крепко держу древко. Играет духовой оркестр. Мы проносим знамя вдоль строя. Впереди широким шагом идет Бершанская, за ней еле успеваем мы…

* * *

Вспоминает Раиса Аронова:

«…Если станица Ассиновская была „основной

базой“ нашего полка на Северном Кавказе, то Ивановская являлась таковой на Кубани. Здесь мы стояли пять месяцев — с апреля до середины сентября 1943 года. Отсюда мы летали бомбить „Голубую линию“ противника.

Воздушные бои были жаркими, яростными. У меня сохранилась вырезка из газеты „Красная Звезда“ от 9 октября 1963 года со статьей Маршала Советского Союза А. Гречко „Освобождение Тамани“.

…Авиация противника делала по 1500–2000 самолетовылетов в день. Более двух месяцев длилось воздушное сражение на Кубани. По своей напряженности, количеству участвовавших в нем самолетов и числу воздушных боев оно превосходило все предшествовавшие сражения. Да и в последующем, до самого конца войны, мы не знаем такого большого сосредоточения авиации на ограниченном пространстве. Над Кубанью состоялось более половины всех воздушных боев, происшедших в апреле-мае 1943 года на всем советско-германском фронте. В итоге боев победу в воздухе завоевали советские летчики…

В Ивановской полку вручили гвардейское знамя. Мы были гвардейцами уже с 8 февраля 1943 года, но вручение знамени состоялось только 9

июня. Вообще-то, церемония обычная, но чувства… Когда сняли чехол и красный шелк горячо вспыхнул на солнце, у меня, да и у многих девчат, заблестели слезы… Бершанская целовала знамя. Мне тоже очень хотелось поцеловать его и зарыться лицом в теплые, мягкие складки. Это было наше, мое знамя…»

* * *

Командир полка…

В боевой обстановке мы могли оценить мужество и хладнокровие Евдокии Давидовны Бершанской, ее умение организовать деятельность полка так, что мы, девушки, чувствовали себя на фронте во всех отношениях на равных правах с мужчинами. Никто никогда не давал нам поблажки как «слабому полу», и мы никогда не отставали в боевой работе от мужских полков. Строгая, скромная, выдержанная, она не опускалась до мелочей, которые могли бы заслонить те высокие цели, ради которых мы воевали.

Бершанская была настоящим командиром, и все мы гордились ею. Она никогда никого не хвалила и не ругала. Но достаточно было одного ее взгляда, чтобы ты почувствовала двойную вину, если была виновата, или оказалась вдвойне

счастлива, если сделала что-то хорошее.

Она вообще старалась избегать командирского тона. И вместе с тем ее твердая рука чувствовалась всюду. Как-то незаметно она умела поддержать инициативу там, где это было нужно, и, наоборот, пресечь то, что считала неправильным. Во время полетов она постоянно присутствовала на старте и в случае необходимости летела на задание сама. В ту ночь, когда мы получили первую боевую задачу, Бершанская открыла счет вылетов полка.

Обычно перед стартом экипажа командир полка подходила к самолету, ожидавшему сигнала на взлет, и давала летчику последние указания. Всего несколько слов. Иногда только:

— Будьте внимательны.

Их можно было и не говорить, эти слова. Летчик уже знал все: и задание, и обстановку. Но Бершанская говорила их. Она не улыбалась, и голос ее звучал суховато. Но в строгом ее взгляде каждая из нас улавливала теплоту, доверие и еще что-то такое, ради чего мы готовы были не только выполнить самое трудное задание, но полететь на край света и сделать невозможное…

* * *

Мы работаем «по максимуму». На земле все спешат. Девушки-вооруженцы подвешивают бомбы новым, бригадным методом. Так быстрее: две минуты — и бомбы висят.

Запустив мотор, выруливаю для взлета. Рулю медленно: на старте тесно. Вдруг кто-то стремительно вскакивает на крыло. Я слышу знакомый нежный голосок:

— Натуся!

Ко мне склоняется Галя Джунковская. Мы не виделись ровно год, с тех пор как полк наш улетел из Энгельса на фронт. Правда, мы изредка переписывались.

— Галочка! Откуда ты здесь? — спрашиваю я радостно и тревожно.

Галя летает штурманом на самолете Пе-2, пикирующем бомбардировщике, в «сестринском» полку, в том самом, командиром которого была Раскова. Сейчас этот полк тоже воюет на Кубани.

Мы целуемся. Мотор работает, самолет стоит, мешая рулить другим. Галя одета в летный комбинезон, шлем расстегнут, кончик подшлемника полощется на ветру, бьет ее по щеке.

— Сбили нас… Маша посадила самолет на

брюхо. Вот — добрались к вам. Тут в станице медсанбат.

Включив кабинные огни, я стараюсь рассмотреть ее получше. Блестят смеющиеся глаза, а на лице — темные пятна.

— Что это?

— Обожгло. Пустяки… Это здесь меня разрисовали… Самолет горел, оба мотора, а мы все тянули на свою территорию. Только успели выбраться из самолета, как он взорвался.

— Все живы?

— Да, все нормально… Тебе взлетать. Слышишь, дежурный кричит…

Мы прощаемся. Мне так хочется остаться на земле, но я должна лететь. Счастливого полета! Утром встретимся!

Но утром подвернулась попутная машина, и Галя вместе со своим экипажем уехала в полк.

Уже потом мне стали известны подробности того боя.

При подходе к цели девятка пикирующих бомбардировщиков Пе-2, пилотируемых девушками, была обстреляна зенитками. На самолете, где летела Галя, осколками повредило левый мотор. Но Маша Долина, летчица, сумела сохранить свое место в строю, и Галя отбомбилась по цели.

На обратном пути подбитый, с дымящимся мотором Пе-2 начал отставать, и вражеские истребители ринулись на него в атаку. Галя и стрелок-радист Ваня Соленов отстреливались из пулеметов, пока не кончились патроны. Атака была отбита, но появился еще один «худой», как называли тонкобрюхих вертлявых «мессершмиттов», который приблизился к Пе-2, и летчик, подняв руку, показал один палец, а потом два, спросив: за одну атаку сбить Пе-2 или за две? И тут же дал длинную очередь… Загорелся второй мотор. «Мессер» снова зашел для атаки. «Теперь даст очередь по кабине…» — подумала Галя и в отчаянии схватила ракетницу, быстро зарядила и выстрелила навстречу немецкому истребителю ракету… Обыкновенную белую ракету. И сразу — вторую… Немец, не поняв, в чем дело, отвалил. Или просто передумал стрелять: горящий Пе-2 шел к земле, и конец был ясен.

Огонь проникал в кабину, заполненную дымом. Высота падала. Маша сказала: «Прыгайте, а я попробую посадить…» Но ни Галя, ни Ваня, раненный в бою, не захотели оставлять ее. Сразу же за Кубанью, за линией фронта, самолет плюхнулся на землю. Надо было как можно быстрее выбраться из горящего самолета, но тут оказа-

лось, что заклинило выходной люк. Тогда Ваня, собравшись с силами, отбил его. Едва все трое успели отбежать, как раздался взрыв…

В конце войны Маше Долиной и Гале Джунковской (Марковой) было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

Рассказывает техник эскадрильи Тоня Вахромеева:

«…На фронте нам, техникам, пришлось привыкать к совершенно новым условиям. Здесь не было ни ангаров, ни стационарных ремонтных мастерских. Наши По-2 базировались на случайных, неподготовленных площадках, где мы своими силами оборудовали стоянки для самолетов, тщательно маскировали их, производили полевой ремонт.

Ночью, когда наши машины беспрерывно взлетали и садились, у нас было много дел. Техники встречали самолеты, осматривали их, заправляли бензином и маслом, устраняли дефекты, повреждения и снова провожали в полет. И все это в темноте, при свете карманного фонарика, а иногда и при лунном свете, чтобы не демаскировать аэродром.

…Отступление 1942 года на юге. Днем — перебазирование, ночью — боевые вылеты. Частые тревоги. Иногда уходим от немцев в самую последнюю минуту… Фронтового опыта еще нет. Постепенно привыкаем ко всему. Однажды пришлось самим срочно сжечь свой неисправный самолет, который не мог подняться в воздух из-за отсутствия запчастей: к хутору приближались немецкие танки.

…Весна 1943 года. Аэродром под Краснодаром, настоящий, с капонирами. Мы довольны — каждый самолет имеет свое удобное место. Но когда нас пробомбили два раза, нам захотелось куда-нибудь в глушь, на лесную опушку…

…Лето 1943 года. Укрепленная „Голубая линия“. Наш аэродром совсем близко к фронту. Полеты с заката до рассвета, каждую ночь. На старте — полная темнота. Самолеты садятся по трем огонькам, которые зажигаются на короткое время. Мы работаем совсем без света, даже без карманных фонариков: над аэродромом то и дело пролетают немецкие самолеты…»

* * *

Вспоминает Раиса Аронова:

«Полк нуждался в пополнении летного состава.

Штурманов начали готовить из своей среды — из техников и вооруженцев. Летчицы, в основном инструкторы аэроклубов, прибывали из разных мест. Командующий Воздушной армией беседовал почти с каждой вновь прибывшей летчицей.

Когда Лера Рыльская робко вошла в кабинет Вершинина и представилась, он строго спросил:

— Почему такой неряшливый вид?

— Я прямо с поезда… — в смущении глядя на свой помятый костюм, пролепетала девушка.

Командующий спрашивал не только о том, где и сколько летала Рыльская, его интересовали и многие другие стороны ее биографии. Задавал вдруг вопросы, от которых девушку бросало в жар.

— Куришь? Пьешь?

— Н-н-нет… — заикаясь, отвечала Рыльская.

„Господи, неужели я похожа на пьющую?“ — с ужасом подумала Лера.

— Ну это я так, на всякий случай спросил. Мало ли что бывает. Не обижайся.

В конце беседы командующий предупредил:

— Смотри веди себя достойно. Не наложи каким-нибудь опрометчивым поступком пятно на боевую славу полка. — И уже вслед уходившей летчице бросил: — А костюмчик-то приведи в по-

рядок. Неловко себя почувствуешь, если в таком виде явишься в полк. Там девушки аккуратные.

…Леру Рыльскую определили в новую, четвертую эскадрилью. Это была учебная эскадрилья, в которой прибывающих летчиц готовили к полетам ночью».

* * *

Рассказывает Калерия Рыльская:

«С очередным пополнением летчиков прибыла и я в женский полк. Молодых пилотов выделили в учебную эскадрилью и назначили ее командиром Марину Чечневу. Женский полк жил полнокровной жизнью. Для нас наступила учебная страда: никто из нас не летал раньше ночью…

Я, пилот молодого поколения, считаю своим долгом рассказать о работе старых штурманов — старых по опыту, а не по возрасту. Они являлись нашими наставниками и верными друзьями. Летчики-ветераны научили нас уверенно летать ночью. А первые боевые вылеты мы производили с опытными штурманами.

Конечно, им куда приятнее летать с видавшим виды летчиком, который не растеряется в любой ситуации и выйдет невредимым из-под обстрела и прожекторов. Но старые штурманы любили

летать с молодыми пилотами.

Молодой пилот широко раскрытыми глазами смотрит на открывшийся ему неведомый мир. С душевным трепетом пересекает и линию фронта. На земле бьет артиллерия, чертят цветные трассы снаряды… Страшно, страшно лететь на хрупкой машине прямо в пасть врагу. Заслышав звук твоего мотора, немецкий прожектористы направляет в небо ищущий тебя луч. Вот-вот подключатся еще несколько. Помчались вверх зенитные снаряды. Все это по твою душу, молодой летчик! А в наушниках слышится милый знакомый голос:

— Доверни-ка, Лерочка, чуть правее, а то нас сносит. Как тебе нравится цвет немецких ракет? Гадость, правда?

Старые штурманы научили нас распознавать, где настоящая опасность, а где пугало стоит…»

* * *

Валя Пустовойтенко прибыла в полк осенью 1943 года вместе с группой младших авиаспециалистов. Девушек зачислили в полк вооруженцами. Но вместе со своими подругами, захотевшими летать, она довольно быстро прошла штурманскую программу и стала толковым штурманом. Первые боевые вылеты ей пришлось делать в

сложной обстановке, когда на Кубани шли жестокие сражения на земле и в воздухе.

…После войны Валя рассказывала:

«Когда теперь вспоминаешь военные годы, частенько спрашивают: а не страшно ли было летать? Трудно ответить на этот вопрос. Конечно, когда попадаешь в лучи прожекторов и не знаешь, куда вести самолет, так как потеряла и землю и небо; когда плоскости самолета превращаются в клочья тряпок, а в полу кабины появляются дыры; когда до линии фронта остается много километров, а мотор перестает работать или барахлит, — конечно, тогда становится страшно… Но совсем ненадолго. Ведь все в тебе устремлено к одному — победить! Ведь знаешь, что ты не одна, за тобой несметная сила, — такая злость поднимается, если враг тебя царапает, такое упрямство, что все нипочем!

Да для страха просто не оставалось времени в полете, и по-настоящему он ощущался уже на земле, после того как все оставалось позади. Когда сядешь, отрапортуешь, да вдруг вспомнишь все, как было, иной раз так и хотелось уткнуться лицом в грудь Бершанской, в грудь подруги и дать волю слезам — хотелось, а через минуту становилось стыдно за это, а потом смешно, а

потом весело, просто весело на душе!»

* * *

Мой самолет приближался к вражескому укрепленному району на «Голубой линии». Как ни старалась я подойти к цели неслышно, все равно нас поймали широкие цепкие лучи. И как раз в тот момент, когда Лида Лошманова, мой штурман, готовилась бомбить. В кабине стало светло, к самолету потянулись снизу оранжево-красные ленты: три крупнокалиберных пулемета швыряли вверх огненные шары.

Двадцать секунд я должна была вести самолет по прямой, не сворачивая. Всего двадцать секунд. Пах-пах-пах! Щелкают оранжевые шарики, будто пляшут вокруг самолета, все теснее окружая его.

— Еще немножко… — говорит Лида.

Я послушно веду самолет. Мы с Лидой еще не привыкли друг к другу, присматриваемся. В полете она спокойна, говорит мало, только самое необходимое. Вообще она мне нравится. У нее продолговатое смуглое лицо и умные, немного грустные глаза.

Пах-пах-пах!.. Земля плывет под нами медленно, очень медленно.

— Готово, — говорит наконец Лида.

Бомбы сброшены. Стреляют кругом. Уклоняясь от трасс, я швыряю самолет то вправо, то влево, то вниз. Уже непонятно, где земля, а где небо. Вижу только блестящие зеркала прожекторов и огненные зайчики, весело бегущие к самолету.

Но почему луна внизу? Ведь это луна! Я узнаю ее — немножко на ущербе… Она светила нам всю дорогу. А зеркала сейчас вверху… Значит, самолет в перевернутом положении! Я делаю невообразимый маневр, все становится на место: луна вверху, зеркала внизу.

Неожиданно рядом с зеркалами — несколько ярких вспышек. Взметнулись кверху снопы искр — и лучи погасли. Еще два взрыва. Это рвутся бомбы, сброшенные самолетом, который летел следом за нами. Кто-то из девушек выручает меня…

* * *

…Мы сидели в своих кабинах и молчали. Боевой задачи еще не было. Мой штурман сегодня — Галя Докутович. Она вдруг сказала:

— На-ат, почему-то мне все еще не верится, что мы полетим вместе… Никак не могу привыкнуть, что ты летчик.

Я знала, что и она об этом мечтала, но теперь,

с поврежденным позвоночником, и мечтать об этом нельзя…

От земли, щедро нагретой за день солнцем, поднимался теплый воздух, и казалось, что погружаешься в мягкую ласковую волну. Хотелось забыть обо всем, только сидеть так, не двигаясь, и ничего не видеть, кроме темного крыла на фоне неба и голубоватого мерцания звезд, чистых, только что родившихся.

— Когда я вот так смотрю на звезды, — заговорила опять Галя, — мне кажется, что все уже было раньше… И я жила уже однажды, давно-давно, и вечер был точь-в-точь такой же…

Я не прерывала ее, и она вдруг сказала другим, глуховатым голосом:

— Знаешь, прошел ровно год с тех пор…

— Не думай об этом.

— Если бы не ужасная боль по временам… Она мне постоянно напоминает. И так мешает…

— Ты слишком устаешь, Галка. Много летаешь. Так нельзя!

— Я не о том. Я не могу не летать. И не могу простить себе!..

— Но ты же не виновата!

— Виновата. Ранение в бою — это одно. А искалечиться просто так ни за что ни про что — это

совсем другое.

…Стемнело. По-2 стояли в шахматном порядке, готовые к вылету.

— В детстве, совсем еще девчонкой, я мечтала о подвигах. И почему-то была уверена, что погибну как-нибудь трагически… Потом все прошло. А сейчас… — Галя помедлила. — Я опять чувствую себя девчонкой…

— Все это вздор. Через десять лет мы будем вспоминать этот вечер!

— Не могу себе представить. Странно — почему?

— Просто это еще не очень скоро.

— Странно… — повторила Галя.

Наконец мы получили боевую задачу. Я приготовилась включить мотор.

— Докутович! Галя! — послышался голос.

Женя Руднева, штурман полка, взобралась на крыло:

— Девочки, как вы посмотрите на то, чтобы вас разъединить на сегодня?

— Почему?

— Летчик Высоцкая просит дать ей более опытного штурмана. Цель сложная, а у нее всего несколько боевых вылетов.

— Ну что ж, если так… — сказала Галя, неохотно

вылезая из кабины.

Ко мне пришла Лида Лошманова, кстати толковый штурман. А в это время по взлетной дорожке, рассыпая снопы искр, бежал самолет. Там была Галя… В эту ночь она уже не вернулась. Совсем.

* * *

Из кубанской станицы Ивановской мы летаем бомбить укрепленные районы «Голубой линии», где немцы, отступив с Кавказа, сосредоточили свои силы.

…Темная безлунная ночь не обещала ничего хорошего: в такой темноте особенно свирепствуют прожекторы, яркость которых усиливается.

— До цели еще семь минут, — сказала мой штурман Лида Лошманова.

В этот момент впереди зажглись прожекторы и сразу поймали самолет, летевший перед нами. В перекрестье лучей По-2 был похож на серебристого мотылька, запутавшегося в паутине.

Зенитки почему-то молчали. Скоро все выяснилось. В воздухе вспыхнула желтая ракета, и к самолету побежала голубоватая трасса огоньков. Желтая ракета — сигнал «Я — свой» для зениток.

— Истребитель! Вышел на охоту! — воскликнула Лида.

Уже не первый раз немцы выпускали против нас ночных истребителей. Видно, уж очень мы им надоели…

И снова побежали голубые огоньки — прямо в перекрестье. Пламя охватило самолет, и он стал падать, оставляя за собой извилистую полоску дыма. Отвалилось горящее крыло, и вскоре По-2 упал на землю, взорвавшись…

Не раздумывая, я свернула в сторону и стала набирать высоту, чтобы потом спланировать на цель почти неслышно. Прожекторы, качнув лучами, поискали наш самолет и отключились. Мы планировали и после сброса бомб, уходя от цели уже на малой высоте.

В эту ночь сгорели над целью четыре наших По-2. Восемь девушек: Женя Крутова, Соня Рогова, Аня Высоцкая, Галя Докутович, Валя Полунина, Лена Саликова, Женя Сухорукова и Ира Каширина.

* * *

Рая Юшина ехала на попутной машине из Краснодара в станицу Ивановскую, где базировался женский полк. Гвардейский… Как там ее встретят?

Когда ей предложили воевать в женском полку,

она сначала удивилась, потом огорчилась: «Целый полк женщин? Вот уж где шуму-то, наверное! И вообще… Что там за война?!»

Машина ехала быстро, мелькали зеленые станицы, извилистая Кубань. А мысли Раисы уносились в недавнее прошлое. Минский аэроклуб, где она, работая инструктором, выпустила три группы учлетов. Перед самой войной — плеврит, больница… Минск бомбили, жители бежали из города. Вместе со всеми Рая, больная, шла по шоссе, пока не потеряла сознание от слабости. Очнулась в кузове машины и сразу увидела немецкие самолеты, которые летели над дорогой, обстреливая беженцев. Сгоряча, не раздумывая, на ходу выпрыгнула из машины. И — сломала ногу… Опять больницы — в Могилеве, потом в Тамбове. Нога срослась, и снова — в аэроклуб, инструктором…

…Станица Ивановская вся в садах. Вдоль улиц, замаскированные большими ветками, стоят По-2. Кое-где на самолетах девушки-техники. В штабе Раю приняли официально, но дружелюбно.

— Пополнение к нам? Кажется, вовремя, — сказала одна из девушек.

Рая не поняла, почему вовремя, но спрашивать не стала. Все еще сомневалась, серьезно ли все

это… Начальник штаба расспросила Раю, откуда она и где работала. Коротко сказала:

— Идите в эскадрилью старшего лейтенанта Санфировой. Это третий домик по улице направо.

Несмело Рая вошла в дом. Было тихо. В комнате сквозь занавешенные окна кое-где пробивались яркие солнечные лучи. Девушки отдыхали после ночных полетов. Некоторые крепко спали, другие беспокойно ворочались, говорили во сне. Одна приподняла голову с подушки:

— Не могу спать… Прожекторы снятся…

Рая заметила у стены несколько свернутых постелей. Адъютант эскадрильи тихо объяснила:

— Не вернулись с задания сегодня ночью…

Очень скоро Рая вошла в строй и стала летать на боевые задания, уже не сомневаясь, что попала именно туда, куда хотела. И штурман ей попался хороший — Надя Студилина.

* * *

Собрав свою эскадрилью, Маша Смирнова сообщила летчикам боевую задачу и предупредила их, что полеты состоятся, несмотря на нелетную погоду. Действительно, облачность была низкая, моросил мелкий дождь, ухудшая и без

того плохую видимость. Для разведки погоды и обстановки в районе станицы Гостагаевской она назначила экипаж Жени Жигуленко со штурманом Полиной Ульяновой. Там, рядом со станицей, находился аэродром, откуда ночью летали немецкие истребители. Нам уже приходилось сталкиваться с ними.

— Вчера ночью, видимо с этого аэродрома, работали немецкие истребители. Сегодня их не выпустят — нелетная погода. Посмотрите, что там делается. Ну и пробомбите их, конечно.

— Есть, товарищ командир, — ответила Женя.

— Следом за вами выпущу Худякову, — добавила Смирнова.

К цели летели в дожде, видимость была отвратительной.

— Сегодня они не летают, в такую погоду, — твердо сказала Женя.

— Я брошу САБ. Пора.

Несколько секунд спустя выброшенная из кабины САБ зажглась и стала медленно опускаться. Сразу все осветилось, на земле стали видны аккуратные полукружья капониров, и в каждом — маленький, словно игрушка, самолетик. В эту ночь истребители отдыхали.

— Ну, мы их сейчас разбудим! Давай, Полина,

пока никто не мешает!

— Держи боевой курс 250°. Правее… Так держать! Бросаю…

Сквозь пелену дождя были видны четыре взрыва, перекрывшие капониры, один из взрывов ярко взметнулся в небо. И сразу По-2 оказался в центре широких белых лучей, их было пять. Зенитные снаряды рвались совсем близко…

— Женя, давай скорей обратно. Держи курс 80°.

Но Женя и сама уже повернула на восток и стала резко скользить, пока не вышла из лучей. Настроение было отличное, хотелось выкинуть какой-нибудь номер. Ну хотя бы сделать мертвую петлю… Но в воздухе Женя была всегда внимательна и дисциплинированна. Сзади, над целью, снова стало светло.

— Это Худякова и Тимченко. Они вылетели вслед за нами, — сказала Полина.

* * *

В сентябре 1943 года началась крупная операция по разгрому немецких войск в районе Новороссийска. В этой операции принимал участие и наш полк.

Вот что рассказала Серафима Амосова, руководившая боевой работой с аэродрома Геленджика:

«…Мы поднялись с аэродрома станицы Ивановской и взяли курс на Геленджик. Летели днем: над равнинной местностью бреющим полетом, а над гористой держались на безопасной высоте. Мне все время было как-то не по себе: в любую минуту нас могли увидеть вражеские истребители, и тогда нашим тихоходным По-2 несдобровать. Поэтому, когда штурман Катя Рябова сказала: „Справа впереди вижу пару истребителей“, — у меня упало сердце и пронеслась мысль — сейчас начнется самое страшное. Если бы я летела одна, то, возможно, мне удалось бы, спустившись ниже горных вершин, уйти от истребителей низинами и ущельями. Но со мной шла целая группа самолетов, которые не могли свободно маневрировать в строю.

К счастью, это оказались наши истребители, они даже поприветствовали нас покачиванием с крыла на крыло. Приземлившись в Геленджике, мы осмотрелись. В таких условиях нам еще не приходилось работать: с одной стороны аэродрома — высокие скалистые горы, с другой — море. Оно уходило к самому горизонту, мутно-зеленое, бушующее…

Летчики-черноморцы встретили нас подчеркнуто вежливо. Мы сразу почувствовали, что по

отношению к нам они настроены довольно скептически и не очень верят в боевые возможности самолетов По-2, да еще управляемых девушками. Многие из них даже не скрывали своего пренебрежения:

— А, бабий полк… Ну-ну…

Возможно, им было досадно, что на их боевых самолетах нельзя было бомбить точечные, малоразмерные цели, расположенные вблизи наших войск, и что эту „ювелирную“ работу выполняли тихоходные По-2.

Наконец поступило боевое задание: уничтожить мотомехчасти, расположенные в районе высоты № 37. Придя к самолетам, мы увидели толпившихся возле стоянок летчиков-черноморцев: пришли посмотреть, как работают девушки-летчицы. Они стояли молча и почему-то на этот раз не отпускали в наш адрес колких шуточек…

…Я взлетела и сразу оказалась над морем. Совсем близко замелькали светлые барашки волн. Набрала высоту. Кругом было удивительно красиво: справа белые зубцы гор, за ними темный силуэт Кавказского хребта, снежные вершины, чуть розовые от исчезающего солнца, внизу иссиня-черное сверкающее море. И над всем этим — темное небо, усыпанное звездами…

Неожиданно самолет начал резко терять высоту, хотя мотор работал в полную мощность. По-2 буквально падал вниз. Вода надвигалась на машину всей своей огромной массой. Неприятное чувство беспомощности охватило меня и штурмана Катю Рябову, которая стала уж слишком оживленно говорить о нисходящих воздушных потоках. Изменив курс, стали ждать границы потока. И вот машина вдруг рванулась из стороны в сторону и стремительно понеслась вверх…

День за днем шла напряженная боевая работа. Нам особенно доставалось, когда наши По-2 пролетали вблизи Новороссийска: по самолетам била корабельная артиллерия, стреляли береговые батареи, зенитные орудия, расположенные в городе. Иногда аэродром обстреливали дальнобойные орудия. Между нами и летчиками-черноморцами установилось своеобразное взаимодействие: днем наносили удары по врагу они, а ночью мы.

Вместе с нами с аэродрома Геленджика летали на По-2 летчики „братского“ полка под командованием майора Бочарова. Сразу же у нас началось негласное соревнование: кто сделает больше боевых вылетов и у кого будет выше эффективность ударов. Наши летчицы всегда были впереди. Бы-

ли моменты, когда не хватало бомб — не успевали подвезти. Тогда наши вооруженцы пускались на хитрости, „захватывая“ оставшиеся на складе бомбы раньше „братцев…“»

Сима Амосова была опытным, мужественным летчиком. Ее вместе с Никулиной сперва назначили в полк Пе-2, но потом Бершанская, которая хорошо знала обеих, выпросила их у Расковой.

* * *

Магуба Сыртланова, отличный летчик из ГВФ, пришла в полк, когда у многих летчиц было на счету больше 200 боевых вылетов. Штурманом к ней назначили Полину Гельман. Внешне спокойная, Магуба в полете была дотошной, требуя от нее объяснения каждого шага. И всему удивлялась. При удачном бомбометании бурно радовалась, без конца спрашивая и смеясь:

— Полина, неужели это мы взорвали склад? Смотри, как отлично получилось! Это же мы! Правда? А как горит!

На обстрел зениток она реагировала спокойно и прожекторов совсем не боялась — смело шла напрямик через зону обстрела, только слегка отклоняясь от слишком уж назойливого снаряда. И самолет ее летел как заколдованный.

— Полина, зачем они тратят силы? Все равно мы от них уйдем!

Когда над целью Полина, сбросив САБ, готовилась бомбить, Магуба предупреждала:

— Полина, смотри не промахнись!..

— Не говори под руку…

И она искренно огорчалась, если после сброса бомб на земле не вспыхивал пожар. Полина ее успокаивала:

— Понимаешь, Магуба, если весь полк летает на эту цель, то она все равно будет поражена. Кто-то другой попадет…

— Но почему кто-то другой? Почему не мы?! — горячилась Магуба.

— Ну, не всегда же нам…

— Полина, ты хорошо прицелилась? — допытывалась она. — Я же вела самолет точно по курсу!..

В полку никто так отчаянно не стремился сделать как можно больше вылетов, обогнав других, как Магуба Сыртланова. Она первая выруливала на старт, успевала обогнать остальных во время полета, при заходе на посадку, при заправке своего самолета… И к концу войны почти догнала ветеранов полка — 782 боевых вылета. Сразу после Победы ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

В августе 1943 года, предчувствуя свое неминуемое поражение на Тамани, немцы сопротивлялись особенно упорно.

Командир эскадрильи Дина Никулина и штурман Леля Радчикова приближались к укрепленному району на «Голубой линии»… Дина убрала газ, приглушив мотор. Как только серия бомб перекрыла площадку, где были сосредоточены автомашины, сразу вспыхнули прожекторы и поймали самолет. Заработали зенитки. Огонь был плотным, никакие маневры не помогли… Пробита нижняя плоскость, разворочен правый борт кабины… На полном газу Дина уходила из зоны обстрела. Вдруг на мгновение ее почти ослепило: с сухим треском рванул снаряд прямо перед мотором… Она вздрогнула от резкой боли — словно раскаленным штырем пронзило правую ногу, едкий запах бензина ударил в лицо: пробит бензобак!.. Мелькнула мысль: «Сейчас добьют»…

Но прожекторы, один за другим, словно нехотя, переключились на другой По-2, подходивший к цели. Превозмогая боль, Дина вела свой израненный самолет к линии фронта… Но почему

молчит штурман?!

— Леля! Леля! Отзовись!

Обернувшись, она увидела Лелю, неподвижно сидящую с закрытыми глазами и запрокинутой головой. «Неужели убита?!» В этот момент прерывисто зафыркал мотор и — совсем заглох… Стало тихо.

Самолет шел со снижением. Внизу Дина увидела на земле перестрелку. Пролетев еще немного над лесом, стала искать место для посадки. Показалась дорога, по которой ехали две машины. Недолго думая, она приземлилась прямо на дорогу!

К самолету бежали люди… У Дины потемнело в глазах, силы готовы были покинуть ее… Вспомнился детдом, где она провела детство, военные игры в пионерлагере: «Раненые из игры выбывают!..»

Машина подвезла девушек прямо к полевому госпиталю. Леля была ранена в бедро, потеряла много крови. У Дины — сквозное ранение голени.

Прошло время — и обе вернулись в полк, снова летать…

* * *

Пришел сентябрь. Мне двадцать один год.

В этот день льет дождь. Мокрые деревья, мокрые листья. Примятая трава. Ветер гонит темные тучи на юг. Рваные клочья, дождевые шлейфы почти цепляются за деревья.

За окном — подсолнух. Слегка качается на длинном стебле. Головка опущена и нервно подрагивает. Кажется, что подсолнух живой и кем-то обижен. Может быть, даже плачет.

На тоненькой вишне блестит намокшая кора. Вишня клонится к забору и перебирает слабыми веточками, как руками. Будто хватается за воздух — до забора не достать…

Я смотрю, как текут по оконному стеклу струйки воды. Ветер бросает капли в окно, и они дробно стучат, словно бегут наперегонки. И снова тихо.

Стукнулся о стекло большой черный жук. И он мокрый. Посидел на подоконнике, подвигал рогами и свалился. Куда-то в траву. От ветра.

Грустно. Хочется всплакнуть. Просто так. Чуть-чуть. Потому что осень и беспомощно клонится к забору вишня…

Я прижимаюсь лбом к прохладному стеклу. Закрываю глаза. И думаю — ни о чем. Тоскливо-

тоскливо на душе.

А дождь льет и льет. И дробно стучат в окно капли, стекая прозрачными струйками. Кажется, что плачет вся природа.

И полетов, наверное, не будет…

* * *

Вспоминает Раиса Аронова:

«Когда в сентябре была прорвана „Голубая линия“, двинулся вперед и наш полк. Мы прилетели в станицу Курчанскую, которая выглядела жалко: почти все дома разрушены, деревья либо сожжены, либо вырублены, кругом следы опустошения. Нас предупредили, чтобы мы были крайне осторожны и ходили только по указанным дорожкам: вся земля густо начинена минами. Саперы до нашего прилета сумели расчистить только часть площадки, предназначенной для аэродрома. Кругом пестрели деревянные дощечки с грозным предупреждением: „Заминировано!“ Говорили, что в станице обнаружено много мин-сюрпризов и мин замедленного действия с часовым механизмом. „Голубая линия“ продолжала огрызаться.

Для меня станица Курчанская памятна тем, что над ней в первый же свой боевой вылет в качестве летчика я попала в прожекторы. Этого

момента я ждала с тревогой, зная о том, что летчик в лучах может потерять пространственную ориентацию.

Когда зловещий голубоватый луч осветил мой самолет, я по старой штурманской привычке попыталась было глянуть вниз, чтобы определить, в какую сторону уходить. Твердый голос Лиды Лошмановой призвал меня к порядку:

— Рая, смотри только на приборы.

Я подавила в себе сомнение в силах молодого штурмана (Лида Лошманова начала летать сравнительно недавно), приказала себе: „Спокойно, не суетись!“ — и стала послушно выполнять ее команды. Подключились еще несколько прожекторов, начался обстрел. Мне стало ясно, что плавными, аккуратными разворотами не вырваться из огня. Убрала газ, дала левую ногу — резко, до отказа, ручку — вправо до борта, и мы со свистом понеслись к земле. Излюбленный прием Кати Пискаревой (моего прежнего летчика) помог мне: потеряв в одно мгновение метров четыреста высоты, мы провалились в спасительную тьму...»

* * *

Прорвана «Голубая линия», которую немцы удерживали полгода. Она тянулась от Темрюка на Азовском море до Новороссийска на Черном. В октябре 1943 года советские войска полностью освободили Таманский полуостров. Нашему 46-му гвардейскому полку, который воевал здесь все это время, было присвоено наименование Таманского. В этом районе от вражеской зенитной артиллерии и ночных истребителей погибли 11 наших летчиц.

Мы стали летать через Керченский пролив и бомбить врага в Крыму. В первых полетах мы испытали «психическое воздействие» со стороны немцев. При звуке приближающегося самолета включались десятки прожекторов и стояли неподвижно, направив лучи в небе строго вертикально. Лес прожекторов. Ни один не шелохнется. Вообще-то, сначала действовало: на своих маленьких По-2 мы лезли вверх, повыше… Набрав высоту, бомбили цель на планировании, обходя лучи прожекторов.

Вскоре «психическая обработка» прекратилась. Нас стали встречать зенитным огнем. И прожекторы ловили. Просто. Без выкрутасов.

* * *

В сентябре-октябре 1943 года мы бомбили немецкие войска, отступающие с Тамани в Крым. Надо сказать, что им как-то удалось перебросить значительную часть своих сил через Керченский пролив. И мы это сразу почувствовали: весь Керченский полуостров был напичкан прожекторами и зенитками.

Полк наш перелетает все ближе к Крыму. Мы ходим по земле, которую еще вчера называли территорией, занятой противником, и живем в домиках, где еще вчера жили немецкие солдаты. Это они построили деревянные нары, на которых мы спим. Во дворе дома, как рассказывает хозяйка, стояли зенитки, и, конечно, эти зенитки стреляли по нашим самолетам.

Помню, однажды, когда мой По-2 пролетал над станицей Курчанской, прямо перед самолетом брызнул вверх пучок трассирующих пуль. Домой пришлось тянуть на барахлящем моторе…

Уходя из станицы, немцы заминировали дома. Мины с часовым механизмом. Их еще не успели обезвредить, и мы соблюдаем осторожность: на наших глазах взорвалась столовая для техсостава. К счастью, жертв не было. Здесь, в Курчанской,

мы не задерживаемся.

…Вот он, Крым! Здесь пока еще враг. Сверху видно: темный выступ Керченского полуострова с неровной линией берега четко выделяется на фоне моря. Он лежит за проливом, распластавшись, как шкура большого зверя. Неподвижный, молчаливый…

Самолет медленно ползет по небу. Скорость — сто двадцать километров в час. Ночная темнота настолько сгустилась, что мне хочется протянуть руку из кабины и потрогать эту черную стену…

Линия берега уже почти под крылом. Тихо. Но скоро все изменится: сейчас включатся десятки прожекторов. Я жду, где вспыхнет первый… Главное, чтобы не схватил сразу…

* * *

Вспоминает Раиса Аронова:

«В ту ночь я летала со штурманом Лидой Целовальниковой. Мы летали из Пересыпи бомбить Крым. По другую сторону Керченского пролива наши войска удерживали тогда лишь небольшой плацдарм. Там, недалеко от поселка Жуковка, была площадка, наскоро оборудованная на случай вынужденных посадок наших По-2. Среди ночи на нашем самолете забарахлил мотор, и мы сели

на вынужденную.

Утром штурман уехала в полк, а я осталась ждать, когда отремонтируют мотор. Во второй половине дня можно было лететь домой. Признаться, меня это очень озадачило: днем через пролив нужно лететь бреющим, а я боялась воды. Полеты над водой были для меня страшнее зенитного огня. У каждого свои слабости… Одна наша летчица боялась пауков, другая мышей…

Кстати, в Пересыпи было очень много мышей, и нам приходилось вести с ними настоящую войну: они портили самолеты, прогрызали перкаль, грызли деревянные части и даже электропровода. Залезали они и в меховые комбинезоны: сунешь руку в рукав, а оттуда вдруг выпрыгивает мышонок…

Не смогла я заставить себя приблизиться к воде меньше чем на двести метров. И только над косой Чушкой снизилась до бреющего. Лечу и удивляюсь: почему меня не сбили? Ведь надо мной пролетали немецкие истребители, для которых По-2 — заманчивая мишень.

Впрочем, не всегда охота за беззащитным По-2 кончалась для немцев удачно. Рассказывали, что однажды, когда связной самолет пересекал пролив, на него напал „мессер“. Немецкий летчик не

сразу открыл огонь по своей жертве — захотел сначала поглумиться над ней. Сдвинул фонарь и на общепонятном языке жестов спросил у пилота По-2: сколько дать по нему очередей — одну, две? Летчик предложил третий вариант — выстрелил из пистолета в немца. Вражеский самолет клюнул носом и рухнул вниз. Море в одно мгновение поглотило самоуверенного аса».

* * *

Пересыпь — небольшой рыбацкий поселок на обрывистом берегу Азовского моря. Рядом — площадка, с которой мы летаем бомбить Крым. Осенью и зимой здесь часто дуют шквальные ветры, раскисает почва на нашем аэродроме, и мы с трудом летаем.

При сильном ветре объявляется аврал, и все идут на аэродром держать наши легкие По-2, которые порыв ветра может опрокинуть, перевернуть. Техники привязывают самолеты к стопорам, ввернутым в землю, но и это ненадежная защита. Ветер гудит, завывает, самолеты дрожат, и кажется, что вот-вот По-2 сорвется с тросов, крепящих его к стопорам, и понесется, кувыркаясь, по полю.

Однажды после боевой ночи и такого дежур-

ства мы еле доплелись до поселка. Шли медленно, на унтах налипла густая грязь, ноги казались пудовыми. Все молчали. Только Вера Белик была не в настроении, ругала погоду, и грязь, и все на свете. А войдя в дом, свалилась на нары, не раздеваясь, и громко заплакала:

— А-а-а…

Странно так заплакала: по лицу катятся слезы, а сама она смеется. Над собой. Мы понимаем — просто она устала. Устала от бессонных ночей, от напряженных полетов с вечера до утра, устала от зениток, от ветра, от густой грязи. Это пройдет. Нужно только хорошо выспаться.

Прибегает пятилетний Витька, сын хозяйки:

— Тетя Вера, почему ты плачешь?

— Я не плачу, я смеюсь, — говорит она сквозь слезы.

— Нет, ты плачешь! Тебя ранили?

Хозяйка забирает Витьку, он капризничает, упирается.

— Нет, она плачет!..

* * *

Рассказывает Калерия Рыльская:

«…Перед наступлением на Крым, в апреле 1944 года, мы полгода летали на Керченский

полуостров из Пересыпи. Крутой морской берег по соседству с поселком был уставлен рядами наших По-2.

Осев на неопределенное время на одном месте, мы, стеснив хозяев, расположились в домиках, спали на чистых простынях, которые стирали и гладили сами. Набитые сухим сеном мешки на нарах служили нам матрацами. Наши шелковые подшлемники были всегда выстиранными, выглаженными и даже выкрашенными у кого в синий, у кого в голубой, а то и в красивый солнечный цвет. Разноцветные подшлемники стали для девушек единственным украшением.

В поселке не было хорошей воды. Ее привозили издалека, с Кубани, и только для питья. Такую воду жители поселка называли сладкой. Местная солоноватая вода была отвратительна на вкус, мыло в ней совершенно не мылилось.

Выручал нас дождь. Объявляли общий аврал, на улицу выставлялась вся имеющаяся посуда. Дождевую воду берегли пуще глаза. Когда она кончалась, отправлялись на промысел, вооружившись пустым ведром и кружкой. Осторожно, чтобы не взбаламутить, черпали воду из ям, овражков.

Таков был наш незамысловатый быт, который

нас мало смущал: все мы жили одним — поскорее разгромить врага».

* * *

Штурман эскадрильи Катя Рябова прилетела в станицу Ахтанизовскую, чтобы в штабе дивизии оформить путевку в санаторий на 10 дней. Привезла ее летчица Августина Артемьева, недавно прибывшая в полк. Здесь же, в Ахтанизовской, стоял полк штурмовиков. Не успели девушки осмотреться, как к ним подошли два летчика.

— Разрешите, девушки, с вами познакомиться. Что-нибудь вам помочь? Мы слышали о женском полку. Ночью вы пролетаете прямо над нами.

Это были два неразлучных друга Сивков и Есауленко. Завязался разговор. Узнав, что Катя едет в Кисловодск, Гриша Сивков обрадовался:

— Да ведь и я там скоро буду! Обязательно вырвусь на пару дней…

…В Кисловодске они встретились, познакомились ближе. Два дня гуляли вместе по парку, по окрестностям. Оказалось, оба любят математику. Катя, бывшая студентка мехмата МГУ, сразу решила задачу, над которой долго и безуспешно бился Гриша. Спустя два дня он улетел, пообещал Кате:

— Буду писать тебе. Каждый день. Станешь отвечать?

— Посмотрим, — уклончиво ответила она, но, увидев на лице его разочарование, добавила: — Буду. Изредка…

…В одном из писем Гриша попросил Катю как-нибудь пролететь над его аэродромом после первого вылета на задание. Он будет сигналить ей карманным фонариком. Смущаясь, Катя рассказала об этой его просьбе своему командиру Марине Чечневой. Марина ответила:

— Пиши своему штурмовику, что пролетим над ним в следующий понедельник, если будет летная погода.

Но в следующий понедельник боевая работа началась позже обычного, и Катя волновалась, будет ли ждать ее Гриша в три часа ночи… Вот и аэродром впереди. Снизившись, Марина перешла на бреющий полет. Обе искали огонек фонарика. И вот — увидели.

— Ну, Катя, сейчас мы испортим колесами его прическу!

Марина помигала бортовыми огнями, снизилась до нескольких метров, и Катя увидела мигающий огонек совсем близко. Почти у самого самолета промелькнула темная фигура.

— Гриша! Здравствуй! — крикнула Катя.

…После войны Гриша Сивков нашел Катю. На его груди были две «Золотые Звезды» Героя Советского Союза, и одна у Кати. С авиацией он не расстался. И с Катей Рябовой тоже.

* * *

Вспоминает Руфина Гашева:

«…Тонкая талия плотно перетянута широким армейским ремнем. Белоснежный подворотничок, как ожерелье, охватывает девичью шею. Мягкие каштановые волосы, нежное лицо, будто тронутое легким загаром… Красивая она была, наша Ольга, командир эскадрильи гвардии капитан Санфирова.

Многим в полку Леля казалась слишком уж требовательной, даже придирчивой. Но это потому, что она любила порядок во всем — в полетах, во внешнем виде, даже в мыслях. С подчиненными была всегда ровной, вежливой и внимательной. Я не помню, чтобы она накричала на кого-нибудь, позволили себе грубость. Правда, один раз она меня здорово отругала…

В одном из полетов на Новороссийск у нас зависла кассета с зажигательными ампулами. Как мы ни старались, кассета не срывалась. То-

гда я решила вылезть на крыло и вытолкнуть ее руками. „Не смей!“ — сказала Ольга. Но я не послушалась, вылезла. Ведь при посадке кассета могла сорваться, и самолет загорелся бы. Леле ничего не оставалось делать, как держать самолет в горизонтальном полете. Я подползла к передней кромке крыла, одной рукой ухватилась за расчалку, а другой стала толкать кассету. Она никак не поддавалась, сидела в замке намертво. Устала я, руки онемели. Пеняла, что не сбросить ее. Нужно перебираться в кабину, а сил нет. Еще немного, и я соскользну с крыла. Леля начала уговаривать меня ласково-ласково: „Руфочка, милая, подтянись немного“. Кое-как я добралась до ее кабины и повисла — не могу дальше. „Ну-ну, дорогая, еще чуть-чуть“, — уговаривает Леля. Докарабкалась я до своей кабины, перевалилась на сиденье. И вот тут Леля обрушилась на меня: „Бестолковая! Сумасшедшая! Ты же могла упасть! Как бы я объяснила, где мой штурман?“ На земле она доложила обо всем Бершанской, и мне опять попало…

А кассету вооруженцам пришлось молотком выколачивать из замка — ушко погнулось».

* * *

Погода — штормовая. Гудит Азовское море. Сильный северо-восточный ветер гонит наши По-2 на цель с такой скоростью, что они мчатся как истребители. Зато назад ползут целую вечность.

Клава Рыжкова за шесть вылетов порядком вымоталась. Из-за нависшей над целью облачности приходилось бомбить с высоты 500 м, и зенитки не жалели снарядов. К тому же штурман Хиваз Доспанова, видно, нервничала, потому что в переговорном устройстве беспрерывно звучал ее высокий голос. После госпиталя Хиваз каким-то образом сумела уговорить командира полка и получить разрешение на полеты. Теперь ей бывает очень трудно: после переломов обе ноги стали короче. Но она крепится, по-прежнему хохочет и поет.

— Ветер усилился, — говорит она Клаве. — Ты видишь, какой тут цирк! Весь полк собрался! Целое представление…

На земле непрерывно горит посадочный прожектор. С зажженными навигационными огнями По-2 ходят по кругу. На последней прямой снижающийся самолет летит так медленно, что, кажется, можно идти с ним рядом — и он не об-

гонит тебя. Дождавшись своей очереди, Клава зашла на посадку. Едва колеса коснулись земли, как самолет окружили техники и, удерживая его за крылья и стабилизатор, стали сопровождать к стоянке.

— Полеты запретили! — крикнули Клаве.

Наконец самолет в безопасности, весь опутан тросами, закреплен на месте. От стоянки до обрывистого берега всего несколько шагов. Клава спохватилась: нет Хиваз.

— Хиваз, где ты?

Она нашла ее в сторонке. Согнувшись, Хиваз сидела на пустом ящике из-под бомб и плакала.

— Очень ноги болят… Не выдержала… Сейчас пройдет…

Вместе они отправились домой. Порывы ветра сбивали с ног. Рядом стонало, бушевало море. И казалось, что это на высоком берегу стонут бедные По-2…

* * *

Катерлез — один из укрепленных районов немцев под Керчью. Отбомбившись по цели, штурман Саша Акимова перенесла свое внимание на прожекторы, пытаясь подсказать летчице Кате Пискаревой, куда от них уйти. Но Катя

действовала по своей схеме: применила излюбленный свой прием — скольжение. Однако на этот раз самолет держали пять прожекторов и скольжение не помогло: По-2 так и остался в лучах.

— Возьми курс 50, с попутным ветром быстрее выйдем.

В этот момент трасса пуль крупнокалиберного пулемета полоснула по самолету, задев мотор, который захлебнулся, чихнул два раза и затих. Катя перешла на планирование. Саша напомнила:

— Высота 700 метров. Больше не скользи, а то и эту потеряем.

Прожекторы один за другим оставили самолет и переключились на другой По-2, который приближался к цели и еще не успел сбросить бомбы.

— Сколько минут до Жуковки? Дай точный курс, — попросила Катя.

У поселка Жуковка на побережье Керченского пролива была оборудована небольшая площадка, куда садились подбитые в Крыму самолеты. Там же дежурили два техника, которые могли произвести несложный ремонт.

— Держи 40. Лететь восемь минут или меньше: ветер попутный, сильный.

Самолет снижался. Попутный ветер помогал

быстрее долететь до площадки. Обе всматривались в темные очертания берега.

— Дай красную ракету. Придется садиться с попутно-боковым.

Внизу немедленно включили посадочные огни. Катя заходила с явным промазом: сильный ветер мешал точно рассчитать посадку… Слева промчалось посадочное «Т», а высота еще есть. Она слегка подскользнула, наконец колеса коснулись земли — толчок… и самолет резко клюнул носом, уткнувшись мотором в какую-то траншею или яму. Обе сильно стукнулись лицом о приборную доску.

— Долетались, — почему-то радостно сказала Катя, трогая рассеченный лоб. — Ты как, а? Штурман!

В ответ Саша выплюнула на ладонь передний зуб. С трудом ворочая языком, произнесла:

— Н-ничего…

К ним уже бежали со старта…

* * *

Ночью немцы бомбили аэродром «братцев». Саша Громов был дежурным по полетам. Все, кто был на старте, бросились рассредотачивать самолеты. Бомбы падали, и дрожала земля от взрывов.

После короткого перерыва — снова бомбежка. Ребята прятались в воронках.

Спасая самолеты, Саша бегал по полю и прыгнул в воронку слишком поздно: его ранило осколками. Ранило тяжело…

Всех пострадавших увезли в Краснодар, в госпиталь. На следующий день я полетела туда. На большом Краснодарском аэродроме я порулила в ту сторону, где стояли брезентовые палатки с красным крестом. Оказалось, раненые были еще здесь, в палатках.

У Саши было самое тяжелое ранение — в руку и поясницу. Он лежал на животе и не мог ни поворачиваться, ни даже шевелиться. Бледный, с огромными глазами, глубоко запавшими, он приподнял с подушки голову и попытался улыбнуться.

— Саша, как ты себя чувствуешь?.. Тебе очень больно?..

Я опустилась на колени, чтобы ему не нужно было поднимать голову.

— Ничего… Все будет в порядке.

Вопросы были глупые. И так было видно, что ему очень плохо. На лбу у него бисером выступили капельки пота. Мне хотелось плакать. Еще недавно мы с ним ходили по обрывистому берегу,

радовались, что освобожден наш Киев. И вот он лежит неподвижно, сильный, большой Сашка, лежит с глубокой раной, совсем беспомощный… Я проглотила слезы, но губы мои задрожали, когда я хотела что-то произнести…

— Ты не смотри на меня… так… Сашка еще летать будет…

— Ну конечно будешь. Только выздоравливай…

Он прикрыл глаза. Я поцеловала его в холодный лоб:

— Я прилечу к тебе, Саша… Держись… До скорой встречи.

А через несколько дней он умер. От гангрены. Рана оказалась слишком глубокой: были повреждены внутренние органы.

— Был Сашка, и нет его… — повторял он, лежа на животе и глядя в окно на кусочек синего неба, где, он знал, ему уже никогда не бывать…

* * *

Первый морской десант на Керченский полуостров оказался неудачным. Поднялся шторм, и в открытое море унесло катера, тендеры, мотоботы, на которых плыли десантники. Мы получили задание — искать их в море. Азовское море разбито

на квадраты. Воображаемые, конечно. И наши По-2 летают по квадратам.

Штурман Нина Реуцкая внимательно всматривается в море. Летим над самой водой — высота не больше тридцати метров. Для хорошего обзора надо бы повыше, но сверху, как огромный пресс, давят на самолет низкие свинцовые тучи, прижимая его к воде.

— Пора разворачиваться, — говорит штурман.

Теперь мы летим параллельно берегу, километрах в сорока от него. Сыро. Моросит мелкий дождь. Мы продрогли. А кругом бескрайнее серое море в мелких волнах, от которых рябит в глазах и кружится голова.

Я смотрю на однообразную поверхность моря и теряю представление о высоте. Мне вдруг кажется, что обычные небольшие волны — это огромные валы и что лечу я слишком высоко. Нужно бы спуститься ниже, но я знаю: ниже нельзя, потому что на самом деле мы летим низко. Стрелка высотомера колеблется где-то между цифрами 20 и 30.

В голову лезут глупые мысли: чуть отдать от себя ручку управления — и самолет нырнет в воду… Слышу неуверенный голос штурмана:

— Наташа, вон слева, похоже, что-то темнеет,

видишь?

Мы летим к тому месту, где Нине что-то померещилось, — ничего. Волны, волны. Серое море, серое небо… А где-то они ведь есть, пропавшие тендеры. И там люди, без пищи, возможно, раненые.

Ищем упорно, настойчиво, день, два… Потом оказалось, что их прибило к берегу где-то далеко от того района, в котором мы искали. На тендерах было перебито управление. Среди десантников многие еще были живы.

* * *

Ноябрьскими ночами 1943 года летчицы полка бомбили вражеский укрепленный район под Керчью, помогая нашим десантникам удерживать небольшой плацдарм в Крыму.

Ира Себрова со штурманом Ниной Реуцкой возвращались с шестого полета. Близился рассвет и конец боевой работы. Однако на земле к самолету подошла командир полка Бершанская:

— Себрова, может быть, успеете до рассвета слетать еще раз? Армия просит нанести побольше ударов.

И снова — пролив, крымский берег, Керчь. Зенитки обрушили огонь на одинокий самолет,

видимый на фоне бледного неба. По-2 успел отбомбиться, как вдруг заглох мотор — стреляли точно.

— Будем садиться, — как можно спокойнее сказала Ира.

— А куда… садиться? — спросила Нина упавшим голосом: она знала, что земля внизу вся изрыта, искромсана — траншеи, воронки…

Самолет неумолимо снижался. Ира держала курс на восток, старалась рассмотреть землю сквозь предутреннюю мглу. Последние метры… Колеса стукнулись о землю, и вдруг самолет резко развернулся и встал на нос: правое колесо попало в воронку. Девушки отделались ушибами.

Они увидели рядом подбитый танк, проволочные заграждения, разбитый истребитель. Откуда-то появились два солдата, показали направление к пристани, крикнули:

— Не задерживайтесь! Скоро бомбежка!

Переполненный катер был готов к отплытию. Девушек кое-как пристроили возле раненых. Под брезентом лежали убитые. Немцы методично бомбили Керченский пролив. Не успел катер проплыть и половину пути, как раздался гул — и весь пролив покрылся водяными столбами. Под грохот взрывов катер причалил, и все, кто был в

состоянии, бежали, шли и даже ползли на берег, укрываясь в воронках. Пересидев бомбежку, Ира и Нина выбрались, отряхиваясь, и в ужасе замерли: на том месте, где еще недавно покачивался на воде катер, было пусто. Кто-то истерически кричал и лез в воду…

На попутной машине они добрались в полк, а вечером снова полетели на задание.

К концу войны Ира Себрова сделала 1004 боевых вылета, больше всех в полку.

* * *

Темная январская ночь, мутная и сырая, видимость отвратительная. В эту ночь наша артиллерия и авиация обеспечивают высадку морского десанта в Керчи. Задача самолетов По-2 — бомбить вражеские прожекторы и огневые точки на побережье, мешая им работать.

Едва долетаешь до Керченского пролива, как сразу попадаешь в мир огня: рвутся бомбы, бьет артиллерия, сыплют мины «катюши».

А бесстрашные десантники, ничем не защищенные, плывут через пролив на катерах, на каких-то неповоротливых лодчонках. Плывут прямо к пристани, в лоб. С берега их в упор освещали прожекторы, бьют по ним пулеметы,

минометы. Катера отстреливаются и упорно плывут. Один за другим вспыхивают, выходят из строя, огонь пожирает людей. Жутко смотреть, как они горят.

Мы буквально висим над прожектерами, огневыми точками, бросая на них бомбы. А катера все ближе к берегу. Сейчас моряки будут прыгать в воду и высаживаться на берег, штурмом беря пристань. По вражеским позициям пробегает огненная волна: это дают последний залп наши «катюши».

В эту ночь морская пехота захватила часть города и соединилась с нашими войсками восточнее Керчи, где уже был небольшой плацдарм.

* * *

Моряки… Они проезжали через наш поселок, веселые, крепкие парни. Заходили к нам знакомиться.

— Сестрички, встретимся на той стороне, в Крыму, — говорили они, прощаясь, и махали бескозырками из машины.

А Володя, молодой, еще безусый паренек, весь в татуировке, никак не хотел уезжать: уж очень понравилась ему Нина, мой штурман. Он без конца говорил ей что-то, обещая написать письмо, а

она только посмеивалась и торопила его:

— Иди, иди — вон машина твоя уходит! Догонять придется!

Володя шел к машине, оглядываясь, и все повторял:

— Там увидимся, на той стороне!

Сначала он говорил это убежденно, но чем ближе подходил к машине, тем неувереннее звучал его голос. Забравшись в кузов, он уже нерешительно спрашивал:

— Там, на той стороне, увидимся?

На следующий день от него пришло письмо. Передал его какой-то артиллерист проездом.

— «Братишки» шлют привет всем девчатам. Они готовятся к высадке, — сказал он.

Нина обрадовалась письму, хотела ответить, но адреса не оказалось. Да и какой там адрес, когда моряки готовились с боями высаживаться в Керчи…

Потом, спустя некоторое время, мы все-таки встретились с моряками, оставшимися в живых. На той, на Крымской, стороне. Но Володи среди них уже не было…

* * *

Из воспоминаний Марины Чечневой:

«Южнее Керчи, в поселке Эльтиген, держалась группа морской пехоты, отрезанная от своих и с суши, и с моря. Высадившись в Эльтигене в начале десантной операции, эта группа не получила подкрепления, так как поднялся сильный шторм и разбросал по морю наши катера.

Противник предпринял несколько попыток сбросить десантников в море, но тщетно. Эльтиген, маленький белокаменный поселок, встал на его пути несокрушимой крепостью.

У десантников кончились продукты, боеприпасы, нечем стало перевязывать раненых. Прекратилась связь со своими. А свинцовое море бурлило не переставая. Вновь и вновь рвались к Эльтигену катера с людьми, оружием, боеприпасами, продуктами и опять вынуждены были возвращаться к своим причалам.

На помощь осажденным пришли По-2. Нагрузив самолеты мешками с сухарями, сушеной рыбой, ящиками с патронами и медикаментами, мы и „братцы“ стали ночами вылетать в сторону Эльтигена. Грузы сбрасывали во двор школы. Здесь для нас каждую ночь зажигали небольшой

костер — сигнальный огонек.

Чтобы точнее сбросить наш груз, мы подлетали к месту назначения на высоте 50–70 м. Уже с середины Керченского пролива убираешь газ и планируешь до самого берега. Немцы обстреливают самолет из автоматов и крупнокалиберных пулеметов, а По-2 все тянет и тянет. И вот уже под крылом сигнальный огонек…

Часто на малой высоте мы кричали десантникам:

— Полундра, лови воблу!

А мой штурман Саша Акимова добавляла звонким голосом:

— Держитесь, ребята! Мы еще привезем!

Мы верили, вернее, хотели верить, что там, внизу, нас слышат…»

* * *

Из воспоминаний Раисы Ароновой:

«…На Эльтиген полк летал много ночей. Десантники стали для нас близкими, дорогими людьми. Они знали, конечно, из кого состояли экипажи наших По-2. Сверху, с ночного неба, вместе с продуктами и патронами к ним частенько неслись звонкие девичьи голоса:

— Полундра! Бросаю картошку!

— Держись, ребята!

Не могу не привести несколько строк из книги В. Ф. Гладкова „Десант на Эльтиген“:

„…Громкоговорители из вражеских окопов кричали: «Вы обречены на голодную смерть… Вы в блокаде… Приходите завтракать… Никто вам не поможет…»

Нам помогли «ночные ведьмы».

Пусть не рассердятся на меня летчицы из 46-го гвардейского Таманского ордена Красного Знамени и Суворова ночного легкобомбардировочного авиаполка за то, что я вспомнил, как их прозвали фрицы… Немцев они бесили, для нас, десантников в Эльтигене, они были самыми дорогими родными сестрами. В ноябре они нас спасли от смерти. Мы стали получать с Большой земли пусть в ограниченном количестве, но все, что нужно: боеприпасы, продукты питания, медикаменты, одежду. Прекрасный пример взаимодействия и выручки в бою! А то, что рука, оказывавшая помощь, была девичья… ну, каждый фронтовик понимает, что это означало для нас…

Девушки-летчицы доставляли нам не только патроны и воблу. Иногда в белый прямоугольник колхозного двора падал с самолета мешок в адрес

полевой почты 11316.

Письма… В дни ноябрьской блокады они были для нас дороже хлеба“».

* * *

Из воспоминаний Раисы Ароновой о поездке по местам боевых действий женского полка:

«…Мы стоим сейчас на том месте, где горел костер в школьном дворе. Сюда мы бросали мешки с боеприпасами и продовольствием. Недалеко от школы — белый обелиск. На нем, кроме „Вечной славы героям…“, мы ничего не нашли. Про десант — ни слова. Не ожидали. Неужели нельзя было уместить здесь несколько конкретных слов о защитниках „Огненной земли“? На песчаном берегу загорают, купаются десятка два отдыхающих. Тут же, против обелиска, в прибрежной полосе, из воды выглядывают остовы затонувших катеров или барж. На них в штурмовую ночь приплыли с таманского берега отважные десантники и вгрызлись в немецкую оборону. Море давным-давно смыло кровь с песка, а жители захоронили убитых, и только черные остовы безмолвно свидетельствуют о драматических событиях военных лет. Но знают ли об этом вон те отдыхающие? Вот ты, юноша в красивых

плавках, лежишь на теплом золотом песке, из портативного приемника звучит веселая музыка. А ты знаешь, что двадцать лет назад твой сверстник лежал на этом же месте с гранатой в руке и на него лились не ласковые солнечные лучи, а свинцовые пули врага? Может быть, ты и не знаешь. А нужно, должен знать… Если на обелиске было бы что-нибудь написано о десанте, то ты непременно запомнил бы те слова, и в трудную минуту (кто знает, может, и случится такая) они помогли бы тебе найти в себе силы и мужество».

* * *

Задание — бомбить Багерово, железнодорожную станцию западнее Керчи. Сюда приходят немецкие эшелоны, подвозят к фронту оружие, снаряды, подкрепления.

…Некоторое время самолет летел выше облаков. Светила луна.

— Пора снижаться, — сказала мой штурман Нина Реуцкая.

Мы вышли из облаков на высоте 500 м. Маловато… Перед нами, как на ладони, лежала станция. Наш По-2 тоже был отлично виден с земли. Я знала — нам будет жарко: на высотках стоят прожекторы, зенитки. Сейчас они затаились и

молчат, выжидают… Это действует на нервы. Пора… Еще секунда… Нет, две… Что же они медлят!

В таких случаях у меня в желудке появляется ощущение холода, как будто я проглотила лягушку. Лягушка — это страх. Обыкновенный противный страх, который нужно преодолеть: все равно я пройду через все то, что меня ждет.

Включились четыре прожектора. Рявкнула первая зенитка. Вторая… Яркие вспышки окружили самолет. Я выдерживаю курс: Нина бомбит по эшелону. С сухим треском рвутся снаряды. Пахнет порохом, гарью. Бросая самолет то в сторону, то вниз, стараюсь избежать прямого попадания.

Мы уходили на север, в море. Прожекторы не отпускали нас, пока мы не оказались низко над водой. Лучи совсем легли на землю. Наконец погасли. Нина сказала:

— Наташа, посмотри на плоскости.

Я увидела две большие дыры в нижнем крыле, насквозь просвечивало верхнее, лонжерон перебит, болтались, как флаг, куски перкаля. Но самолет летел, и все страхи были позади. Вдруг ноги мои затряслись, запрыгали, стуча о пол кабины. Я прижала руками колени — не помогло. Постепенно все прошло. Теперь мы летели в чистом небе — никакой облачности. Мирно

светили звезды. Впереди на земле уже виднелись три неярких огонька. Там нас ждали. Там был наш дом.

* * *

Мы стоим вдвоем на крутом берегу и слушаем шум моря. Над нами проносятся тучи, свинцовые, почти черные. В частые просветы проглядывает на короткое время солнце, и снова набегает тень.

Ира молчалива. Она еще не вернулась из того, другого мира, в котором побывала. Десять дней отпуска. За три года. Не так уж много. Но сколько впечатлений… Вчера мы слушали ее, стараясь представить себе ту, другую жизнь: продовольственные карточки, очереди, затемнение, салюты, театры… Шумная Москва. И тихая деревня, опустошенная немцами. Деревня Тетяковка под Солнечногорском, где родилась Ира Себрова, мой летчик, с которой я полгода летала, пока была штурманом.

По узкой тропинке мы спускаемся к морю. На гребнях волн — белые барашки. Над ними — белые чайки. Они плавно кружат над волнами, неожиданно пикируя к воде. Ира задумчиво чертит прутиком на мокром песке какие-то линии,

которые сразу смываются водой.

Медленно, словно думая вслух, Ира начинает рассказывать:

— Немцы были в деревне недолго, их скоро выгнали. А мама умерла… Стояли сильные морозы. Немцы мерзли и у всех отбирали теплую одежду. А с нее силой стащили валенки… прямо на улице. Осталась она босиком на снегу. Простудилась и долго болела… Нас, детей, было у нее шестеро. И всегда мы хотели есть. Съедали все до последней крошки. Однажды она сказала: «Господи, наступит ли такое время, чтоб хоть маленький кусочек хлеба остался на столе!» Сама почти не ела, все отдавала нам. Тогда был голод после Гражданской…

Ира замолчала. Дальше я все знаю: она уехала в Москву учиться. Работала на фабрике наладчиком машин. За отличную работу ее направили в аэроклуб, где она получила сразу две специальности: техника самолета и пилота. Стала инструктором, учила молодых парней летать…

Тряхнув головой, Ира выбросила в воду сломанный прутик, вытянула руку ладонью кверху:

— Дождик, кажется…

Пошел густой быстрый дождик. Мы побежали, прыгая через лужи.

* * *

Мы с Ниной Реуцкой возвращались с боевого задания в районе Керчи, когда сзади, над целью, зажглись прожектора. Лучи, пошарив в небе, скрестились. В перекрестье светлел самолет. И сразу же прямо в самолет швырнул горсть снарядов «Эрликон», автоматическая пушка. По-2 оказался в центре огненного облака. Спустя несколько секунд он вспыхнул и ярко запылал.

Некоторое время По-2 продолжал лететь на запад: штурман еще не отбомбился по цели. Но вот на земле появились вспышки, взрывы от бомб. А самолет стал падать, разваливаясь на части.

— Они же сгорят! — воскликнула мой штурман.

Я молча согласилась. Мы видели, как, кружась в воздухе, несутся вниз пылающие куски самолета, как вспыхивают цветные ракеты в кабине штурмана. Но помочь мы ничем не могли. Наши По-2 бомбили и гибли в одиночку — такова была специфика ночных полетов…

Это был экипаж, вылетевший на цель вслед за нами. Но кто именно, мы не знали. Я старалась не думать о том, что сейчас происходит там, в горящем самолете. Мне казалось, я слышу крики…

Они кричат… Конечно же кричат! Разве можно не кричать, когда горишь заживо…

Весь обратный путь мы молчали. Когда я села, к нам подбежали: кто прилетел? На земле уже знали, что сгорел По-2. Это видели и другие экипажи. Оставалось неизвестным — кто сгорел. К каждому самолету, который садился, бежали:

— Кто прилетел?

Все возвращались в свое время, не было только одного самолета. И тогда стало ясно: сгорели летчик Панна Прокопьева и штурман полка Женя Руднева. Прокопьева делала свои первые боевые вылеты. А Женя считала своим долгом «вывозить» молодых, еще «не обстрелянных». С Женей, штурманом полка, на боевом счету которой было 645 вылетов, они чувствовали себя уверенней…

* * *

Рассказывает Калерия Рыльская:

«Вспоминается один из первых моих боевых вылетов. Апрельский вечер. На аэродроме все готово к работе. С последними лучами солнца весь полк, рассчитывая встретить темноту у переднего края, самолет за самолетом, с интервалом в три-пять минут, поднимается в воздух.

Внизу шумят воды двух морей, а по небу плы-

вут тучки, которые мы то и дело обгоняем. Моего штурмана Надю Студилину беспокоит погода над целью, в районе Керчи. Как и предполагала Надя, цель оказалась закрытой рваными клочьями облаков. Они мешают нам прицеливаться, но в то же время не дают вражеским зенитчикам обстреливать нас. Подождав „окна“, мы сбрасываем свой груз и сразу же разворачиваемся к морю, чтобы зря не болтаться над целью. В этот момент Надя увидела на земле пожар. Не думая ничего худого, мы погадали, кто и что поджег, и взяли курс на родной аэродром.

Хорошо лететь к своему дому, где тебя любят и ждут! Там, на горушке, неподалеку от аэродрома, пристроена неоновая мигалочка, чтобы ты не заблудилась в плохую погоду. Там томится твой техник, тебя ожидаючи, командир посматривает на часы, прикидывая, сколько тебе осталось до посадки.

Садимся. В конце пробега вдруг слышим:

— Кто прилетел?

— Рыльская! — враз кричим мы со штурманом, почуяв неладное.

В эту памятную ночь мы потеряли летчика Панну Прокопьеву и штурмана полка Женю Рудневу. Тот пожар, который мы наблюдали в районе

цели, был их пылающий самолет. Прокопьева — иркутянка, моя землячка. Как и я, она делала свои первые боевые вылеты. Серьезный и спокойный пилот. Ей не хватало только боевого опыта…»

* * *

…Вспомнилось отступление. Ненастный, дождливый день. Мы собрались в каком-то сарае и ждали, когда кончится дождь, чтобы идти на полеты. Женя Руднева сидела прямо на соломе, поджав под себя ноги, прислонившись к стенке сарая и слегка откинув голову.

— Когда Тристану сказали, что приплыл корабль с черными парусами, он тяжело вздохнул, в последний раз прошептал имя Изольды и умер…

У Жени был нежный и певучий голос. Она могла говорить часами негромко, неторопливо, иногда умолкая, чтобы мы могли прочувствовать то, о чем она говорила.

Шумел дождь, стучал о доски сарая. Протекала дырявая крыша. Веселые струйки воды, танцуя, падали вниз и исчезали в соломе. Тесно прижавшись друг к другу, мы сидели, полулежали на сырой соломе, в промокших комбинезонах, не замечая дождя и холода, забыв о войне и отступлении. Перед нами поблескивало море, и вдали

на волнах качался корабль…

— Женя, расскажи о Нарциссе.

— Нет, лучше сказку…

Женя знала множество сказок, мифов. Но с особенным удовольствием говорила она о звездах, о таинственной Вселенной, у которой нет ни начала, ни конца. Иногда в полете в свободную минуту она неожиданно обращалась к летчику:

— Посмотри, видишь — справа яркая звезда? Это Бетельгейзе…

И рассказывала об этой звезде, вспоминая древний миф об Орионе.

Женя не сомневалась в том, что после войны снова вернется в университет, чтобы заниматься астрономией, любимой наукой, которой решила посвятить свою жизнь. Войну она считала временным перерывом…

* * *

…Стук в дверь. Вбегает дежурный:

— Тревога! Подъем! Штормовой ветер — все на аэродром!

— Вставайте, вставайте, девочки, по тревоге вызывают… — будит нас Ларионовна, наша хозяйка.

Мы вскакиваем, зажигаем свечки, коптилки.

Суматоха. Кто-то хватает чужой комбинезон, путает сапоги. Раздается чей-то истошный крик: из рукава комбинезона выпрыгнул мышонок. Ларионовна подсмеивается:

— Вера, Вера, да ты же брюки надела задом наперед!

— А, Ларионовна, какая разница?..

…Наша эскадрилья занимала крайний домик в поселке. Хозяйка с готовностью освободила для нас все три комнатки, перейдя с семьей в тесный чулан. Жила она вместе с двумя дочерьми и двумя сыновьями. Муж ее и самый старший сын погибли на фронте. Дочери, взрослые девушки нашего возраста, до позднего вечера рыбачили в артели. Сын Андрей, двенадцатилетний мальчик, остался калекой — снарядом ему оторвало ногу выше колена. Вместе со своим младшим братишкой Витькой Андрюша всюду ходил за нами с костылем.

Ларионовна целыми днями была занята работой, все успевала, все умела. Мы постоянно чувствовали ее заботу. Она любила угощать нас свежей рыбой, стирала наши вещи, когда мы спали днем после полетов. Каждый вечер провожала нас на аэродром, а утром с тревогой в глазах встречала — все ли хорошо…

В апреле мы покидали Пересыпь. Наш путь лежал дальше — в Крым. Ларионовна тихо наблюдала за нашими сборами — все, казалось, совсем забыли о ней. Но когда стали прощаться, она встрепенулась, засуетилась, стараясь сдержать слезы… Девушки окружили ее.

— Как же мы будем без вас, Ларионовна?

— А ничего, ничего… После войны увидимся, — говорила она, а слезы медленно текли по морщинкам лица, капали на сухие натруженные руки…

Один за другим взлетали наши По-2 и, сделав круг над поселком, брали курс на запад. А у калитки крайнего домика стояла женщина в темном платке и, запрокинув голову, провожала взглядом каждый самолет…

* * *

От Керчи Отдельная Приморская армия, куда входил наш полк, быстро двигалась на запад, освобождая Крым. А с севера, со стороны Перекопа, наступал 4-й Украинский фронт.

Полк перебазировался почти ежедневно, нанося бомбовые удары по отступающим немцам. В крымской степи самолеты наши стояли на открытых площадках и не были никак замаскированы.

Кругом — ни деревца. Однажды, отдыхая днем в поселке после боевой ночи, мы проснулись, услышав стрельбу. Над поселком и нашими самолетами носились, стреляя, два «хейнкеля». Они сделали несколько заходов, подожгли три По-2, расстреляли свой боезапас и улетели. Несколько девушек-техников, работавших на аэродроме, были ранены.

Следовало ожидать вторичного налета, и командир полка Бершанская решила быстро перебросить полк в другой район. Вскоре мы уже приземлялись на аэродроме под Феодосией. А «хейнкели» действительно собирались более основательно проштурмовать аэродром. Но их на полпути встретили наши истребители.

Немцы спешно отступали к Севастополю по единственной южнобережной дороге, идущей через Ялту и другие курорты. От Феодосии нам приходилось долго лететь над морем далеко от берега и где-то под Ялтой бомбить немецкие машины, ехавшие с включенными фарами из-за боязни сорваться с обрыва.

Лететь над морем, когда не видно берега и нет никакой надежды на спасение, если откажет мотор, ужасно неприятно.

* * *

Вечером получили задание бомбить противника, отступающего по дороге к Ялте. В основном — машины на дорогах.

…Маршрут лежит от Феодосии к Ялте. Напрямик, через море. Медленно ползет мой По-2 между морем и облаками. Берег далеко. Изредка проглянет между тучами месяц. Вся поверхность воды — в пятнах, темных и светлых: там, где на воду падает тень от облаков, — темные, а где просветы — светлые.

Я лечу высоко. Время тянется долго-долго. Постепенно меня охватывает тягостное чувство одиночества. Правда, сзади сидит мой штурман. Но я чувствую, как одинок мой самолет, мой бедный ночной бомбардировщик, затерявшийся среди туч над пятнистой водой.

Море, море… В случае вынужденной посадки — деваться некуда. К тому же и парашютов нет… А если очутишься в воде… Выдали нам спасательные жилеты, надувные! Чтоб держаться на поверхности…

— Нинок, скоро ли берег? — спрашиваю штурмана.

— Понимаешь, ветер встречный. Поэтому и

тащимся целый час.

У Нины тоже настроение неважное, и она замолкает.

Вдали показалась земля. Сначала видны Крымские горы, местами покрытые снегом, — апрель. Потом — темные очертания берега. На дороге, ведущей к Ялте, много огней. Дорога узкая, с крутыми поворотами. Ночью здесь невозможно проехать машине, не зажигая фар. Непременно свалится с обрыва. И вражеские машины едут тесной колонной. Мы бомбим прямо по фарам. Неожиданно снизу бьет фонтаном пулеметная трасса… Пули летят расходящимся пучком прямо перед мотором…

Мы уходим в сторону моря, и я отчетливо слышу в ровном гуле мотора непривычный стук. Но мотор тянет, и мы летим. Не напрямик, конечно, а держимся поближе к берегу, тем самым намного удлинив обратный путь.

Я все прислушиваюсь к стуку, и временами мне кажется, что мотор вот-вот остановится. Тогда я ощущаю легкое подташнивание и начинаю усиленно разглядывать каменистую полоску берега внизу…

Вернувшись домой, мы застали на старте дежурного по полетам и, конечно, Иру Себрову. Все

летчики уже уехали отдыхать.

— Ну вот наконец и вы, — устало сказала Ира…

* * *

Вспоминает Калерия Рыльская:

«Наступая в Крыму, мы вели „цыганскую жизнь“, перелетая с одной точки на другую. Каждую ночь обрабатывали новые цели и каждый день спали на новом месте, под крылом самолета. Здесь было наше рабочее место, спальня и столовая.

Деловитый техничек заботливо зарулит самолет с таким расчетом, чтобы под плоскостью оказался бугорок, а не ямка. Бугорок сослужит хорошую службу во время дождя. Расположись на нем, и вода тебя не подмочит. Работяга-техничек завесит чехлом от кабин наветренную сторону крыла и будет хлопотать у мотора, тихонько постукивать ключами, оберегая сон своего экипажа.

В ту пору техником у мена работала Маша Щелканова. Самолет мой был не новый, мотор тоже. Но Маша очень хорошо все наладила, самолет отлично меня слушался. Зажигание она отрегулировала так, что не надо было контачить, то есть дергать за винт при запуске. Поставит,

бывало, винт на компрессию, залезет в кабину, покрутит ручку магнето, глядишь — мотор сам заработал. Золотые руки у Машеньки. И сама она — крупная, сильная девушка, и руки у нее — настоящие технарские, в ссадинах и заусенцах».

* * *

Из воспоминаний Раисы Ароновой:

«В Крыму был такой период, когда летчики-истребители, желая, очевидно, блеснуть перед девушками мастерством пилотажа, на обратном пути с задания обязательно проходили над нашим аэродромом и выделывали разные вензеля в воздухе. Они забывали, что мы в это время спали после ночных полетов. Беспрестанный рев моторов истребителей не давал нам нормально отдыхать. Стали жаловаться командиру полка, а она — в высшие инстанции. Вскоре по всей Воздушной армии объявили, что Чеботарка — запретная зона. Кто нарушит, будет строго наказан. Только после этого стало тихо.

Побывать в женском полку, познакомиться с девушками, „обменяться опытом боевой работы“ — было мечтой многих летчиков. Но поскольку мы с вечера и до утра летали на задания, а днем истребители сами работали, то возможностей

для обмена опытом что-то не находилось.

Только с „братцами-бочаровцами“ у нас с самого начала знакомства, с 1942 года, установились дружеские, хорошие отношения. Они тоже летали ночью на По-2, иногда базировались на одном с нами аэродроме и бомбили те же цели, что и мы. Нам была понятна их работа, как своя собственная, а они со знанием дела ценили и уважали наш труд.

„Братцы“ не хвастались перед нами, как некоторые истребители, воздушными боями и сбитыми самолетами противника. Они были такими же работягами, „кукурузниками“, как и мы. Думается, что правильный тон для своих подчиненных задал сам командир полка Константин Дмитриевич Бочаров».

* * *

Наша цель — действующий аэродром под Севастополем. Он работает днем и ночью, немецкие самолеты летают в Румынию и обратно, спешат эвакуировать из Крыма все, что можно.

К цели подходим на высоте две тысячи метров. В первом полете нас держали прожекторы. Нина насчитала больше двадцати. Мы это учли. Снижаемся, убрав газ. На аэродроме включены

посадочные огни, рулят самолеты. Сейчас мы их накроем!.. Только бы нас не обнаружили раньше времени.

— Целься получше, Нина! Такое бывает не часто.

Внизу — посадочное «Т» из электролампочек, такое ровненькое, аккуратненькое. Видимо, там ожидают самолет из Румынии. Продолжаем неслышно планировать. Я забываю обо всем на свете, единственное мое желание — разбомбить немецкий самолет. Нина вертится в кабине, потом затихает. Грохот на земле: взрыв с пламенем… И сразу — ослепительный свет: включились прожекторы. Шарят по небу, ловят наш По-2 где-то гораздо выше. И там же разрывы зенитных снарядов. А мы — низко…

Стрелка высотомера приближается к тремстам метрам — мы слишком увлеклись, забыв о высоте. Земля совсем близко… Больше снижаться нельзя, и я даю полный газ: вот теперь и нам достанется!

Но внезапно, к нашему удивлению, наступила темнота. Погасли прожекторы, молчат зенитки. Только на земле пылает самолет. Совершенно свободно мы уходим в сторону моря.

Что же случилось? Оставалось только гадать:

то ли немцы приняли наш самолет за свой, когда услышали шум мотора так низко, то ли в самом деле прилетел самолет из Румынии и они боялись сбить его. В любом случае нам здорово повезло.

* * *

Курортный город Саки, к северу от Севастополя. Мы сидели на аэродроме в полной боевой готовности. Правда, никто не думал, что в эту ночь придется летать. Погода была явно нелетная, и другие полки в дивизии не работали.

Но вот вернулась Дина Никулина, летавшая на разведку погоды, и доложила командиру полка:

— Товарищ командир, погода неважная, сплошная облачность, высота нижней кромки триста пятьдесят — четыреста метров. Вертикальная видимость есть. Летать можно.

— Можно? — переспросила Бершанская.

— Вполне. Ориентиры просматриваются.

Командир эскадрильи Дина Никулина не признавала трудностей. Год назад на Кубани она сумела дотянуть до линии фонта и посадить подбитый самолет у обочины дороги. Из пробитого бака хлестал бензин, заливая глубокую рану в ноге, штурман Леля Радчикова, тяжело раненная, без сознания…

И вот теперь она доложила, что летать можно. Предстояло бомбить немецкие огневые позиции на подступах к Севастополю. Мы понимали: в условиях, когда наш полк перешел в состав 4-го Украинского фронта, вошел в новую для нас дивизию, — в этих условиях нельзя было не летать. Даже если по наставлению не положено. К нам, женщинам-летчицам, снова присматривались, часто с недоверием.

Встречаясь с нами, летчики мужских полков хвастались тем, что сражались под Сталинградом: «Мы, сталинградцы…», «Когда мы бомбили фашистов в городе…», «Высота? Да мы — бреющим…».

Однако после этой боевой ночи, когда летал только женский полк, летчики-мужчины попритихли. И говорили другое: «Конечно, у вас же какой опыт! Вам приходилось летать и в горах, и в туманы, и над морем…»

* * *

Война в Крыму шла к концу. Мы летали бомбить Херсонес, откуда остатки немецких войск спешно удирали в Румынию.

9 мая 1944 года освобожден от врага Севастополь. Тот, кто был в воздухе в ту ночь, мог

любоваться сверху удивительным зрелищем: салют в честь освобождения Севастополя. Весь город, как огромная клумба, вдруг сразу расцвел огнями, красными, белыми, зелеными, желтыми. И над этим разноцветным ковром — сотни огненных трасс, устремленных в небо. Стреляли из всех видов оружия, стреляло все, что могло стрелять…

После окончания войны в Крыму мы совершили большой перелет в Белоруссию через всю Украину. Здесь, в Белоруссии, летом 1944 года должно было начаться мощное наступление советских войск.

Первыми, кто нас встретил на новом месте, были тучи комаров, которые носились над лесом. К ним трудно было привыкнуть. Они не только кусали нас и пили нашу кровушку, но и заставили многих переболеть противной болезнью, малярией.

Нам предстояло летать в новых для себя условиях: над лесной равнинной местностью с однообразным ландшафтом. Леса, леса и множество мелких речушек и озер. Только изредка — большая река или город. Мы приступили к изучению карт района Могилев — Орша на Днепре.

* * *

Просторное село раскинулось на правом, высоком берегу Днепра. Хатки-мазанки, стройные тополя, далеко виден серебристый Днепр. В этом селе у нас остановка — полк перелетает в Белоруссию.

В хате, где мы с Ирой остановились, очень чисто и очень тихо. Только ходики тикают на стене. Над столом висят фотографии: лихой парень с усами, рядом — тот же парень и гладко причесанная девушка. Хозяйка? Это, наверное, она. Чуть пониже — та же девушка, только лицо покруглей да брови над веселыми глазами поразмашистей. В уголках полных губ — еле заметная улыбка. Дочка?

Хозяйка неслышно ходит по дому, печально смотрит из-под платка, низко надвинутого на лоб. На худом лице — большие испуганные глаза. Скупо рассказывает о себе. Мужа убили на войне, восемнадцатилетнюю дочку немцы угнали в Германию. Молча она достает из комода несколько почтовых открыток: дочка Надя пишет, что с утра до ночи батрачит на ферме под Лейпцигом, что сердце разрывается от тоски по дому, по родному краю. Каждая открытка начинается словами: «Мамо моя ріднесенька!..»

Я невольно поднимаю глаза на фотографию, только теперь мне кажется, что улыбки на губах у девушки уже нет и она вот-вот заплачет. Женщина прячет открытки в комод, бережно завернув их в белый платочек. Некоторое время мы молчим, не знаем, как утешить бедную женщину. Почему-то нам неловко, словно и мы виноваты в том, что немцы угнали Надю. Ира говорит каким-то чужим голосом:

— Еще немного потерпите. Скоро войне конец. Все будет хорошо.

Я смотрю в окно: по тропинке идет девушка в белом платочке с ведрами на коромысле. А Надя — под Лейпцигом…

Женщина, соглашаясь, кивает, но глаз не поднимает. Задумчиво гладит пальцем синий василек, вышитый на скатерти, тяжело вздыхает.

* * *

Перелет из Крыма в Белоруссию был сопряжен с трудностями, из которых главная — постоянная нехватка горючего для наших По-2.

Мы делали остановки на аэродромах крупных городов — Миллерово, Днепропетровск, Харьков, Орел… И везде были проблемы с бензином. Приходилось быть изобретательными. Иногда

по несколько дней мы задерживались на чужом аэродроме, спали в своих самолетах, питались кое-как.

В Днепропетровске, например, мы ждали бензин пять дней. Пользуясь вольготной жизнью, ходили в город, где можно было посмотреть кино, сходить в цирк, даже в оперетту… А тем временем командир полка решила послать в следующий пункт нашего пути, в Харьков, передовую команду, чтобы там подготовить наш прилет. Для этого часть самолетов была заправлена бензином, который слили из баков остающихся По-2. Передовая команда во главе с заместителем командира полка Амосовой улетела. А вскоре и бензин прибыл.

Оставшиеся самолеты были заправлены и уже приготовились к взлету, когда оказалось, что нет на месте двух девушек: летчика и ее штурмана. Майор Бершанская посылает самолет в Днепропетровск на поиски пропавших. Полчаса пикировал над городом По-2, облетал все улицы, рынки, но нигде девушек не нашел. Больше откладывать вылет целого полка не было возможности, и, оставив для пропавших самолет и техника, все экипажи поднялись в воздух. Как рассказывала техник лейтенант Зина Радина,

«проходит полчаса — появляются девушки, запыхавшиеся, обе в поту и… с перманентом на голове! Они сидели в парикмахерской, когда в окно увидели По-2, поняли, в чем дело, и, сорвавшись с места, бросились на аэродром, не закончив модной прически…»

* * *

Рассказывает Калерия Рыльская:

«…Вспоминая свой полк того времени, я вижу всегда одну и ту же картину. Обширное поле и над ним белорусское небо. Грустный и тихий закат. Все наши самолеты уже вырулили на старт, стоят рядком. Они вычищены, заправлены бензином и маслом. Все дырочки залатаны, под плоскостями подвешены бомбы, девичьи пальчики уже ввернули в бомбы взрыватели и законтрили ветрянки проволочными усами. Посадочные огни — три лампочки — зажжены, но еще светло, и они неярко желтеют на зеленой траве. Моторы выключены. Еще нет задачи на сегодняшнюю ночь. Катя Олейник улетела за ней к „большому хозяину“, а мы в ожидании сидим дружной кучкой и сумерничаем. Штурманы вытащили из планшетов большие склеенные листы двухкилометровок, сплошь испещренных

красным и синим карандашом.

Опустились тихие сумерки. И мы сидим не шелохнувшись, боясь нарушить мирную тишину вечера.

Но чуткий слух уже ловит знакомый звук мотора, в пустынном небе появляется черный крестик, и Катенькин самолет тихонько, по-домашнему, садится поблизости, не нарушая очарования тихого вечера. Минуты прошли — и поле опустело. Все самолеты улетели на запад...»

* * *

Нам редко приходилось летать с настоящих аэродромов. А в Белоруссии особенно. Благодаря малой скорости самолету По-2 не требовалось особых условий для боевой работы. Достаточно было, чтобы летная площадка имела нормальную длину для разбега самолета с бомбами.

Нам часто приходилось летать с песчаных лесных полян, длины которых не хватало для разбега. Выходили из положения следующим образом.

Летчик сидит в кабине, бомбы подвешены. Предстоит взлет с песчаной площадки. На песке колеса буксуют. Успеет ли самолет набрать скорость, чтобы оторваться от земли до темной стены

леса впереди? У летчика замирает сердце…

Техники и вооруженцы, поставив под колеса колодки, окружают самолет и крепко удерживают его, пока летчик увеличивает обороты мотора до максимальных. По-2 дрожит, но стоит на месте. Девушки по сигналу выдергивают колодки из-под колес, и все сразу разбегаются. Самолет бежит по песку вперед, с бомбами… Все останавливаются и, застыв на месте, ждут…

Машина еле успевает оторваться и набрать достаточную высоту, чтобы не врезаться в лес. Девушки облегченно вздыхают и медленно направляются держать следующий По-2…

Конечно, процедура рискованная. Но мы уже привыкли рисковать…

* * *

…Я лечу как во сне. Еще перед полетом почувствовала недомогание. Мне очень жарко, болит голова, дрожат от слабости руки. В воздухе только и думаю: скорее бы долететь…

Меня клонит в сон, я иногда опускаю голову, засыпая, но, спохватившись, заставляю себя бодрствовать. Смотрю по сторонам, но вижу только голубое вверху и зеленое внизу, все остальное — как в тумане. Внизу лес, лес, и нет ему конца.

Наша новая площадка тоже в лесу, где-то на большой поляне. Сначала я ее не вижу, потом различаю: летают по кругу самолеты, похожие издали на мух. Вхожу в круг, сажусь. Все делаю автоматически, ничего не соображая. Вылезаю из кабины и тут же падаю в траву: ноги отказываются идти. В траве лежу и стучу зубами. Мне холодно, хотя стоит жара. Просто у меня озноб.

Достали термометр. Оказалось — сорок градусов. Сразу поставили диагноз: малярия. Это уже не первый случай в полку.

В небольшом домике, где устроили больницу, нас пятеро, у всех — малярия. Врач кормит нас акрихином. Мы желтеем. Вечером немецкие самолеты бомбят железнодорожную станцию. А может быть — аэродром? Нет, все-таки станцию. Это совсем рядом, метров триста от нас. Одна за другой рвутся бомбы, то ближе, то дальше.

Меня трясет лихорадка, и мне абсолютно все равно, убьют меня или нет. Остальные чувствуют себя получше, и им это уже не так безразлично. Они лежат, прислушиваясь к взрывам. Определяют, в каком месте рвутся бомбы. И как ложится серия — в нашем направлении или нет.

Вспышки света за окном. Грохот взрывов. Взрывы очень близко. Дрожит наш домик, вот-вот

развалится. Стекол в окнах давно уже нет. С потолка падают куски штукатурки. Кажется, что бомбы рвутся везде. А как там на аэродроме? Все ли благополучно? Сегодня — полеты… Все лежат тихо-тихо…

* * *

Вспоминает мастер по вооружению гвардии сержант Ирина Дмитриева:

«Передовые части Советской армии, разбив могилевскую группировку, ушли далеко вперед, а тыловые части добивали оставшиеся в окружении группы противника. Наш полк не задерживался на одном месте, перелетая все дальше на запад. Наземный эшелон на грузовых машинах делал ежедневно по 100–150 км. По дорогам непрерывной вереницей, поднимая клубы пыли, ехали машины, шли пешие, двигаясь к Минску, догоняя передовые части. Навстречу большими колоннами шли пленные немцы. В грязно-зеленых куртках, смирные, покорные. В ответ на шутки наших бойцов заискивающе улыбались, торопливо повторяли „Гитлер капут“, „Гитлер капут“… По обочинам дороги лежали еще не убранные трупы…

Но вот и Новосады, небольшая деревушка на

берегу Немана. Вокруг, покуда видит глаз, леса, леса… Здесь нас ждут. Началась жизнь, полная тревог. В первый же день приходили сдаваться немцы — деваться им было некуда. К вечеру их было уже больше двадцати. От них мы узнали, что за рекой собралась крупная группировка, которая решила, применив оружие, прорваться к своим.

Мы приготовились к отпору. От самолетов никуда не отходили. Ночью по очереди дежурили, охраняя наши По-2. В темноте прислушивались к любому звуку, любому шороху. Вдруг среди ночи послышался отчаянный визг поросенка. Это голодные немцы охотились, добывая себе провиант. И снова тишина. Но вот — три выстрела: тревога! Все вскочили, подготовив оружие. Но тревога оказалась ложной: это теленок, тяжело дыша, прогуливался по садику и упорно не отвечал на окрики часового.

Утром пятнадцать бойцов из батальона обслуживания, взяв автоматы и гранаты, пошли на разведку. Вскоре мы услышали перестрелку. Вернулся связной и сообщил, что есть раненые, немцев много. Пришло распоряжение снарядить несколько самолетов и пробомбить лес…»

* * *

Из воспоминаний Раисы Ароновой:

«…В лесу, за Неманом, как предупредили нас жители, было много немецких частей, потрепанных в боях под Минском. Вечером появились первые „ласточки“: несколько немецких солдат пришли сдаваться в плен. Они принесли нехорошую весть — ночью вооруженные гитлеровцы собирались напасть на наше село: их гнал голод. В ту тревожную ночь никто не сомкнул глаз… Утром несколько храбрецов из БАО сунулись было в лес, но вскоре им пришлось отступить, а несколько наших По-2 пробомбили кишащий немцами лес. И тогда, нацепив на палки белые тряпочки, немцы стали поспешно выходить и сдаваться…

Возникло серьезное затруднение: пленных некому было охранять. Ведь немцев привалило сотни две. Обратились за помощью к местному населению. Мальчишки-подростки с удовольствием стали нести службу охраны с автоматами в руках. Но это была чистая формальность, пленные не думали никуда бежать. Наевшись каши (наш повар сварил им огромный котел), они мирно сидели в тени сарая на краю села…

Мне запомнился один пленный. Он был тяжело ранен. Привалившись к стене сарая, пленный сидел неподвижно и угасающим взглядом смотрел куда-то вдаль. Было ясно, что жизнь его кончена. В душе у меня шевельнулась жалость. Я не могла ее заглушить даже мыслью о том, что, может быть, именно этот немец стрелял в меня час назад, когда мы кружили над лесом…

…В тот же день к вечеру привезли бомбы для ночной работы, и девушки-вооруженцы стали разгружать машину. Пленные сидели неподалеку. И вот один из них встал — высокий такой, крепкий, младший чин какой-то, подошел к нашей девушке и, легонько отстранив ее, начал сам сгружать бомбы. Девчонки сначала удивились, а потом махнули рукой: пусть поработает, зря, что ли, кашей его кормили. Почти всю машину один разгрузил…»

* * *

Утром я просыпаюсь рано. Вчера мы не летали: перебазировались и нам не успели подвезти бомбы. Так что удалось поспать ночью… Просыпаюсь от солнца, которое светит мне прямо в лицо. Я чувствую его тепло на щеке, вижу розоватый свет сквозь сомкнутые ресницы. Бегают по розовому

полю светлые искорки, кружатся, сталкиваются.

В утренней тишине — негромкое щебетанье птиц, чей-то далекий разговор и еще какие-то едва уловимые шорохи, которые сразу исчезнут, стоит только открыть глаза. Может быть, это слышно, как растет трава, или жук ползет по стеблю, или бабочка машет крыльями…

Тихий писк заставляет меня взглянуть на мир божий. В гнезде под крышей хаты попискивают птенчики. Их четверо. Они широко разевают рты, ожидая пищи.

Мы лежим в спальных мешках прямо под самолетами, которые мирно стоят у самых хат вдоль деревенской улицы. Над лесом висит солнце, хвост моего самолета уткнулся в низенький заборчик, за которым пылают какие-то цветы на высоких стеблях…

К птенцам прилетела ласточка. Это кто-то из родителей. Наверное, ласточка-мать. Птенчики беспокойно запрыгали в гнезде, вытягивая головки с раскрытыми клювами. Ласточка сунула букашку одному из них и быстро улетела. Птенцы ждут, высовываются, копошатся в гнезде, задрав хвостик, тут же выстреливают наружу из гнезда светло-коричневые капельки. Каждые полминуты к ним прилетают по очереди отец

и мать. Быстро засовывают в раскрытый клюв прожорливого детеныша какую-нибудь гусеницу или жучка и снова улетают на поиски пищи. Я наблюдаю эту картину и думаю: как же ласточка помнит, кого она накормила, а кто из птенцов еще голодный?

Где-то далеко громыхнуло орудие. Еще раз… И я вспоминаю, что идет война…

* * *

Таня Макарова. Высокая, слегка сутуловатая, с узкими плечами и нежным овалом лица, она напоминала цветок на длинном стебле. Казалось, ее слабым рукам не справиться с самолетом. Но мы знали ее как отличного летчика, смелого, со своим летным почерком.

С детских лет Таня была влюблена в небо. Еще подростком, длинноногой девчонкой бегала смотреть воздушные парады в Тушине. А в семнадцать лет уже умела управлять самолетом. Каждое утро, когда все еще спали, тоненькая девушка в синем комбинезоне спешила к первому трамваю. В аэроклуб. На полеты. Потом она стала летчиком-инструктором.

Таня всегда стеснялась того, что была слишком женственной, никак не похожей на летчика,

поэтому старалась напустить на себя бесшабашно-веселый вид, любила шутить, балагурить… Ее штурман Вера Белик, уроженка Керчи, серьезная, вдумчивая, до войны была студенткой педагогического института. Обе подружились сразу, как только их назначили в один экипаж. Со временем они стали самым дружным и слетанным экипажем.

Летая на Кавказе, мы отгоняли самолеты, выработавшие свой ресурс, в город Хачмас, возле Баку, где находились полевые авиаремонтные мастерские (ПАРМ). Там не только меняли мотор, но и блестяще отделывали весь самолет «под мрамор». Однажды оттуда прилетел представитель Александр Хоменко на аккуратненькой машине По-2. Это был подарок нашему полку. Передавая нам красавец По-2, он сказал:

— Мы собрали этот самолет из разрозненных частей и отделали своими руками. Летает он отлично. Пусть его возьмет ваш лучший экипаж.

И «комсомолку», как сразу назвали машину, отдали Тане и Вере. Разрисованный «под мрамор» самолет сиял, как новенькая игрушка. На этом самолете они бомбили немцев на Кубани и в Крыму, в Белоруссии и Польше. Им выпала честь первыми бросить бомбы на Восточную Пруссию.

* * *

В деревне была всего одна улица, широкая, удобная для полетов. За деревней — речка, а дальше лес, где держалась немецкая «группировка». Немцы, оставшиеся в нашем тылу после стремительного наступления советских войск в Белоруссии, образовали такие «группировки», или «котлы», упорно не желавшие сдаваться. Наша задача — подавить одну такую «группировку», заставить немцев сложить оружие…

…Таня Макарова и Вера Белик слушали последние указания командира полка. Они должны были лететь первыми.

— Бомбить лучше серией, с одного захода, — говорила Бершанская, всматриваясь в их лица. — Учтите: сейчас не ночь, светло.

Всего полчаса назад над лесом был обстрелян связной самолет. Раненый летчик дотянул до нашей площадки.

— Все будет в порядке, командир, — улыбнулась Таня.

Лучший боевой экипаж. Бершанская проводила их глазами и закурила. Набрав метров четыреста, Таня взяла курс на лес. Мелкие вспышки окружили самолет. Застрочил зенитный пулемет. От

самолета отделились бомбы, и серия взрывов взметнулась над лесом. Вдруг По-2 резко свалился на крыло, понесся к земле… Конец был близок. Еще секунда — и машина врежется в лес…

Но нет, самолет не сбит! Выровняв По-2 над самым лесом, Таня ушла в сторону, чуть не задевая верхушки деревьев. Второму экипажу не пришлось лететь: немцы выбросили белый флаг.

А потом был август 1944-го. Мы жили в польском имении, которое прозвали «Тик-так». Кто-то пустил слух, что в подвале тикает мина. И нас выселили из шикарного белого дома с колоннами. Мы стали жить в парке под кленами. А дом стоял себе и не взрывался…

Однажды Таня и Вера не вернулись с задания. От наземных войск сообщили, что на передовой нашли остатки самолета и два обгоревших трупа. Уже несколько дней вражеские истребители охотились за нашими По-2.

Похоронили девушек под кленами в имении «Тик-так», недалеко от польского города Остроленка.

* * *

Вырвавшись из зоны обстрела, Катя Олейник взяла курс на свой аэродром. Остроленка и река

Нарев с переправой, по которой бомбила штурман Оля Яковлева, остались позади. Самолет приближался к линии фронта, когда обе увидели недалеко впереди две трассирующие пулеметные очереди в воздухе.

— Немецкий истребитель, — сказала Оля. — Кто-то из наших ему попался…

— Следи за ним.

Обе внимательно осматривали бледноватое предрассветное небо. Сверху опять побежала трасса, и вдруг что-то вспыхнуло, опустилось на землю, не переставая гореть.

— Сбил… — коротко ахнула Катя.

Они уже летели над своей территорией, когда вражеский истребитель промчался над их головами, чтобы развернуться за хвостом и зайти сзади. Катя разгадала его намерение и резко спикировала с разворотом, чтобы потерять высоту. Но истребитель успел пустить пулеметную очередь и ранил обеих. Катю в правую руку, Олю в бедро. Катя продолжала снижаться, она знала: только на низкой высоте можно уйти от него, истребитель ночью не станет снижаться до бреющего.

Кое-как девушки долетели до аэродрома. Превозмогая боль, Катя управляла самолетом, рули плохо слушались, стабилизатор был силь-

но поврежден. Приземлилась Катя далеко от посадочных знаков, просто плюхнулась с работающим мотором.

На земле они узнали: не вернулись Таня Макарова и Вера Белик. Это горел их самолет, сбитый истребителем.

* * *

...Девушки переговаривались, обменивались впечатлениями от полетов. Некоторые дремали. Самолет, на котором улетели Катя Олейник и Оля Яковлева, задерживался.

Нина Худякова, круглолицая румяная летчица, сегодня говорила много и громче всех. После трудных полетов она была возбуждена.

— Жигули, это ты во втором полете бомбила вслед за мной?

— Угу, я.

Жека на мгновение приоткрыла глаза и снова закрыла. Она сидела, удобно поджав колени и опершись о чью-то спину.

— Ну, спасибо тебе. Прямо по пулемету ударила! Я уже думала, не выберусь живая!..

— Угу, — опять сказала Жека, продолжая дремать.

— Прожекторы сразу переключились на тебя, а

я тут же улизнула.

Жека поежилась, сунула руки поглубже в рукава комбинезона и сидела так, свернувшись шариком, не открывая глаз. Будто хотела сказать: «Да, мой самолет схватили. Ну и что? А сейчас не мешайте спать…»

Из вагончика высунула голову начштаба:

— Не видно еще?

Она с тревогой в глазах прислушалась, глядя на светлое небо. Перевела взгляд на сидящих, на спящую Жеку:

— Уже минут на двадцать задерживаются… Может, начнете разруливать по стоянкам?

— Нет-нет, подождем еще, — уверенно сказала Худякова. — Прилетят!

Но Катя Олейник и Оля Яковлева все не возвращались. Мы прозвали их Стара и Мала. Потому что Катя, девушка с мягким украинским юмором, обращалась к подругам не иначе как: «А ну, стара, скажи…» или «Как думаешь, стара…». Штурмана же своего Оленьку называла «Мала». Плотная, большеглазая Катя была немногим старше Оленьки, маленькой изящной девушки с милой застенчивой улыбкой.

Уже солнце алым огнем пробивалось сквозь тучи на горизонте, когда послышалось стреко-

тание По-2. Вернулись Катя и Оля, обе раненые. Самолет подрулил к старту, и все увидели, что он весь изрешечен. Несмотря на то что было перебито управление, Катя сумела привести свой По-2 домой буквально «на честном слове»…

* * *

Во время наступления в Белоруссии мы впервые увидели близко пленных немцев. Колонны и группы пленных, идущих под конвоем на сборный пункт, стали обычной картиной летом сорок четвертого. Часто немцы сдавались сами. Даже к нам в полк приходили сдаваться. Прямо на аэродром. Но случалось и по-другому.

…За деревней, где мы жили, был густой высокий лес. Обнаружив в траве крупную землянику, мы рассыпались между деревьями, собирая ягоды. Близко слышна была перестрелка — где-то рядом немцы держали оборону. Сначала мы ходили с опаской. Потом осмелели, перестали обращать внимание на стрельбу. Но когда стали палить совсем рядом, решили возвратиться. Никто не заметил, что с нами не оказалось Ани Елениной.

Вскоре в деревню пришел сержант.

— Где тут командир? — спросил он зычным голосом.

Близко находилась начштаба Ирина Ракобольская:

— В чем деле?

— Вот, понимаете, товарищ капитан, поймали в лесу какого-то человека… В нашей форме. Говорит, женщина…

Ракобольская улыбнулась уголком рта и продолжала слушать.

— Говорит, что из летного полка. И что женщина… — повторил сержант. — А вроде нет…

— Так как же все-таки — женщина или нет? — засмеялась начштаба.

Он замялся, покашлял в кулак и, поколебавшись, сказал:

— Вот вы похожи, а тот — ну никак! И карта у него… у нее… с пометками.

Он замолчал, поведя глазами то вправо, то влево. Девушки, проходившие мимо, все как одна были в брюках и гимнастерках. *С* короткой стрижкой, в пилотках многие были похожи на парней.

— Ну, так что же вы хотите? — спросила Ракобольская.

— Разобраться бы надо… Может, и вправду — женщина…

— Пойдемте, — весело сверкнула глазами на-

чштаба.

Спустя некоторое время она вернулась со своим заместителем Аней Елениной, освободив ее из «плена». Смеясь, Аня рассказывала, что ее приняли за шпиона. Высокая, худощавая, она была похожа на юношу. Энергичное лицо, короткая стрижка и в довершение всего — планшет с картой, который сразу вызвал подозрение.

* * *

Техник лейтенант Галя Пилипенко вспоминает:

«…Особенно запомнился Красный Бор. Отработав ночь, самолеты улетели на новое место. Часть людей осталась. В связи с быстрым наступлением за нами никак не могла приехать автомашина. Из оставшихся техников и вооруженцев образовалась „Блуждающая красноборская дивизия“, как шутили девчата, которая до новой точки добралась своим ходом.

Перебазируясь в направлении Могилева, мы оказались на передовой: окруженные фрицы решили перерезать шоссейную дорогу. Мы остановились в деревне Ясновке. Утро. Лес. Слышна близкая стрельба. Умывшись в реке, собрались завтракать. По телефону нам передали быть

готовыми к отпору: в нашем направлении прорываются немцы. Повар из БАО в панике опрокинул весь завтрак на землю, пришлось подтянуть ремни и ждать вечера.

В такой горячий час, как на грех, разбили мою машину. Полк улетел, а я с шестью работниками ПАРМа (ремонтные мастерские) осталась ее восстанавливать. Ребята прозвали меня „техник-повар“, так как мне приходилось и работать, и варить обед. На третий день работы на дороге показалась колонна немцев с белой тряпкой на палке. Они были вооружены, а у нас всего одна винтовка на всех. Решили принять сдающихся. Это тоже выпало мне, старшей по званию.

Из предосторожности остановили группу метров за сто. Позвали одного, оказалось — переводчик. Приняли в плен недобитый штаб генерала Фалькнерса во главе с самим генералом. Я приказала им сложить оружие на земле. Немцы аккуратно положили все, что у них было из оружия. Я заметила, как генерал посмотрел на меня: лицо его перекосилось, а в глазах было выражение гнева и унижения. Пленных отвели на пункт сбора».

* * *

На волейбольной площадке шумно и весело.

— Жигули! Давай гаси! — кричат болельщики.

Женя Жигуленко — главная фигура на площадке. Высокая, сильная, она легко гасит мячи через сетку, будто гвозди вбивает.

Волейбол — наше очередное увлечение. Мы долго увлекались шахматами. На турнирах, которые мы устраивали, неизменно побеждала летчица Клава Серебрякова. Со временем увлечение шахматами прошло. Нет, мы продолжали играть, но это уже не было болезнью. Играли тихо, турниров не устраивали.

Новое увлечение охватило всех поголовно. Вышивание. Мы где-то доставали цветные нитки, делились ими, обменивались. Нитки присылали нам из дома в конвертах родные, знакомые. В ход пошли портянки, разные лоскутки. Рвали на куски рубашки — ничего не жалко! Вышивали лихорадочно, с нетерпением ждали, когда выдастся свободная минутка.

Некоторые умудрялись вышивать на аэродроме, под крылом самолета, в кабине. Даже в столовой после полетов можно было слышать:

— Оля, ты уже кончила петуха?

— Понимаешь, осталось вышить два пера в хвосте: синее и оранжевое. А ниток не хватает.

Оля вытаскивала из кармана комбинезона кусок материи и аккуратно его раскладывала:

— Вот смотри, если вместо синих взять зеленые…

И обе самым серьезным образом обсуждали петушиный хвост.

И вдруг все прошло. Перестали вышивать. Стали играть в волейбол. Всю осень, пока полк базировался в польском имении Рынек, шли ожесточенные бои. Мы недосыпали днем, вставали раньше времени и бежали на волейбольную площадку, чтобы успеть сразиться перед тем, как идти на полеты. Уставали до чертиков, но остановиться не могли…

— Валь, ты когда-нибудь прыгала с парашютом?

— Нет. А чего это ты вдруг?

— Не вдруг, а нам выдают парашюты. Будем их с собой в полет брать. Сиденья уже опустили.

— Вот еще не хватало! Таскаться с ними. И так после полетов еле ноги волочишь.

— Ну, это уже решено. И потом — почему ты против? Согласись, что многие девушки остались бы живы, если бы нам дали парашюты раньше…

— Вообще-то, конечно. Но может быть, мы сами виноваты, не просили.

— Да, наверное… Ну вот — тренировочные прыжки сегодня. После обеда.

— Так сразу?

— Ну да.

— Вот здорово! А я никогда-никогда не пробовала.

Парашюты нам выдали только за девять месяцев до конца войны, а более двух лет мы летали без них.

Конечно, они в какой-то степени обременяли нас. В долгие зимние ночи, когда темнеет в пятом часу, а рассветает только в девять, полетаешь двенадцать-четырнадцать часов подряд, а утром, забросив ногу за борт, приподнимешься и вываливаешься как мешок из кабины. А тут еще парашют с собой тащить…

И все же парашюты брали с собой не зря.

* * *

Вспоминает Руфина Гашева:

«Это было в Польше, за рекой Нарев. К тому времени мы с Лелей Санфировой сделали уже около восьмисот вылетов. На этот раз мы получили задание разбомбить немецкий штаб в одном из

населенных пунктов.

…Подлетаем к цели. Отлично видно белое здание, сверху похожее на букву „Г“, где находится штаб.

— Давай заходи. Курс триста десять. Буду бомбить, — говорю я.

Леля ложится на заданный курс, и самолет идет по идеальной прямой. Прицеливаюсь. Самолет вздрогнул, освободившись от груза. Хорошо видно — бомбы попали в цель. И тут же — беспорядочный огонь с земли, но мы уходим бесшумно, со снижением. Я все оглядываюсь. Но что это Леля вдруг забеспокоилась?

— Руфа, ты посмотри, что у нас с мотором делается…

Вижу — пламя лижет капот двигателя и судорожно тянется к фюзеляжу. Отвалился патрубок. Вот-вот огонь охватит всю машину. Неотрывно смотрю на ярко-желтое с красными язычками пламя. Идем на малом газу, высота все теряется. Как же медленно тянется время! Чуть не на бреющем прошли линию фронта.

— Руфа, снимай парашют, прыгать уже невозможно. Как только сяду, сразу выскакивай — и подальше от самолета.

Быстро отстегиваю парашют.

— Сняла? А теперь ты поведи, я сниму.

Летим низко, продолжаем до боли в глазах смотреть на пламя. Показался наш аэродром. Даю красную ракету и заходим на посадку с прямой. Леля идет докладывать:

— Товарищ командир, задание выполнено. Бомбы легли в цель. Самолет неисправен. Разрешите лететь на вашем самолете?

— Хорошо, берите мой, — сказала Бершанская.

— Спасибо!

Леля ни словом не обмолвилась о том, что пришлось пережить за эти страшные сорок минут».

После этого случая прошло совсем немного времени, когда немцы снова подожгли их самолет. В ту ночь, 13 декабря, летчики полка бомбили станцию Насельск, севернее Варшавы…

* * *

Вспоминает Руфина Гашева:

«Мы с Лелей Санфировой, уже сделав два вылета, летели в третий. Это был мой 813-й вылет… Леля взяла курс домой, когда я вдруг увидела, что загорелось правое крыло. Несколько секунд летели молча. Огонь быстро расползался в стороны, приближаясь к кабине. Леля тянула время: хотела подлететь ближе к линии фронта. Но вот

больше медлить нельзя, и я слышу ее голос: „Руфа, быстрей вылезай, прыгай!..“

Обеими ногами я встала на крыло, и меня сдуло струей воздуха. Падая, дернула за кольцо. Парашют почему-то не раскрылся, я камнем понеслась в черную пропасть. Ужас охватил меня. Собрав последние силы, я еще раз рванула трос. Меня сильно тряхнуло, и надо мной раскрылся белый купол. Приземлилась благополучно. Я высвободилась из парашюта и, отбежав в сторону, поползла. На земле стоял сильный грохот, — казалось, стреляли сразу со всех сторон…

Мысль о Леле не покидала меня. Что с ней? Может быть, она ушиблась, сломала ногу и лежит одна, беспомощная? А может быть, ее схватили немцы?.. Вдруг рука моя наткнулась на что-то холодное, металлическое: „Мина!“ Что же делать? Здесь минное поле… Нужно ползти, ничего другого не придумаешь. Я снова двинулась в путь, шаря перед собой рукой, а потом и палкой, как будто это могло спасти от внезапного взрыва. Вдруг передо мной возникла стена из колючей проволоки… Долго возилась, исцарапала руки и лицо, порвала комбинезон. Наконец мне удалось преодолеть ее… Почти сразу услышала русскую речь. Свои! Я встала и громко крикнула:

„Послушайте!“ В ответ закричали: „Давай сюда, родная!“

В траншее меня окружили бойцы, дали горячего чая, кто-то снял с себя сапоги и предложил мне — мои унты были потеряны. Потом меня повели на КП… Я отвечала на вопросы, а сама все думала: „Почему они ничего не говорят о Леле?“ Словно угадав мои мысли, кто-то произнес: „А подружке вашей не повезло — подорвалась на минах“. Когда смысл этих слов дошел до моего сознания, внутри меня как будто что-то оборвалось… „Она тоже шла через минное поле. Но там были мины противопехотные. А вы наткнулись на противотанковые, потому и прошли“…

Я ни о чем больше не могла думать. Меня куда-то повезли на машине, привезли в землянку. Передо мной оказался генерал, о чем-то расспрашивал. Я что-то односложно отвечала ему, ничего не понимая… Генерал протянул мне стакан: „Пей!“ Это был спирт. Я отказалась. Тогда он решительно приказал: „Пей, тебе говорят!..“ Я выпила его, как воду, но ничего не почувствовала. Пришла медсестра, дала мне снотворное, но я не уснула…

Наступило утро. Лелю нашли, принесли. Я вышла из землянки посмотреть на нее. Казалось,

она спит, склонив голову на плечо… Ничто не шевельнулось во мне, как будто это была не она… Потом приехали девушки из полка. Меня обнимали, утешали… Когда подъехали к дому, где мы жили, я сразу встрепенулась, заспешила и, выпрыгнув из машины, босиком побежала в свою комнату. Мне казалось, что Леля там, настоящая, живая…

Лелю решили похоронить в Гродно. Узнав, что ее увозят, я ночью пошла с ней попрощаться. Подошла к гробу… И дальше ничего не помню, очнулась опять у себя в комнате.

После всего происшедшего я как-то перестала ощущать жизнь. Ни на что не реагировала, не могла ни есть, ни спать. Меня отправили в санаторий. Все дни я проводила у камина, глядя на огонь, не говоря ни слова…

Вернувшись в полк, я первое время очень боялась — вдруг мне страшно будет летать? Ведь бывает так… Но все обошлось, и я снова летала, как и прежде. Только летчик у меня был другой — Надя Попова. Летала она блестяще, а я иногда ошибалась и называла ее Лелей».

* * *

Из письма Руфине Гашевой пехотного разведчика В. П. Силкина:

«Уважаемая Руфина Сергеевна!

…Я тоже участник Отечественной войны, но не летчик, а обыкновенный пехотный разведчик. У меня в памяти остался эпизод, когда ночью над передним краем летел горящий самолет и из него выпрыгнули на парашютах два человека. Они приземлились между немецкой и нашей обороной. Вскоре раздался взрыв и крик женщины: „Помогите!“ Мы бросились на зов. Но весь тот участок был заминирован, и, прежде чем успели подползти к летчице, раздался второй сильный взрыв. Мне на лицо падает воротник от комбинезона и часть тела летчицы. Самолет горит, сильно освещая местность. Немцы беспрерывно стреляют, но нам все-таки удалось вынести летчицу. Тут же бросились за второй. Другая оказалась счастливее, она приземлилась на противотанковых минах.

Кто были те летчицы, мы не знали. Да и живую не удалось как следует рассмотреть, тогда было не до этого.

И вот теперь, прочитав очерк, я решил, что

это именно тот случай. Если мне не изменяет память, это было в Польше, недалеко от населенных пунктов Буда, Обремб и Пашковица. Был небольшой мороз…

…Помню я, Руфина Сергеевна, того солдата, который дал Вам свои сапоги. Вы ведь были тогда босые, унты-то еще в воздухе свалились с ног. Его фамилия Мороз. Но он погиб спустя полтора месяца после того случая с Вами…

…Руфина Сергеевна, о Вашем героизме, о героизме советских летчиц, я теперь всем своим товарищам по работе рассказываю. Они молодые и не видели, не пережили того, что испытали мы в войну. Им это нужно знать…»

* * *

Нам дали необычную задачу: освещать ночью местность, где будут наступать наземные войска. Им предстояло расширить уже имеющийся небольшой плацдарм в районе реки Нарев для будущих наступательных действий.

Точно в назначенный час первые самолеты уже были в районе плацдарма. Бросать светящиеся авиабомбы так, чтобы они загорались на определенной высоте, не сложно. Мы и раньше часто освещали цель с помощью САБов, которые,

загоревшись, медленно опускались и долго висели над целью, позволяя летчику видеть на земле детали, трудноразличимые при обычном ночном освещении.

На этот раз все было не так просто. Бершанская предупредила нас:

— Будьте внимательны, в районе Нарева сплошная облачность. Соблюдайте все правила слепого полета.

И действительно, низкая облачность большой толщины потребовала от летчика максимум внимания и напряжения. До Нарева мы летели ниже облаков, а потом лезли вверх в холодную сырую мглу, чтобы набрать необходимую высоту и сбросить наши «фонари». В облаках приходится лететь по-настоящему вслепую, когда не видишь даже конца крыла и не знаешь, где верх, а где низ. Ориентируешься исключительно по приборам. Причем летчик изо всех сил старается верить прибору и не верить собственным ощущениям: по прибору ты летишь прямо, без отклонений, а тебе кажется, что самолет разворачивается. И невольно хочется исправить крен…

Наши «фонари» зажигались точно под облаками и медленно опускались, освещая землю, которую мы не видели. А утром мы узнали, что

операция по расширению плацдарма прошла успешно.

* * *

Вспоминает Калерия Рыльская:

«…Задача в эту ночь была — подавить огневые точки в районе города Нойенбург, к которому подходили наши наземные части. Мы склонились над картами, изучая район. Линия боевого соприкосновения близко подходила к городу с севера и юга, а с востока нас отделяла широкая Висла. За этим водным рубежом располагался передний край обороны противника, который нам предстояло „обработать“.

Ночь была темная. Облачность ниже 400 метров. Шел снег. Тяжело нагруженные машины с трудом отрывались от деревянного помоста и шли на цель. Город горел. На десятки километров было видно отраженное в облаках зарево. С высоты триста-четыреста метров этот чужой город на прибрежном холме вставал явственно со всеми деталями: тонким шпилем костела, темными коробками домов и прямыми улицами. Висла была мертва. Над городом висели мы, как беспощадные жалящие осы. Справа, слева и впереди строчили голубыми трассами крупнокалиберные

пулеметы, на земле рвались бомбы. Это работали наши подруги.

К исходу ночи на южной окраине Нойенбурга взвились белые ракеты — наши передовые части подошли вплотную к городу. Мы уходили домой, встречая розовый рассвет.

Днем Нойенбург был взят».

* * *

Вспоминает одна из прибывших в полк вооруженцев Катя Глазкова:

«Нам предстояло работать с запасного аэродрома. Быстро собрались, разбились на тройки. Начали подвеску бомб. Здесь я впервые узнала, что значит работать ночью. Работа происходила исключительно организованно, бомбы подвешивались быстро. Чувствовалась сработанность коллектива. Девушки как будто и не спешили, но все спорилось в их руках.

Я очень удивилась, когда так же быстро подвешивались и „сотки“…

Я старалась не отставать от своих новых подруг, присматривалась к каждому их движению, прислушивалась к их советам. Когда бомба почему-либо долго не подвешивалась, мне казалось, что в этом виновата я, что это я неумело взяла

бомбу и торможу работу нашей тройки. Иногда получалось и так, что я теряла свою тройку, так как хорошо еще девушек не знала. Они в этой ночной темноте, в своих рабочих куртках и шапках, подвижные и веселые, были очень похожи друг на друга. Быстро переходили от одного самолета к другому. К концу ночи я стала привыкать и к девушкам, и к своей новой работе.

Хотя бомб подвешивали очень много, я в эту ночь не чувствовала усталости. Настроение было приподнятое: ведь сегодня я впервые сама участвую в боевой жизни прославленного полка.

Уже близок рассвет, но наши боевые экипажи не обращают на это внимания — они спешат, стараются сделать как можно больше вылетов. „Бомбы! Вооруженцы!“ — слышим мы голоса с разных сторон. Работаем еще быстрее, и самолеты один за другим уходят в предрассветную мглу.

Стало совсем светло. Работа закончена. Слышу команду: „Весь личный состав — на КП!“ Собрались все — летчики, штурманы, механики, вооруженцы. За отличную боевую работу всем объявляется благодарность. Сделано 324 боевых вылета. Чувство гордости охватило меня: ведь эти девушки ночами, день за днем, месяц за месяцем работают так, как этого требует Родина. Мне

было радостно сознавать, что и я теперь участник этого замечательного коллектива...»

* * *

Последняя военная зима прочно вступила в свои права, земля покрылась снегом, и наши По-2 сменили колеса на лыжи.

В декабре 1944 года и январе 1945-го мы работали по целям севернее и северо-западнее Варшавы: Насельск, Новы-Двур, Гура, Плоньск, Плоцк, Грауденц, переправы через Вислу... Стояли мы тогда в пункте Далеке, летали «по максимуму». Ночи зимой были долгие, в воздухе приходилось быть по 10–11 часов. В одну из ночей, 21 декабря, полк сделал 324 боевых вылета. На каждый экипаж приходилось по 11–17 вылетов. Летали с двух аэродромов: основной — Далеке и «подскок» — Говорово.

В Далеке мы встретили Новый год — 1945-й. Этот год, мы не сомневались, принесет Победу. Осталось только последний раз собраться с силами и рвануть на запад...

Мы готовились к большому наступлению, решающему удару по фашистам — изучали по картам районы от Вислы до Одера и дальше. Наш 2-й Белорусский фронт держал направление на

запад севернее Берлина, правым его флангом было побережье Балтийского моря.

В первых числах февраля 1945 года мы уже приблизились к границам Восточной Пруссии. Полк стоял в 10 км от Млавы. Следующий пункт, куда мы должны были перебазироваться, находился на исконно немецкой земле — Шарлоттенвердер. Туда была отправлена наша передовая команда, но она вынуждена была вернуться, встретив по пути большую группу немцев, прорывавшихся к своим войскам. Когда все утихло, мы перелетели на новое место.

* * *

Шарлоттенвердер. Всюду беспорядок. Дома покинуты, двери настежь, внутри все разбито, перевернуто: вчера здесь похозяйничала пехота, которая прошла вперед.

Это было время, когда советские войска, перейдя границу Восточной Пруссии, ступили на немецкую землю. Нас призывали: «Отомстим немцам за убийства и истязания советских людей». Особенно старался Илья Эренбург, статьи которого публиковала «Правда». В войсках прошли митинги, призывавшие к мести. И у нас в полку был митинг…

Вскоре, однако, где-то наверху поняли, как вредна эта пропаганда, разжигающая низменные чувства людей. Но остановить все это оказалось нелегко… Шифровками из Воздушной армии нас предупредили о том, что запрещается ходить в одиночку и без оружия. Опасались нападений.

Шарлоттенвердер был интересен тем, что здесь находилась фашистская школа связисток-разведчиц. Мы, конечно, осмотрели помещение школы. Внутри — пусто, только низкие деревянные кровати с матрацами и вдоль стен книжные шкафы. Советская политическая литература: Ленин, Сталин, история Коммунистической партии…

Из любопытства мы зашли в только что брошенное имение. Большой зал, длинный стол, накрытый тяжелой скатертью. Здесь, может быть вчера, пировали немцы: закуски на блюдах, бутылки с винами, в бокалах недопитое вино. На стенах картины, всюду ковры… Видно, немцы неожиданно бросили все это и бежали в леса. Откуда-то издалека доносилось истошное мычание недоеных коров, похожее на предсмертный вой…

* * *

Погода нам явно не благоприятствует. Валит густой снег. Временами он прекращается, из-за туч выскальзывает тонкий месяц. Меня назначили разведчиком погоды. Я должна определить, можно ли пройти к цели. Если можно, то дойти до нее и выполнить задание: сбросить ящики с боеприпасами нашим частям, вырвавшимся вперед.

— Если через полчаса не вернетесь, буду считать, что к цели пробиться можно. Начну выпускать остальных, — сказала Бершанская.

И вот мы с Ниной Реуцкой летим. Она вертится в кабине, что-то проверяя, прилаживая. Ящики с патронами, установленные возле кабин на каждом крыле, связаны системой веревок, концы которых находятся у штурмана. Система ненадежная… Снова пошел снег. Летим вслепую — видимости никакой. Мелькает мысль: не повернуть ли назад? Но я знаю: снег — это временно, облачность не сплошная. Значит, можно пробиться.

Внезапно ровный гул мотора прерывается. Короткие хлопки… перебои… Сердце екнуло: неужели садиться… Самолет планирует, теряя высоту. Мотор фыркает и — умолкает… Снова ко-

роткое фырканье… Ну, миленький, давай, давай! Не подведи! Постепенно он «забирает»…

Вышли из полосы снега и за речкой увидели на земле треугольник из костров. Снизившись, пролетаю над кострами. Внизу нам машут руками, шапками, я в ответ мигаю огнями.

— Приготовься, Нинок, буду заходить.

Спустившись еще ниже, захожу чуть правее костров. Нина дергает за веревки — никакого результата: ящики преспокойно лежат на крыльях. Еще раз захожу — то же самое. Что же делать?

— Сделай круг побольше, — просит Нина.

На этот раз она вылезла из кабины на крыло и по одному сталкивает ящики сначала с правого крыла, потом, перебравшись на другую сторону, с левого. Ящики тяжелые, и сталкивать приходится свободной рукой и ногами. Я осторожно веду самолет, делая развороты «блинчиком», чувствуя каждое движение Нины… Наконец все восемь ящиков на земле. Огни закрывает пеленой — пошел снег…

* * *

Из воспоминаний Раисы Ароновой:

«…Восточная Пруссия. Богатые поместья. Мы обосновались в местечке, где еще недавно жили

отставные прусские генералы… Заместитель командира полка майор Амосова шла с кем-то из наших техников, присматривая подходящее помещение для техсостава.

Заглянула в один дом: просторная комната, очевидно столовая. Первое, что бросилось в глаза, — большой портрет генерала на стене. Посреди комнаты — стол. А за столом… Амосова вздрогнула: за столом, спиной к ней, сидел, склонившись, сам генерал в полной парадной форме!

— Руки вверх! — Она схватилась за пистолет.

Генерал шевельнулся, медленно поднял голову и тяжело встал со стула. Рук не поднимал. Амосова держала палец на спуске. Почему не поднимает? Наверное, в руках оружие… Стрелять?..

— Руки вверх! — повторила Амосова.

— Товарищ майор, це ж я, Петро, чи вы меня не признали? — заговорил „генерал“, поворачивая к ней испуганное лицо.

От неожиданности Амосова чуть не нажала спуск. Это был один из работников БАО.

— Что за маскарад? — сердито спросила она, дрожащими руками засовывая пистолет в кобуру. Чуть ведь не убила своего человека!

„Свой человек“ объяснил сконфуженно:

— Заглянул в хату. Дывлюсь — висит на стуле

вот эта одежка. Ай, думаю, бедный генерал так тикал, что не успел пиджачок надеть. Потом подумал: дай-ка примерю, может, и мне к лицу будет генеральская форма… Тесновата трошки, видите… Присел к столу, попробовал наливочки и задремал…»

* * *

Зоя Парфенова получила задание срочно днем перебросить боеприпасы группе наших артиллеристов, которые оказались отрезанными от основных сил в районе Пултуска, севернее Варшавы.

— Полетите без штурмана — задняя кабина загружена до отказа, — сказала командир эскадрильи Маша Смирнова. — Будьте осторожны, сначала разведайте, где там немцы, а где наши.

— А какая там площадка? По-2 может приземлиться?

— Передали, что площадка ровная.

Зоя быстро влезла в теплый комбинезон, убрала под шлем свои редкой красоты золотые косы, с которыми так и не рассталась вопреки приказу еще в Энгельсе, и, проверив крепление ящиков со снарядами на самолете, села в кабину.

Погода не обещала ничего хорошего: в воздухе

туманная дымка, редкий снежок, ухудшающий видимость. Зоя летела на малой высоте, когда возле леса заметила артиллерийские позиции. Подвернула поближе, чтобы определить, свои ли это, и тут же почувствовала толчок и боль в левой ноге, разлившуюся по всему телу… Значит — немцы, подумала и впереди, совсем недалеко, за леском, увидела людей, махавших ей руками и выкладывающих на снегу посадочное «Т» из чего-то темного. Ветки?.. Нет, чехлы… Она быстро села у самого «Т», но выбраться из кабины не смогла.

— Ну, летчик, молодец! А-а… так это девушка… — удивился подбежавший капитан.

— Привезла вам подарки! Выгружайте! — сказала Зоя и добавила: — За леском — немцы, совсем близко… Меня слегка подстрелили…

Пока артиллеристы разгружали самолет, она, не вылезая из кабины, расстегнула комбинезон и как можно туже забинтовала ногу поверх брюк выше колена.

— Спасибо, дорогая! — сказал капитан. — Да как же ты с ногой-то?

— Долечу! Хорошо, что попали в ногу, а не в мотор…

* * *

После боевой ночи мы идем в столовую завтракать и по дороге узнаем, что в газетах — Указ от 23 февраля 1945 года о присвоении звания Героя Советского Союза девяти летчикам и штурманам нашего полка.

Пока у нас в полку было пять Героев: Дуся Носаль, Женя Руднева (обеим это звание присвоено посмертно), Маша Смирнова, Дина Никулина и Дуся Пасько. Теперь — еще девять.

...Большой зал местного театра в городе Тухоля, куда мы недавно перелетели. Здесь у нас торжество. Для вручения наград приехал командующий Вторым Белорусским фронтом маршал Рокоссовский. Когда он, высокий, худощавый, вошел в зал, Бершанская громко и четко отрапортовала ему. Маршал, немного растерявшись, тихо поздоровался с нами и, услышав общий громовой ответ, смутился, — видно, он представлял себе иначе «девичий» полк, о котором ему рассказывали. Затем он произнес небольшую речь и начал вручать «Золотые Звезды» и ордена.

Высокую награду получили Ира Себрова, Женя Жигуленко, Надя Попова, Руфа Гашева, Катя Рябова и Наташа Меклин. Трем девушкам это звание

было присвоено посмертно: Оле Санфировой, Тане Макаровой и Вере Белик.

Посмертно… Сколько могильных холмов осталось на нашем пути! На Кубани, в Белоруссии, в Польше… Многие девушки погибли, сгорели вместе с самолетом. И когда мы почтили их память вставанием, каждая подумала, что высокое звание Героя принадлежит и тем, кто не вернулся.

После войны звания Героя Советского Союза были удостоены еще девять летчиков и штурманов: Рая Аронова, Марина Чечнева, Нина Худякова, Полина Гельман, Нина Ульяненко, Лариса Розанова, Нина Распопова, Магуба Сыртланова и Зоя Парфенова.

Два штурмана получили звание «Герой России» уже в 1995 году: Саша Акимова и Таня Сумарокова.

* * *

В польском городе Слупе нас застала распутица. Февраль, но снега почти нет. Днем на нашем аэродроме непролазная грязь, и только к середине ночи немного подмораживает. Задача — бомбить крепость Грауденц, что на Висле. Крепость упорно держится. Летать с раскисшего аэродрома невозможно. А надо! И мы летаем. Нам соору-

дили деревянную площадку из обыкновенных досок. С нее самолеты вылетают, на нее садятся. Правда, иногда приходится летать с боковым ветром — деревянную полосу не повернешь в нужном направлении. Но не это самое сложное. А вот подрулить к старту со стоянки — проблема. Колеса увязают в густой грязи по самую ось. Даже на полном газу самолет нельзя сдвинуть с места. Единственный выход — подкладывать под колеса доски…

— Р-раз — взяли! Еще — раз!

Самолет медленно, по-черепашьи, двигается вперед. Мотор работает на полной мощности. Техники тянут самолет, поднимая его на собственных спинах, утопая в черном месиве грязи. Девушки забрызганы грязью, лица красные, еле дышат.

Когда самолет уже установлен на краю деревянной площадки, вооруженцы на руках подносят «сотки». Подвесить стокилограммовую бомбу нелегко: две-три девушки на корточках, на коленях, поднимают «сотку», подводят ее к замку и подвешивают под крыло, закрепляя винтами. Бывают ночи, когда каждая из них поднимает в общей сложности больше двух тонн бомб.

До утра мы бомбим крепость. А утром, поша-

тываясь от усталости, плетемся с аэродрома. На шоссе нас ждет машина. Трудно, ох как трудно поднять ногу, чтобы влезть в нее…

* * *

Рассказывает Калерия Рыльская:

«Однажды полк получил задание бомбить дороги, по которым из Данцига отступал противник. Было облачно и туманно. Широкая Висла, вдоль которой пролегал наш маршрут, служила нам ориентиром. Да и сам город был виден издалека как тлеющий уголек. Дым над городом смешивался с низко нависшими тучами. Мы с Надей Студилиной летели, прижимаясь к нижней кромке облаков, как вдруг нас обстреляли. Вспыхнули и захлопали вокруг разрывы зенитных снарядов. Не раздумывая, мы нырнули в сырое холодное облако.

Несколько секунд слепого полета — и над нами раскрылось высокое небо во всей своей первозданной чистоте. Освещенные полной луной, внизу тихо колебались призрачные облака. Ах, как неуместны здесь наш самолет и бомбы, которые несет он под крыльями! Как надсадно гудит мотор, везя тяжелый смертоносный груз…

А над целью — столпотворение вавилонское.

Девочки густо развесили САБы, и они заливают все вокруг своим мертвенным светом. На дороге горит машина, образовался затор, по которому мы бомбим. Освободившись от груза, наш самолет радостно, как живой, встряхнулся.

Мы были уже над своей территорией, когда вдруг стал сдавать мотор. Никакие „домашние“ средства не помогали, и мы, планируя на барахлящем моторе, со стесненным сердцем глядели на землю. Неожиданно мотор заработал без перебоев, наша машина полезла вверх, и перед самым носом мы увидели толстые, обросшие инеем провода электропередачи. Еле-еле перевалили через них.

Молча летели мы над темным лесом. Я старалась набрать побольше высоты…»

* * *

Мы бомбили порт Гдыню. Ночью полеты были прерваны: вдруг пошел снег. Сначала слабый — многие успели долететь до своего аэродрома. Потом повалил густой-густой. Четыре самолета не вернулись…

Снег идет уже много часов. Крупные хлопья падают на землю… Давно рассвело, а в небе все еще темно. Как будто рассвет только начинается.

Если запрокинуть голову и смотреть вверх, то кажется, что ничего больше не существует на свете, только хлопья снега, несущиеся вниз. И — тишина. Та особенная зимняя тишина, какая бывает, когда неслышно падает снег. Когда нестерпимо хочется услышать, как он шумит…

Я жду, чтобы снег прекратился. Нужно лететь на поиски экипажей, которые ночью не вернулись. Жду терпеливо, погруженная в тишину. А он все падает, падает. Оседает на крыльях самолета, на брезентовых чехлах, которыми закрыты мотор и кабины. И нет ему конца. Как будто небо опрокинуло на землю весь свой снежный запас.

Иногда я подхожу к самолету и раздраженно смахиваю крагами слой снега с крыла. Но темная гладкая поверхность его сразу же светлеет, покрываясь сначала легким пушком прикоснувшихся первых снежинок, затем становится опять белой. Новый слой снега нарастает на крыле. Он такой нежный, пушистый, этот белый снег. Но я смотрю на него с ненавистью.

Раздражение быстро проходит, если постоять, глядя вверх на снежинки. Кружась в несложном танце, они несутся вниз легко и весело. Я смотрю на них, и тревожные мысли проходят на время.

Иры Себровой нет. И Клавы Серебряковой тоже.

А прошло уже много времени. Где они?

Я мягко ступаю унтами по свежему снегу. Десять шагов в одну сторону, десять в другую. Иногда останавливаюсь, чтобы посмотреть вверх. И снова хожу. Где они? Может быть, сели в поле… А может быть… Нет, лучше смотреть на снег, запрокинув голову. Постепенно небо светлеет, — кажется, снег перестает…

Утром, когда снег наконец прекратился, несколько самолетов вылетели на поиски пропавших. Но сколько ни искали, внимательно просматривая землю в наиболее вероятных районах посадки, никого не нашли. А пропавшие самолеты сами вернулись. Все, кроме одного: летчик Клава Серебрякова и штурман Тоня Павлова потерпели аварию.

Девушек нашли местные жители под обломками самолета: при вынужденной посадке самолет задел за провода электропередачи. Сильно пострадала Клава — у нее было несколько переломов обеих ног. У Тони была сломана рука, и она скоро вернулась в полк. А Клава и после войны еще долго лечилась в московском госпитале. Кости срастались неправильно, их ломали и опять составляли…

О своем полете она вспоминала так: «На

рассвете, когда горючее подходило к концу, попробовала посадить самолет. Видимость была очень плохая. Правда, на малой высоте темный лес все-таки просматривался. Несколько раз заходила на посадку вслепую. Каждый раз перед самолетом вырастало препятствие: столбы, деревья, постройки… На пятый раз, когда горючее кончилось, — заснеженные провода… Я долго лежала без сознания…»

* * *

Вспоминает штурман эскадрильи Татьяна Сумарокова:

«Летчик Клава Серебрякова и штурман Тоня Павлова летели к цели, прорываясь сквозь облачность и лучи прожекторов…

Утром 9 марта 1945 года на земле долго ждали их возвращения, но их все не было.

…На кровати у Клавы одиноко лежала мандолина. Хозяйка бережно возила ее с собой всю войну. Девушки с удовольствием слушали в свободные минуты Клавины импровизации. Она даже пыталась наигрывать отрывки из классических произведений. А если что-то не получалось, она упрямо твердила: «Все равно буду играть Чайковского!»

С таким же упрямством она играла в шахматы. «Наш Ботвинник опять гоняется за королевой», — шутили девушки. Шутили и понимали, что в полку нет шахматистки, равной Серебряковой.

И небрежно брошенная мандолина, и недоигранная шахматная партия Клавы как будто дожидались ее. Никто из подруг не решался сложить Клавину постель, никто не прикасался к ее вещам.

Клаву Серебрякову, начавшую боевую деятельность с Кавказа, успели полюбить все. Всегда веселая, она заражала своим смехом всех окружающих. Ее любили на земле, ее ценили в воздухе. С первых же боевых вылетов о ней стали говорить как о смелом, решительном летчике. У Клавы было уже 550 боевых вылетов…

Наконец из штаба армии сообщили, что обеих девушек живыми нашли на восточном берегу Вислы под обломками самолета…»

* * *

Вспоминает Раиса Аронова:

«В ночь с 4 на 5 мая полку было приказано бомбить скопление войск противника в районе Свинемюнде, на берегу Балтийского моря. Погода была неустойчивая, видимость плохая — „муть“,

как говорили летчицы. До цели было добрых восемьдесят километров.

Пролетев несколько минут, я услышала подозрительный шум в моторе. Вскоре подбавился еще и скрежет.

— Что с мотором? — спросила мой штурман Полина Гельман.

— Я уже давно прислушиваюсь. Что-то случилось.

А до цели еще далеко… Куда деваться, если сейчас откажет мотор? Под крыльями бомбы. Ночь. Садиться с бомбами ночью вне аэродрома — почти самоубийство. Сбросить бомбы на территорию, занятую нашими войсками, — преступление. Решили возвратиться.

Разворачиваюсь, беру обратный курс. Мотор гремит, свистит, шипит… За эти долгие минуты, когда мы летели на тарахтящем, как разбитая телега, моторе, у нас прибавилось, наверное, седых волос. При подходе к аэродрому в моторе вдруг что-то хрустнуло, и он сразу умолк. Наступила тревожная тишина. Дотянем ли? Высота катастрофически падает: самолет тяжелый, с бомбами. Я включила огни АНО, штурман дала красную ракету: приближается опасность! Прямо с ходу идем на посадку… Только бы не плюхнуться

перед аэродромом, где ямы и кустарники. Мобилизую все свое умение, „щупаю“ землю глазами и колесами… Наконец еле ощутимый толчок, и машина покатилась по посадочной полосе.

Как только самолет остановился, мы выскочили из кабин и подбежали к мотору. От пяти цилиндров осталось только три, из двух отверстий торчали поршни. Это был наш последний полет. А уже 8 мая мы узнали, что война окончена…»

* * *

За последнюю неделю наш Второй Белорусский фронт под командованием маршала Рокоссовского продвинулся на сотни километров. Он наступал так стремительно, что немцы были застигнуты врасплох, уверенные в том, что река Одер — надежная преграда для советских войск.

Наш аэродром — зеленое поле на окраине городка Брунн, севернее Берлина. Но летаем мы с «подскока» — площадки, которая расположена значительно ближе к фронту.

Близится конец войны — противник всюду капитулирует. Летать почти некуда. Осталась только группировка в районе порта Свинемюнде, откуда немецкие войска спешно удирают паро-

ходами через Балтийское море. Мы бомбим порт.

Ночи туманные, большая влажность, ведь море рядом. Свинемюнде — к северо-востоку от нашей точки. Так что в самом конце войны на наших компасах стоит не западный, а почти восточный курс.

…Взят Берлин. Это значит — конец войне. В это трудно поверить. Так долго, бесконечно долго она тянется.

На новом месте мы, как обычно, должны знакомиться с районом боевых действий. Задание — полет по треугольнику днем. И конечно, каждая старается отклониться от маршрута в сторону Берлина. Какой он, Берлин, столица поверженной Германии, «логово фашистского зверя», как его называют в газетах?

И вот нам открывается огромный серый полуразрушенный город. Он весь дымится, кое-где догорают пожары. Небо почти сплошь затянуто дымом, и солнце светит слабым желтоватым светом, как при солнечном затмении. В воздухе пахнет гарью.

Рейхстаг, Бранденбургские ворота… Еще раз — большой круг, и, выбравшись из дыма, летим домой, где ярко светит майское солнце…

* * *

Пришла Победа. В этот день мы надели платья. Правда, форменные, с погонами. И туфли. Не сапоги, а туфли, сшитые по заказу. Их привезли на машине. Полный кузов — выбирай! Настоящие туфли, коричневые, на среднем каблучке… Конечно, не ахти какие, но все же туфли. Ведь войне конец!

Победа! Это слово звучало непривычно. Оно волновало, радовало и в то же время, как ни странно, немного тревожило…

Мир… Он нес с собой большое, хорошее. Мир — это было то, ради чего мы пошли на фронт, за что погибли наши подруги, это была новая жизнь, которую мы еще так мало знали. Пожалуй, большинство из нас основную часть своей сознательной, по-настоящему сознательной жизни провели на войне. Где будет теперь наше место?

Четыре года… Мы ушли в армию, когда нам было девятнадцать, даже восемнадцать. За эти годы мы повзрослели. Но, в сущности, настоящая жизнь, с ее повседневными заботами и тревогами, для нас еще не начиналась. Никто из нас толком не знал, что его ждет впереди. Одни мечтали учиться, вернуться в институты, к пре-

рванной учебе. Другие хотели летать…

С наступлением мира всех потянуло домой. Сразу. Захотелось остро, до боли в сердце, туда, где нас ждали, где все — такое знакомое, близкое, свое, где Родина…

Люди по-разному представляют себе Родину. Одни — как дом, в котором они родились, или двор, улицу, где прошло детство. Другие — как березку над рекой в родном крае. Или морской берег с шуршащей галькой и откос скалы, откуда так удобно прыгать в воду.

А я вот ничего конкретного себе не представляю. Для меня Родина — это щемящее чувство, когда хочется плакать от тоски и счастья, молиться и радоваться.

* * *

Альт-Резе под Нойбранденбургом. Курортное место. Большое голубое озеро, лодочная станция, стадион, кругом сосновые леса… Война кончилась, и нам наконец дали отдых. Первый настоящий отдых с октября 1941 года. Главное наше увлечение здесь — волейбол. Соревнуются между собой эскадрильи…

Тем временем близился Парад Победы, в котором должна принимать участие и фронтовая

авиация. Наш полк будет представлен одной эскадрильей из летчиков — Героев Советского Союза. Строй девяти По-2 — три звена — пролетит над Красной площадью.

Мы прилетели в Москву и приземлились на подмосковном аэродроме в Подлипках. Здесь, ожидая парада, каждый день тренировались, летая строем. Свободного времени у нас оставалось много, и мы уезжали на электричке в Москву, чтобы сходить в театр. Все буквально «заболели» Большим театром, куда ходили на каждый спектакль. В то время на сцене Большого блистала Галина Уланова, а Майя Плисецкая только начинала свою карьеру.

В день, когда был назначен Парад Победы, погода вдруг испортилась, и авиация, вместо того чтобы красиво пролететь над Красной площадью, осталась на своих аэродромах. Над Москвой сгустились темные тучи, загремел гром, пошел дождь, и парад состоялся без небесного представления. А ведь был тщательно составлен сложный план, где учитывались различная скорость всех видов самолетов, время прибытия на контрольный пункт и пр.

Но мы не очень огорчились, а пошли вечером на «Жизель», смотреть в который раз Уланову…

Вот что писал в своих воспоминаниях военный летчик из полка «Нормандия-Неман» Франсуа де Жоффр:

«…Русские летчицы, или „ночные колдуньи“, как их называют немцы, вылетают на задания каждый вечер и постоянно напоминают о себе. Подполковник Бершанская, тридцатилетняя женщина, командует полком этих прелестных „колдуний“, которые летают на легких ночных бомбардировщиках, предназначенных для действий ночью. В Севастополе, Минске, Варшаве, Гданьске — повсюду, где бы они ни появлялись, их отвага вызывала восхищение всех летчиков-мужчин».

* * *

После войны судьбы наших девушек сложились по-разному.

Осталась в авиации Марина Чечнева. Вера Тихомирова водила большие пассажирские лайнеры. Рая Юшина работала в геологической разведке, участвовала в открытии месторождения цветных металлов. Когда ее самолет разбился в Саянских горах, Рая, получив серьезную травму и обливаясь кровью из раненой головы, спасала ценное оборудование, вытаскивая его из сколь-

зящего по склону горы самолета… В авиации остались Магуба Сыртланова, Мария Тепикина, Катя Олейник, Лера Рыльская, Людмила Горбачева.

Окончили Военный институт иностранных языков Руфа Гашева, Полина Гельман, Раиса Аронова, Наталия Меклин, Ольга Яковлева, Ольга Голубева.

В Союз журналистов приняты Раиса Аронова и Татьяна Сумарокова, в Союз писателей — Наталия Кравцова (Меклин).

Стали кандидатами наук Катя Рябова, Полина Гельман, Саша Акимова, Саша Попова, Марина Чечнева, Мария Рунт…

Три однополчанки защитили докторские диссертации: Ирина Ракобольская, Ирина Дрягина, Александра Хорошилова. Известный физик Ирина Вячеславовна Ракобольская продолжает преподавать в Московском университете на кафедре космических лучей.

Евгения Жигуленко окончила Институт кинематографии и сняла фильм, посвященный женскому полку, — «В небе ночные ведьмы».

Имя Героя Советского Союза Евгении Рудневой присвоено открытой советскими астрономами малой планете.

Можно написать еще не одну книгу о судьбах наших девушек после войны…

А когда-то я писала:

Не скоро кончится война,
Не скоро смолкнет гром зениток.
Над переправой тишина
И небо тучами закрыто.

Зовет мотор – лети скорей,
Спеши, врезаясь в темень ночи.
Огонь немецких батарей
Размерен и предельно точен.

Еще минута – и тогда
Взорвется тьма слепящим светом.
Но может быть, спустя года,
Во сне увижу я все это.

Войну и ночь, и свой полет,
Внизу пожаров свет кровавый,
И одинокий самолет
Среди огня над переправой…

На горящем самолете

Они бежали по полю минут десять. Быстроногие загорелые девчонки в белых и цветных платочках. Наконец почти у самой дороги остановились, запыхавшись. Перед ними на земле догорали обломки самолета. Трава вокруг была выжжена; ветер относил дым в сторону, но все равно в воздухе стоял сильный запах гари.

На траве, почти целое, лежало перевернутое крыло с черным крестом. Видимо, оно отлетело еще до того, как произошел взрыв. Из-под острой кромки крыла виднелись сломанные стебли синих колокольчиков.

Сгрудившись у самой границы, где кончалась высокая зеленая трава, и дальше начинался коричневый выжженный участок, девушки молча стояли и смотрели на обуглившиеся остатки самолета. Было тихо. Ярко светило солнце. Где-то вблизи как ни в чем не бывало стрекотали кузнечики.

— Что ему тут нужно было… — сказала Руфа, ни к кому не обращаясь.

— Наверное, разведчик, — отозвалась Катя. — Здесь же рядом железная дорога, а там — склады.

Группа распалась. Осмелев, девушки подошли ближе. Кто-то потрогал лежавшее отдельно крыло:

— Металлическое…

— А я еще никогда не прикасалась к самолету, — сказала Руфа. — Даже близко не видела. Только в небе…

Оказалось, никто не видел, даже москвички. Да и эта груда обломков — уже не была самолетом.

Немецкий разведчик был сбит зенитками. Загоревшись, он круто пошел вниз, оставляя за собой дымный след, и, врезавшись в землю, взорвался. Теперь он догорал здесь, в поле под Рязанью, далеко от линии фронта.

Всего два дня назад девушки, убирая сено, наблюдали воздушный бой. Вдоль железной дороги летел фашистский самолет. Внезапно со стороны солнца появился одинокий истребитель и атаковал врага. Бой был коротким. Немецкий самолет, отстреливаясь, продолжал лететь своим прежним курсом вглубь нашей территории, а истребитель, изо всех сил пытаясь преследовать его, стрелял и стрелял, выпуская длинные пулеметные очереди. Однако расстояние между самолетами увеличивалось все больше и больше: истребителю не хватало скорости… Потом он

совсем отстал.

С волнением следила Руфа за боем. Ей так хотелось, чтобы наш истребитель победил. Но немец ушел. Целый и невредимый. Он даже не свернул с курса… Это было обидно, до слез обидно видеть.

А теперь Руфа смотрела, как догорает сбитый зенитками фашистский разведчик, но почему-то не было ни радости, ни удовлетворения, а только тревога… Если немцы стали летать уже сюда, под Рязань, то, значит, дела у них идут неплохо…

Августовская ночь была теплой и звездной. Спали под открытым небом, прямо на сене.

Как обычно, улеглись они рядом: Руфа, Катя и Надя. Все три девушки учились вместе на втором курсе механико-математического факультета Московского университета. И здесь, на полевых работах, они тоже держались вместе.

Большая группа студенток с мехмата, в которую попали Руфа и ее подруги, была отправлена под Рязань в первые же дни войны. Другие группы университетских комсомольцев уехали в разных направлениях: кто под Калугу, в Подмосковье, тоже на полевые работы, а кто на запад строить оборонительные укрепления…

Руфе не спалось. Она долго ворочалась с боку на бок, потом лежала на спине, глядя на звезды,

прислушивалась к дыханию лежащей рядом Кати. Наконец позвала тихо:

— Катя… Ты спишь?

Та повернула голову:

— Нет. Почему-то не могу. Разные мысли лезут в голову…

— Я тоже не могу.

Открыла глаза и Надя, которая уже начала засыпать:

— Вы что не спите? Завтра вставать в четыре…

— Ну, спи-спи.

— А вы о чем? О войне?

Сон у нее быстро прошел.

— Понимаете, девочки, — сказала Руфа, лежа на спине и уставившись на какую-то яркую звезду, — сначала я была убеждена, что мы здесь делаем нужную работу… А вот последнее время мне стало казаться, что наша работа… ну то, чем мы тут занимаемся, — свекла, сено… что она не так уж важна. Нет, конечно, без этого тоже не обойтись. — Руфа села и продолжала с жаром: — Но я же стрелять умею! И вы тоже…

Она снова легла и натянула на себя одеяло.

— По правде говоря, я жду не дождусь, когда мы вернемся в Москву, — откликнулась Катя. — Там-то можно будет что-нибудь предпринять.

Попроситься на фронт…

— Давайте вместе, — решительно предложила Надя. — Вместе пойдем в военкомат! Пойдем и будем требовать!

— Ну, ты сразу «требовать», — засмеялась Катя.

— Надо сначала научиться толком чему-нибудь.

— Два месяца мы уже здесь, в поле! Давно бы научились!

Наде теперь совсем расхотелось спать. Она готова была сейчас же, сию минуту бежать на фронт.

— В крайнем случае можно поступить на курсы, — говорила Руфа неторопливо, словно сама с собой рассуждала, — если сразу не возьмут. Ну, например, курсы медсестер или еще какие-нибудь. Тогда уж наверняка.

— Как там теперь в Москве? — вздохнула Катя. — Наверное, тревоги, налеты, бомбежки.

Они говорили долго. Первой уснула Надя, за ней Катя, а Руфа все лежала, смотрела на звезды и думала…

Изредка светлые полосы, следы падающих метеоритов, прочерчивали небо и быстро исчезали. Пахло душистым свежим сеном.

Вспомнились школьные годы. Походы. На привалах вот так же пахло сеном, а над головой

мерцали звезды.

Школа № 206, где училась Руфа, была самой обыкновенной московской школой. Но в Тимирязевском районе она занимала первое место. При школе круглый год работал пионерский лагерь. Ребята занимались спортом, ходили в походы. Руфа научилась хорошо плавать, грести. Умела даже управлять яхтой, которую построили сами ребята из морского кружка. Но самым сильным ее увлечением был стрелковый спорт. Стреляла Руфа не только из винтовки — она умела обращаться и с пулеметом. На соревнованиях она неизменно выходила победительницей.

В старших классах Руфа увлеклась математикой и физикой. Уже тогда она твердо решила, что поступит в университет.

Невысокая крепкая девушка с пышными каштановыми волосами и внимательными зелеными глазами, она любила посмеяться, но, в общем, была характера серьезного, сосредоточенного, вдумчивого. С детства Руфа привыкла к ответственности. Отец умер рано, мать часто болела, иногда ее посылали лечиться на длительное время, и Руфа оставалась дома с младшими братьями, выполняя все домашние обязанности. Однако училась она хорошо, успевая и спортом

заниматься, и в кино бегать.

К себе девочка относилась строго, даже беспощадно.

Решив однажды укреплять силу воли, она постоянно приучала себя переносить любые трудности. Подражая любимому герою Рахметову, спала на досках, без матраца. Когда летом, в жару, во время похода хотелось пить, она не прикасалась к воде…

Почему она так поступала, она и сама, вероятно, не смогла бы объяснить. Может быть, потому, что, как многие юноши и девушки предвоенного времени, была увлечена романтикой подвига. Ей нравились красивые, сильные духом люди. Вместе с тем она интуитивно чувствовала, что впереди ее ждут большие испытания.

По натуре своей она не смогла бы вести тихую, спокойную жизнь, оставаясь в стороне от главных событий.

А события приближались — угроза войны нарастала, становилась все более определенной…

В памятный день 22 июня 1941 года она, как обычно, с утра пришла в читальный зал и заняла место у окна. Весенняя экзаменационная сессия подходила к концу. Оставался последний экзамен — математика, и Руфа могла считать себя

студенткой третьего курса.

В зале стояла тишина, та привычная рабочая тишина, какая бывает в читальных залах, где каждый целиком поглощен своим делом. Прошло часа полтора, когда Руфа услышала шум и удивленно подняла голову. На передних столах, тех, что ближе к выходу, она заметила какое-то непонятное оживление. Шум волной катился по рядам столов, приближаясь к концу зала, где сидела Руфа. Студенты вставали, поспешно складывали книги. Внезапно какая-то девушка высоким голосом крикнула на весь зал:

— Война, товарищи! Началась война…

Война!.. Руфе не верилось, что можно вот так просто узнать о таком страшном несчастье. На рассвете фашисты бомбили наши города, где-то уже идут бои…

Это была правда, которая с трудом доходила до сознания. Война — а светит солнце, светит так же, как и всегда! И на железной ограде с любопытством вертят головками воробьи. А завтра — экзамен… Жизнь еще никак не изменилась.

И в то же время именно в эти минуты все менялось: разрушались планы, ломались судьбы, что-то казавшееся недавно важным становилось ничтожно мелким.

Потому что с этого момента главным в жизни стала война, и все остальное подчинялось ей.

На следующий день Руфа коротко остриглась и стала похожа на мальчишку. Она еще точно не знала, что именно будет делать, но уже была готова ехать туда, куда ее пошлют. Экзамен по математике был сдан. Профессор похвалил Руфу за оригинальное решение задачи. А спустя неделю вместе с отрядом студенток-комсомолок она уехала под Рязань в колхоз.

Два месяца девушки работали в поле. Окучивали и пололи свеклу, убирали сено. Руфа работала до изнеможения, подавляя в себе растущую тревогу и ожидая того момента, когда наконец им разрешат вернуться назад, в Москву. Она твердо решила идти воевать.

Кончилось лето, и в первых числах сентября было наконец получено распоряжение об отъезде. В Москву ехали поездом из Рязани. Девушки пели песни, а поезд мчался, и плыли, плыли мимо окон деревни, столбы, полустанки. Руфа смотрела в окно, прислушиваясь к стуку колес, и ей казалось, что в веселом ритме, все время повторяющемся, звучат слова: «Е-дем-в-Мо-скву-е-дем-в-Мо-скву…»

На одной из станций состав остановился. Все

высыпали на небольшой перрон. В это время со стороны Москвы медленно подошел другой поезд.

— Смотрите — санитарный!

Действительно, на вагонах выделялись красные кресты, а из окон смотрели раненые — кто с перебинтованной головой, кто с рукой…

Потихоньку «ходячие» стали спускаться на перрон, чтобы подышать свежим воздухом. Руфа смотрела на них со смешанным чувством восхищения, любопытства и жалости. Эти люди были в бою. И наверное, в тяжелом бою. Они были там, на фронте, всего несколько дней назад. Они знали и видели что-то такое, чего не знала и не видела она.

Раненые курили, медленно ходили вдоль поезда, сидели на скамейках. Некоторые шутили, пытаясь завязать разговор с девушками.

Молодой паренек с перебинтованным плечом и рукой на перевязи подошел к Руфе и спросил:

— Далеко ли едете?

— В Москву.

— А мы вот назад… Подальше.

— Ну, как там, на фронте?

— Да по-всякому…

И хотя он ответил неопределенно, она с болью

в сердце подумала, что, в общем, дела плохи.

— А вы из каких войск?

— Артиллерист я. Три дня всего только и повоевал.

Парень грустно улыбнулся и вынул из кармана пачку папирос. Здоровой рукой попытался открыть ее.

— Давайте я помогу, — сказала Руфа и, взяв у него пачку, вынула папиросу. Потом зажгла спичку.

Парень прикурил:

— Спасибо.

Он поглядел по сторонам:

— Много девчат. Студентки?

— Из университета. Работали тут, под Рязанью.

— Теперь, значит, опять учиться.

Он помолчал, внимательно посмотрел на Руфу и неожиданно спросил:

— А можно я напишу вам… в Москву? Писать мне теперь некуда, у нас там теперь немцы под Витебском…

— Можно, — согласилась Руфа и на клочке бумаги написала свой адрес.

— Вот спасибо, — обрадовался он.

— Только и я могу уйти воевать. Так что если ответа не будет, то не обижайтесь.

— Я сразу же напишу, — пообещал парень.

В этот момент раздался предупреждающий гудок паровоза, и Руфа стала прощаться. Девушки уже спешили к поезду.

Снова застучали колеса и запели свою прежнюю песню. А Руфа все думала о молодом пареньке, которому так хотелось кому-нибудь написать… В Москву поезд прибыл во второй половине дня. На Казанском вокзале было шумно и людно. Загорелые, запыленные, как черти, девушки привлекали всеобщее внимание. В метро москвичи с любопытством разглядывали их и, переговариваясь между собой, делали предположения:

— Беженцы, наверное… Из оккупированных районов.

А «беженцам» было безразлично. Пусть думают что хотят. Они приехали домой.

Москва… Руфа обрадовалась ей, как старому надежному другу. Обрадовалась городской суете, гудкам машин, звону трамваев. Москва была все та же, прежняя и в то же время другая, военная. Она заметно посуровела, возмужала, надев защитную военную форму.

Мрачноватые здания, выкрашенные в серый цвет, на окнах — полоски бумаги крест-накрест,

на площадях и в скверах — зенитки, аэростаты заграждения…

Как и договорились, Руфа и ее подруги Катя Рябова и Надя Комогорцева сразу по приезде обратились в военкомат с просьбой отправить их на фронт. Там обещали, что, когда понадобится, их вызовут. И девушки ждали. Впрочем, не ждали, а усиленно готовились, совершенствовались в стрельбе, занимались в школе медсестер.

Однажды, придя в университет, Руфа узнала от подруг о том, что ЦК комсомола объявил набор девушек-комсомолок в авиационную часть. Снова Руфа услышала имя Марины Расковой, известной летчицы, Героя Советского Союза. Всего года три назад это имя стало известно всей стране. Будучи штурманом самолета «Родина», Раскова вместе с летчицами Валентиной Гризодубовой и Полиной Осипенко совершила героический перелет из Москвы на Дальний Восток. Теперь Раскова набирала девушек в авиационные полки. Это было здорово! Одно беспокоило Руфу: возьмут ли…

— Катя, ведь мы не умеем летать…

— А разве там только летчики? Нужны люди и на земле…

— Я бы пошла кем угодно!

— Мы же стрелять умеем. А стрелки, наверное,

тоже нужны…

На следующий день Руфа спешила по московским улицам, обгоняя прохожих. В кармане у нее лежала рекомендация от бюро комсомола университета. Теперь все зависело от нее самой — добьется ли она, докажет ли, что ее место на фронте…

Было сухое октябрьское утро. Стояла золотая осень. Пожелтевшие листья еще прочно держались на деревьях, светило солнце, но воздух был по-осеннему холодным. Руфа старалась вообразить, как встретится она с Расковой. Ей представлялась красивая женщина в шлеме, которая улыбалась со страниц газет ясной, открытой улыбкой.

У входа в серое массивное здание на углу Маросейки, где помещался ЦК комсомола, Руфа задержалась. Перед ней, весело переговариваясь, шли девушки в военной форме. В пилотках, подтянутые, туго подпоясанные ремнями. По голубым петлицам она поняла — летчицы. Их, конечно, там ждут. Руфа оглядела себя: синие матерчатые тапочки на резиновой подошве, старое перелицованное пальто… Да ничего! Выпрямившись, она решительно потянула на себя дверь…

В переполненном коридоре второго этажа

десятки девушек стояли группами, сидели на подоконниках, возбужденно переговаривались. Все поглядывали на тяжелую дубовую дверь, за которой заседала отборочная комиссия.

Здесь Руфа встретила Катю и Надю и других студенток со своего факультета. В центре университетской группы стояла Ирина Ракобольская, высокая энергичная девушка, которую Руфа много раз видела в бюро комсомола университета. Она охотно и уверенно отвечала на вопросы, отвечала весело и так, будто все знала, и от нее зависело, как поступит комиссия в том или ином случае. На самом же деле знала она не больше других, а шутливо-уверенный тон нужен был ей только для того, чтобы успокоить девушек, иным из которых мелочи казались серьезными проблемами.

Дуся Пасько, темненькая миниатюрная девушка, самая маленькая ростом, встревоженно спрашивала:

— А на рост очень обращают внимание?

— Я думаю, что и по твоему росту найдется работа, — отвечала Ирина. — Тебе поручат осмотр шасси…

Дуся смеялась вместе со всеми и ненадолго успокаивалась.

— У меня всегда не очень получалось с физкультурой. А ведь это важно, — полувопросительно-полузадумчиво говорила Женя Руднева, глядя на Ирину большими серьезными глазами.

— Ничего, подтянешься. Жизнь заставит! До сих пор ты у мамы под крылышком жила…

Руфу не тревожили подобные вопросы. Она была хорошей спортсменкой, крепкой и закаленной. Но все-таки она волновалась. Потому что ей очень хотелось попасть в армию, потому что сейчас должна была решиться ее судьба.

Дождавшись своей очереди, Руфа вошла. Среди незнакомых женщин в военной форме она сразу угадала Раскову по «Золотой Звезде» на груди. Раскова была в темной гимнастерке, на гладких волосах, собранных в пучок, — синий берет. Подняв голову от бумаг, Раскова внимательно взглянула на Руфу. Нет, она не улыбалась той ясной и открытой улыбкой, какая запомнилась Руфе по газетам. Взгляд ее был серьезным, но в то же время дружелюбным и ободряющим.

— Фамилия?

— Гашева.

Руфа протянула рекомендацию. Раскова улыбнулась:

— Тоже из университета?

— Да.

— Как со здоровьем?

— Все хорошо.

Руфу спросили, на каком курсе она учится, москвичка ли она, занимается ли спортом. Узнав, что Руфа хорошо стреляет, изучила пулемет, Раскова обрадованно сказала:

— Ну, вот и отлично! Запишем вас в группу вооруженцев. Не возражаете?

Руфа быстра кивнула. Она не имела понятия, что такое «вооруженец», но это было не важно. Главное, ее куда-то запишут! Берут!

— Завтра пройдете медицинскую комиссию, — сказала одна из помощниц Расковой и по-военному распорядилась: — Можете идти.

Перед тем как явиться на сборный пункт, Руфа должна была сообщить обо всем маме. Дома, кроме брата Коли, никого не оставалось: отчим находился в командировке, младший брат Борька у тети Гути, маминой сестры, а мать лечилась в санатории. Руфе не хотелось расстраивать больную маму, она долго думала, как же ей поступить, — и придумала. Вечером села писать письма. Написала сразу около десятка писем и отвезла тете, которая жила за городом.

— Тетя, — сказала она, — я ухожу в армию. Это

для мамы. Там я написала, что меня посылают в школу пулеметчиков, где я должна обучать стрельбе тех, кто уходит на фронт. Пусть мама не волнуется…

— А где ты будешь на самом деле? — спросила тетя с тревогой.

— Я еще не знаю точно. Ничего не знаю. Напишу вам. А вы пока посылайте маме по письму раз в неделю. Можно и чаще…

— Хорошо-хорошо, девочка, ты только береги себя.

Тетя заплакала. Она плакала молча и сквозь слезы что-то шептала, но отговаривать Руфу не пыталась, зная, что это все равно не поможет: если девочка так решила, то ничто ее не остановит.

— Не плачьте, тетя. Я буду вам писать. Обязательно. Вот только Колю и Борьку…

— Не волнуйся. Я посмотрю за ними. Все будет хорошо…

Сборный пункт находился в здании академии имени Жуковского. Сюда в течение двух недель съезжались женщины-авиаторы из разных городов страны. Здесь собралась большая группа квалифицированных летчиц и техников, а также совсем еще не обученных девушек-комсомолок

— студенток и работниц московских предприятий, которые впоследствии стали штурманами и вооруженцами.

Когда выдали военную форму, не обошлось без курьезов. Тоненькая казашка Хиваз Доспанова трижды обернула широкий скрипучий ремень вокруг талии. А у Дуси Пасько, которую очень беспокоил маленький рост, шинель влачилась по полу. Девушки утопали в гимнастерках, воротники болтались как хомуты, огромные кирзовые сапоги не держались на ногах.

И все же форма как-то сразу заставила всех подтянуться. Руфа быстро освоилась с ней. Когда-то, учась в стрелковой школе, она тоже носила форму, и ей это нравилось.

Понемногу девушки привыкали к новой, военной жизни. Подъем, зарядка на улице, завтрак, занятия… Все в строго определенное время, по расписанию.

По ночам душераздирающе выли сирены, предупреждая о воздушном налете. Тогда девушки в обязательном порядке шли в ближайшее метро «Динамо», в тоннель, чтобы там переждать налет.

Раскову Руфа видела в эти дни только мельком: она руководила формированием и была по горло

занята хозяйственными и организационными делами. Но однажды Марина Михайловна собрала всех и рассказала о планах на будущее. Вся группа должна была ехать в город Энгельс в летную школу, чтобы там пройти ускоренными темпами курс теоретической и практической подготовки.

…Ранним осенним утром колонна девушек в серых шинелях тронулась в путь. На московских улицах, припорошенных свежим снегом, было пустынно. Только кое-где уже собирались очереди перед магазинами. До Казанского вокзала, где ждал товарный эшелон, который должен был увезти их из Москвы, шли долго.

Шагая по заснеженной мостовой, Руфа думала о том, что теперь все уже окончательно решилось: она будет воевать. И хотя сначала им предстояло ехать на восток, в тыл, а не на фронт, Руфе казалось, что именно в это осеннее утро 1941 года она едет на войну, прямо в бой.

Одно только угнетало: фронт неумолимо приближался к Москве, и как раз в это тяжелое время нужно было покидать ее… Город стоял притихший, настороженный, ощетинившись дулами зениток, прикрывшись белым покрывалом раннего снега, словно маскировочным халатом. Редкие прохожие останавливались, молча прово-

жая взглядом колонну.

Внезапно из одной очереди выбежала женщина и пронзительным голосом крикнула:

— Девоньки! Воюйте там как следует! Бейте его, проклятого! Бейте!

Высоко подняв руку, она погрозила кому-то кулаком, платок соскользнул с ее головы на плечи, ветер растрепал седые волосы. Она молча постояла на тротуаре, будто задумавшись о чем-то, потом медленно пошла к очереди.

Сердце у Руфы больно сжалось. Долго она не могла забыть этот надрывный крик…

Поезд отошел, когда уже вечерело. Руфа стояла у открытой двери теплушки, прислонившись к стенке, и смотрела в темнеющее небо, на живую сеть, сотканную из лучей прожекторов: в городе была объявлена воздушная тревога. Между лучами вспыхивали искорки зенитных разрывов. Кто-то тихо запел:

Дан приказ ему на запад,
Ей – в другую сторону…

Стучали колеса вагонов. Москва постепенно отдалялась…

Летная школа. Здесь Руфа впервые увидела большой аэродром и на нем самолеты, самые раз-

ные: тяжелые четырехмоторные ТБ-4, похожие на стрекоз двукрылые Р-6 и У-2, низенькие Су-2, серебристые СБ, учебные и боевые, истребители и бомбардировщики.

Вскоре после прибытия был окончательно утрясен состав групп, летной, штурманской и технической, созданных на время учебы. Руфу и ее университетских подруг перевели в штурманскую группу. Девушки обрадовались, так как это значило, что они будут летать.

Потекли дни. Ежедневно — по десять-двенадцать часов занятий. Руфа изучала навигацию, аэродинамику, бомбометание. Шли занятия по стрельбе из пулемета, пистолета, ну и, конечно, изучение уставов и строевая подготовка.

В штурманской группе часто вела занятия Марина Михайловна Раскова. Несмотря на свою загруженность другими делами, она находила для этого время. По тому, с какой увлеченностью рассказывала Раскова о полетах, о способах самолетовождения, можно было догадаться, как любит она свою профессию. Эту любовь она умела передать и «новобранцам».

Марина Михайловна казалась девушкам идеалом человека. Что-то было в этой женщине такое, что притягивало к ней, заставляло удивляться

и восхищаться ею. Некоторая сдержанность в движениях и словах и вместе с тем кипучая энергия, скрытая где-то внутри и проявляющаяся во всем, что она делала, сочетались в ней с женским обаянием и большим мужеством.

Руфа смотрела, как Марина Михайловна ходит по классу и, не спеша, очень просто и понятно объясняет новый материал, как вспыхивают в ее глазах радостные огоньки, когда она замечает быстрые успехи своих учениц. Часто представляла она себе эту женщину во фронтовой обстановке, в трудных условиях и воображала, как поступила бы Раскова в том или ином случае.

Прошла осень с дождями и ветрами, с непролазной грязью на дорогах. Незаметно наступила зима. Декабрь принес радостное известие о разгроме немцев под Москвой. Слушая по радио сообщение Совинформбюро, Руфа глотала слезы. Москва выстояла, враг потерпел поражение! Хотелось скорее на фронт, чтобы гнать гитлеровцев, гнать дальше с советской земли…

И вот наступил день, когда начались практические занятия штурманов, или, иначе говоря, тренировочные полеты.

Собираясь на аэродром, Руфа волновалась. Шутка ли — первый полет! Хотелось поскорее узнать,

что это такое — быть в воздухе, летать.

На улице мороз холодил щеки. Сухой, рассыпчатый снег сверкал под солнечными лучами, поскрипывал под ногами, отмечая каждый шаг. Идти по белому полю было легко и весело.

Издали самолеты казались игрушечными. Возле них двигались маленькие фигурки людей, совсем одинаковые. У крайнего самолета носился с веселым лаем Дружок, значит там были Надя и Катя: жизнерадостный пес очень привязался к Наде и всюду сопровождал ее. Вскоре Руфа услышала Катин голос:

— Гашева-а! Сюда!

Катя махала рукой, маленькая, похожая на шарик, в теплом меховом комбинезоне, шлеме и мохнатых унтах. Руфа сошла с протоптанной дорожки и направилась к самолету. Навстречу ей устремился Дружок.

— Наше звено летит первым, — сообщила Катя.

В звено входили они втроем, и Катя была назначена штурманом звена.

Светлобровая Надя, с розовыми, словно накрашенными щеками и сияющими синими глазами, уже приготовилась к полету.

— Я уже три раза садилась в кабину, а летчика

все нет…

Вскоре пришла летчица. Спросила:

— Ну, кто первый?

— Комогорцева первая.

Надя забралась в кабину, помахала рукой… Минут через двадцать самолет сел. Вылезая, Надя рассказывала под шум мотора, работающего на малых оборотах:

— Как интересно! Сверху все-все видно… Мы и над городом пролетели! И над Волгой!

Руфа быстро влезла на крыло, уселась в кабине. Самолет порулил на старт, а через минуту он уже бежал по белому полю, разбрасывая снежную пыль. Бежал ровно и отделился от земли без толчка, почти незаметно. Руфа вдруг ощутила, что она — в воздухе, летит! От сознания того, что она, как птица, летит над землей, сильнее забилось сердце и захватило дух. Высота росла, и все меньше и меньше становились внизу дома, ангары, дороги.

Лететь было приятно. Ровно гудел мотор. Пропеллер, вращаясь, рисовал в воздухе прозрачный диск. За белой далью, словно приподнятая над землей, чуть темнела линия горизонта. При развороте одно крыло опускалось, зато второе взмывало вверх, в голубизну.

Когда Руфа смотрела на крыло, устремленное в небо, то ей казалось, что оно не движется. Плавные очертания серебристого крыла — и голубое небо…

Она была счастлива. Ей хотелось, чтобы полет все продолжался. Хотелось подольше побыть в этом новом для нее волшебном мире.

Когда самолет сел, летчица спросила:

— Ну, понравилось?

— Очень!

— А на какой скорости летели? На приборы смотрела?

— Н-нет…

Летчица засмеялась:

— Значит, в самом деле понравилось!

Зима на Волге была морозной, дули сухие холодные ветры. Девушки ходили с обожженными ветром лицами, но полетов не прекращали.

Полеты, полеты… В то время как летчики отрабатывали технику пилотирования, штурманы летали по треугольнику, на определение ветра, по неизвестному маршруту, на бомбометание.

Руфа летала с увлечением. В воздухе она чувствовала себя уверенно, свои штурманские обязанности выполняла хорошо, метко бомбила, и ей казалось, что, в общем-то, ничего сложного

во всем этом нет. Но однажды во время полета погода испортилась, пошел сильный снег. Вокруг стояла сплошная снежная стена, земля не просматривалась. Летчик-инструктор авиашколы, снизившись, летел на небольшой высоте, но и это не помогало. Уже давно нужно было разворачиваться, но деревни, которая служила поворотным пунктом, все не было. Руфа забеспокоилась, поняв, что просто не заметила ее. А летчик летел себе и летел. Наконец, чувствуя, что деревню проскочили, он спросил по переговорному аппарату коротко:

— Куда лететь?

Руфа растерялась. Ей вдруг показалось, что самолет залетел бог знает как далеко. Всегда все было так ясно и понятно, а сейчас… В самом деле — куда? Нужно было дать летчику обратный курс, и она стала прикидывать по карте.

— Курс 190 градусов, — сказала она неуверенно. С этим курсом, она считала, можно было выйти в район аэродрома… Ну а если они пролетят стороной и не увидят его? Курс ведь не точный… Она подумала и, уже когда летчик начал разворот, поправилась: — Курс 270 градусов.

— Это почему же? — спросил летчик недовольно.

Действительно, разница была слишком велика. Но Руфа объяснила:

— Выйдем сначала на Волгу. Уж реку-то не проскочим. А потом вдоль нее на юг... До самого аэродрома.

Летчик развернулся и теперь держал курс на Волгу. Руфа с тревогой смотрела вниз: кругом было белым-бело. Время тянулось так медленно, что она уже подумала, не проскочили ли они и Волгу. Наконец сквозь снежную пелену проступили извилистые очертания берега.

— Вот она! Теперь курс на юг, вдоль реки.

Самолет летел низко, почти на бреющем. Через некоторое время Руфа увидела на земле постройки и городок летной школы. Летчик посадил самолет. Он ничего не сказал Руфе. Возможно, он и сам бы нашел аэродром, без ее помощи, но ей почему-то казалось, что не заблудились они только благодаря ей.

Впервые Руфа почувствовала ответственность, настоящую ответственность штурмана за полет.

В феврале 1942 года были сформированы три женских полка: истребительный, полк дневных бомбардировщиков и полк ночных бомбардировщиков. Командиром полка легких ночных бомбардировщиков, куда попала Руфа, назначи-

ли Евдокию Давидовну Бершанскую — опытную летчицу, которая уже несколько лет работала в гражданском воздушном флоте. Руфа с уважением смотрела на крепкую молодую женщину с приятным лицом, у которой на груди поблескивал орден.

Теперь, когда каждый полк стал самостоятельной боевой частью, тренировкой руководили командиры полков, и в каждом полку летчики и штурманы летали на своих боевых самолетах.

Руфа стала летать ночью на самолете По-2. В мирное время он применялся как учебный, а на войне хорошо зарекомендовал себя как легкий ночной бомбардировщик. Малая скорость самолета позволяла бомбить с большой точностью, однако та же малая скорость делала его уязвимым для зенитного огня. Поэтому использовать По-2 можно было только ночью.

Первое время, когда Руфа стала летать ночью, ей казалось, что в темноте ничего нельзя рассмотреть, но вскоре она привыкла и стала видеть как кошка. Ее назначили штурманом в экипаж к Ирине Себровой, которая до войны работала летчиком-инструктором в одном из московских аэроклубов. Ира оказалась очень милой, простой и симпатичной, и у Руфы скоро сложились с ней

хорошие, дружеские отношения.

Время шло. Приближалась весна и время отлета на фронт.

И вдруг произошла катастрофа…

Экипажи летали на учебное бомбометание. Штурманы бомбили цель на полигоне, где на земле был выложен крест из костров. Погасить костры учебными бомбами значило попасть в цель.

Мартовская ночь была темной, небо заволакивали тучи, и в воздухе невозможно было отличить, где земля, а где небо, — сплошная чернота. И никаких световых точек, которые могли бы служить ориентирами. Только на железнодорожном разъезде в стороне от полигона светились огни семафоров.

В эту черную ночь на полигоне разбились два самолета. Погибли четыре девушки, и среди них — Надя Комогорцева, подруга Руфы. Надя, которая так хотела на фронт…

В середине ночи пошел снег, и погода окончательно испортилась. Самолет, на котором летели Ира и Руфа, при развороте над полигоном на высоте около четырехсот метров вошел в глубокую спираль и стал быстро терять высоту, приближаясь к земле. Ира пыталась вывести его

в нормальный полет, но удалось ей это только у самой земли. Скорость снижения еще не была погашена, и По-2 стукнулся о землю. Самолет был поврежден. Девушки, к счастью, отделались легкими ушибами.

Гибель четырех девушек явилась первым большим горем в полку. Катастрофа отодвинула срок отлета на фронт почти на два месяца.

И все же он пришел, этот день. Полк ночных бомбардировщиков первым из трех женских полков улетал на фронт.

Было веселое майское утро. Светило солнце, и небо синело так ярко, будто звало ввысь. Там, в синеве, проходила невидимая дорога на фронт.

Новенькие По-2, поблескивая крыльями, стояли на зеленом поле аэродрома, готовые к вылету. Сидя в своей кабине, Руфа поглядывала по сторонам. На коленях у нее лежал планшет с картой, где был проложен маршрут полета. Карта была огромная — Руфа склеила несколько больших листов и сложила гармошкой. Маршрут проходил через Сталинград к реке Миус, по которой тянулась линия фронта…

Вылет затягивался. В передней кабине ведущего самолета сидела Бершанская, командир полка, и нетерпеливо поглядывала на Раскову,

которая широким шагом ходила рядом, давая последние указания. К Расковой то и дело подбегали техники, что-то выясняли, уточняли. И сама она кому-то махала рукой, что-то кричала. У кого-то не запускался мотор, кто-то не успел занять свое место.

Наконец все готово. Самолеты ведущего звена дружно начинают разбег и взлетают. За ними остальные. В воздухе весь полк собирается в общий строй. Курс — на юг. На фронт.

Первое место базирования полка — небольшой донбасский поселок Труд Горняка. Чистенький, с белыми хатками и улицами, поросшими травой.

Сначала Руфа никак не могла связать понятие «фронт» с этим аккуратненьким зеленым поселком. Ей всегда представлялось, что прифронтовая полоса — это что-то грохочущее и содрогающееся от стрельбы, где нужно постоянно куда-то прятаться, где непременно холодно, голодно и тесно… А здесь было тихо и спокойно. Правда, изредка пролетали над головой вражеские бомбардировщики и время от времени раздавались глухие взрывы на близлежащей железнодорожной станции…

Аэродромом служило большое поле, на котором росла густая трава. Жили девушки в поселке.

Несколько дней Раскова оставалась вместе с полком, пока не передала его в руки нового начальства. Убедившись, что полк принят в дивизию, она собралась лететь назад, в Энгельс.

Перед отлетом Марина Михайловна собрала весь полк. Стояла жара. В тесной комнате было душно. В окна светило заходящее солнце, его мягкие оранжевые лучи падали на стену ровными прямоугольниками. От солнечных лучей ярко горела красная скатерть на столе, розовато светилось лицо Марины Михайловны, стоявшей у стола.

Руфа слушала Раскову, смотрела на нее, взволнованную, раскрасневшуюся, и ей казалось, что вся она пронизана светом, исходящим откуда-то изнутри.

— Нелегко придется вам на фронте, — говорила Раскова. — Ведь вы — первый боевой полк, в котором нет ни одного мужчины. Естественно, что вам придется приложить немало усилий, чтобы доказать боеспособность полка. Но я уверена: вы, девушки, выдержите все испытания. Я надеюсь, что вы добьетесь гвардейского звания!

Больше Руфе никогда уже не пришлось увидеть Раскову. Спустя семь месяцев во время перелета на фронтовой аэродром Марина Михайловна

разбилась.

Ее самолет попал в полосу сильного снегопада и врезался в гору…

Почти три недели полку не давали боевого задания. Из дивизии и армии приезжали бесконечные представители и комиссии, проверяли, изучали. Было ясно: на девушек смотрели с недоверием. Но делать нечего, пришлось начальству примириться с тем, что существует такой полк, где нет мужчин, где — одни девчонки…

И вот наступила первая боевая ночь. С приходом темноты на задание вылетели один за другим три самолета. Открыла счет боевых вылетов полка Евдокия Давидовна Бершанская. Следом за ней поднялись в воздух командиры эскадрилий Амосова и Ольховская.

В следующую ночь летал весь полк, обе эскадрильи. К первому боевому вылету Руфа приготовилась со всей тщательностью. Точно рассчитала маршрут, проверила данные для бомбометания, разложила в кабине все предметы штурманского снаряжения.

Самолеты были готовы к вылету задолго до наступления темноты. С подвешенными бомбами они стояли на поле, рассредоточенные в

шахматном порядке, освещенные косыми лучами заходящего солнца. Руфе казалось, что время тянется бесконечно долго…

В нескольких километрах от аэродрома базировался еще один полк той же дивизии, в котором летчики летали тоже на самолетах По-2. У них уже был некоторый боевой опыт, и многие из них в этот день пришли посмотреть на первый боевой вылет девушек.

— Вы штурман?

Руфа обернулась и увидела высокого голубоглазого парня, младшего лейтенанта, который, улыбаясь, ждал ответа.

— Да. А откуда вы знаете?

— Я все знаю. А зовут вас… — подумав, он сказал: — Руфина Гашева.

Руфа удивленно подняла брови. Потом, проследив за его взглядом, рассмеялась: на планшете химическим карандашом было выведено ее имя.

Младший лейтенант представился:

— Будем знакомы. Пляц. Михаил Пляц.

Она протянула руку:

— Очень приятно.

— А вы не боитесь?

— Кого? Вас? — улыбнулась Руфа.

— Нет, лететь. На боевое задание.

— А-а-а. Нет, не боюсь.

— Напрасно. Там стреляют. Иногда даже очень сильно. Я вот каждый раз боюсь…

Он говорил с серьезным видом, и непонятно было, шутит он или нет. Руфа нахмурилась:

— Вы познакомились со мной для того, чтобы сказать это?

— Нет, зачем же. Просто хочется предупредить вас. И вообще я бы не пускал девушек в полет… Что мы — сами не справимся? Кто это придумал…

— Ну, знаете! Что это у вас за взгляды?

В это время его кто-то позвал.

— Простите.

Легкой походкой он зашагал в сторону, высокий, худощавый. Подошла Ира и спросила:

— С кем это ты говорила?

— Не знаю. Какой-то Михаил.

Вскоре она забыла о нем. Солнце зашло, земля стала серой. Наступала темнота. Здесь, на юге, темнело быстро. На лиловом небе показались первые звезды.

Со старта была подана команда первым самолетам приготовиться к вылету. Зарокотали моторы. Самолеты стали медленно подруливать к линии старта.

Пока Ира рулила, Руфа вынула бортжурнал, чтобы сделать в нем первую запись. Вдруг сквозь шум мотора Руфа услышала голос:

— Гашева!

Рядом с самолетом шагал Михаил и, улыбаясь, махал ей рукой.

— Я не успел пожелать вам успешного вылета! Там не так уж страшно… Ни пуха ни пера!

— К черту! — крикнула ему Руфа.

— Вот это я понимаю!

Полет прошел самым обыкновенным образом. Все было спокойно, никто не стрелял. Руфа сразу нашла небольшой населенный пункт, вблизи от которого находился лесок, где стояли немецкие автомашины. Бросив бомбы по цели, она увидела взрывы. Все было очень просто, настолько просто, что она почувствовала даже разочарование.

— Ира, почему же не стреляли?

— Наверное, тут нет зениток.

— Как в обычном тренировочном полете…

Девушки не знали, что для первых боевых вылетов командование специально выбирало слабо укрепленные объекты, чтобы ввести молодых летчиц в боевую обстановку постепенно.

Но уже через два дня их самолет был обстрелян. Во время разворота над целью снизу брызнули

пулеметные очереди. Яркие огоньки вспыхнули перед мотором. Ира успела резко отвернуть самолет. Бомбы уже были сброшены, и теперь Ира спешила быстрее уйти от того места, где стрелял зенитный пулемет.

— Ну вот, теперь я чувствую, что мы не зря бомбим! — радовалась Руфа.

Однако настоящее боевое крещение девушки получили под Таганрогом, где стояли десятки зенитных и прожекторных установок. Зенитки стреляли не переставая. Разрывы снарядов оглушали сухим треском, самолет дрожал, пахло гарью…

После этого вылета Ира сказала:

— Теперь ты должна просто прыгать от счастья. Нас ведь по-настоящему окрестили…

В июле 1942 года гитлеровцы прорвали оборону советских частей на реке Миус и двинулись в наступление. Нашим войскам пришлось отходить.

Отступая, полк не прекращал боевой работы. Днем обычно перелетали на новое место, быстро, на ходу подыскивая пригодные площадки, а ночью летали бомбить наступающего врага, его войска и технику на переправах через Дон, на дорогах.

Путь отступления лежал от Ростова через

Сальские степи к предгорьям Кавказа. В широких просторах Сальских степей действовали немецкие танки, и дважды по тревоге девушкам приходилось садиться в самолеты и спешно покидать свои летные площадки, спасаясь от танков.

В первые дни боев погибли командир эскадрильи Люба Ольховская и штурман эскадрильи Вера Тарасова. В полку были произведены некоторые перемещения людей по должности, и Руфу назначили летать с другой летчицей — Ольгой Санфировой. Руфа стала штурманом звена, а Ольга заместителем командира эскадрильи.

Ольга, или, как все ее звали, Леля, была старше Руфы лет на пять. Темноволосая, с мягкими карими глазами и еле заметной улыбкой, таившейся в уголках рта, она казалась очень женственной. Однако характер у нее был решительный. Руфу немного пугала сдержанность, даже замкнутость новой летчицы, и долго между ними не могли установиться дружеские отношения. Несмотря на то что им все время приходилось быть вместе, Леля больше дружила с Тосей, своим механиком.

К Руфе Леля относилась как к девочке, которая мало смыслит в авиации. Сама она уже имела стаж летной работы, и, видимо, ей нелегко было привыкнуть к тому, что в полете она должна слу-

шаться Руфу, своего штурмана, которая начала летать только недавно. Да и Руфа чувствовала себя перед Лелей девчонкой и злилась на себя за это. Хотя в общем Леля чем-то нравилась ей. Наверное, своей смелостью, независимостью.

Стояло жаркое лето. По дорогам шли отступающие войска, ехали повозки, машины. Сухая пыль висела в воздухе, не оседая.

Руфа похудела, осунулась. Спать приходилось мало: ночью летали бомбить, а днем перебазировались, отступая все дальше и дальше на юг. Она все ждала, что кончится отступление… Должно же оно кончиться! Но поток отступающих войск продолжал катиться.

Степи, степи… Станицы, хутора, конезаводы…

Наконец последний перелет — к Тереку и дальше к городу Грозному.

На новое место Леля и Руфа вылетели уже под вечер. Еще светило солнце. Маршрут лежал к поселку Эльхотово на Тереке. Пока они летели, солнце зашло. Кавказские горы, которые Руфа видела далеко на горизонте, приблизились. По мере того как самолет подлетал к ним, они вырастали, становились все выше, выше и, наконец, превратились в огромную высокую стену с острыми пиками скалистых вершин. Вершины гор еще

были освещены косыми лучами солнца, а внизу уже лежал мрак.

Руфа впервые видела горы. Настоящие большие горы. Да и Леле не приходилось их видеть. Маленький По-2, который летел сначала на бреющем, испугавшись высокой стены, выросшей впереди, стал забираться выше и выше, хотя надобности в этом не было: поселок Эльхотово лежал у подножия небольшого хребта, который расступался в этом месте, чтобы пропустить бурлящий Терек.

— У нас уже восемьсот метров, — напомнила Руфа летчице.

Леля кивнула.

— Может быть, спустимся?

Та снова кивнула и, сбавив обороты мотора, перешла на планирование.

Внизу земля совсем потеряла краски, и казалось, что все мелкие речушки, и небольшие хребты, и долины затянуло туманом. Руфа внимательно разглядывала землю, но никак не могла найти Эльхотово. Темнота наступила быстро, как это всегда бывает на юге.

— Я не вижу нашей точки, — виновато сказала она.

Леля промолчала. Она не следила за ориенти-

ровкой, рассчитывая, что маршрут простой и Эльхотово нетрудно будет найти. Но горы… они помешали.

— Посмотри внимательней, — сказала Леля Руфе.

Руфа изо всех сил пыталась разобрать, где они сейчас летят, но ничего не получалось. Невысокого хребта, который пересекал маршрут, не было. А может быть, они пролетели над ним на большой высоте, не заметив его. Теперь самолет летел на высоте сто метров. Внизу проплывали ровные площадки, небольшие населенные пункты. Впереди высились огромные горы.

— Давай свернем на восток. Терек, наверное, остался слева…

Молча Леля продолжала лететь, ничего не отвечая, но и не сворачивая.

— Может быть, лучше вернуться? — нерешительно предложила Руфа.

Она не знала, как говорить с ней, с этой Лелей, которая все делала по-своему. Нет, она совсем не признавала Руфу как штурмана.

— Будем садиться! — неожиданно сказала Леля. Она словно хотела подчеркнуть, что никаких дискуссий быть не может и что Руфино мнение ее не интересует.

— Куда садиться? — все-таки спросила Руфа.

Леля уже снижалась на ровную площадку. Когда самолет остановился, она выключила мотор, выпрыгнула на траву и, не глядя на Руфу, произнесла:

— Завтра утром найдем свою точку. Переночуем здесь. В самолете.

Сидя в кабине, Руфа думала и думала. Спать она не могла. Ей было обидно, но она старалась сдержать себя, старалась доказать самой себе, что не права. Да, она еще молодой штурман, и нет у нее большого опыта. И конечно, Леля чувствует это на каждом шагу. Значит, она должна делом доказать Леле, что с ней нужно считаться. Делом!

Утром они легко нашли Эльхотово.

В предгорьях Кавказа гитлеровцы были остановлены. Как ни стремились они прорваться дальше на юг, к нефтяным районам Грозного и Баку, им это не удалось.

Неподалеку от Грозного, в небольшой зеленой станице Ассиновской, полк простоял почти полгода. Отсюда По-2 летали бомбить врага в районе Терека, под Моздоком, Прохладным, Ардоном, Малгобеком.

Иногда гитлеровцы бомбили нефтехранилища в Грозном, и тогда долину, в которой находились

станица и летная площадка, заволакивало густым дымом. Горела нефть.

Летать ночью в горах, где погода меняется внезапно, было сложно. Глубокой осенью здесь, на Северном Кавказе, обычным явлением были частые туманы, которые неожиданно закрывали весь район полетов, низкая облачность, дожди.

Несмотря на сложные условия, полк работал каждую ночь. Если с вечера погода не позволяла летать, экипажи ждали на аэродроме, пока рассеются густые тучи или прекратится дождь. Девушки бомбили вражеские передовые позиции, переправы через Терек, склады с боеприпасами и горючим, огневые точки…

Шли месяцы. Летчики и штурманы приобретали боевой опыт. Руфа зарекомендовала себя как штурман-снайпер. Она бомбила с большой точностью, под обстрелом и вообще в трудных ситуациях вела себя мужественно. Постепенно Леля привыкла к своему штурману, и теперь, когда Руфу забирали у нее, назначая лететь с другим летчиком, она была недовольна.

После одного особенно сложного полета Руфа стала пользоваться полным доверием у Лели. Они получили задание бомбить немецкую технику в укрепленном районе под Моздоком. Над

аэродромом — обыкновенной ровной площадкой у подножия горного хребта — светили звезды, и погода обещала быть устойчивой. Но уже за горным хребтом навстречу самолету стали попадаться полосы облачности. Облака плыли низко, на высоте не более трехсот метров.

Цель оказалась закрытой облаками. Руфа сказала:

— Подождем несколько минут. Облака пройдут…

Леля стала в вираж. Самолет кружился в районе цели, пока она не открылась. И тут же внизу зажглись прожекторы, в небо потянулись длинные пулеметные трассы. Леля убрала газ, чтобы приглушить звук мотора. Широкие лучи качались в поисках самолета.

Бросив бомбы, Руфа сказала:

— Держи пока курс сто восемьдесят…

Цель снова закрыло облаками. Видно было, как все еще ползают по облакам светлые пятна: прожекторы искали самолет. Потом стало темно — прожекторы выключились.

С востока быстро наползал второй ярус облаков, более высокий, толщиной в несколько сот метров. Было ясно, что теперь уже закрыты и аэродром, и вся долина, и горы.

Назад летели в сплошной облачности. Кругом висел белесоватый туман. Он окутывал самолет, оседая каплями на обшивке, на приборах. Лицо и руки стали мокрыми. По щекам и за воротник стекали капли воды…

— Леля, возьми поправку на ветер: пятнадцать градусов левее.

Новые данные ветра Руфа определила, насколько это было возможно, перед бомбометанием, когда они выжидали.

Так они летели до тех пор, пока, по расчетам Руфы, не прилетели в район аэродрома. Тогда она сказала:

— Через три минуты аэродром. Сейчас мы приближаемся к хребту…

Руфа напряженно всматривалась в густой туман, но ничего не было видно. Минуты тянулись бесконечно. Казалось, что самолет давно уже пролетел и горный хребет, и аэродром и сейчас врежется в высокие горы, окружающие долину… А что, если они отклонились в сторону и летят не в том направлении? Снизиться нельзя — кругом горы…

Леля молчала. Видно, и ей приходили в голову невеселые мысли.

Наконец Руфа произнесла как можно уверен-

нее:

— Леля, пора пробивать… Начинай!

Леля колебалась. Пробивать облачность можно было только наверняка, иначе…

— Ты уверена?

— Уверена.

Леля убрала газ и перешла на планирование. Снижаясь, самолет, уходил все глубже и глубже в сырую мглу. Что их ждало там? Стрелка высотомера переползла через цифру 400.

Внезапно туман посветлел, приобрел зеленоватый оттенок и снова померк. Потом стал розоватым…

— Ракеты! Это стреляют ракетами на аэродроме! — воскликнула Руфа.

Пятна то зеленые, то красные стали обозначаться отчетливее. Стреляли правее, и Леля направила самолет прямо туда.

На высоте двухсот метров самолет вынырнул из облаков. Внизу прямо под ними был аэродром, освещенный причудливым светом взмывающих кверху ракет.

— Долго искали? — спросила командир полка.

— Нет, что вы! Гашева сразу нашла, — ответила Леля, и Руфа почувствовала, что теперь Леля окончательно признала ее.

Седьмого ноября 1942 года в полку был двойной праздник: к двадцатипятилетнему юбилею Октября девушкам вручали награды. Руфа в этот день получила свой первый орден Красной Звезды. Вместе с ней награждены были десять летчиц и штурманов. Ордена вручал командующий фронтом.

На праздник приехали «братцы» из соседнего полка. Среди них — Михаил. Он сразу нашел Руфу.

— Я приехал специально, чтобы поздравить вас с первой наградой. Подчеркиваю — с первой! Вообще-то, я бы, конечно, не пускал девушек на войну…

Летная форма с голубыми петлицами очень шла ему. На гимнастерке сиял орден Красного Знамени.

— Новый?

— Сравнительно…

У него была странная манера шутить. Говорил он совершенно серьезно, и только где-то глубоко в светлых глазах застревала смешинка. А улыбался уже потом широкой открытой улыбкой…

— Вчера я вас встретил, но вы, кажется, не заметили меня.

— Это где же? — удивилась Руфа, вскинув бро-

ви.

— За хребтом. Это было в двадцать четыре часа десять минут. Мой самолет летел на цель, а ваш — с цели…

Действительно, оба полка, входившие в одну дивизию, не только базировались по соседству, но и летали часто на цели, расположенные рядом, а иногда и на одну и ту же цель.

В первых числах января 1943 года на Северо-Кавказском фронте началось отступление немецко-фашистских войск. Потерпев поражение под Сталинградом, гитлеровцы спешно отводили свои войска с Кавказа, опасаясь, как бы они не попали в окружение.

Наши части, преследуя врага, шли за ним по пятам, нанося ему удары и освобождая города и станицы Северного Кавказа, Минеральные Воды, Ставрополь, Кропоткин, Краснодар…

Полк едва успевал перебазироваться с одной точки на другую, догоняя бегущего врага. Часто девушки прибывали на новую площадку на следующий же день после ухода гитлеровцев. Еще дымились пожары, лежали убитые, свежи были пятна крови на снегу… Перелетев на новое место днем, экипажи вечером уже вылетали на боевое задание. Но все же случалось: гитлеровцы уходи-

ли так далеко, что не хватало радиуса действия самолета, чтобы лететь на бомбежку.

В феврале, в разгар наступления, пришло радостное известие: полк удостоен гвардейского звания. Это была хорошая награда за ту боевую работу, которую проделал полк на фронте в течение восьми месяцев, главным образом за боевые вылеты в районе Моздока и Орджоникидзе.

Ранняя весна застала полк в одной из станиц на подступах к Кубани. Гитлеровцы здесь упорно сопротивлялись, стремясь закрепиться. Была весенняя распутица, дороги развезло, аэродром раскис, летать было почти невозможно. Однако ночью немного подмораживало, и девушки за это время успевали сделать по нескольку вылетов.

Однажды Леля и Руфа получили задание бомбить переправу.

Ночь была звездная и по-весеннему сырая. До цели летели долго, больше часа. Руфа знала, что переправа хорошо защищена. Там — зенитные пулеметы, прожекторы. Много раз приходилось им с Лелей попадать под обстрел, но пока все обходилось благополучно. Разве только привозили пробоины в самолете…

Самолет приближался к переправе.

Тонкий серп месяца висел над землей. Чуть

поблескивала река. Светлели пятнами плавни.

Еще все было тихо. Еще не зажегся ни один прожектор, не раздался ни один выстрел. Но переправа была уже близко, почти рядом. Руфа напряженно ждала момента, когда эта тишина взорвется… Еще немного, может быть десять секунд… И включатся прожекторы, заговорят зенитки…

Это напряженное ожидание, когда еще не стреляют, но вот-вот начнут, Руфа не любила. Уж лучше пусть стреляют, тогда, по крайней мере, все ясно…

Бросив прямо из кабины осветительную бомбу, Руфа высунулась и стала глядеть вниз. Повиснув в воздухе, бомба осветила реку и узкую полоску переправы. Через переправу проходила прямая дорога, по ней двигались темные квадратики машин.

Зажегся прожектор, за ним еще несколько. Лучи медленно шарили по небу в поисках самолета.

— Леля, будем бомбить с планирования, — сказала Руфа, и летчица послушно убрала газ, сбавив обороты мотора.

Теперь По-2 почти неслышно снижался в направлении цели. Нужно было спешить, чтобы

бросить бомбы, пока самолет не обнаружили.

— Левее, левее… Ныряй под прожектор!

Леля ловко спикировала, так что луч прошел выше самолета.

— Сейчас буду бомбить. Держи курс. Чуть правее… Еще немного… Так!

Самолет слегка качнуло: это отделились одна за другой несколько бомб. Руфа взглянула на высотомер. Он показывал шестьсот метров. Леля продолжала планировать. В тишине ухнули взрывы. Серия бомб перекрыла переправу, причем одна из бомб попала в самое основание.

— Отлично! — сказала Леля.

Руфа промолчала. Ей было приятно услышать похвалу из уст своей летчицы: обычно Леля не хвалила ее.

Застрочили зенитные пулеметы, сначала наугад. Но вот Леля сказала:

— Высота небольшая, больше снижаться нельзя. Я дам газ.

Внизу услышали самолет. Лучи метнулись к нему, совсем близко запрыгали огненные зайчики. Пах-пах! Пах-пах-пах!

Стало очень светло: лучи скрестились. Внизу ярким слепящим светом горели зеркала. Леля на полной скорости, выжимая из самолета все,

что могла, уходила к линии фронта. Но лучи скользили вместе с самолетом, не выпуская его из перекрестья.

Внезапно Руфа почувствовала короткий толчок снизу. Чем-то обожгло ногу. Она ощупала унт, но ничего подозрительного не обнаружила. И тут раздался встревоженный голос Лели:

— Мотор барахлит…

Действительно, мотор фыркал, давал перебои и никак «не забирал».

Леля подкачивала шприцем бензин, пыталась как-то поддержать работу двигателя… А в моторе что-то стучало… Высота падала… Четыреста метров, триста…

Руфа теперь смотрела только на землю. Впереди поперек курса проходила шоссейная дорога. По ней шли машины. Садиться здесь значило тут же попасть к немцам. Уж лучше — прямо в машины…

Мотор стучал, давал перебои, но тянул все-таки… Леля старалась лететь на небольшой скорости, очень осторожно, и высота хотя и уменьшалась, но постепенно.

— Может быть, дотянем?

— Попытаемся, — неопределенно ответила Леля.

К аэродрому они прилетели на высоте пятьдесят метров. Леля посадила самолет с ходу. И только тогда, когда она зарулила самолет на место и выключила мотор, Руфа сказала ей:

— Леля, помоги мне. Я не могу вылезти…

— Что с тобой?

— Нога… Что-то с ногой.

— Я сейчас вызову санитарную машину, — предложила Тося Вахромеева, механик. — Вообще, я вижу, вас там здорово потрепали. Мотор поврежден, вон сколько пробоин в крыле…

Она побежала за машиной.

Нога у Руфы распухла и почти не двигалась.

— Что ж ты молчала? — укоризненно сказала Леля.

— А чем бы ты мне помогла?

Приехала «санитарка», и Руфу усадили в нее. Докладывая командиру полка, Леля сказала коротко:

— Задание выполнено. Переправа повреждена. Штурман Гашева, кажется, ранена. Самолет неисправен.

Она ни словом не обмолвилась о том, что пришлось пережить им с Руфой. Бершанская посмотрела на нее долгим, проницательным взглядом и все поняла сама:

— Был сильный обстрел?

— Три крупнокалиберных пулемета.

— А как Гашева?

— С ногой у нее что-то.

У Руфы оказалось легкое, поверхностное ранение. Пуля скользнула по ноге и застряла в металлических прутьях сиденья. Во время полета рана кровоточила, и нога затекла.

Три дня Руфа не летала. От связного летчика из дивизии Михаил узнал о случившемся. На следующий день, возвращаясь с боевого задания, уже на рассвете, он прошел на бреющем полете над аэродромом девушек и бросил на старт записку для Руфы.

С этих пор они стали пользоваться таким способом связи. Иногда и Руфа сворачивала с маршрута немного в сторону, туда, где находился аэродром «братцев», и посылала Михаилу воздушную почту.

Однажды Руфе сообщили, что Михаил не вернулся с задания и неизвестно, что с ним. Но уже через день Руфа получила письмо, где в обычном для него стиле Михаил писал: «Все в порядке. Немного задержался с возвращением. Просто решил выяснить, что делается на передовой, почему там наши не наступают…»

На самом же деле все было не так просто и весело. На подбитом самолете он едва-едва дотянул до линии фронта и приземлился у самых передних траншей…

Наступление на Кубани продолжалось. Наши войска оттесняли противника все дальше и дальше на Таманский полуостров. К концу весны линия фронта стабилизировалась. Гитлеровцы укрепились на так называемой «Голубой линии» — оборонительной полосе, которая тянулась вдоль речек и плавней от Черноморского побережья южнее Новороссийска до Темрюка на Азовском море. Эта линия обороны была названа «голубой» именно по той причине, что проходила она вдоль водных преград.

Всю весну и лето 1943 года здесь шли жаркие бои на земле и в воздухе. В это время в небе Кубани сражались знаменитые асы Покрышкин, братья Глинка и многие другие летчики 4-й Воздушной армии генерала Вершинина. Женский авиаполк, который теперь стал называться 46-м гвардейским, воевал на Кубани в течение шести месяцев, принимая участие во всех крупных операциях.

…В апреле станица Пашковская, расположенная под Краснодаром, утопала в белом тумане

цветущих садов. На большом аэродроме стояли в капонирах По-2. Отсюда девушки летали бомбить врага к станице Крымской, к Новороссийску и Темрюку. На краю аэродрома уже возвышались четыре свежих холмика — могилы погибших летчиц. Одной из них, Дусе Носаль, было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Дуся Носаль считалась лучшей летчицей полка. Над целью, около Новороссийска, ее По-2, освещенный луной, был обнаружен вражеским истребителем. Враг неожиданно атаковал самолет и выстрелом из пушки убил летчицу. Штурман Глаша Каширина привела самолет на аэродром. Ей было трудно: тело убитой летчицы сползало вниз, давило на ручку управления.

Время от времени Глаше приходилось бросать управление, вставать и подтягивать Дусино тело кверху…

Когда в полку была создана еще одна, третья, эскадрилья, командиром ее назначили Лелю Санфирову, а штурманом Руфу Гашеву. Девушки много летали.

Летали каждую ночь. С вечера до утра.

…Они не вернулись в ночь на первое мая. Их долго ждали, дежурили на аэродроме, но они так и не прилетели.

Праздник был омрачен. Днем десяти летчицам торжественно перед строем полка вручали ордена. Каждая подходила к столу, и командир дивизии поздравлял ее и передавал ей награду. А два ордена некому было получить, и они остались лежать на столе в красных коробочках. Два ордена Красного Знамени…

Только три дня спустя все выяснилось.

…Когда обстрел прекратился, Руфа еще раз оглянулась: на земле, в самом центре развилки дорог, горела автомашина, одна из тех, которые она бомбила. Темный дым клубился над дорогой.

— Посмотри, Леля, горит! Машина горит! — сказала она в переговорную трубку.

Но Леля не ответила, и Руфа сразу почувствовала: что-то произошло. Стояла тишина. Такая удивительная тишина, какой в полете не бывает. Эта тишина резала слух.

Она взглянула на мотор: винт замер, широко раскинув неподвижные лопасти. В передней кабине Леля, пытаясь запустить мотор, нагибалась, двигала рычаги.

Винт был неподвижен. Самолет планировал, теряя высоту, и стрелка высотомера скользила от цифры к цифре в сторону нуля.

Наконец Леля произнесла:

— Все. Не запускается.

— Что, попали в мотор, Леля? — спросила Руфа, хотя и так все было ясно.

— Да. Еще когда ты бомбила.

Включив свет в кабине, Руфа нашла по карте то место, где находился самолет, и моментально определила, что до линии фронта не дотянуть.

— Сколько остается до линии фронта? Успеем? — услышала она Лелин голос.

Можно было сразу же уверенно сказать «нет», но так не хотелось произносить это «нет», что она, помедлив, ответила:

— Точно не знаю… Держи курс 80 градусов. Так ближе всего.

— Руфа, скажи мне, сколько минут до линии фронта, — повторила Леля настойчиво.

— Десять.

Высота быстро падала. Было ясно: придется садиться на территории, занятой немцами. Обе девушки разглядывали землю: под ними проплывали черные массивы леса, неширокая, бегущая змейкой река, в лесу — серые прогалины.

Леля предложила выбрать для посадки одну из таких прогалин и подвернула самолет так, чтобы лететь вдоль нее.

— Подсвети у самой земли ракетами, — попро-

сила она.

— Зачем? Лучше в темноте… Чуть-чуть все-таки видно…

Леля не стала настаивать. Конечно, ракеты не помогут: все равно на второй круг не уйдешь. А немцы обратят внимание. Руфа права. Лучше в темноте…

Было так тихо, что Руфа слышала, как тикают часы на приборной доске. Тишина эта угнетала. Оторвав взгляд от земли, Руфа посмотрела вверх, на звезды, мерцающие в небе, на светлую полоску Млечного Пути над головой. Кто знает, может быть, она никогда больше не увидит ни этих звезд, ничего…

— Леля, — позвала она, — я хочу… давай с тобой простимся… На всякий случай…

— Глупости! Приготовься к посадке!

Земля приближалась. Самолет летел по центру прогалины, с обеих сторон под крыльями тянулась граница леса. Ухватившись за борта кабины, Руфа следила за тем, как вырастают по бокам темные стены.

Ракетницу она все-таки держала наготове.

Слева совсем близко мелькнули деревья… Справа…

Сейчас — земля… Толчок! Машина, резко, с

треском развернувшись, остановилась, накренившись набок.

Руфа больно стукнулась лбом обо что-то, и тут же ее прижало к борту кабины. Она пошевелилась, села. Потерла ушибленное место и позвала сначала тихо, прислушиваясь к собственному голосу, потом громче:

— Леля! Леля!

Молчание. Тогда, поднявшись во весь рост, она увидела, что Леля сидит неподвижно, уткнувшись головой в приборную доску. Нужно было спешить, и Руфа, выбравшись из кабины, стала тормошить подругу:

— Леля, Лелечка! Что с тобой? Очнись, Леля! Очнись…

Та медленно подняла голову, потрогала рукой.

— Ты сильно ушиблась, да? Ну, ответь!

— Дерево… зацепили…

Самолет лежал, накренившись, в каком-то странном положении. Вся левая плоскость была исковеркана. Шасси подкосилось.

Недалеко в лесу стреляли ракеты. Не их ли это ищут? Возможно, заметили, как садился самолет.

— Ты можешь идти, Леля?

— Пойдем, — коротко ответила она, снова превращаясь в прежнюю Лелю, которая все может.

Они покинули разбитый самолет и поспешили к реке. Эту речку Руфа отметила еще в воздухе, когда они садились. Некоторое время шли по берегу.

Пистолет был один, у Руфы. Она отдала его Леле:

— Возьми, ты командир.

Ориентируясь по звездам, двигались на восток.

В темноте по толстому бревну перебрались через овраг и снова долго шли по лесу. Начало светать. Лес кончился. Они двигались вдоль дороги по открытому месту. Днем идти здесь было опасно, и, выбрав в стороне от дороги глубокую воронку, они просидели в ней до вечера. Слышали, как мимо прошла группа солдат. Потом два телефониста, переругиваясь, тянули провода связи. По дороге часто проезжали машины, мотоциклы.

С наступлением темноты сверху донесся знакомый звук: это летели на боевое задание По-2.

— Слышишь?

Они долго глядели в вечернее небо, где, постепенно удаляясь, рокотал По-2, ночной бомбардировщик, такой родной маленький самолетик…

Ночью опять шли, а потом ползли. Впереди то и дело взвивались вверх ракеты. Там была линия

фронта, проходившая вдоль железной дороги.

Вперед продвигались все медленнее, переползая от кустика к кустику, от воронки к воронке. Иногда перебегали, низко пригибаясь к земле. Все время они старались держаться вместе. Но однажды где-то рядом застрочил пулемет. Это было уже близко от железной дороги. Девушки бросились в разные стороны и в темноте потеряли друг друга. Долго они звали шепотом и искали одна другую, пока наконец не нашли. Обрадовавшись, крепко обнялись, как после продолжительной разлуки. Когда железная дорога была уже рядом, они притаились в кустах, выжидая удобный момент. Ракеты взлетали вверх методически, через определенные промежутки времени. Выбрав перерыв между вспышками, Руфа и Леля перебежали железнодорожное полотно.

Раздалась пулеметная очередь. Испугавшись, что их заметили, девушки залегли в низком кустарнике.

Началась перестрелка. Трудно было определить, кто и откуда стреляет. Переждав немного, девушки поползли дальше. Вскоре наткнулись на воду. Начинались кубанские плавни, те самые, что так хорошо всегда видны сверху, с самолета. Небо постепенно бледнело. Наступал рассвет.

Надо было снова затаиться до ночи. Они выбрали в плавнях глухое место, заросшее высоким камышом, и уселись на большой коряге, выступающей из воды.

Обе ничего не брали в рот уже вторые сутки.

— Страшно хочется есть…

Руфа вспомнила, что где-то читала, как Бауман в тюрьме потуже затягивал ремень, когда чувствовал сильный голод.

— Леля, затяни ремень потуже, — сказала она.

— Зачем?

— Не так будет хотеться есть.

Леля улыбнулась и ничего не ответила. Потом погрустнела и, глядя куда-то в сторону, негромко произнесла:

— Сегодня второе мая. День моего рождения.

— Правда, Леля? Поздравляю… Ну что же тебе подарить?

Машинально Руфа сунула руку в карман брюк и вдруг обрадованно воскликнула:

— Есть! Есть подарок! Вот…

Она достала два семечка. Два. Больше не было, сколько ни шарила Руфа в карманах.

В плавнях они провели целый день. Изредка неподалеку ухал миномет. Временами слышна была перестрелка. По очереди девушки спали,

вернее, дремали, каждую минуту открывая глаза. Вокруг них прыгали птицы, весело переговариваясь на своем птичьем языке. Их можно было даже потрогать рукой — они не боялись людей. По-весеннему грело солнце.

Вечером выбрались из плавней и долго шли зарослями, а потом лесом. Случайно наткнувшись на шалаш, замерли в испуге — что делать? В шалаше заговорили по-немецки, и девушки бросились бежать. Едва они успели спрятаться за каким-то бугорком, как два немца, встревоженные шумом, выскочили из шалаша и застрочили наугад из автоматов. Постояли еще некоторое время, прислушиваясь, потом один из них ушел в шалаш, а другой остался караулить. Он то ходил, напевая что-то, то садился и только к утру, когда начало рассветать, задремал. Девушки осторожно, чтобы он не услышал, отползли в сторону.

Снова шли они по лесу до тех пор, пока не стало совсем светло. Тогда решили, что одна из них влезет на дерево и посмотрит, далеко ли тянется лес.

На пригорке у оврага стоял ветвистый дуб. Руфа забралась на него и на сплетении толстых веток, в углублении, увидела стреляные гильзы. Здесь сидел разведчик или снайпер. Чей? Может

быть, свой?

Она хотела уже было лезть выше, как вдруг услышала громкий голос Лели:

— Стой! Руки вверх!

Руфа взглянула вниз и ахнула. Леля стояла, направив дуло пистолета прямо на солдата, который, видимо, поднимался из оврага. Солдат с растерянным видом поднял руки. Оружия при нем не было.

— Не двигаться! Отвечай — кто такой?

Тот, недоуменно озираясь, смотрел то на Лелю, то на Руфу, спрыгнувшую с дерева. Судя по форме, это был наш, советский солдат. Совсем еще молодой парень, круглолицый, с веснушками.

— Ну, отвечай! Или я буду стрелять!

— Да я… Тут вот вышел на минуту. Вода там, в овраге…

— Где твоя часть?

— Тут, недалечко… За бугром.

Парень то растерянно улыбался, то испуганно таращил глаза, когда Леля сердитым голосом задавала ему вопросы.

— А где немцы?

— Да тут, рядом, за леском… недалечко. — Он кивнул.

— Покажи документы. Ладно, опусти руки.

Солдат порылся в кармане, виновато протянул небольшую книжечку.

— Эх, ты! — сказала Леля. — Что ж ты так? А если б тебя немцы?

Парень помялся, не зная, что ответить.

— Так я ж вижу — вы свои…

— Свои… А может быть — чужие! Откуда ты знаешь? Ну, веди нас к командиру!

В тот же день они приехали на машине в свой полк.

— Девочки, Леля и Руфа вернулись!

Весть моментально разнеслась по полку. Их обнимали, расспрашивали, поздравляли с наградой… А они, грязные, усталые, похудевшие за эти дни, вяло отвечали на вопросы, через силу улыбались. Им хотелось спать, только спать…

Лето 1943 года на Кубани было трудным. «Голубую линию» гитлеровцы удерживали прочно, очевидно рассчитывая сделать ее плацдармом для наступления.

Отходя с Северного Кавказа, из-под Ставрополя и Майкопа, враг стянул сюда большие силы, много техники и средств ПВО и сосредоточил все это на сравнительно небольшой площади Таманского полуострова.

Каждую ночь По-2 летали бомбить немецкий

передний край, укрепленные районы и ближние тылы. Новороссийск, Анапа, Крымская, Гостагаевская, Варениковская, Темрюк…

Для того чтобы в течение ночи сделать как можно больше боевых вылетов, полк обычно еще до наступления темноты перелетал поближе к линии фронта, на так называемый аэродром подскока. Отсюда девушки летали всю ночь, а утром снова возвращались на основной аэродром. Иногда экипажи успевали слетать на цель по десять-двенадцать раз за ночь. Это было очень утомительно.

Часто, когда днем после боевой работы Руфа спала коротким тревожным сном, ей снились прожекторы. Широкие ярко-белые лучи качались в темноте, сплетаясь в живые сети. Она просыпалась, стараясь отогнать тяжелые видения. Но как только закрывала глаза, снова вспыхивали огни и в темноте шарили лучи…

С тех пор как Руфу назначили штурманом эскадрильи, у нее появилось много дополнительных забот. В эскадрилью влились молодые штурманы из числа тех девушек, которые сначала работали вооруженцами, но здесь же, в полку, переучились на штурманов. С ними нужно было заниматься, объяснять теорию и практику штур-

манского дела. Времени у Руфы не хватало. Много занималась с молодыми штурманами и Женя Руднева, штурман полка, с которой Руфа училась в университете. Она организовала даже что-то вроде постоянных штурманских курсов.

Кроме того, в полку была создана четвертая эскадрилья. Прибывали новые летчицы, которые не имели боевого опыта и никогда не летали ночью. Свои первые боевые вылеты они совершали с лучшими штурманами, и Руфе часто приходилось «вывозить» молодых летчиц.

Непрерывные ночные бомбежки, видимо, настолько беспокоили гитлеровцев, что сюда, на Кубань, они перебросили авиационную часть, состоящую из ночных истребителей. Немецкие асы стали охотиться по ночам за тихоходными По-2. Обычно немецкий истребитель, патрулируя в воздухе, ждал, когда прожекторы поймают самолет. Тогда он давал ракету — сигнал «Я свой». Зенитки не открывали стрельбы, и лучи вели По-2 в полной тишине. Истребитель же подходил к самолету вплотную и расстреливал его.

Так в одну из ночей были сбиты и сгорели в воздухе четыре По-2. Восемь девушек, летчиков и штурманов, погибли в эту ночь…

Однажды Леля и Руфа получили задание

бомбить скопление немецких войск и боевой техники под Новороссийском. Обычно бомбить приходилось фугасными или осколочными бомбами, а в этот раз оружейники подвешивали под самолеты контейнеры, наполненные горючей смесью. При ударе контейнера о землю жидкая смесь воспламенялась.

— Руфа, мы вылетаем первыми. Пусть побыстрее подвесят, — сказала Леля.

Возле самолета уже лежали два больших фанерных контейнера сигарообразной формы. Девушки-вооруженцы ловко подняли и подвесили один контейнер на замок под правое крыло, потом подняли второй и подвесили под левое.

— Готово.

Леля и Руфа заняли свои места.

…Слева под крылом медленно проплывал Новороссийск. Безмолвный город. Ни огонька, ни выстрела. Плавным полукругом изгибался берег Цемесской бухты, а там, где залив кончался и начинался широкий морской простор, сверкала узкая лунная дорожка.

Вот и шоссейная дорога, идущая к городу с севера. Где-то здесь, в лощинах, сосредоточились немецкие войска. Руфа внимательно вглядывалась в темнеющие полосы лощин. Наконец

скомандовала Леле:

— Держи правее на пятнадцать градусов. Еще чуть. Вот так.

Прицелившись, сказала еще раз:

— Держи так… Буду бомбить.

Самолет качнуло: контейнер с горючей смесью, висевший под левым крылом, отделился. Руфа еще раз дернула за рычаг, чтобы сбросить второй, тот, что висел под правым крылом. Но тупой нос контейнера по-прежнему выступал вперед из-под передней кромки крыла. Не отрывая глаз от освещенного луной контейнера, она дергала и дергала рычаг. Изо всех сил. Холодный пот выступил у нее на лбу. Самолет летел, накренившись вправо: контейнер был тяжелый.

— Что случилось? — спросила Леля.

Руфа молча дернула рычаг обеими руками еще раз. В этот момент рявкнула первая зенитка. Включились прожекторы. Их было четыре.

— Руфа, в чем дело? — нетерпеливо спросила Леля опять.

— Да вот… Никак не сбрасывается… контейнер.

— А ты посильнее дерни! Порезче!

— Все равно никак.

— Попробуй еще. Дергай, пока не упадет!

Леля ввела самолет в вираж, кружась над

целью. Широкий луч прожектора скользнул по самолету и замер. К нему присоединились остальные.

«Ну вот, не хватало еще этого», — подумала Руфа.

— Ну как? — донесся Лелин голос.

— Не могу! Не получается! — с отчаянием в голосе крикнула ей Руфа.

— Ну-ка я попробую…

И Леля, переведя самолет в пикирование, резко сделала «горку». Потом еще одну… Контейнер не сбрасывался.

Самолет летел в перекрестье лучей, цепко ухватившихся за него. Разрывы зенитных снарядов, ложившиеся выше, постепенно приближались.

— Подожди, Леля… Одну минуту…

— Ты что задумала? Назад! — крикнула Леля, увидев, что Руфа вылезает на крыло. — Сейчас же вернись!

Но Руфа не слушала ее. Выбравшись из кабины и держась за борт, она присела, а потом легла на крыло. Ветер свистел в ушах, оглушали раскаты зенитных разрывов. Было так светло от ярких лучей прожекторов, что Руфе казалось, будто там, внизу, видят ее на крыле и стреляют именно в нее…

— Руфочка, не надо, слышишь…

Склонившись к правому борту кабины, Леля умоляла ее вернуться. Потом замолчала. Она ничего не могла сделать. Старалась только вести самолет как можно осторожнее. А это было трудно: к весу контейнера прибавился еще вес Руфы, и крен усилился…

Прижавшись всем телом к поверхности крыла, ухватившись рукой за ленту-расчалку, соединяющую верхнее крыло с нижним, Руфа медленно подползала к передней кромке. Туда, где светлел контейнер. Леля следила за каждым ее движением, боясь шелохнуться, переживая с ней каждое движение. Ей казалось, что не Руфа, а сама она ползет по крылу, каждую секунду рискуя сорваться.

Вот Руфа протянула руку к контейнеру и попыталась раскачать его. Но он не поддавался. Тогда она осторожно подтянулась на руках поближе и стала отвинчивать болты крепления. Все напрасно — контейнер не сбрасывался. Передохнув, она опять стала раскачивать контейнер…

Лучи прожекторов постепенно, один за другим, оставили самолет. Они переключились на другой По-2, который прилетел к цели и готовился бомбить ее. Мысленно Леля повторяла: «Руфочка,

ползи назад. Ну, дорогая. Скорее. Назад…»

Убедившись, что контейнер не сбросить, Руфа завернула винты, закрепив его в прежнем положении. Осторожно начала отползать. И только теперь ей стало страшно. Она почувствовала, как дрожат руки от напряжения, как тяжело ползти по гладкому крылу под напором встречного ветра…

Возле кабины она поднялась на ноги, держась рукой за борт. Оставался еще один шаг, один-единственный. Но силы вдруг покинули ее. Ноги налились свинцом и, словно чужие, не повиновались. Борт кабины выскальзывал из ослабевшей руки.

— Ну, Руфочка, держись! Держись!

Лелин голос донесся откуда-то издалека, будто во сне… Огромным усилием воли она заставила себя сделать еще шаг — и перевалилась за борт, упала в кабину.

Сначала Леля молчала. Потом, минуты через две-три, когда Руфа пришла в себя и как ни в чем не бывало спокойно произнесла: «Леля, возьми левее, вон на тот пожар», вдруг набросилась на нее:

— Ты что это придумала! Дуреха!! Соображаешь ты что-нибудь?! Да ты понимаешь, что могло

случиться? Понимаешь?!

— Я должна была сделать это, Леля. Иначе…

— Иначе, иначе…

— Ну, ничего же не случилось, — успокаивала ее Руфа.

Они обе умолкли, думая о том, что впереди их ждет еще одно испытание. Справа у передней кромки крыла светлел контейнер, наполненный горючей жидкостью. Толчок при посадке — и контейнер упадет, жидкость воспламенится…

При подходе к аэродрому Руфа выстрелила две красные ракеты — сигнал бедствия.

— На всякий случай… при посадке… будь готова выскочить из самолета.

Леля говорила отрывисто, и Руфа чувствовала, что вся она собранна и напряжена до предела. На посадку зашли так, чтобы приземлиться подальше от стартовых огней и самолетов.

На старте зажгли посадочный прожектор, и свет его упал на поле. Площадка не была идеально ровной, и даже при самом плавном приземлении возможны были толчки.

До последнего момента, когда колеса коснулись земли, Леля удерживала самолет от крена. Покачиваясь, он побежал по освещенному полю. Приземление было отличным, без единого толч-

ка. Контейнер все так же виднелся из-под крыла.

Пробежав немного по земле, самолет остановился. Леля медленно зарулила в сторону и выключила мотор. Со старта уже бежали техники и вооруженцы.

Обе облегченно вздохнули…

В сентябре 1943 года советские войска, прорвав «Голубую линию», пошли в наступление. Штурмом был взят Новороссийск. В этом штурме принимала участие группа из десяти экипажей женского авиаполка. Они были отправлены в район Геленджика, откуда летали бомбить передний край и оборонительные позиции врага под Новороссийском. Руководила этой группой заместитель командира по летной части Серафима Амосова. «Голубая линия» была прорвана в нескольких местах, и вскоре весь Таманский полуостров был освобожден от захватчиков.

Полк двигался вперед, перелетая все ближе к Крыму.

В освобожденных станицах местные жители рассказывали девушкам о том, что говорили немцы о женщинах-летчицах. «Ночные ведьмы» — так называли их гитлеровцы, утверждая, что это женщины-бандиты, выпущенные из тюрем… Жители рассказывали, как удачно бомбили

девушки, показывали, где ложились бомбы, где стояли немецкие зенитки и прожекторы.

За участие в освобождении Таманского полуострова 46-й гвардейский авиационный полк получил наименование «Таманский». Полгода в ночном кубанском небе — срок немалый. Шестнадцать летчиц и штурманов полка отдали свои жизни в этих боях.

В небольшом рыбачьем поселке Пересыпь полк задержался надолго, до весны 1944 года. Поселок был расположен на крутом берегу Азовского моря. Через него проходила дорога от Темрюка к Керченскому проливу.

Самолеты стояли на ровной площадке рядом с поселком. Площадка кончалась крутым обрывом — дальше, внизу, плескалось море…

Отсюда в течение нескольких месяцев девушки летали через пролив в район Керчи. Весь Керченский полуостров был забит прожекторами и зенитной артиллерией. К тому же глубокая осень, зима и начало весны не баловали хорошей погодой. Частые штормы, сильные северо-восточные ветры, низкая облачность, нагоняемая с моря, усложняли и без того тяжелые полеты.

Сначала там, за проливом, не было ни клочка «своей» земли. Потом десантники захватили

часть прибрежного района южнее Керчи.

При высадке морского десанта поднялся шторм. Катера, мотоботы, танкеры, на которых плыли под вражеским огнем десантники, разбросало по всему Керченскому проливу, и только немногие из них достигли крымского берега. Здесь, в районе небольшого поселка Эльтиген, десантники закрепились и держались в течение полутора месяцев, отрезанные от основных сил. Подбросить подкрепления с Большой земли было невозможно: гитлеровцы блокировали все подходы с моря. Моряки сидели без продовольствия, кончались боеприпасы. Им приходилось рассчитывать исключительно на собственную выдержку и стойкость. А гитлеровцы напирали, пытаясь сбросить десант в море.

Тогда на помощь десантникам были посланы самолеты По-2. В течение многих ночей девушки летали к Эльтигену. Снижаясь над поселком, с малой высоты сбрасывали они морякам мешки с боеприпасами, медикаментами, картошкой и сухарями.

Одна из таких ночей особенно запомнилась Руфе. Погода была отвратительная — низкая облачность, сильный ветер у земли, временами дождь.

Леля дежурила по полетам, и Руфа летела на задание с другой летчицей — Верой Тихомировой.

— Погодка что надо! — сказала Вера, забираясь в кабину. — Вряд ли нас там ждут сегодня…

— Тем лучше, — ответила Руфа. — Может быть, обстрела не будет.

Однако обстрел был. Как только самолет, пролетев над Керченским проливом, стал приближаться к берегу, открыли огонь немецкие морские катера. Перед мотором, рассекая тьму, взметнулись огненные трассы.

— Вправо, вправо отверни! — сказала Руфа.

Вера бросила самолет в сторону, но и там стреляли. Самолет летел низко, на высоте не более ста пятидесяти метров, и немцы находили его не только по шуму мотора — в темноте светились голубоватые выхлопы пламени из патрубков.

Убрав газ, Вера лавировала между пулеметными трассами. Высота падала.

Но вот под крылом зачернел берег. Катера остались позади. Руфа всматривалась в очертания береговой линии. Подправив курс, сказала:

— Видишь, поселок чуть левее. И светлое пятно. Заходи прямо на него. Только давай пониже спустимся.

Внизу, на площадке у школы, замигал огонек.

Кто-то из десантников с помощью карманного фонарика показывал, куда бросать мешки. В ответ Вера помигала ему самолетными огнями. Фонарик погас. С высоты двадцати-тридцати метров Руфа бросила мешки на площадку у светлого здания школы. Снова засигналил фонарик, — видно, ждали.

Обратно летели в сплошной темноте. Над проливом шел дождь. Чернота ночи сгустилась, и Руфе казалось, что самолет летит где-то в бездонной пропасти.

Ветер усилился. Море штормило. Дул знаменитый норд-ост. Самолет летел против ветра, продвигаясь вперед очень медленно.

Стартовые огни на аэродроме горели непрерывно, посадочную полосу освещал прожектор. Самолеты заходили на посадку один за другим. Видно было, как на земле каждый садящийся самолет встречают техники и вооруженцы, которые сразу же бросаются к нему, как только колеса коснутся земли. Самолет рулит, а они удерживают его за крылья и хвостовое оперение, чтобы не перевернуло порывом ветра…

Когда Вера посадила самолет, кто-то крикнул:

— Полеты запрещены!

Действительно, в такую погоду летать было

почти невозможно. Но все знали — моряки сидят на плацдарме без еды, без патронов. И хотя командир полка запретила полеты, она все же разрешила нескольким наиболее опытным экипажам продолжать боевые вылеты.

К Руфе подбежала Леля, дежурившая на старте:

— Ну как ты, Руфочка? Полетишь еще?

— Конечно. Вера готова.

— Я знаю…

Почему-то Леле не нравилось, когда Руфа летала с другими летчицами…

До утра Руфа с Верой слетали к Эльтигену еще два раза. На своем маленьком По-2 сквозь дождь и непогоду пробивались они к крымскому берегу. Зато как благодарили потом летчиц те моряки, которым удалось выйти живыми из этого кромешного ада.

В одну из напряженных боевых ночей над целью загорелся самолет Жени Рудневой. В ту ночь Женя, штурман полка, «вывозила» молодую, недавно прибывшую летчицу Прокопьеву.

Леля и Руфа уже возвращались с цели, когда зажглись прожекторы. Руфа оглянулась и увидела в перекрестье лучей самолет. Ярко освещенный, он казался светлым, беззащитным мотыльком. Вдруг снизу застрочила автоматическая зенитная

пушка «Эрликон». Это была та самая пушка, от которой Руфа с Лелей только что благополучно ускользнули.

Лучи прожекторов крепко держали маленький светлый самолетик, оказавшийся в самом центре разрывов. Но что это? Руфа заметила на самолете красное пятно… Пятно быстро увеличивалось, и скоро огонь охватил всю машину.

— Горит самолет, Леля!

— Кто вылетел за нами?

— Не знаю.

С земли взметнулись фонтаны огня. Четыре. Один за другим. Разрывы бомб. Это отбомбился по цели горящий самолет…

По-2 продолжал лететь на запад; не разворачиваясь. Руфа увидела, как вспыхнули огоньки, зеленые, белые, красные: это рвались ракеты. Они хранились в кабине штурмана. А может быть, в кармане комбинезона.

Вскоре самолет стал разваливаться на части. Вниз падали пылающие куски…

На земле девушки узнали: вернулись все самолеты, кроме одного, на котором вылетели Прокопьева и Руднева. Та самая Женя Руднева, у которой «не ладилось с физкультурой». Женя, которую Руфа хорошо знала еще по университету:

девушка была влюблена в астрономию, писала научные статьи, и ей прочили будущее ученого. Женя, которая блестяще освоила штурманскую профессию, и ее, новичка в авиации, не побоялись назначить штурманом полка. Женя, которую все в полку любили за человечность и душевную мягкость, за неутомимость и бесстрашие…

Утром после полетов к Руфе подошла Ира Ракобольская, начальник штаба полка. Собрались и другие университетские подруги Жени: Катя Рябова, Дуся Пасько, Аня Еленина, Лариса Радчикова…

— Как-то не верится, что Жени нет… Просто в голове не укладывается…

— Полк без Жени — это невозможно…

Говорить не хотелось. Несмотря на то что в полку было уже немало потерь, всех потрясла гибель Жени.

А спустя два дня началась операция по освобождению Крыма. После интенсивной артиллерийской подготовки и бомбардировки с воздуха немецких позиций наши войска перешли в наступление.

Гитлеровцы отступали. Колонны машин шли ночью с включенными фарами, чтобы не свалиться с обрыва на крутых горных дорогах. И

каждую ночь летали девушки бомбить эти автоколонны. Бомбили они и немецкий аэродром под Севастополем. Дважды Руфе удавалось бросить бомбы прямо по старту, где стояли готовые к вылету самолеты.

Крым был освобожден в течение месяца. Девятого мая взвился красный флаг над Севастополем, а еще через два дня война в Крыму кончилась.

Большой перелет из Крыма на Смоленщину девушки совершили на своих По-2 в несколько этапов, делая остановки в Мелитополе, Харькове, Курске, Брянске. 46-й гвардейский Таманский полк был передан в состав 2-го Белорусского фронта.

Конечный пункт — аэродром в Сеще, где до войны была крупная авиационная база. Потом этот большой аэродром использовали гитлеровцы.

Когда Леля зарулила самолет на стоянку и выключила мотор, первыми словами, которые произнесла Руфа, были:

— Какие чудесные березки! Леля, ты только посмотри, совсем как под Москвой…

Целая роща тоненьких нарядных березок, опушенных первой зеленью, тянулась по краю аэродрома. А над ней синело майское небо. И вспомнилось Руфе родное Подмосковье… И так

вдруг потянуло домой!

Два с половиной года прошло с тех пор, как она уехала из дому на войну. Сколько дорог пройдено за это время!

Донбасс. Первые вылеты… Отступление жарким, пыльным летом 1942 года. Станицы, хутора и пехота, пехота, бредущая по дорогам… Потом — битва за Кавказ. Полеты, полеты над горами, в туман и непогоду… «Голубая линия», где за самолетами ПО-2 охотились вражеские ночные истребители… Керченский полуостров с плотным заградительным огнем, с лесом прожекторов, с ветрами и штормовой погодой… И наконец, Севастополь. Два длинных года, заполненные бомбами, взрывами, зенитками.

И вдруг — родные березки!

Руфа смотрела и смотрела на них. Сердце защемило радостно и тоскливо, и на мгновение ей показалось, что войны нет. Просто — роща в Подмосковье, и она, Руфа, в легком платье бежит по лесу. И солнечные пятна мелькают на зеленой траве.

Руфа шла по тропинке и ласково прикасалась рукой к белым тонким стволам. Стояла тишина. Та особенная лесная тишина, которую так хорошо слушать…

Внезапно где-то недалеко раздался тяжелый взрыв. За ним еще один. Руфа остановилась, прислушиваясь.

— Мины подрывают, — сказала Леля. — Здесь ведь все было заминировано.

И сразу исчезла тишина. Продолжалась война…

Прошел месяц, и 2-й Белорусский фронт двинулся в наступление. Вклинившись во вражескую оборону, наши войска расчленили силы гитлеровцев и быстрым темпом пошли вперед, оставляя позади отдельные недобитые вражеские группировки, большие и маленькие.

Девушкам приходилось теперь летать не только за линию фронта — они часто бомбили крупные соединения немецких войск, оказавшиеся в окружении и нежелающие сдаваться. Гитлеровцы бродили по лесам группами и в одиночку. Иногда, изголодавшиеся и отощавшие, они сами шли сдаваться.

Однажды днем во время перелета на новую площадку Руфа заметила во ржи людей, которые пытались там прятаться.

— Леля, давай посмотрим поближе. Подверни немного вправо. Кажется, это немцы…

Пролетев бреющим над полем, девушки убе-

дились, что не ошиблись. Во ржи действительно прятались немцы. Их было довольно много. Кое-кто из них даже попытался стрелять в самолет.

На аэродроме Леля и Руфа рассказали о том, что видели. Отряд, выделенный батальоном обслуживания, прочесал поле и захватил несколько десятков пленных.

Руфа видела потом этих пленных, которые под конвоем уныло шли на сборный пункт. Теперь, когда гитлеровцы отступали под напором советских войск, они совсем не походили на прежних наглых «завоевателей».

Как-то раз Леля и Руфа получили задание бомбить днем. Большая группировка фашистских войск, оказавшаяся в нашем тылу, надеясь прорваться к своим основным силам, упорно сопротивлялась. Сложить оружие гитлеровцы отказывались. Тогда в полк пришел приказ: выделить несколько экипажей и пробомбить лес, где засели гитлеровцы.

Лететь среди бела дня на По-2 было опасно. Фашисты были хорошо вооружены, а ПО-2 с его малой скоростью представлял собой прекрасную мишень.

Когда самолет приблизился к лесу, гитлеровцы открыли по нему огонь из всех имевшихся у них

видов оружия. Стреляли из автоматов, пулеметов, зенитных орудий…

— Бросишь бомбы, и я сразу же спикирую. Приготовься! — предупредила Леля.

— Ладно. Еще немного… Буду бомбить по центру.

— Осторожно — слева пулемет!

По-2 шел на небольшой высоте, чуть выше трехсот метров. Маневрировать было трудно: стреляли кругом. Руфа напряженно ждала момента, когда они окажутся над центром леса. Рванула рычаг. Бомбы отделились от самолета.

— Давай!

Внизу грохнули взрывы, и сразу же Леля резко бросила машину к земле. Руфе даже показалось, что самолет падает…

На бреющем девушки пролетели над лесом, над самыми верхушками деревьев, и вскоре оказались у своего аэродрома.

Когда самолет приземлился, подошла Бершанская:

— Спасибо, девочки.

Голос у нее был хрипловатый, и Руфа поняла, что командир полка все еще волнуется.

Механик Тося придирчиво осмотрела самолет. Покачала головой и как-то чересчур уж сердито

сказала:

— Хорошо, что долетели. Смотрите, что делается…

И она показала им десятки мелких пробоин по всей машине. Вид при этом у нее был такой, будто это они сами изрешетили самолет. Тося тоже волновалась.

Спустя час гитлеровцы выслали парламентеров…

Через несколько дней перед началом полетов к Руфе подошла парторг полка Мария Рунт и сказала:

— Приехал представитель политотдела дивизии для вручения партийных билетов.

Кроме Руфы, партийные билеты получили в этот день еще три девушки. Представитель политотдела поздравил Руфу:

— Товарищ Гашева, мне очень приятно вручить партийный билет вам, отличному штурману не только полка, но и всей дивизии. Желаю вам дальнейших успехов!

Вечером из дивизии прилетел По-2 и привез боевую задачу. К Руфиному удивлению, из самолета вышел Михаил. Отдав пакет Бершанской, он подошел к Руфе:

— Я только на пять минут. Летал за боевой

задачей и для вас тоже прихватил. Наш аэродром отсюда ведь недалеко — в десяти километрах. Так что по пути…

Он всегда находил какой-нибудь повод, чтобы слетать в женский полк и хоть на минуту увидеть Руфу. И всегда оказывалось, что ему «по пути».

Руфа достала небольшую красную книжечку, которую она спрятала в карман гимнастерки, и протянула Михаилу:

— Вот, сегодня получила.

Он заулыбался:

— Очень рад за тебя. Прими от меня самые искренние поздравления…

Порывшись в кармане, он что-то вынул и вложил в Руфин партбилет.

— Что это? — спросила Руфа и покраснела, догадавшись, что это фотография. — Посмотреть можно?

— Пока лучше смотри на меня. Я скоро улечу…

Руфа рассмеялась. А Михаил тем временем достал свой партбилет и раскрыл его: там лежала фотография Руфы.

— Откуда же это? Я ведь не дарила.

— Это не важно. Рано или поздно…

— Что рано или поздно?

— Но ведь ты никому не дарила? — сказал Ми-

хаил не то вопросительно, не то утвердительно.

— Ладно, считай, что это я тебе дала фотографию.

— Ну, вот и прекрасно. Именно этого я и ждал.

Потом он вдруг стал серьезным:

— Вчера залетал в свою деревню. Недавно ее освободили…

Руфа знала, что его старики жили где-то под Оршей. Михаил говорил ей об этом.

— Ну, как родные? Живы?

— Живы отец, мать, сестра… Все там, конечно, разорено. Плохо им было… Один брат партизанил. А вот второго… второго немцы расстреляли. За связь с партизанами…

Они помолчали. Потом Михаил тихо сказал:

— Мне пора.

— Счастливого пути!

— Тебе удачных полетов!

Он быстро зашагал к самолету.

Этой ночью во время полетов Руфа все время чувствовала, что в левом кармане гимнастерки лежит она, красная книжечка, билет члена Коммунистической партии. Время от времени Руфа, как бы проверяя, на месте ли партбилет, притрагивалась к груди и сквозь ткань комбинезона и гимнастерки прощупывала его плотную

обложку.

— Леля, давай постараемся чем-нибудь отметить этот день…

— Все, что от меня зависит, пожалуйста!

В воздухе и на земле Руфа берегла каждую минуту, экономила каждый километр пути. Полет за полетом, на цель и обратно… Один, два, пять, семь… За ночь они с Лелей сделали восемь боевых вылетов, на два вылета обогнав остальные экипажи. Результаты были отличные. Им удалось разбомбить склад боеприпасов. Восьмой раз самолет взлетал уже утром, в предрассветной мгле. Вернулись девушки последними, когда все летчики уже разрулили свои машины по стоянкам.

— Ну, довольна? — спросила Леля.

— Еще бы!

Руфа усталым движением стянула с головы шлем.

Из-за деревьев вставало солнце нового дня.

И вот уже освобождена Белоруссия. Стремительно продвигаясь вперед, войска 2-го Белорусского фронта вступили на польскую землю.

Был август. Полк стоял в бывшем помещичьем имении. Девушки летали бомбить врага за рекой Нарев, в районе польских городов Ломжа, Остроленка, Вышкува.

В эти дни погибли летчица Таня Макарова и штурман Вера Белик. Их самолет был сбит немецким ночным истребителем. Горящий По-2 упал возле передовой. Этот экипаж считался одним из лучших в полку. Девушки летали вместе с первого дня, почти три года.

После этого случая в полку появились наконец парашюты. До сих пор летали без парашютов: вместо них брали дополнительный груз бомб…

Как-то днем были проведены тренировочные прыжки с парашютом для тех, кто никогда не прыгал. Руфа прыгнула дважды. Все прошло отлично, и ей даже понравилось.

Вообще к парашютам относились недостаточно серьезно. И тогда уже, когда их ввели в обязательном порядке, девушки часто ворчали: «И так еле ноги волочишь после полетов, а тут еще парашюты тащить…»

Действительно, сделав за ночь по нескольку вылетов, девушки просто падали от усталости.

Но все же парашюты пригодились. И в первую очередь Руфа испытала это на себе…

…В ту декабрьскую ночь Леля и Руфа, уже сделав два вылета, поднялись в воздух в третий раз. Для Руфы это был восемьсот тринадцатый боевой вылет. Железнодорожная станция Насельск,

которую они бомбили, находилась севернее Варшавы.

Прицелившись, Руфа сбросила бомбы. Самолет обстреляли. Развернувшись, Леля взяла курс домой.

— Обстрел прекратился, — сказала Руфа.

Далеко впереди поблескивала лента реки Нарев. Линия фронта была уже близко, когда Руфа вдруг увидела, что горит правое крыло. Сначала она не поверила своим глазам:

— Леля! Ты видишь?

Леля молча кивнула. У Руфы неприятно засосало под ложечкой: внизу чужая земля, немцы… Вспомнилась Кубань и тот полет, из которого они с Лелей не вернулись. Это было полтора года назад. Сейчас Руфа опять переживала тревожно-гнетущее чувство, как и в тот раз, когда остановился мотор и они летели в темноте, теряя высоту, и знали, что не долетят, не перетянут через линию фронта. Тогда все кончилось благополучно. А теперь? Что ждет их теперь?

Огонь быстро расползался в стороны, подбираясь все ближе к кабине. Леля тянула время, — видно, надежда долететь до линии фронта не покидала ее. Но вот уже медлить нельзя… Руфа услышала голос командира:

— Руфа, быстрее вылезай! Прыгай!

Машинально ощупав парашют, Руфа начала выбираться из кабины. Все еще не верилось, что придется прыгать. Обеими ногами она стала на крыло — в лицо ударила горячая волна, всю ее обдало жаром. Руфа успела лишь заметить, что Леля тоже вылезает, — и тут же ее сдуло струей воздуха…

Падая, она дернула за кольцо. Но парашют почему-то не раскрылся, и Руфа камнем понеслась в черную пропасть. Ее охватил ужас, и она, собрав все силы, рванула кольцо еще раз. Тут ее сильно тряхнуло, и над головой раскрылся белый купол.

Приземлилась Руфа благополучно. Отстегнув лямки, она высвободилась из парашюта и отползла в сторону. Сначала в темноте трудно было что-нибудь разобрать. На земле стоял сильный грохот, — казалось, стреляли сразу со всех сторон. Хотелось куда-нибудь спрятаться. Она нашла воронку от снаряда и залезла в нее.

Первое, что увидела Руфа, оглядевшись, был По-2, пылавший на земле. Он показался ей живым существом, боевым товарищем, принявшим смерть без крика, без стонов, как и подобает настоящему воину.

Несмотря на холод, ей было жарко, лицо горело.

В висках стучало, и почему-то назойливо лез в голову веселый мотив из «Севильского цирюльника».

Нужно было успокоиться, сосредоточиться. Вынув пистолет, Руфа положила руки на край воронки, опустила на них голову и прижалась лбом к холодному металлу. Мысли постепенно пришли в порядок. Прежде всего она должна определить, где восток, — там линия фронта. Но как? Звезды не просматривались: было облачно. Значит, по приводным прожекторам. Их было несколько, и все они работали по-разному. Сообразив наконец, где находится передовая, она поползла в ту сторону.

Она ползла машинально, а в голове молотом стучала одна и та же мысль: «Леля! Где Леля? Что с ней? Благополучно ли приземлилась? Может быть, она ушиблась, сломала ногу и лежит одна, беспомощная? А может быть, ее схватили немцы?» И снова Руфа вспоминала Кубань, когда они вместе ползли, перебираясь через линию фронта. Вместе…

Вдруг рука ее наткнулась на что-то холодное, металлическое. Осторожно Руфа ощупала предмет. Он имел цилиндрическую форму. Мина! Что же делать? Здесь было минное поле. Руфа

огляделась вокруг, но в черной тьме не увидела ничего. Только сзади, на небольшой горке, где она приземлилась, белел парашют.

Так ничего и не придумав, она снова двинулась вперед, шаря перед собой рукой, а потом палкой, как будто это могло спасти ее. Через некоторое время перед ней возникла стена из колючей проволоки. Она попыталась подлезть под проволоку, но у нее ничего не получилось. И тут при свете вспыхнувшей ракеты Руфа увидела совсем близко небольшую группу людей, человека три-четыре. Они быстро шли, пригнувшись к земле, по направлению к белевшему в темноте парашюту. Руфа замерла на месте: свои или немцы?

Когда они прошли, она снова сделала попытку пробраться через проволоку. Долго возилась, исцарапала руки и лицо, порвала комбинезон. Наконец ей удалось преодолеть препятствие.

Через некоторое время ей показалось, что впереди разговаривают. Она подползла поближе, прислушалась. И вдруг совершенно отчетливо услышала отборную русскую ругань, которая в эту минуту прозвучала для нее как чудесная музыка. Свои! Она встала во весь рост и крикнула:

— Послушайте, товарищи!..

В ответ закричали:

— Давай сюда, родная!

И сразу же другой голос:

— Стой! Осторожно: тут мины!

Но Руфа уже была в траншее. Только тут она почувствовала, как устала. Ноги заледенели: унты были потеряны. На одной ноге остался меховой носок, другого не было. Его потом нашли и передали Руфе солдаты, ходившие к парашюту искать ее.

В траншее Руфу окружили бойцы, дали горячего чая, кто-то снял с себя сапоги и предложил ей. Потом ее повели на командный пункт.

Долго шли по извилистой траншее, пока не уткнулись в блиндаж. Руфа двигалась как в тумане. В насквозь прокуренном помещении было много народу. Руфу расспрашивали, она отвечала. Качали головой: чуть бы раньше прыгнуть — и снесло бы прямо к немцам.

Ширина нейтральной полосы, на которую она приземлилась, была не больше трехсот метров. Отсюда, с земли, всё видели: как загорелся самолет, как падал.

Ей хотелось спросить о Леле, но она не могла решиться. «Почему они не говорят о ней ни слова? Почему?» — думала Руфа. И, словно угадав ее мысли, кто-то произнес:

— А подружке вашей не повезло — подорвалась на минах.

Это было сказано таким спокойным, ко всему привычным голосом, что Руфа не сразу поняла. А когда смысл этих слов дошел до ее сознания, внутри у нее будто что-то оборвалось…

Она автоматически продолжала отвечать на вопросы, но все окружающее перестало для нее существовать. Все, кроме Лели. «Подорвалась… Леля подорвалась…»

— Она тоже шла через минное поле. Но там были мины противопехотные. А вы наткнулись на противотанковые, потому и прошли.

«Да, да… Я прошла. А вот Леля…»

Потом Руфу куда-то повезли на машине. Машина подъехала к землянке. Руфа оказалась перед генералом. Он задал ей несколько вопросов. Она односложно отвечала, ничего не понимая, не чувствуя, как каменная. Генерал протянул ей стакан:

— Пей!

Это был спирт. Покачав головой, Руфа отказалась:

— Не хочу.

Тогда он решительно приказал:

— Пей, тебе говорят!

Она выпила спирт как воду. Потом пришла медсестра, дала снотворное, но Руфа не уснула. Она знала: на рассвете Лелю должны были вынести с минного поля. Уставившись стеклянными глазами куда-то в угол, она сидела и ждала рассвета. И опять в ушах звучал все тот же веселый мотив.

Часто приходила медсестра, что-то говорила. В памяти у Руфы оставалось только то, что касалось Лели.

Утром Лелю должны были принести. За ней пойдут саперы… А может быть, она жива?

Наступило утро. Лелю нашли, принесли. Руфа вышла из землянки посмотреть на нее. Леля лежала на повозке, и казалось, что она спит, склонив голову на плечо. Руфа видела только лицо, все остальное было закрыто брезентом.

Перед Руфой на повозке лежала Леля. Она была мертва. Ей оторвало ногу и вырвало правый бок. Все это Руфа уже знала. Но ничто не шевельнулось в ней. Она равнодушно смотрела на подругу, как будто это была не она, а груда камней.

Потом приехали летчицы из полка. Обнимали, утешали Руфу, старались отвлечь от мыслей о Леле. Когда сели в машину, Руфа сняла сапоги — передать солдату. Ей укутали ноги, и всю дорогу она молчала.

Спустя час показался аэродром и на нем — замаскированные самолеты По-2. Машина въехала в большой тенистый парк и остановилась у дома, где жили летчицы. Руфа сразу же встрепенулась, заспешила и, выпрыгнув из машины, босиком побежала в свою комнату. Ей казалось, что настоящая Леля там, живая…

Два дня она лежала с открытыми глазами на койке и никак не могла уснуть. Возле нее дежурили, давали ей порошки. Она послушно принимала их, но сон все равно не приходил.

Лелю решили похоронить в Гродно, на советской территории. Когда Руфа узнала, что Лелю увезут, то ночью пошла проститься с ней. Девушки-часовые пропустили Руфу в клуб, где лежала Леля. Медленно подошла она к гробу и упала… Очнулась она у себя в комнате. В тот же день Руфу отправили в санаторий, где она пробыла почти месяц. Первое время она не могла ни спать, ни есть, ни на что не реагировала, словно совсем выключилась из жизни. Врачи говорили, что у нее психотравма.

Целые дни Руфа проводила у камина одна. Уставившись в одну точку, молча смотрела, как полыхает огонь. Она не могла оторвать глаз от пляшущих языков пламени. Ей все казалось, что

она сидит в самолете, а пламя ползет по крылу, приближаясь к кабине.

Все, что случилось в ту ночь, никак не могло улечься в голове, стать прошлым. Отдельные моменты пережитого вдруг живо всплывали в памяти. Только Руфа никак не могла связать их вместе, и это было мучительно…

Но однажды, когда она, как обычно, сидела, тупо уставившись в огонь, обрывки воспоминаний как-то сами собой соединились, и ей стало легче. Вечером она уснула и впервые за все это время проспала до утра.

А еще через несколько дней Руфа вернулась в полк. Сначала она опасалась: а вдруг после всего пережитого она будет бояться летать? Ведь иногда случается такое. Но все обошлось. Она снова начала летать на боевые задания, с хорошей летчицей — Надей Поповой. Надя была энергичная и веселая девушка, много смеялась. На Лелю она ничем не была похожа, но в полете Руфа часто называла ее Лелей…

В начале 1945 года в полк пришло известие: девяти девушкам, летчикам и штурманам, присвоено звание Героя Советского Союза. Из них троим посмертно: Леле Санфировой, Тане Макаровой и Вере Белик.

В феврале в польском городе Тухоля командующий фронтом маршал К. К. Рокоссовский вручил «Золотые Звезды» награжденным.

Получила высокую награду и Руфина Гашева, один из лучших штурманов полка. На ее долю за эти годы выпало немало испытаний, и она с честью справилась с ними. Руфу любили и уважали в полку, и девушки от всего сердца поздравляли ее с высоким званием Героя. Вместе с Руфой получила «Золотую Звезду» Героя и Катя Рябова, которая тоже была штурманом эскадрильи.

На праздник, устроенный в местном театре, приехал Михаил. Поздравил Руфу и, конечно, как всегда, добавил:

— Вообще-то, я бы не пускал девушек на войну… Особенно таких…

— Каких?

— Прытких!

— Ну, пора бы уж и привыкнуть, — усмехнулась Руфа.

Она стояла перед ним и улыбалась, вся собранная, светлая, сияя зелеными глазами на смуглом лице. Небольшая тяжелая звездочка поблескивала на темной гимнастерке…

Кончилась война. Перестал существовать 46-й гвардейский Таманский авиаполк. Девушки

разъехались по домам. Некоторые остались в авиации, но большинство вернулись к прерванной учебе, к мирной работе.

Руфа окончила Военный институт иностранных языков. Некоторое время она еще оставалась в армии, работая преподавателем английского языка в военной академии. Потом демобилизовалась. Последние годы Руфина Сергеевна работает редактором военно-технической литературы.

Много событий произошло в жизни Руфины Гашевой после войны. Она ездила на всемирный слет демократической молодежи в Лондон, на студенческий конгресс в Прагу, на слет славянских женщин-антифашистов в Болгарию. Руфину Сергеевну Гашеву хорошо знают в Советском комитете ветеранов войны.

После войны у Руфины родился сын Володя. Сейчас он учится на геологическом факультете, на третьем курсе. А дочь Маринка в третьем классе. Марина Михайловна… Так звали отважную летчицу Раскову.

Маленькая Маринка, светловолосая и голубоглазая, очень похожа на своего отца, Михаила Пляца, того самого младшего лейтенанта, который когда-то провожал Руфу в первый боевой полет.

Михаил Степанович, полковник авиации, вспоминая тот день, всегда шутит:

— Подумать только, Руфина, что было бы, если б я тогда подошел не к тебе, а к другой…

А Руфина отвечает:

— Я думаю, что ничего бы не изменилось.

Глаза у нее смеются. Они и сейчас такие же зеленые и решительные, как двадцать пять лет назад.

Письма… Их приходит так много, что Руфина едва успевает отвечать. Однажды пришло письмо, которое особенно взволновало ее. Писал солдат-пехотинец Силкин Владимир Павлович.

«Уважаемая Руфина Сергеевна!

Я также участник Отечественной войны, но не летчик, а обыкновенный пехотный разведчик. У меня в памяти остался эпизод, когда ночью сбили самолет По-2 над передним краем немецкой обороны и из него выпрыгнули на парашютах два человека, которые приземлились между немецкой и нашей обороной. Вскоре мы услышали взрыв и крик женщины: „Помогите!“

Мы немедленно кинулись на помощь, но все место было заминировано. Прежде чем мы успели подползти к летчице, мы нашли ее парашют. Двое из моих товарищей тоже подорвались на

минах. Потом летчица, уже раненная, вторично наползла на мину. Сильный взрыв… Рядом со мной падает воротник комбинезона. Немцы непрерывно стреляют. Только утром мы смогли подобрать летчицу и унести. Другая была счастливее: она приземлилась правее, на противотанковых минах. Кто были эти летчицы, мы не знали. И живую не удалось как следует рассмотреть.

И вот теперь, когда я прочитал очерк в газете, мне кажется, что там приведен именно тот случай, который мне пришлось видеть своими глазами. Если мне не изменяет память, то это было в Польше, недалеко от населенных пунктов Буда, Обремб и Пашковица…

Знал я и того солдата, который дал Вам сапоги. Его фамилия Мороз, он погиб спустя полтора месяца после этого случая с Вами».

Фронтовые годы не забываются. Это на всю жизнь. Часто, очень часто вспоминает Руфа войну, полеты, бомбежки и своих боевых подруг, тех, кто не вернулся, кто не дожил. Вспоминает Лелю. И часто к ней возвращается мысль, которая долго преследовала ее после Лелиной гибели: «Я прошла. А вот Леля…»

Тогда она смотрит на Володю, на Маринку и ду-

мает о том, что их счастье добыто дорогой ценой.

Приложения

ДИСЛОКАЦИИ 46-го гвардейского краснознаменного, ордена Суворова III ст. Таманского авиаполка ночных бомбардировщиков в годы Великой Отечественной войны

27.10.1941 — 23.5.1942 Энгельс Саратовской обл., Энгельская школа пилотов (ЭВАШП), в составе 122-й авиагруппы: обучение личного состава. 588-й (затем 46-й гвардейский) полк сформирован в феврале 1942 г.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

27.5.1942 — 15.6.1942 Труд Горняка

15.6.1942 — 25.6.1942 Радионово-Несвятаево

25.6.1942 — 13.7.1942 Шахты

13.7.1942 — 22.7.1942 Ольгинская

22.7.1942 — 26.7.1942 Конезавод № 1, Ясная Поляна

26.7.1942 — 29.7.1942 Конезавод № 2, Поляна

29.7.1942 — 30.7.1942 Покровское

30.7.1942 — 2.8.1942 Боровский

2.8.1942 — 3.8.1942 Спицевское

3.8.1942 — 4.8.1942 Бешпагир

4.8.1942 — 6.8.1942 Солдато-Александровская

6.8.1942 — 9.8.1942 Эльхотово
ЗАКАВКАЗСКИЙ ФРОНТ
9.8.1942 — 10.8.1942 Нестеровская
10.8.1942 — 13.8.1942 Грозный
13.8.1942 — 7.1.1943 Ассиновская
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ
7.1.1943 — 12.1.1943 Екатериноградская
12.1.1943 — 20.1.1943 Солдато-Александровская
20.1.1943 — 27.1.1943 Александровская
27.1.1943 — 30.1.1943 Красное
30.1.1943 — 6.2.1943 Новоалександровская
6.2.1943 — 15.2.1943 Челбасская
15.2.1943 — 4.3.1943 Новоджерелиевская
4.3.1943 — 11.5.1943 Пашковская
11.5.1943 — 17.9.1943 Ивановская
17.9.1943 — 9.10.1943 Маевский
9.10.1943 — 12.10.1943 Курчанская
12.10.1943 — 20.10.1943 Ахтанизовская
ОТДЕЛЬНАЯ ПРИМОРСКАЯ АРМИЯ
20.10.1943 — 12.4.1944 Пересыпь
12.4.1944 — 13.4.1944 Чурбаш
13.4.1944 — 15.4.1944 Карач
4-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
15.4.1944 — 27.4.1944 Карловка
27.4.1944 — 13.5.1944 совхоз Чеботарский
ЗАПАДНЫЙ, затем 2-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ

13.5.1944 — 21.6.1944 Пустынка — Сеща
21.6.1944 — 25.6.1944 Пустынский монастырь
25.6.1944 — 28.6.1944 Зубовка
28.6.1944 — 29.6.1944 Ясновичи
29.6.1944 — 6.7.1944 Затишье
6.7.1944 — 8.7.1944 Ясновка
8.7.1944 — 9.7.1944 Мир
9.7.1944 — 13.7.1944 Новоселы
13.7.1944 — 19.7.1944 Новосельня
19.7.1944 — 20.7.1944 Хвенково
20.7.1944 — 31.7.1944 Головоче
31.7.1944 — 10.8.1944 Изааки (Польша)
10.8.1944 — 18.8.1944 Галицке — «—
18.8.1944 — 5.9.1944 Курово — «—
5.9.1944 — 18.9.1944 Вежбово — «—
18.9.1944 — 13.1.1945 Далеке — «—
13.1.1945 — 20.1.1945 Сомянка — «—
20.1.1945 — 25.1.1945 Выжичи — «—
25.1.1945 — 5.2.1945 Буры — «—
5.2.1945 — 9.2.1945 Шарлоттенвердер (Германия)
9.2.1945 — 1.3.1945 Слуп — «—
1.3.1945 — 5.3.1945 Мариенвердер — «—
5.3.1945 — 13.3.1945 Тухель — «—
13.3.1945 — 14.4.1945 Зитценхютте — «—
14.4.1945 — 29.4.1945 Бухгольц — «—

29.4.1945 — 2.5.1945 Людвигсдорф — «—
2.5.1945 — 20.5.1945 Брун — «—

5 мая полк закончил боевые действия, 20 мая перелетел в пункт Альт-Резе на отдых, в июне 1945 г. перелетел в Польшу, в г. Швейдниц, где и был расформирован 15 октября 1945 г.

БОЕВОЙ ПУТЬ 46-го гвардейского Таманского, орденов Красного Знамени и Суворова III степени ночного легкобомбардировочного авиационного полка

1941 год. По приказу Сталина от 8 октября 1941 г. началось формирование трех женских полков. ЦК ВЛКСМ был объявлен призыв девушек, добровольно желающих вступить в ряды Советской армии. Формирование поручено Герою Советского Союза Марине Расковой. При Энгельсской авиашколе пилотов создана авиагруппа 122. Здесь девушки овладевали военными специальностями. 6 февраля 1942 г. из авиагруппы был выделен 588-й авиаполк ночных бомбардировщиков. Командиром полка назначена Е. Д. Бершанская.

27 мая 1942 г. полк прибыл на Южный фронт и вошел в состав 218-й дивизии 4-й Воздушной армии.

Июнь 1942 г. Полк получил боевое крещение на Южном фронте, нанося бомбовые удары по переправам через реки Миус, Северный Донец, Дон; по войскам противника, движущимся по дорогам Сальских степей и в пригородах Ставрополя.

Август — декабрь 1942 г. Личный состав полка участвовал в обороне Владикавказа. Уничтожал скопления войск и техники противника в районах Моздок, Прохладная, Дигора.

Январь 1943 г. Полк участвовал в прорыве оборонительных линий противника на реке Терек и в наступательных операциях наземных войск в районе Ставрополя и долины реки Кубань.

Март — сентябрь 1943 г. Личный состав полка принимал участие в наступательных операциях по прорыву оборонительной линии противника «Голубая линия» на Таманском полуострове и участвовал в освобождении Новороссийска.

Ноябрь 1943 г. — май 1944 г. Боевые действия полка были направлены на содействие высадке военно-морских десантов на Керченском полуострове, прорыву оборонительных укреплений фашистов в районе Керчи. Особо напряженными были задания по оказанию помощи нашему морскому десанту при высадке в п. Эльтиген. Полк выполнял задания по освобождению Крыма и

Севастополя.

Июнь-июль 1944 г. Бои по прорыву обороны противника на реке Проня и бои за освобождение Могилева, Червеня, Быхова, Минска, Белостока.

С августа 1944 г. летчики полка совершали боевые вылеты на территории Польши, участвовали в освобождении от немецко-фашистских войск польских городов Августув, Варшава, Остроленок.

Январь 1945 г. Полк сражается в Восточной Пруссии, содействует форсированию реки Нарев.

Февраль 1945 г. Летчики наносят бомбовые удары по врагу при форсировании реки Висла и взятии советскими войсками города Грауденц.

Март 1945 г. Полк участвовал в освобождении городов Гдыни и Гданьска.

Апрель-май 1945 г. Полк помогал наземным частям Советской армии в прорыве обороны противника на реке Одер, нанося бомбовые удары по отступающему противнику. Последними целями полка были базы по строительству ракет в Свинемюнде. Конец войны полк встретил севернее Берлина, под Нойбранденбургом.

За годы Великой Отечественной войны полк совершил более 24 тысяч боевых ночных самолетовылетов.

В феврале 1943 г. за активную и успешную боевую работу по освобождению Северного Кавказа полк был переименован в 46-й гвардейский.

За освобождение Кубани и Таманского полуострова полку было присвоено наименование «Таманский».

За участие в освобождении Феодосии полк награжден орденом Красного Знамени.

За бои по освобождению Белоруссии полк награжден орденом Суворова III степени.

Весь личный состав полка награжден орденами и медалями Советского Союза.

23 летчика и штурмана полка удостоены звания Героя Советского Союза, пять из них посмертно. Позднее два штурмана получили звание Герой России.

22 раза полк получал благодарность в приказах Верховного главнокомандования. 8 раз Москва салютовала части подполковника Бершанской.

15 октября 1945 г. полк был расформирован. Личный состав полка демобилизован. Знамя полка сдано в музей Советской армии.

СОСТАВ 588-го авиаполка перед вылетом на фронт в мае 1942 г.

1. Командир полка Евдокия Давидовна Бершанская

2. Комиссар полка Евдокия Яковлевна Рачкевич

3. Начальник штаба Ирина Ракобольская

4. Нач. оперативного Анна Еленина отдела

5. Нач. строевого Раиса Маздрина (выбыла из отдела полка на учебу в декабре 1943 г.)

6. Нач. шифровального Нина Волкова отдела

7. Нач. химической Тамара Гумилевская службы

8. Начсвязи Валентина Ступина (умерла в госпитале от болезни 8.9.1943 г.)

9. Писарь штаба Нина Колбасина

10. Машинистка Анна Душина

11. Нач. особого отдела Зинаида Горман

12. Врач полка Ольга Жуковская (в 1943 г. переведена в другой полк)

13. Парторг полка Мария Рунт

14. Комсорг полка Ольга Фетисова (с 1944 г. нач. строевого отдела)

15. Штурман полка Софья Бурзаева (выбыла по состоянию здоровья в 1943 г.)

16. Старший инженер полка Софья Озеркова

17. Инженер по вооружению Надежда Стрелкова

18. Инженер по спецоборудованию Клавдия Илюшина

19. Комиссар эскадрильи Ксения Карпунина (выбыла из полка в 1943 г.)

20. Комиссар эскадрильи Ирина Дрягина (выбыла в 1943 г.)

21. Адъютант эскадрильи Антонина Ефимова (умерла от болезни в 1942 г.)

22. Адъютант эскадрильи Галина Докутович (переведена на должность штурмана звена, погибла в 1943 г.)

23. Старшина эскадрильи Нина Данилова (затем штурман)

24. Старшина эскадрильи Нина Худякова (затем укладчик парашютов)

Летный состав

1. Командир эскадрильи Серафима Амосова (затем зам. комполка по летной части)

2. Штурман эскадрильи Лариса Розанова (затем штурман полка)

3. Замкомандира эскадрильи Дина Никулина (затем командир АЭ)

4. Начсвязи АЭ, штурман Евгения Жигуленко (затем летчик, командир звена)

5. Летчик Зоя Парфенова (затем замкомандира АЭ)

6. Штурман Евдокия Пасько (затем штурман АЭ)

7. Командир звена Евгения Крутова (погибла 1 авг. 1943 г.)

8. Штурман звена Евгения Руднева (затем штурман полка, погибла 9 апреля 1944 г.)

9. Летчик Нина Распопова (затем командир звена)

10. Штурман Лариса Радчикова

11. Летчик Екатерина Пискарева (затем командир звена)

12. Штурман Лидия Свистунова (затем штурман АЭ; погибла в 1943 г.)

13. Командир звена Татьяна Макарова (погибла в 1944 г.)

14. Штурман звена Вера Белик (погибла в 1944 г.)

15. Летчик Нина Худякова (затем замкомандира АЭ)

16. Штурман Екатерина Тимченко

17. Летчик Марина Чечнева (затем командир АЭ)

18. Штурман Ольга Клюева

19. Командир АЭ Любовь Ольховская (погибла в 1942 г.)

20. Штурман АЭ Вера Тарасова (погибла в 1942 г.)

21. Замкомандира АЭ Мария Смирнова (затем

командир АЭ)

22. Начсвязи АЭ, штурман Наталья Меклин (затем летчик, командир звена)

23. Комиссар АЭ, летчик Ирина Дрягина (ушла из полка в 1943 г.)

24. Штурман Татьяна Сумарокова (затем штурман АЭ)

25. Командир звена Надежда Попова (затем командир АЭ)

26. Штурман звена Екатерина Рябова (затем штурман АЭ)

27. Летчик Ирина Себрова (затем командир звена)

28. Штурман Руфина Гашева (затем штурман АЭ)

29. Летчик Полина Макогон (затем командир АЭ, погибла в 1943 г.)

30. Штурман Нина Ульяненко (затем летчик, командир звена)

31. Командир звена Надежда Тропаревская

32. Штурман звена Раиса Аронова (затем командир звена, летчик)

33. Летчик Евдокия Носаль (затем командир звена, погибла в 1943 г.)

34. Штурман Полина Гельман (затем штурман звена)

35. Летчик Прасковья Белкина (погибла в 1943 г.)

36. Штурман Хиваз Доспанова (затем начсвязи полка)

37. Командир звена связи Вера Тихомирова (затем замкомандира АЭ)

Всего летного состава с командиром полка, штурманом полка и адъютантом Галиной Докутович было 40 человек. Из них погибло 11 девушек. 22 было присвоено звание Героев Советского Союза и Героев России — это больше половины вышедших на фронт. После ранения не смогли летать две, три выбыли из полка. Четыре штурмана переучились на летчиков.

Старшие техники эскадрилий, техники звеньев, механики самолетов

1. Татьяна Алексеева
2. Римма Прудникова
3. Мария Щелканова
4. Вера Дмитриенко
5. Евдокия Коротченко
6. Зинаида Радина
7. Антонина Калинкина
8. Софья Лаврентьева
9. Антонина Вахромеева
10. Зинаида Петрова (переучилась на штур-

мана)

11. Ольга Евполова

12. Александра Платонова

13. Галина Корсун

14. Ирина Каширина (переучилась на штурмана, погибла в 1943 г.)

15. Мария Никитина (переучилась на летчика)

16. Мэри Жуковицкая (назначена адъютантом АЭ)

17. Мария Кропина

18. Елена Паклина

19. Валентина Шеянкина

20. Любовь Варакина (ушла из полка, погибла в новой части)

21. Тамара Фролова (переучилась на штурмана, погибла в 1943 г.)

22. Александра Попова (переучилась на штурмана).

Из 22 человек 5 начали летать, 2 погибли.

Старшие техники, техники, мастера по вооружению

1. Лидия Гогина

2. Александра Хорошилова (затем комсорг полка, летала штурманом)

3. Мария Марина

4. Зинаида Вишнева

5. Нина Бузина
6. Любовь Ермакова
7. Раиса Харитонова (затем механик самолета)
8. Вера Маменко (затем механик самолета)
9. Анна Шерстнева (затем механик самолета)
10. Матрена Юродьева (затем механик самолета)
11. Елизавета Рыбальченко (затем механик самолета)
12. Мария Логачева
13. Александра Акимова (затем штурман АЭ)
14. Валентина Лучинкина (затем штурман)
15. Татьяна Масленникова (затем штурман)
16. Надежда Студилина (затем штурман)
17. Лидия Целовальникова (затем штурман)
18. Полина Петкилева (затем штурман)
19. Евгения Павлова (затем штурман)
20. Анастасия Пенчук (затем штурман)
21. Анна Сергеева
22. Клавдия Лопухина
23. Галина Комкова (переведена в политотдел 4-й ВА в 1943 г.)
24. Татьяна Ломакина
25. Нина Горелкина (выбыла в 1943 г.)
26. Мария Федотова

Из 26 девушек 8 стали летать штурманами, 5

стали механиками самолета, 3 выбыли из полка. Одна получила звание Героя России.

Техники и механики по спецоборудованию

1. Антонина Павлова (затем штурман)
2. Полина Ульянова (затем штурман)
3. Ольга Голубева (затем штурман)
4. Вера Бондаренко
5. Зоя Васильева
6. Юлия Ильина

Итого 115 человек.

СПИСОК ВСЕХ СЛУЖИВШИХв 46-м гвардейском авиаполку

1. Командир полка Евдокия Бершанская
2. Комиссар, затем замкомандира полка по политической части Евдокия Рачкевич
3. Заместитель командира полка по летной части Серафима Амосова
4. Начальник штаба полка Ирина Ракобольская
5. Начальник оперативного отдела штаба полка Анна Еленина
6. Начальник строевого отдела штаба полка Раиса Маздрина
7. Начальник строевого отдела штаба полка Ольга Фетисова

8. Начальник шифровального отдела штаба полка Нина Волкова
9. Начальник химической службы Тамара Гумилевская
10. Начальник связи Валентина Ступина
11. Начальник связи Хиваз Доспанова
12. Начальник особого отдела Зинаида Горман
13. Парторг полка Мария Рунт
14. Комсорг полка Александра Хорошилова
15. Писарь штаба Нина Колбасина
16. Писарь штаба Нина Сердюк
17. Машинистка штаба Анна Душина
18. Адъютант командира полка Анна Смирнова
19. Врач полка Ольга Жуковская
20. Врач полка Надежда Мартынова
21. Врач полка Валентина Максимова
22. Командир эскадрильи Любовь Ольховская
23. Командир эскадрильи Дина Никулина
24. Командир эскадрильи Мария Смирнова
25. Командир эскадрильи Ольга Санфирова
26. Командир эскадрильи Полина Макогон
27. Командир эскадрильи Марина Чечнева
28. Командир эскадрильи Надежда Попова
29. Комиссар эскадрильи Ксения Карпунина
30. Комиссар эскадрильи Ирина Дрягина

31. Адъютант эскадрильи Антонина Ефимова
32. Адъютант эскадрильи Анастасия Шарова
33. Адъютант эскадрильи Мария Ольховская
34. Адъютант эскадрильи Мэри Жуковицкая
35. Адъютант эскадрильи Лидия Николаева
36. Замкомандира эскадрильи Нина Худякова
37. Замкомандира эскадрильи Магуба Сыртланова
38. Замкомандира эскадрильи Зоя Парфенова
39. Замкомандира эскадрильи Евдокия Носаль
40. Замкомандира эскадрильи Мария Тепикина
41. Замкомандира эскадрильи Вера Тихомирова
42. Командир звена Татьяна Макарова
43. Командир звена Нина Распопова
44. Командир звена Наталья Меклин
45. Командир звена Ирина Себрова
46. Командир звена Евгения Жигуленко
47. Командир звена Нина Ульяненко
48. Командир звена Раиса Аронова
49. Командир звена Раиса Юшина
50. Командир звена Екатерина Пискарева
51. Командир звена Клавдия Серебрякова
52. Командир звена Екатерина Олейник
53. Летчик Людмила Клопкова

54. Летчик Надежда Тропаревская
55. Летчик Анна Малахова
56. Летчик Лилия Тормосина
57. Летчик Августина Артемьева
58. Летчик Ирина Кузнецова
59. Летчик Евгения Крутова
60. Летчик Мария Никитина
61. Летчик Юлия Пашкова
62. Летчик Прасковья Белкина
63. Летчик Людмила Горбачева
64. Летчик Клавдия Рыжкова
65. Летчик Калерия Рыльская
66. Летчик Елизавета Казберук
67. Летчик Мария Рукавицина
68. Летчик Анна Высоцкая
69. Летчик Софья Рогова
70. Летчик Валентина Полунина
71. Летчик Таисия Володина
72. Летчик Панна Прокопьева
73. Летчик Мира Паромова
74. Летчик Валентина Перепеча
75. Летчик Прасковья Прасолова
76. Летчик Мария Акилина
77. Летчик Людмила Корниенко
78. Летчик Евгения Попова
79. Летчик Анна Путина

80. Летчик Анна Амосова
81. Летчик Любовь Мищенко
82. Летчик Нина Бекаревич
83. Летчик Таисия Фокина
84. Летчик Зоя Соловьева
85. Летчик Нина Алцыбеева
86. Летчик Татьяна Осокина
87. Летчик Надежда Ежова
88. Летчик Софья Кокош
89. Летчик Анна Дудина
90. Штурман полка Софья Бурзаева
91. Штурман полка Евгения Руднева
92. Штурман полка Лора Розанова
93. Штурман эскадрильи Евдокия Пасько
94. Штурман эскадрильи Екатерина Рябова
95. Штурман эскадрильи Руфина Гашева
96. Штурман эскадрильи Татьяна Сумарокова
97. Штурман эскадрильи Александра Акимова
98. Штурман эскадрильи Вера Тарасова
99. Штурман эскадрильи Лидия Свистунова
100. Штурман звена Вера Белик
101. Штурман звена Полина Гельман
102. Штурман эскадрильи Ольга Клюева
103. Штурман звена Лариса Радчикова
104. Штурман звена Галина Докутович
105. Штурман звена Екатерина Тимченко

106. Штурман Надежда Комогорцева
107. Штурман Мария Виноградова
108. Штурман Ольга Голубева
109. Штурман Ирина Каширина
110. Штурман звена Ольга Яковлева
111. Штурман Лидия Целовальникова
112. Штурман звена Нина Реуцкая
113. Штурман Лидия Лошманова
114. Штурман Татьяна Костина
115. Штурман Валентина Пустовойтенко
116. Штурман Антонина Фролова
117. Штурман Евгения Сухорукова
118. Штурман Елена Саликова
119. Штурман Анна Бондарева
120. Штурман Мэри Авидзба
121. Штурман Клавдия Старцева
122. Штурман Татьяна Масленникова
123. Штурман Надежда Студилина
124. Штурман Лидия Демешева
125. Штурман Галина Беспалова
126. Штурман Нина Данилова
127. Штурман Полина Ульянова
128. Штурман Анастасия Пенчук
129. Штурман Александра Попова
130. Штурман Полина Петкилева
131. Штурман Валентина Лучинкина

132. Штурман Евгения Павлова
133. Штурман Зинаида Петрова
134. Штурман Лидия Лаврентьева
135. Штурман Антонина Розова
136. Штурман Екатерина Меснянкина
137. Штурман Евгения Гламаздина
138. Штурман Лидия Голубева
139. Штурман Вера Хуртина
140. Штурман Антонина Павлова
141. Штурман Анна Волосюк
142. Штурман Софья Водяник
143. Штурман Любовь Шевченко
144. Штурман Елена Никитина
145. Штурман Лилия Жданова
146. Штурман Анна Петрова
147. Штурман Любовь Мащенко
148. Штурман Ирина Глатман
149. Штурман Анастасия Цуранкова
150. Старший инженер полка Софья Озеркова
151. Старший техник эскадрильи Татьяна Алексеева
152. Старший техник эскадрильи Римма Прудникова
153. Старший техник эскадрильи Вера Дмитриенко
154. Старший техник эскадрильи Евдокия Ко-

ротченко

155. Старший техник эскадрильи Мария Щелканова
156. Старший техник эскадрильи Зинаида Радина
157. Техник звена Екатерина Титова
158. Техник звена Антонина Калинкина
159. Техник звена Софья Лаврентьева
160. Техник звена Антонина Вахромеева
161. Техник звена Галина Лядская
162. Техник звена Таисия Коробейникова
163. Техник звена Галина Пономаренко
164. Техник звена Александра Радько
165. Техник звена Галина Пилипенко
166. Техник звена Ольга Евполова
167. Техник звена Александра Платонова
168. Техник звена Анна Столбикова
169. Механик Екатерина Бройко
170. Механик Александра Османцева
171. Механик Раиса Харитонова
172. Механик Алла Казанцева
173. Механик Антонина Рудакова
174. Механик Вера Маменко
175. Механик Галина Корсун
176. Механик Анна Шерстнева
177. Механик Валентина Абросимова

178. Механик Анжелика Ирлина
179. Механик Вера Огий
180. Механик Анна Кириленко
181. Механик Матрена Юродьева
182. Механик Зинаида Кузьменко
183. Механик Елизавета Рыбальченко
184. Механик Антонина Иванова
185. Механик Мария Кропина
186. Механик Елена Паклина
187. Механик Людмила Масленникова
188. Механик Валентина Шеянкина
189. Механик Любовь Варакина
190. Механик Анна Егорова
191. Механик Татьяна Мелузова
192. Механик Мария Мироненко
193. Механик Галина Климова
194. Механик Ирина Казачина
195. Механик Елена Турянская
196. Механик Нина Егорова
197. Механик Евгения Журавлева
198. Механик Клавдия Глебова
199. Инженер полка по вооружению Надежда Стрелкова
200. Ст. техник эскадрильи по вооружению Лидия Гогина
201. Ст. техник эскадрильи по вооружению

Мария Логачева

202. Ст. техник эскадрильи по вооружению Мария Марина

203. Ст. техник эскадрильи по вооружению Зинаида Вишнева

204. Ст. техник эскадрильи по вооружению Нина Бузина

205. Ст. техник эскадрильи по вооружению Любовь Ермакова

206. Мастер по вооружению Анна Сергеева

207. Мастер по вооружению Татьяна Ломакина

208. Мастер по вооружению Любовь Бутенко

209. Мастер по вооружению Галина Комкова

210. Мастер по вооружению Прасковья Косова

211. Мастер по вооружению Ольга Ерохина

212. Мастер по вооружению Любовь Хотина

213. Мастер по вооружению Нина Горелкина

214. Мастер по вооружению Соколова

215. Мастер по вооружению Ирина Дмитриева

216. Мастер по вооружению Екатерина Глазкова

217. Мастер по вооружению Анна Шептурова

218. Мастер по вооружению Зинаида Романова

219. Мастер по вооружению Прасковья Тучина

220. Мастер по вооружению Мария Федотова

221. Мастер по вооружению Вера Васильева

222. Мастер по вооружению Анна Глинина
223. Мастер по вооружению Лидия Грошева
224. Мастер по вооружению Валентина Андрусенко
225. Мастер по вооружению Надежда Ларина
226. Мастер по вооружению Мария Головкова
227. Мастер по вооружению Зинаида Шароевская
228. Мастер по вооружению Татьяна Щербинина
229. Мастер по вооружению Елена Борисова
230. Мастер по вооружению Александра Кондратьева
231. Мастер по вооружению Анна Паршина
232. Мастер по вооружению Мария Прохорская
233. Мастер по вооружению Анна Медведева
234. Мастер по вооружению Анна Зарубина
235. Мастер по вооружению Галина Серова
236. Мастер по вооружению Полина Эйдлина
237. Мастер по вооружению Анна Касьянова
238. Мастер по вооружению Хлапова
239. Мастер по вооружению Попушева
240. Мастер по вооружению Клавдия Лопухина
241. Мастер по вооружению Головко
242. Мастер по вооружению Мокрицкая
243. Мастер по вооружению Гражданкина

244. Мастер по вооружению Полежаева
245. Мастер по вооружению Андрианова
246. Инженер полка по спецоборудованию Клавдия Илюшина
247. Техник по спецоборудованию Вера Бондаренко
248. Техник по спецоборудованию Юлия Ильина
249. Техник по спецоборудованию Зоя Васильева
250. Техник по спецоборудованию Рахилэ Орлова
251. Мастер по оборудованию Валентина Князева
252. Мастер по оборудованию Панна Колокольникова
253. Мастер по оборудованию Евгения Сапронова
254. Мастер по оборудованию Борисова
255. Мастер по оборудованию Нина Мальцева
256. Мастер по спецоборудованию Валентина Румянцева
257. Мастер по оборудованию Александра Лаптева
258. Мастер по оборудованию Нина Гусева
259. Укладчик парашютов Лидия Махова

260. Укладчик парашютов Нина Худякова
261. Укладчик парашютов Екатерина Ткаченко

Из стен университета

Из Московского университета по призыву ЦК ВЛКСМ в октябре 1941 г. ушли в армию и были зачислены в авиагруппу № 122, впоследствии разделившуюся на три полка, 17 девушек со следующих факультетов:

Механико-математический

1. Руфина Гашева
2. Антонина Зубкова
3. Прасковья Зуева
4. Инна Калиновская
5. Надежда Комогорцева
6. Евдокия Пасько
7. Ольга Радчикова
8. Евгения Руднева
9. Екатерина Рябова

Физический

10. Ирина Минакова
11. Ирина Ракобольская

Химический

12. Анна Еленина
13. Нина Словохотова

Исторический

14. Полина Гельман

15. Валентина Ендакова
16. Галина Комкова

Географический

17. Александра Макунина

По полкам и должностям они распределились следующим образом:

46-й гвардейский авиаполк ночных бомбардировщиков:

1. Ракобольская Ирина — начальник штаба полка; вернулась в МГУ, доктор физ. — мат. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Продолжает работать.

2. Еленина Анна — начальник оперативного отдела штаба полка; после войны работала по выпуску диафильмов.

3. Руднева Евгения — штурман полка, Герой Советского Союза; погибла в апреле 1944 г.

4. Рябова Екатерина — штурман эскадрильи, Герой Советского Союза; окончила мех. — мат. ф-т, аспирантуру, кандидат наук, работала в вузе.

5. Гашева Руфина — штурман эскадрильи, Герой Советского Союза; окончила Воен. институт иностранных языков.

6. Пасько Евдокия — штурман эскадрильи, Герой Советского Союза; окончила мех. — мат. ф-т, аспирантуру, работала в вузе.

7. Гельман Полина — штурман звена, Герой Советского Союза; окончила Воен. институт иностранных языков, защитила диссертацию, работала преподавателем вуза.

8. Комогорцева Надежда — штурман, погибла при учебных полетах в 1942 г.

9. Радчикова Ольга — штурман звена; в МГУ не вернулась.

10. Комкова Галина — мастер по вооружению, затем работник политотдела 4-й ВА; окончила Воронежский университет, преподавала.

125-й гвардейский авиаполк на самолетах По-2:

1. Зубкова Антонина — штурман эскадрильи, Герой Советского Союза; окончила мех. — мат. ф-т, аспирантуру. Погибла в аварии.

2. Зуева Прасковья — штурман, окончила мех. — мат. ф-т.

3. Минакова Ирина — мастер по вооружению; вернулась в МГУ, доктор физ. — мат. наук, профессор.

586-й Истребительный полк:

1. Макунина Александра — начальник штаба полка; вернулась в МГУ, доктор географических наук, профессор.

2. Калиновская Инна — адъютант эскадрильи; работала в физико-химическом институте им.

Карпова.

3. Ендакова Валентина — адъютант эскадрильи, затем штурман самолета связи; вернулась в МГУ, окончила исторический ф-т.

4. Словохотова Нина — нач. химической службы полка; вернулась в МГУ, доктор хим. наук, профессор физико-химического института им. Карпова.

Из 17 девушек погибли две.

Шести девушкам было присвоено звание Героя Советского Союза. Все были неоднократно награждены орденами.

В МГУ после войны из 15 вернулись 10 человек. Четыре стали профессорами, докторами наук, две — кандидатами наук. Большинство работали преподавателями вузов.

Литература

1. *Ракобольская И.* 46-й Гвардейский // Славные дочери советского народа. М., 1948.

2. *Ракобольская И.* «Пока стучит сердце». Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1954; 1958; 1995.

3. *Магид А.* Гвардейский Таманский авиационный полк. М., 1956; 1960; 1966.

4. *Чечнева М.* Самолеты уходят в ночь. М., 1961.

5. *Чечнева М.* Боевые подруги мои. М., 1967; 1975.

6. *Чечнева М.* Повесть о Жене Рудневой. М., 1978.

7. *Чечнева М.* Ласточки над фронтом. М., 1984.

8. *Кравцова Н.*[14] От заката до рассвета. М., 1969[15].

9. *Кравцова Н.* Вернись из полета. М., 1971; 1979.

10. *Кравцова Н.* За облаками солнце. М., 1982.

11. *Кравцова Н.* Повести. Избранное. М., 1982.

---

[14] Примечания: 14

В полку Н. Меклин.

[15] Примечания: 15

Эта книга выходила больше 10 раз, в том числе за границей (в ГДР, Польше, Украине, Эстонии).

12. *Кравцова Н.* Повести. М., 1990.

13. *Аронова Р.* Ночные ведьмы. М., 1969; 1980.

14. *Литвинова Л.*[16] Улица Татьяны Макаровой. М., 1976.

15. *Литвинова Л.* Летят сквозь годы. М., 1983.

16. *Сумарокова Т.* Пролети надо мной после боя. М., 1988.

17. В небе фронтовом: Сборник воспоминаний советских летчиц. М., 1968; 1971.

18. *Ракипов Ш.* Звездные ночи. Казань, 1983.

19. *Голубева-Терес О.* Летная книжка. Саратов, 1981.

20. *Голубева-Терес О.* В ночном небе. Страницы из летной книжки. М., 1988.

21. *Голубева-Терес О.* Из лабиринта памяти: Документальные повести. Саратов, 1997.

22. *Гельман П.* О боях, пожарищах и друзьях-товарищах. М., 1995.

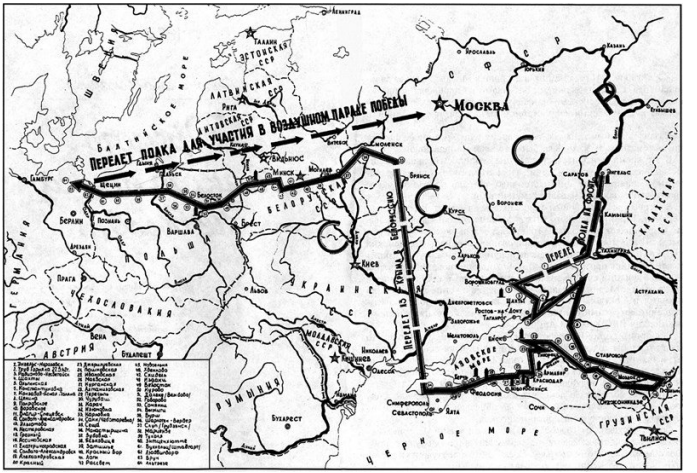
23. *Noggle A.* A Dance with Death. Soviet Airwomen in World War II. Texas Univ. Press, 1994.

24. *Myles B.* Night Witches. The Untold Story of Soviet Women in Combat. Chicago, 1990.

---

[16] Примечания: 16

В полку Л. Розанова.



Боевой путь полка

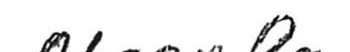
Парторг полка Мария Рунт

Командир полка Евдокия Бершанская

Герой Советского Союза Марина Раскова

По-2

Комиссар полка Евдокия Рачкевич



Дверь в ЦК не закрывалась.
Друг за другом появлялась
То девица средних лет,
То ребенок, то студент.
Запишите, ах, возьмите
И на фронт меня примите,
Паспорт я давно имею
Воевать? - Ну, да! - Сумею!
Вы на рост мой не глядите.
Хилость мне мою простите.

Из юмористической стенгазеты «Крокодил», которую выпускали Р. Гашева, Н. Тропаревская, Т. Сумарокова

Командир звена Наталья Меклин

Начальник штаба Ирина Ракобольская

Надежда Комогорцева

Валентина Ступина

Ассиновская. Летный состав полка на аэродроме

Начхим полка Тамара Гумилевская

Ольга Санфирова

Константин Вершинин

Д. Никулина, С. Амосова, Е. Рачкевич и Е. Бершанская. 1942

Командир звена Екатерина Пискарева

О, Бобик, верный наш хранитель,
От многих бед прямой спаситель
В УЛО встречал, как верный друг,
От глаз мужских стерег подруг.

Начальник шифровального отдела Нина Волкова

Евгения Руднева и Дина Никулина

Надежда Попова

Екатерина Рябова

Постановка боевой задачи. 1942

Нина Распопова

Наталья Меклин и Ирина Себрова

Любовь Ольховская

Вера Тарасова

Старший техник эскадрильи Татьяна Алексеева и командир эскадрильи Серафима Амосова

Галина Докутович

Ассиновская. Штурманы Н. Ульяненко, Х. Доспанова, Е. Рябова, Т. Сумарокова, Р. Гашева, Н. Меклин

Татьяна Макарова и Вера Белик. 1942

Вооруженцы. 1942

Наши техники

Евгения Руднева ведет занятия со штурманами

Техники Мария Щелканова и Вера Дмитриенко готовят самолет к ночным полетам

Три штурмана. Соня Бурзаева — штурман полка (в центре). Лариса Розанова и Евгения Руднева — штурманы эскадрилий, а позднее тоже штурманы полка. Ассиновская. 1942

Евдокия Бершанская уточняет боевую задачу с экипажем

Командир полка принимает доклад экипажа. Штурман Е. Пасько и летчик З. Парфенова

В штабе. Получение боевого задания. 1943

Ивановская. Д. Никулина, Е. Руднева, Н. Меклин, И. Себрова

Командир эскадрильи Мария Смирнова

Софья Озеркова, старший инженер полка

Евгения Руднева

Эскадрилья построена. Докладывает С. Амосова. 1942

Ирина Каширина

Техники по спецоборудованию Ю. Ильина и З. Васильева

Вооруженцы вставляют взрыватели в бомбы

Летчики и штурманы перед вылетом. Зима 1942 г.

Вооруженец Матрена Юродьева вворачивает взрыватель в бомбу

В минуты отдыха

Командиры эскадрилий С. Амосова, Д. Никулина (в центре) и штурманы эскадрилий Л. Розанова, Е. Руднева. 1942

В день вручения знамени в полк приехали девушки из «сестринского полка»

Знамя проносят перед строем полка

Вручение гвардейского знамени. Июнь 1943 г.

Перед полетами. Зима 1943 г.

Вечерний перелет По-2 на аэродром «подско-

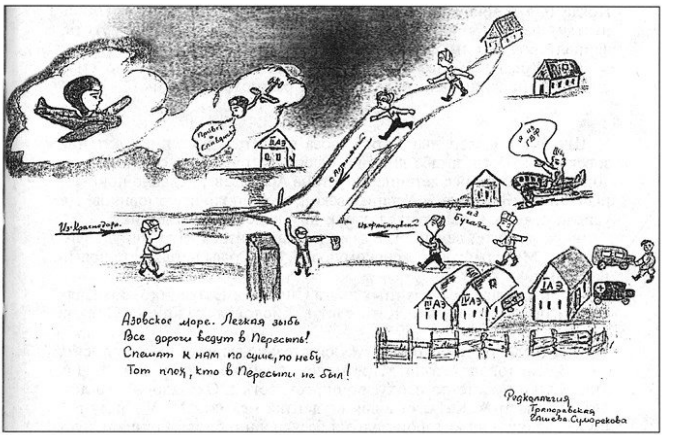
ка»

Докладывает метеоролог. Пересыпь. 1943

Руфина Гашева

Марина Чечнева

Застряли в грязи. Весна 1943 г.



Азовское море. Легкая зыбь
Все дороги ведут в Пересыпь!
Спешат к нам по суше, по небу
Тот плох, кто в Пересыпи не был!

Редколлегия
Трапезовская
Елшева Сумарокова

С. Амосова ставит боевую задачу. Новороссийск. 1943

Ирина Ракобольская и Анна Еленина

Вера Бондаренко, техник по приборам

Римма Прудникова

Штурманы рассчитывают маршрут

Татьяна Сумарокова

Евгения Жигуленко

Руфина Гашева

Марина Чечнева

К. А. Вершинин. Награждение полка орденом Красного Знамени

«Мстим за Дусю Носаль»

Евдокия Носаль

Станица Ивановская. У колодца. 1943

Женя Руднева с родителями.
Последняя встреча. 1943

За водой. Станица Ивановская. 1943

Могила Е. Рудневой. 1944

Александра Хорошилова

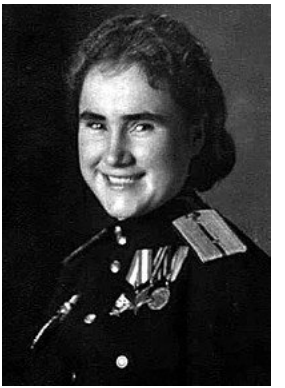
Командир дивизии вручает орден Н. Реуцкой. 1944

Полина Гельман

Ирина Себрова. Сделала больше всех вылетов в полку

Штурман С. Водяник и летчик А. Дудина

По-2



Ольга Голубева

Новороссийск. У землянки

Нина Ульяненко

Герои Советского Союза Н. Меклин, Р. Аронова, Е. Рябова. Польша. 1944

Анна Шерстнева

Летчик Раиса Аронова у своего самолета

Евгения Жигуленко

Газета «Смена». Май 1943 г.

Лидия Демешева

Командиры эскадрилий Н. Попова и М. Чечнева

Магуба Сыртланова

Е. Бершанская, И. Ракобольская, Е. Рачкевич, Н. Меклин и др.

Штурман эскадрильи Екатерина Рябова. 1945

Штурманы Т. Костина, А. Пенчук, П. Петкилева и летчик Р. Юшина (вторая справа)

В полк прибыло молодое пополнение. Октябрь 1944 г.

Татьяна Макарова

Постановка задачи. В центре — И. Ракобольская

и Е. Бершанская

Вера Белик

Штурман полка Лариса Розанова

Война подходит к концу. Какие будем шить платья?

Вышивка, сделанная в часы отдыха

Старшие техники эскадрильи М. Щелканова, З. Радина, В. Дмитриенко

Под Новороссийском. Готовимся поддержать десантников

Техники самолетов

Юлия Пашкова

В Германии. Война уже окончена. Комиссар

дивизии Морозов, И. Ракобольская, начальник штаба дивизии Стрелков с женой

Механик по спецоборудованию Рахимэ Орлова

Старший инженер по спецоборудованию Клавдия Илюшина

Штурман эскадрильи Александра Акимова

Е. Рачкевич принимает знамя полка для сдачи в музей

Летчик Клавдия Рыжкова

Штурман звена Ольга Яковлева

Герои Советского Союза с генералом К. А. Вершининым. 1945

Командир звена Екатерина Олейник

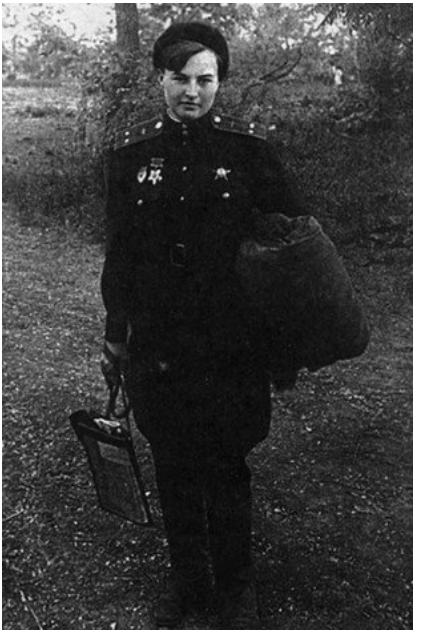
Зоя Парфенова

Нина Ульяненко

В Москве, перед Парадом Победы

На Красной площади после получения звезд Героев: М. Чечнева, П. Гельман,
Р. Аронова

В госпитале у летчицы Клавдии Серебряковой



Наталья Меклин. Кубань. 1943

Я вернулась, мама

Снова в МГУ (А. Зубкова, Е. Пасько, И. Ракобольская, Е. Рябова)

Александра Хорошилова

Экипаж Нина Распопова — Леля Радчикова

И. Себрова с дочерью

Р. Гашева с сыном

Н. Меклин-Кравцова с сыном

Е. Бершанская с дочерью

Е. Рябова с мужем и дочерью

Е. Попова с мужем

Н. Ф. Кравцова (Меклин)

И. В. Ракобольская

Встреча у Большого театра. 1950

Встреча у Большого театра. 1949

Памятник в Пересыпи

Разрушенный Рейхстаг